

Анна Чарова

Магия страсти

© Чарова А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Пролог

Дубовая дверь захлопнулась с гулким стуком, словно крышку гроба опустили. Саяни вздрогнула на пороге. Обернулась, убрала руку за спину — слишком велик был соблазн вернуться, запереться в комнате и сделать вид, что ничего не случилось, будто бы это не она позвала вчера вечером самого Незваного.

Незванный — здесь! Сейчас!

Она с трудом подавила судорожный вздох. Какую плату он возьмет за ее счастье? Вдруг станет еще хуже? Ведь не просто так его имя предано забвению, если верить легендам, то это коварное, вероломное божество, получеловек-полузверь, по вине которого мир расколот надвое. Обольстить, заставить поверить, отречься от всего светлого, а потом забрать самое ценное.

Но ведь Дарьель и есть самое ценное, без него жизнь бессмысленна!

Во дворе уже ждала карета. Рослый длинноволосый блондин теребил гриву гнедой кобылицы, что-то ей шептал. Увидев Саяни, бросился навстречу, забрал сумку, распахнул дверцу. Даже сейчас еще не поздно отступить, ведь если она заключит союз с Незванным, потом навсегда сойдет с Пути, и придется искать дорогу во тьме. Вспомнился скрипучий голос старого мага из ордена Справедливости, который пугал Саяни Незванным, когда она была совсем малышкой: «Нет прощения предателям! Даже смерть отворачивается от них, когда приходит час».

Детские страхи ожили и оскалились из темных углов памяти. Что ты делаешь, остановись!

...и жизнь потечет своим чередом, Вианта умрет, Саяни никогда не получит развод с Ратоном и не соединится с Дарьелем. А так всем будет хорошо: и племянница очнется, и муж получит что хочет. Разве плохо? Разве она желает кому-то зла?

— Вам нехорошо? — полюбопытствовал кучер, Саяни мотнула головой и села в карету, распорядилась:

— Едем в селение Смольники, там...

Блондин воровато огляделся и кивнул:

— Помню, все готово, я просто ждал ваш сигнал.

— Молодец. Поехали!

Парень уселся на козлы, и карета тронулась, зацокали копыта двух лошадей.

Стражники распахнули ворота, и карета покатила по деревянному мостику через наполненный водой ров, где в изобилии плескались гуси простолюдинов.

В Смольниках Саяни поменяла экипаж на кибитку, запряженную клячей, — чтоб не привлекать внимания. Чем ближе она подъезжала к месту встречи с Незванным, тем сильнее ее трясло — в душе желание любить насмерть сцепилось со страхом перед неизвестным.

Некоторое время телега тряслась на дороге в лесу, потом кучер остановил лошадей. Вот и все...

Еще не поздно отречься от своих желаний!

Но Саяни оперлась о протянутую руку кучера, спрыгнула на землю, расправила синее дорожное платье. Она взяла лишь вышитый золотом кошелек и остановилась, не решаясь шагнуть вперед, к срубе, виднеющемуся между свесившимися к самой дороге еловыми ветками, соединенными будто в дружеском рукопожатии. Метнулась в телегу, взяла тонкий нож, сжала его рукоять.

— Останься тут, — распорядилась она. — Если меня не будет слишком долго, уезжай. Если будет происходить что-то странное, тоже уезжай.

Не оборачиваясь, она зашагала к хижине, отвела в сторону еловую ветку и усмехнулась, глядя на дом, стоящий на подпорках — чтоб не затапливало — посреди опушки. Одной рукой Саяни сжала кошелек, другой — нож и твердым шагом направилась к лестнице, заменяющей порог.

Толкнула дверь, пересекла плохо освещенную комнату и некоторое время моргала, привыкая к темноте. Потом обогнула круглый дубовый стол, села на койку напротив камина, положила на пол открытый кошелек, где блестело золото, сосредоточенно уставилась на него и замерла.

Некоторое время она была уверена, что одна в комнате, а потом возле камина материализовался человек вместе со стулом и сказал:

— Княгиня Саяни, ты звала меня, я пришел.

Мужской голос ударил будто кнутом, и Саяни вскочила, подолом платья перевернув кошелек. Зазвенели монеты, покатались в стороны. Одна упала на освещенное солнцем пятно в середине комнаты, блеснула ослепительно. Вторая ударилась о сапог незнакомца и застряла в щели между половицами. Саяни заворожено смотрела на сапог — коричневый, будто только что начищенный, с золотой шпорой в виде драконопетуха — и не смела посмотреть незнакомцу в глаза.

— Ты боишься? — донесся смехок. — Бесстрашная Саяни боится?

Княгиня вскинула голову: перед ней сидел обычный человек в коричневом дорожном плаще. Темно-русые растрепанные кудри, немного не достающие до плеч, широкий лоб с намечающимися залысинами... Или просто у него изначально так растут волосы? Зеленовато-желтые миндалевидные глаза чуть навывкат, широкие брови. Изящный чуть вздернутый нос и яркие чувственные четко очерченные губы.

— Кто ты такой? — проговорила княгиня чужим голосом.

— Тот, чьего имени ты никогда не узнаешь, — улыбнулся мужчина. — Зови меня, как тебе привычно, — Незванный. Присаживайся, Саяни. Можно так, панибратски?

— Как вам будет угодно.

Саяни шагнула вперед и опустилась на жесткий деревянный стул, выросший перед ней будто из-под земли. Теперь ее и Незванного разделял дубовый стол, накрытый белоснежной скатертью. Красные губы мужчины снова растянулись в улыбке. Обычно человек становился красивее, когда улыбался, только не этот.

— Не таким вы меня представляли? — незнакомец встал, развел руками.

Саяни рассмеялась:

— Нет.

— С хвостом? Рогами? Черепом вместо лица?

— Вообще без лица. Наполненного тьмой, — ответила Саяни уже спокойней.

— Какая глупость, — сказал Незванный и снова сел. — На самом деле все слегка не так, как вам рассказывают. Ты ведь хочешь знать, как? Хочешь прикоснуться к тайне сотворения мира? Увидеть тени богов, которые... — Он схватился за горло, закашлялся, посинел.

— Конечно, хочу, — кивнула Саяни, теперь она выглядела бодрее.

Откашлявшись, Незванный запрокинул голову, поправил воротник и ответил:

— К сожалению, я скован обетом молчания, действие которого вы только что лицезрели. Но вы удивились бы правде. Может, выпьем? — Он щелкнул пальцами, и на скатерти появились два бокала, наполненные черным вином. — Редко выпадает радость побеседовать с умной женщиной. Обычно все падают в обморок.

Зажмурившись от удовольствия, он отхлебнул из бокала. Саяни поднесла свой к губам,

чуть пригубила и уставилась на «винные ножки» на стекле.

— Разве вы... Существо, как вы, — пьянеет? И вы на самом деле выглядите так?

Незванный вальяжно развалился на стуле, осушил свой бокал, и он снова наполнился.

— О! Узнаю княжну Саяни! Пей же, расслабься, я не сделаю тебе дурного, если ты сама не попросишь. — Он закинул ногу за ногу. — Насчет внешности. Это мой изначальный облик. Люди боятся то, чего не понимают, а рассказать правду я не могу. Вы считаете меня злом, — он ухмыльнулся. — Я коварен, вероломен, жесток. — Он помотал головой. — Нет! На самом деле мне все равно, как вы там копошитесь и склоняете мое имя... Которое никогда не узнаете. По вашим легендам я — зло. Но разве может быть уродливым тот, кто призван обольщать и сбивать с пути истинного?

Саяни покрутила бокал в руке. Вино напоминало кровь.

— Хм... Если вам так уж все равно, зачем вы пришли?

— Ну, уж точно не затем, чтобы пожалеть тебя. Мне так выгодно и удобно... Ладно уж, скажу: мы в одной тонущей лодке, и мне, и тебе с нее некуда бежать. Давай же приступим, — он мгновенно преобразился из расслабленного светского господина в мрачного, утомленного путника. — Я в подробностях знаю, чего и кого ты хочешь: чтобы Вианта очнулась и ты получила развод. Ты вопила на все мироздание.

Саяни напряглась, обеими руками сжала тонкую ножку бокала.

— Вопрос в том, сможешь ли ты принести жертву, которая мне нужна, — продолжил Незванный.

Будто веники в руках невидимого уборщика, за окном качались еловые ветви, и по квадрату солнечного пятна на полу двигались щетинистые тени. Женщина сидела, неестественно выпрямив спину, казалось, будто она высечена из камня, и не мигая смотрела на тень от стула, на котором устроился ее собеседник. Мужчина не отбрасывал тени, словно его и не было здесь. Между ножками стула в паутине трепыхалась муха; игнорируя засохших мошек, к ней деловито подбирался паучок.

Незванный придвинул стул к Саяни, наклонился и прошептал ей на ухо свое пожелание. Тонкая ножка бокала, судорожно сжатая пальцами, хрустнула, отпала и покатилась по полу.

— Это слишком, — прошептала она. — Я принесла золото и драгоценности. У меня есть еще, в десять раз больше...

Собеседник посмотрел на нее с сочувствием, потом указал на ножку бокала, которая тут же превратилась в огромный бриллиант.

— Меня это не интересует, — сказал он. — Таковы правила, моя дорогая. Правила этого мира, который создал не я. За счастье нужно заплатить чем-то действительно значимым, иначе даже я не помогу тебе. У тебя есть минута на раздумья.

Шло время. Нет, ползло. Тянулось нитями застывающего сахара. Мужчина, не отбрасывающий тени, встал и направился к двери, а женщина вцепилась в подлокотники. Повернула голову в его сторону и крикнула:

— Стой! Я согласна. — Она встала, громыхнув стулом, и сжала кулаки.

— Вот и умница, — улыбнулся он, поворачиваясь. — Теперь надо скрепить сделку.

Княгиня Саяни недобро улыбнулась:

— Кровью?

— Какие глупости! Чем-то приятным. В мире много приятных вещей: еда, вино, женщины. Кто-то находит прекрасное в ужасном, но я не из таких.

Незванный начал преображаться: глаза его потемнели, брови стали узкими, черными, с изломом, волосы начали светлеть, минута — и серебристые пряди зазмеились по его

плечам. Дарьэль шагнул к своей возлюбленной, коснулся ее шеи. Саяни смотрела на него в упор, и уголок ее века дергался.

— Не бойся, дорогая, — проговорил Незванный голосом Дарьэля. — Я никого не беру силой... Чувствую, как колотится твое сердце. Мы всего лишь скрепим сделку поцелуем, и мне подумалось, что такой образ будет тебе наиболее приятен. Ты успеешь побыть счастливой и не раз увидишь его, обещаю.

— Давай уже скорее, у меня теперь мало времени.

В его поцелуе не было вожделения — будто теплая, податливая печать прикоснулась к губам Саяни. Незванный отстранился. Княгиня покачнулась, схватилась за стол и опустилась прямо на пыльный пол.

— Не бойся, это пройдет, — услышала она голос Незванного, и прежде чем потерять сознание, увидела молодую темноволосую чужестранку в странной одежде.

Глава 1

Особенный день

Сегодня особенный день. Хотя времени было с избытком, я бежала к метро, не раскрывая зонта, бестолково улыбалась своему отражению в витринах, и мне нравилось, что я там видела. Счастливая, светящаяся женщина в темно-сером плаще.

Прохожие улыбались в ответ. Грустный парнишка в черной куртке, не дождавшийся свою девушку, протянул мне белую розу. Я поблагодарила его и лучезарно улыбнулась, вливаясь в людской поток. Не просто спины — карусель, и теплый подземный ветер, похожий на дыхание спящего исполина, треплет волосы.

Счастья было слишком много мне одной, хотелось раздать его угрюмым пассажирам эскалатора. Одарить печальную девушку с тонким бледным лицом. И грустную пожилую женщину с серебряными волосами, выбивающимися из-под прозрачного платка цвета пепла. И круглолицего парня, погруженного в тягостные мысли. Не сдержавшись, я сунула ему розу через перила, он удивленно уставился на меня. Прежде чем мы разъехались, я заметила, как в его глазах вспыхивают искры. Люди представились черными прогоревшими факелами, я — спичкой. Касаешься каждого, и вспыхивает пламя.

Вскочив в вагон отправляющейся электрички, я отвернулась к стеклу и в очередной раз подивилась себе. Ни в юности, ни будучи подростком, когда сам возраст велит девочкам писать слезные стишки, на ум не приходили такие пышные ассоциации. Мир был прост и упорядочен. В четырнадцать лет у девушки должен быть парень — для статуса. И у меня появился рыжий дылда Женька, дитя дитем. Я выставляла его напоказ и гордо прогуливалась с ним по району, между нами даже был некий интим — мы держались за руки, и у него от волнения потели ладони, а меня это раздражало.

Когда одноклассницы удостоверились, что парень у меня есть, Женька куда-то испарился, и осталась я нецелованной. С Женькой хотелось не очень, если честно. Да и вообще к парням меня не тянуло, было много более важных вещей: танцы, музыка, учеба.

Поцеловалась я в пятнадцать с самым красивым парнем класса, Лешкой. Случилось это, когда мы после уроков остались рисовать стенгазету. Он рисовал про мальчиков, я — про девочек, мы сидели на полу плечом к плечу, шутили, смеялись. А потом он повернулся, и я повернулась... Его ко мне потянуло, а мне просто было любопытно — а каково это?

Влажно и горячо, вот как. Я отвечала его губам, как умела, Лешка дышал часто и сбивчиво, шептал на ухо «Оля, Оленька», хватал меня за грудь и спину. Потом он повалил меня и улегся сверху, сунув коленку между ног. Все было не так, как писали в книжках: никаких бабочек в животе, совсем не хотелось стонать, выть и гримасничать. Лешку не пугало, что в кабинет с минуты на минуту могли войти, а мне была важнее репутация, потому пришлось прибегнуть к тяжелой лингвистической артиллерии и крикнуть: «Директриса». Помогло, слава богу. Но после этого Лешка перестал со мной здороваться.

После Лешки был его тезка, но Алекс. Вообще красавец, спортсмен, разве что не комсомолец. Перед тем как подпустить его к телу, я основательно подготовилась, перелопатила кучу литературы про предварительные ласки и их последствия, про оргазм простой и множественный, пересмотрела кучу порнофильмов — без особого удовольствия, скорее как инструкцию к действию. Наслушалась рассказов приятельниц, какой у них случается головокружительный секс, и решила, что пора, ведь мне уже семнадцать. Если не с Алексом, то с кем? Тем более, он старше, ему аж двадцать семь, он знает, что делать с женщинами.

Все было как по инструкции: кафе с аквариумом и камерной музыкой, вино, поездка на его машине через спящий город. Накрытый стол, свечи, фрукты и опять вино. Потом он сел рядом со мной на диван, поднял мою голову, которая кружилась изрядно, за подбородок, надавил пальцем на губы, сунул язык в рот и принялся двигать им туда-сюда. Это было совсем не по инструкции, и я растерялась.

Целовался Алекс хорошо, это я только спустя время оценила. Не переусердствовал с языком, покусывал губы, а его руки гуляли по моему телу, задирая короткое красное платье все выше, стискивали грудь. Но вместо того чтобы таять в его объятиях, я с сожалением отмечала, что не чувствую возбуждения, хотя уже давно пора, и мне от близости будет в лучшем случае никак, в худшем — очень больно. Алекс что-то шептал, целовал мою грудь, губами сжимая и вытягивая соски. На мгновение дыхание перехватило, а когда он снял с меня трусики, странное ощущение схлынуло. Оно ненадолго вернулось, когда Алекс раздвинул мои стыдливо сведенные колени и принялся ласкать меня пальцами. А потом он улегся сверху, я ощутила, как что-то огромное, твердое и горячее вот-вот в меня войдет, и сделалось страшно.

Было больно, но я терпела и даже изображала удовольствие. Он понял, что я была девственницей, только когда все кончилось, — по капелькам крови на простыне. Обнял меня, пообещал оберегать, любить и жениться.

Мы встречались еще полгода. К несчастью, Алекс был неутомим, а я убедилась, что окончательно и бесповоротно фригидна и секс мне не интересен. Начались экзамены, и я оставила красавца Алекса. Бедняга слал мне цветы, караулил у студенческого общежития, дарил подарки — все напрасно. Я не стала говорить, почему отвергла его, это слишком больно ударило бы по самолюбию парня.

Прошло пять лет, за это время я побывала в постелях четырех мужчин, еще раз удостоверилась, что секс — не мое, и пошла работать на кафедру аэродинамики, конструций и прочности летательных аппаратов. Здесь, среди чудаковатых преподавателей в основном мужского пола, я со своей эмоциональной скудностью чувствовала себя на своем месте.

Полгода назад на дне рождения Юльки я увидела Эда, и мир взорвался разноцветными конфетти. Задышавшись, я пожирала его глазами и клялась, что этот мужчина должен быть моим хотя бы ненадолго. Меня влекло к нему, как лемминга — к гибели. Его синие глаза сияли двумя сапфирами, все в нем казалось мне совершенным: и тонкий, породистый нос, и узкое лицо с острым подбородком, и четко очерченные губы, и ранние морщинки, и даже родимое пятно между бровей. Было ощущение, что давным-давно, еще в прошлой жизни, мы были знакомы, а потом нас разлучили, но мы узнали друг друга спустя сотни лет. Он тоже с интересом поглядывал на меня, и в низу живота зарождалось щекотное чувство, о котором я столько читала в книгах.

Самое забавное, стоило подумать о нем, и события тех дней воскресали вместе с переживаниями и заставляли меня захлебываться ощущениями. Смешно, нормальные женщины познают это в юности, а меня оно настигло после тридцати, когда... Нет, не буду думать. Правильнее было бы сказать ему... Скажу, но не сегодня. Сегодня у него праздник, и нужно провести его с пользой и во имя удовольствия. И вообще, сам факт, что Эд решил отметить свой день рождения со мной, о многом говорит, да и он обещал, что мы все равно когда-нибудь будем вместе.

Задумавшись, я чуть не прозевала нужную станцию. Выскочила, толкнув полную блондинку с алыми губами, улыбнулась в ответ на грубость и поспешила к эскалаторам. Вот оно, настоящее! Когда появился Эд, я словно пробудилась от сна, раскрасила мир ярко и зажгла солнце. Оглянулась по сторонам и удивилась: сколько вокруг прекрасного!

Но когда он исчезал или отдалялся, наступало привычное эмоциональное отупение, лишь память о прошлом счастье скребла коготками и требовала продолжения. Наверное, отсутствие темперамента меня спасало. Оставайся я все время на эмоциональном подъеме, свихнулась бы или довела бы себя до истощения, а мне в моем состоянии нервничать нельзя.

Эскалатор ехал слишком медленно. Хотелось бежать навстречу счастью, расшвыривая прохожих. Сердце частило, то и дело захлестывала паника: а вдруг не придет? Поначалу тревога одолевала, видимо, она прилагалась к окрыленности. Обычный страх потери чего-то или кого-то дорогого.

Раньше я не понимала, как из-за любви можно расстаться с жизнью. Теперь не то чтобы понимаю — представляю. Слабым трудно бороться с зависимостью.

Турникет. Пустынный мраморный коридор. Еще турникет. Двери в подземку, захлапнувшую разнокалиберными торговыми точками.

Он говорил, что оставит Лену, и мы будем жить вместе, сегодняшний день — решающий, и меня подтачивали дурные предчувствия.

Я ускорила шаг, взбежала по ступенькам навстречу рокоту автомобильного потока. Остановилась возле подземки, завертела головой, силясь разглядеть Эда в толпе ожидающих свой автобус. Он всегда выделялся из-за роста, рядом с ним я чувствовала себя Дюймовочкой.

Еще не приехал, вон какая тянучка. Зачастил дождь, и начали раскрываться пестрые цветы зонтов. Только собралась раскрыть свой, как сильные руки обхватили сзади, и шею коснулись его губы.

— Привет, малыш, — шепнул Эд, и по коже побежали мурашки. И бабочки запорхали. Пришел. Пришел!!! От счастья хотелось кричать, потому что таким образом он сделал выбор. Он выбрал — меня!

Развернувшись, обняла его, прижалась всем телом. Не отпускать, не расставаться ни на миг, чтобы постоянно быть живой, цельной.

— Что случилось? — проговорил он, обнимая меня.

— Ты, — ответила я, не открывая глаз. — Случился ты. Сегодня. Тридцать девять лет назад, передай спасибо своим родителям. Ммм. Мое сокровище! — Неохотно отстранившись, потянула его за руку. — Идем, у меня для тебя есть сюрприз!

— Это далеко? — он все-таки остановился на ступенях подземки. — Может, лучше на машине?

— Рядом. На той стороне проспекта. Про машину придется забыть: мы будем пить, гулять и веселиться. Идем же!

Я сбежала по ступенькам, посмотрела на него и ощутила холод. Эд улыбался и старался выглядеть веселым, но изображал радость с трудом.

— Что случилось? — спросила я, останавливаясь. — Что-то не так?

— Все хорошо, маленькая. — Он потрепал меня по голове. — Идем, покажешь мне свой сюрприз.

Стало полегче, но все равно занозой засело предчувствие беды. Да, он выбрал меня, но он несчастен! Из-за меня, в свой день рождения... Стоп! Отставить панику! Вдруг он просто с женой поругался? Да, они давно живут как соседи, но слишком уж явно его побег намекает, что у него есть кто-то еще — отличный повод для скандала.

Ничего, увидит мой сюрприз и сразу растает.

Под дождем, перепрыгивая лужи, мы понеслись во дворы. Остановились возле нужного подъезда, я набрала код, и дверь запищала, открываясь.

— Ты сняла квартиру здесь, в центре? С ума сошла? Это чертовски дорого! — проговорил Эд за моей спиной. — Сколько? Я компенсирую.

— Мелочи, с Юлькиной сестрой договорилась, — соврала я, переступая порог. — За копейки.

Глупости какие! Не люблю гостиницы, терпеть их не могу. Пусть все будет камерно, уютно, по-домашнему. К себе его приглашать тоже нельзя: Юлька сейчас болеет, невежливо ее просить «погулять», да и расслабиться хочется, а не поглядывать на часы.

Чтобы не портить впечатление лифтом, на третий этаж поднялись по ступенькам, я вложила ключ в руку Эда и обняла его сзади, прижавшись щекой к его куртке. Щелкнул замок, раскрылась дверь, и пахло свежей выпечкой. Я побывала здесь рано утром, перед тем как отправиться вести лекции в университет, накрыла на стол и испекла в

духовке простенький пирог.

— Я голоден как волк, — проговорил Эд, развязывая шарф и скидывая ботинки, и прямо в пальто направился на запах, демонстративно облизываясь. Замер посреди комнаты спиной ко мне.

Наспех раздевшись и оставшись в ярко-синем платье, перевязанная лентой с бантом, я встала между Эдом и пирогом. Он глянул на стеклянный стол, где виднелась бутылка вина, фрукты и сыр, и уставился на меня не мигая. Огладил взглядом, я почти физически чувствовала, как он поднимает коротенькое платье, нащупывает резинку чулка...

Эд молча шагнул ко мне, потянул за ленту, развязывая бант.

— Всю жизнь мечтал о таком подарке, — проговорил он приглушенным голосом.

Лента была закреплена так, что, когда ее развязывали, расходилась молния на спине. Расстегнутое платье не спешило падать, Эд положил ладони на мои плечи, огладил их, и платье соскользнуло к моим ногам. Наклонившись, он коснулся губами моей шеи, медленно, будто изучая, пальцами провел по ключицам, огладил грудь. Будто тысячи горячих игл пронзили меня насквозь, я едва сдержала крик. Эд вскинул бровь, отстранился и принялся медленно снимать пальто. Я стояла перед ним в черных чулках, кружевных трусиках и бюстгальтере, а казалось — без одежды. С минуту ничего не происходило, Эд будто специально тянул время, а я заводилась от одной мысли, что вот-вот он прикоснется, между нами пробежит невидимый электрический разряд, и пространство будет звенеть от напряжения.

Я перестала быть собой, превратилась в податливую глину, застывшую в ожидании мастера, готового придать ей форму.

Мир задрожал и отодвинулся на второй план, когда две его ладони легли на бедра, провели раз, скользнули за спину, погладили там. Снова и снова повторялись прикосновения, пока у меня не зазвенело в ушах и уже знакомое, горячее ощущение не поднялось из глубин и, будто нежный огонь, не охватило меня полностью. Я шумно вздохнула и собралась обнять Эда, но он скользнул за спину, склонился и прошептал в самое ухо:

— Идем, осторожно, вот сюда, — его шепот приятно щекотал шею.

Он подвел меня к кровати, его сильные и нежные руки путешествовали по бедрам, и вдоль спины, и по плечам, и по шее, мимолетно касались губ, взъерошивали волосы. Он чуть сильнее сжал грудь, и, застонав, я выгнулась дугой. Пальцы Эда бегали по моему телу, будто пальцы флейтиста — по дырочкам флейты, и во мне, все силясь и нарастая, гремела музыка страсти.

— Не спеши, — проговорил он, и его рука оказалась там, где я хотела ее больше всего.

Я и рада бы подождать, но музыка грохотала все громче, все оглушительней, я вся стала этой музыкой, растворилась в ней. Грянули финальные аккорды, и по телу прокатилась волна жара, заставляющая вздрагивать и стонать. В глазах потемнело, и в черноте вспыхнула картина: старинный замок из серого камня, заросли отцветающего жасмина, белые мраморные львы и женщина в синем дорожном платье, спешащая к экипажу. Вторая картина — та же женщина в деревянной избе, напротив нее сидит мужчина...

Картинка поблекла и истаяла. Разомлевшая, наполненная звенящей тишиной, я развернулась к Эду, который непостижимым образом успел раздеться, обняла его, прижалась ухом к груди, чтобы слышать, как в груди его неистово колотится сердце.

Он нежными, как крылья бабочки, поцелуями покрыл мои щеки, лоб, веки, шею, завладел моими губами, и в звенящей тишине прозвучала пронзительно-высокая нота — я опять начала откликаться на его ласки. Будто среди остывающих углей затрепетал огонек, перекинулся на брошенный в кострище хворост.

Лицо Эда сверху, смотреть на него — радость, и я не удержалась, провела по его щеке, желая одного — чтобы этот миг длился вечно. Любимый человек — больше чем целый мир, я готова снять перед ним не только одежду, но и саму кожу. Сейчас внутри меня

словно зарождалась, ритмично пульсируя, новая вселенная: вот мы висим в великом ничто, пульсация усиливается, она — водитель ритма для двух сердец, бьющихся в унисон, уже нет меня и Эда, есть единое целое. Мгновение — и Большой взрыв разметал нас новорожденными звездами.

Некоторое время мы лежали без движения, сплестясь ногами, довольные и обессиленные. Я закрыла глаза и увидела нас висящими посреди гулкой пустоты, а под нами разворачивались галактики, зарождались звездные системы. Постепенно начали всплывать неповоротливые мысли — как пузыри на болоте, а потом все они лопнули, как и хрупкое равновесие, — у Эда зазвонил телефон. Он не спешил вставать, водил пальцем вдоль позвоночника, а я, слушая жалобные завывания телефона, была уверена, что нельзя брать трубку. Если он сейчас сделает это, то идиллия закончится. Все закончится.

Снова подал голос скептик, который ушел, чтобы не наблюдать творимое нами бесстыдство, напомнил, что мои предчувствия — не более чем панический приступ. У него сегодня праздник, и звонить может кто угодно, не обязательно жена. Скорее всего, друзья или коллеги из офиса.

Но истеричка победила скептика, и я взмолилась:

— Не отвечай!

— Я и не собирался.

Эд сунул мне в рот виноградину, открыл вино, налил в бокалы.

— Давай за нас, — сказал он, а я дополнила:

— Да. Помнишь, ты говорил, что мы обязательно будем вместе? Лучше за это.

Зазвенели, соприкоснувшись, бокалы, и мне показалось, что Эд загрустил и с тоской посмотрел в окно. Что-то неуловимо изменилось после этого звонка, и я поспешила все исправить, придвинула плоскую тарелку, где лежал запечатанный конверт, кивнула на него:

— Это тебе, любимый.

— Если там деньги, то я тебя отшлепаю, — проворчал он, надорвал конверт.

Там была путевка в Непал на двоих. Он давно мечтал туда поехать, а я — в Перу и даже отложила деньги. Но их пришлось потратить на лечение, оставшегося хватило на Непал. Но почему-то он погрузнел еще больше, изобразил на лице удивление и радость, поцеловал меня.

— Что происходит? — я свесила с дивана босые ноги, осушила бокал одним махом.

— Все хорошо, малыш.

— Не ври!

Предчувствие беды уже не висело туманом над горизонтом — над головой гроыхала и сверкала молниями черная туча. Телефон тренькнул, Эд виновато покосился на меня и вытащил проклятый сотовый из кармана джинсов. Прочел сообщение, рывком поднялся и нагишом отправился в ванную — звонить.

Вспомнились Юлькины слова: «Они никогда не уходят из семьи, какой бы скверной ни была жена. Их восторженные речи и обещания ничего не значат». Действительно, Эд еще не сделал выбор, он выбирает сейчас, а когда решит, кто ему дороже, забудет обещание быть вместе назло и вопреки.

Только не реветь! Не реветь! Я плеснула себе вина, выпила. Отрезала кусок пирога и принялась без аппетита есть. Кусок не полез в горло, и я отложила его. Может, не все еще потеряно? — пискнула живучая надежда.

Нет. Все. Потеряно. Потому что ему со мной плохо. Даже если он останется, то сделает

такой похоронный вид, что я сама его вытолкаю домой. Безумно захотелось одеться, чтоб не чувствовать себя голой и беспомощной не перед ним — перед самой ситуацией.

Наконец он вышел с полотенцем на бедрах, остановился посреди комнаты, развел руками, открыл рот, но захлопнул его, увидев мое несчастное лицо. На самом деле лучше бы ему уехать. Праздник испорчен, его уже не спасти. Безумно жаль синее платье, купленное для него. И чулки. И пирог. И квартиру, которая должна была наполниться счастьем.

Он сел рядом, молча прижал меня к себе.

— Малыш...

Я молчала, изо всех сил желая процитировать Гумилева:

«И кого-то еще было тягостно жаль. Не себя! Я умею забыться, грустя; Не ее! Если хочет, пусть будет такой;... Но зачем этот день, как больное дитя, Умирал, не отмеченный Божьей Рукой?»

Эд продолжил, все так же прижимая меня к боку и избегая смотреть в глаза:

— Сын звонил, поздравлял.

— Понимаю. Тебя мучает совесть, что ты со мной. Поезжай домой.

— Солнышко, ты столько для меня сделала, но...

— Но, — кивнула я и додумала: «Видимо, недостаточно. И сына я тебе никогда не рожу, увы».

Начала трястись рука, я зажала ее ногами. Только рецидива болезни мне сейчас не хватало! Но даже страх, что недуг вернется так скоро, не выбил из головы дурные мысли и не притупил отчаянье. Надо, чтобы Эд ушел, тогда часа через два наступит привычное эмоциональное оупение.

— Понимаю, каково тебе, но... Он ждет меня, подарок приготовил. Дочь на стол накрыла.

— Уезжай, — проговорила я по возможности равнодушно, налила себе еще вина, сжимая дрожащую кисть в кулак.

Эд не торопился вставать, он успокоился и расслабился. Видимо, он изначально рассчитывал часа два, до темноты, побыть со мной, и вся проблема заключалась в том, как мне сказать, что мы не проведем вместе обещанную ночь.

— Понимаешь, я ведь в ответе за них. И за родителей. И за тебя. — Он надавил на мой нос. — Вы все — родные, любимые люди.

— Уходи, — взмолилась я, он встретился со мной взглядом, отстранился, встал.

Молча направился к двери и обмотал вокруг шеи длинный белый шарф. Снова бросился ко мне, попытался вытащить зажатую коленями трясущуюся руку, чтобы покрыть ее поцелуями. А ведь он любит меня, и это самое обидное.

— Только если пообещаешь мне, что дождешься, — я приеду утром.

Хотелось многое сказать ему, но я молчала. Сказать, что мне нельзя нервничать, потому что я умираю, врачи не стали скрывать, что мне остался год, а потом я пойду на инвалидность: нарушится интеллект, пропадет зрение, откажут руки-ноги. Эти дни и иллюзия счастья — все, что мне осталось напоследок, только это и заставляет меня бороться и цепляться за жизнь хваткой умирающего бультерьера. Заставить его пообещать, что после моей смерти он разведется и не будет ломать свою жизнь дальше. У него взрослые дети, они вырастут и уйдут, а ненасытный упырь Лена останется.

— Ты хочешь увидеть, как я рыдаю? Или как убегаю отсюда в истерике? — холодно проговорила я. — Пожалуйста, уходи. Я не знаю, что буду делать, и не могу ничего обещать, вдруг станет невыносимо?

Слава богу, он понял, оделся, с тоскливым видом простоял несколько минут у порога и проговорил:

— Я очень, безумно люблю тебя.

Хотелось сказать что-то типа: «Ага, вижу», но с губ сорвалось:

— Я тоже.

Напоследок даже улыбку удалось выдавить, а ведь хотелось дать ему заглянуть в разверзшуюся передо мной бездну.

Когда клацнула, закрываясь, дверь и донеслись его удаляющиеся шаги, я осталась сидеть неподвижно в платье и чулках, купленных для него, в осиротевшей квартире, снятой для него, с испеченным в честь его праздника пирогом и любовно сервированным столом. Закончилась сказка. Сломалось красивое.

Воображение нарисовало, как он сейчас открывает дверь подъезда и спешит прочь, перешагивая через лужи. Интересно, поднял ли он голову, чтобы посмотреть в окно? А может, он передумал и вот-вот вернется?

Сердце трепыхнулось. Нет. Не стоит тешить себя несбыточными надеждами. Эд выбрал. Слезы сдавливали горло, но я не давала им волю — знала, что не остановлюсь быстро, если начну реветь, мне нужно сохранять спокойствие, насколько это возможно. Вообще не помню, когда мне так хотелось рыдать. Наверное, в младенчестве, когда болел живот.

Надо вытерпеть минут пятнадцать, потом я стану собой прежней. Останется обида, немного злости и опустошение. И чертова дрожащая рука, которой надо срочно заняться.

Из сумочки я вытрясла успокоительное, проглотила и запила вином. Нельзя так делать, но сейчас все равно. Голова приятно закружилась, боль притихла.

Постепенно эмоции начали угасать. И что теперь делать? Оставаться посреди разоренного гнезда и страдать, дожидаясь его? Любимый человек вытер об меня ноги: знай свое место, которое известно где. Почему он считает, что всем должен? Кому он должен? Детям? Дочь уже взрослая, еще пара лет, и сын выпорхнет из гнезда. Жене-паразиту, которую он и так всю жизнь тащит на горбу?

Не было бы так обидно, будь она нормальной женщиной... Он ни слова плохого о ней не сказал — общие друзья нашептали. У нее убыточный магазин нижнего белья, куда она ходит, чтоб дома ничего не делать, и пять лет кряду занимает деньги, чтоб его якобы развивать. Сидит там до ночи и пилит ноготь, а дети с трех лет едят, что найдут в холодильнике или что папа в рот положит.

Вспомнились Юлькины слова, что не стоит винить кого-то одного. Всегда виноваты оба, может, эта Лена не так уж плоха... Но из-за нее так больно, что убила бы.

Стоп! Это ты — захватчица. Ты мечтаешь лишить сына отца под благовидным предлогом. Ты знала, на что шла, прыгая в постель женатого мужчины. К тому же что ты ему можешь дать? Свою скорую инвалидность? Вот уж подарок так подарок! Полгода безумного секса ты и так ему дашь.

Я тронула распечатанный конверт с путевкой в Непал. Хотелось уйти. Хотелось обнять Эдуарда. Постепенно затихающей истеричке хотелось смыть пирог в унитаз, разорвать путевку и вычеркнуть Эда из жизни.

Здравый смысл убеждал в другом. Тебе осталось недолго, есть любящий человек, с которым хорошо проводить время. Если прогонишь его, останется обида и пустота, которую нечем заполнить. Вряд ли так же хорошо будет с кем-то другим, зачем отказывать себе в удовольствии? Вы с самого начала неправильно расставили приоритеты, будь с ним, наслаждайся жизнью, но на многое не рассчитывай. Твое — крохи с барского стола, к сожалению, это факт. Прими как должное.

Да будет так!

Я вылила остатки вина в бокал, выпила его, закусила сыром и подумала, что неплохо бы сходить за добавкой, для меня алкоголь — отличное обезболивающее. К тому же рука почти перестала дрожать, значит, рецидив отменяется.

В супермаркете купила бутылку черного мускателя (обожаю его), штопор и пачку сигарет. Не курю уже десять лет, но сегодня можно.

В сквере откупорила бутылку, выкурила сигарету, запила вином из горлышка и, сунув руки в карманы плаща, побрела вдоль аллеи, освещенной круглыми фонарями. Опьянение сделало свое дело, мысли стали неповоротливыми, обида уснула до завтра, обманутые надежды тоже отправились на покой. В голове крутились обрывки стихов. До Эда я вообще не понимала поэзию: ну, рифмуют что-то, подбирают слова, чтоб было ритмично, но как можно получать удовольствие от чтения совершенно неинформативных творений? Теперь понимала — можно. Мало того, из алкогольной мути всплывали они самые, стихи. И если Эд исчезнет из моей жизни, они тоже уйдут и мир станет монохромным.

Я пытаюсь отыскать слова, описать те чувства, что во мне. Это будто лаву целовать, все равно что замерзнуть в огне. Это словно танец мотылька, хрупкий стебелек среди камней, это может быть сильнее, чем кайф, и агонии в сто раз больней. Это свет, взорвавший липкий мрак, смех, проросший сквозь глухую тишь, это мирозданье в трех словах, о которых до сих пор молчишь.

Слова кружились, как листья, как опадающие минуты, я шевелила губами и шла, шла в темную арку сомкнутых ветвей, мимо людей и фонарей, мимо машин на сигналках, мигающих синим и красным. Поглядывала на свое отражение в лужах — темноволосая девушка, нахолодившаяся воробьем и прячущая подбородок в синем шарфе.

Ноги принесли меня к широкому пешеходному мосту через реку. Погода не пугала молодежь, и на лавочках целовались влюбленные. Трое парней что-то обсуждали возле перил, доносились обрывки фраз. Туда и сюда прогуливались люди постарше.

Хотелось уединения, и я спряталась за закрытым деревянным ларьком с мороженым, облокотилась о перила и посмотрела на черную неторопливую воду реки, по которой двигались световые дорожки от огней прогулочного катера. Хлебнула вина из горлышка, достала сигаретную пачку, и тут произошло что-то странное: мир будто бы мигнул. Пора завязывать с алкоголем. Я сунула руку в глубокий карман плаща, нащупала зажигалку.

— Добрый вечер, Ольга, — донеслось из-за спины, я вздрогнула, обернулась: позади, покачиваясь с пятки на носок и сунув руки в карманы темного кардигана, стоял мужчина средних лет, кудрявый, с залысинами на висках и очень выразительным смутно знакомым лицом. Определенно, я видела раньше его водянистые глаза чуть навывкат, выпуклый лоб, до неприличия алые губы. — Хотя нет, не добрый. Этот день, как и весь прошедший год, не был для тебя добрым.

Наверное, кто-то из врачей, знающий о моем диагнозе. Но зачем напоминать мне сейчас?

— Откуда вы меня знаете? — спросила я, передумывая курить.

— Разве это важно? Гораздо важнее, что через два месяца у тебя случится рецидив, ты ослепнешь на левый глаз, а через год перестанешь узнавать близких. Жизнь кончена, увы.

Из-за выпитого мне с трудом удавалось анализировать услышанное. Откуда он знает? Он следил за мной? Кто он такой? Единственное, в чем я была уверена: мне хочется его ударить, выместить накопившееся. По какому праву он...

— Я не издеваюсь и желаю тебе добра, — улыбнулся незнакомец. — Я могу остановить все это, и ты будешь жить долго.

— Ага, — буркнула я. — Хочешь со мной поговорить о Боге и предложить жизнь вечную, чтобы я переписала на тебя квартиру? Так у меня ее нет...

— Знаю, — ответил он равнодушно. — И могу помочь тебе победить болезнь, правда-правда. Ты начнешь жизнь с чистого листа, болезнь отступит...

— Так, — выдохнула я, глядя на него в упор. — Ты кто вообще такой и чего ко мне пристал? Юлькин новый друг?

— Она меня не знает, — незнакомец прищурился. — Ты собиралась курить, давай. Расслабься перед серьезным разговором.

Так я и сделала, мысленно перебирая лица и пытаюсь вспомнить, кто передо мной, так осведомленный о моей жизни. Какой-то бред! И еще не получается думать из-за алкоголя. Вообще-то и взгляд с трудом удастся фокусировать. Напилась так напилась. Понимая, что делаю глупость, я протянула незнакомцу пакет с вином:

— Выпей и пер... представься.

К моему удивлению, мужчина взял бутылку, разлил ее содержимое по пластиковым стаканчикам, непонятно как появившимся в руках.

— Твое здоровье! — Он выпил мускатель, пожевал губами, смакуя послевкусие.

— Хочешь анекдот? — Я привалилась к перилам спиной. — Летит Санта-Клаус над голодающей Эфиопией, а там — тощие дети ручки вверх тянут: «Санта-Клаус! Подарки! И нам подарки». Санта грозит им пальцем: «Подарки только тем, кто хорошо кушает».

Незнакомец уставился непонимающе. Похоже, чувство юмора у него отсутствует.

— Не смешно? Вот и мне не смешно. Не надо иронизировать с моим... над моим... здоровьем.

Мужчина нимало не смутился, налил себе еще и улыбнулся:

— Повторюсь, я могу сделать так, что твоя болезнь отступит, ты проживешь долгую и, может, счастливую жизнь. Но тебе придется бросить все и пойти со мной. Тсс! Не спеши отказываться! Ты ведь ничего не теряешь: твоя мать в Америке, отец в Саратове, он давно забыл о тебе, у него другая семья. Любимый отрекся от тебя. Соглашайся. И не смотри так.

— Ага. Я поняла, кто ты такой... такая. Слушай еще анекдот, про тебя. Просыпается мужик и слышит голос: «Вася, хочешь денег?» — «Да, да, конечно». С неба посыпались доллары, он начал набивать ими мешки. «Вась, а дом на Сейшелах хочешь?» Не успел он согласиться, как хлоп — и он в шезлонге возле бассейна, а рядом — домище. «Эй, ты что, золотая рыбка?» — «Нет, я белая горячка». — «Ты — “белочка”, да?»

Мужчина вскинул брови, на мгновение «завис», а потом указал на меня пальцем и расхохотался:

— Смешно. Давно не смеялся, спасибо. Теперь к делу. Сейчас у тебя немного дрожит рука, ты думаешь, начался рецидив, но если согласишься пойти со мной, то дрожь прекратится и ты забудешь страшное словосочетание «рассеянный склероз».

Видимо, мои глаза округлились, и я снова сжала кулак. Волосы на затылке зашевелились. Если бы не опьянение, я бежала бы прочь от этого психа, сейчас же мне было забавно. Интересно, как он будет выкручиваться?

— Ладно. Все мы знаем о круговороте веществ и денег в природе. Что я буду должна за спасенную жизнь?

— Ничего. За тебя уже заплатили. Ты вообще ни при чем, просто так получилось. Повезло тебе. Ну, ты согласна?

Неужели и правда перестанет дрожать? Или он врет? Господи, какая глупость! А если все-таки?..

— Ладно. Я согласна. Что теперь? Рука все еще дрожит.

Мужчина самодовольно улыбнулся:

— Теперь надо скрепить договор поцелуем, тогда все и случится. Давай поспешим, не могу здесь долго находиться.

Я запрокинула голову и рассмеялась. Успокоившись, посмотрела на него:

— Так ты пытался со мной познакомиться? С этого и стоило начать...

Мир снова мигнул. Мужчина с недовольством глянул куда-то вверх, шагнул вперед, одной рукой обнял за талию, вложил в ладонь что-то металлическое, второй за затылок притянул меня к себе и припал губами к моим губам. Ни вскрикнуть, ни оттолкнуть его я не успела — провалилась в черноту и понеслась сквозь нее, размахивая руками и ногами, а в голове звучал его голос:

— Если попадешь в беду, найди меня там. У тебя будет подсказка. Только ты можешь...

Незнакомец смолк. Некоторое время я осознавала себя, но вскоре будто обо что-то ударилась и потеряла сознание.

Глава 2

Реакция замещения

В себя я приходила постепенно, мне было тепло и мягко, будто бы лежала на перине. Тела касалась приятная ткань ночной рубашки, едва заметно ощущалась простыня. С трудом я приподняла веки и едва не застонала от яркого солнечного света, резанувшего по глазам. Солнце сияло по-летнему и просачивалось даже сквозь сомкнутые веки.

Где я? Откуда солнце? Что со мной сделал незнакомец? Дал вдохнуть хлороформ? Смазал губы ядом перед поцелуем?

В больничке, где же еще мне находиться. И уже утро, если не день.

Самое смешное, меня больше всего беспокоило не произошедшее на мосту, а что Эдуард приехал и не может попасть в запертую квартиру. Ничего, пусть позвонит, я отвечу... Или нет? Что со мной случилось? Скорее всего, упала прямо в лужу, и аферист меня обворовал. Айфон, естественно, ушел первым. Вот же дурища! Тридцать лет, а ума нет. И ведь раньше вино не делало меня наивной и глупой, а тут как с ума сошла. Будто загнипнотизировали меня. Или тот странный тип что-то подмешал в вино? Стаканы ведь были — его. Надо заявление в полицию написать!

От бессилия меня охватило бешенство. Как алой волной накрыло и понесло. Обида на себя, черная липкая ненависть к незнакомцу. С минуту я ни о чем не думала, упиваясь непривычным чувством. Потом чуть приоткрыла веки, но пока еще ничего не видела — не давал слишком яркий свет.

Точно, грабитель применил какое-то вещество: слишком уж эмоции и ощущения непривычные. Чего-то не хватало. Хотя я еще не задействовала все органы чувств, восприятие было слишком ясным. А еще в голове вспыхивали мысли. Не всплывали, как было раньше, именно вспыхивали и толпились, отесняя друг друга.

Так, теперь самое время осмотреться и позвать медсестру, попросить у нее телефон и позвонить Эду. Узнать, что случилось и как мое состояние.

Приоткрыла правый глаз, прищурилась на солнце, чуть повернула голову, чтоб не так слепило... И разинула рот.

Окна были распахнуты настежь. Не металлопластиковые — деревянные, арочные, вверху, там, где арка, — витражные красные цветы. А за окном, мамочки! На ветвях деревьев шевелятся пикообразные листья. Не березы, не осины, не сирень. Липа? И на нее не похоже. Сейчас же осень! Ноябрь! Уже был первый снег, все листья облетели!

Или я вышла из продолжительной летаргии?

Обрушившийся страх напоминал сошедшую лавину. Я зажмурилась, помотала головой. Красивые галлюцинации. Надо сосредоточиться и попытаться вернуться в реальность, позвать медсестру... Я опять открыла глаза.

Огромная постель с шелковым бельем, мягчайшая перина. Кровать накрыта балдахин. Ничего себе палата! Ни приборов, ни скрипучих коек. Дверь — шикарная, дубовая, с золоченой ручкой... Да я у него дома! Он меня похитил и куда-то увез, но зачем? Для опытов? И вся эта роскошь — к чему? Проще было бы запереть в подвале...

За дверью раздались легкие шаги, и я сомкнула веки. Правильнее пока притворяться спящей — мало ли что. Скрипнули петли, зацокали каблучки, зашуршала одежда, пахло отваром ромашки. Что-то зазвенело, хлюпнула вода. Гость тихонько вздохнул. Я готова была поклясться, что это женщина. Его сообщница? Но зачем они меня похитили?

Вошедший человек склонился надо мной, и что-то влажное коснулось лба, щек, век — она протирала меня раствором ромашки! А потом гребнем коснулась волос, зубчики приятно зашекетали кожу головы, скользнули по волосам до пояса...

Но у меня карэ! Я схожу с ума. Или продолжаю галлюцинировать? Чуть-чуть приоткрыв

глаза, я посмотрела на гостью, которая то поднималась над кроватью, то нагибалась и пропадала из поля зрения. Да, женщина. Точнее, девушка. Молодая, рыженькая, со вздернутым носом. В платье, какие носили лет двести назад.

До чего логичная галлюцинация! Все в одном стиле — обстановка, служанка... Или это все правда, просто незнакомец хочет свести меня с ума? Так-то оно так, но волосы...

Расчесав меня, девушка вышла, а я некоторое время лежала без движения, не в силах открыть глаза. Сердце колотилось, казалось, в висках, ладони взмокли, как у моего первого ухажера Женьки. Страх — холодный, склизкий — полз по позвоночнику, никогда не испытывала ничего подобного. Разгулявшееся воображение в красках рисовало маньяков со скальпелями. А вдруг у меня уже нет какой-то части тела?

Дыхание перехватило, я вытащила руки из-под простыни, чтоб убедиться, на месте ли пальцы... Левая рука судорожно сжимала золотую пластину на тонкой цепочке, правая больше не дрожала и...

От понимания меня бросило в жар, затрясло, как в лихорадке. Это не мои руки. Мои — костлявые, с тонкими пальцами и треугольными ноготками, бледную до синевы кожу уже пометил возраст. Эти точно принадлежали очень юной особе с безупречной кожей. Ладони овальные, пальчики изящные. Мои пальчики. Или нет? Я согнула и разогнула их, коснулась щек, ощупала лицо — чужое, но ставшее моим, — провела по шелковистым волосам, поднесла к глазам каштановый локон, который в свете солнечных лучей вспыхнул золотом.

Кто я? Где я? Что со мной случилось? Мое сознание переписали в чужое тело или красногубый человек на мосту — волшебник? Непослушными пальцами я перевернула золотую пластину, которую мне дал незнакомец: она была испещрена странными геометрическими фигурами, напоминающими египетские иероглифы. Хороша подсказка!

Я потрясла головой, силясь пробудить логику, и разум сразу же пришел на помощь: «В жизни такого не бывает, это сон. Может, он понравится тебе и ты получишь удовольствие? Играй по правилам сна, если понадобится, меняй их под себя».

Обычно во сне у меня не получалось осознавать, что сплю, теперь я будто наблюдала себя со стороны. Значит, сюжет таков: «Она открыла глаза и обнаружила себя в чужом теле». Надо выяснить, чье это тело и как я теперь выгляжу. Узнать, что за место, и притвориться, что потеряла память, чтобы близкие и родственники, которые у меня наверняка есть, не удивлялись моим странностям.

Или они в курсе, что в этом теле — другой человек?

Жаль, зеркала нет. Опершись о подушки, я села, откинула простыню, закатала светлую льняную сорочку до пояса: стройные молодые ноги, сильные, как у теннисистки, коричневые кудряшки на лобке. Живот самую малость выпуклый, женственный, не плоский с кубиками, как у меня был.

Что у нас дальше? Я подняла сорочку до самой шеи и устояла на упругую девичью грудь. «Двойка» или даже «тройка». Круглая, «бомбочкой», маленькие розовые соски смотрят вперед, всю жизнь о такой мечтала! Эда и моя «единичка» устраивала, жаль, он не видит этот сон и не может оценить мои новые формы. Такая грудь, что потрогать хочется. Ни разу не трогала женскую грудь, своя не в счет, а эта своей не воспринимается.

Я положила ладони на груди, чуть стиснула их и едва не застонала от удовольствия. Вот так номер! Да, Оля, сон обещает быть приятным, ты испытаешь все тридцать три удовольствия, сейчас войдет принц, и...

Сколько ни пыталась заниматься рукоблудием раньше, в том теле, ничего не испытывала. Уткнувшись лицом в подушку, я сама повторила все то, что вчера со мной делал Эд.

Даже с ним я не понимала, зачем люди кричат в процессе, теперь же с трудом сдерживалась, кусала подушку. Достигнув пика удовольствия, дернула ноги,

ощущая, как спазмы накатывают волнами и слабеют. Силы покинули меня. Я была листом, падающим на водную гладь. Песчинкой, скользящей по склону. Слезой счастья, бегущей по щеке. Ни мыслей, ни тревог. Легко и спокойно...

Совсем с ума сошла? Ты посмотри на смятую кровать! Ты же хотела прикидываться спящей, плотские удовольствия — это хорошо, но лучше подумать о безопасности.

Нехотя я разгладила простыню, осмотрелась в поисках зеркала, не нашла его. Глянула вниз, на дощатый пол, и увидела деревянную лоханку. Так-так-так, меня что, собрались мыть? Дерево лоханки темное, водная гладь вполне может заменить зеркало. Я резко села в кровати, собралась было свесить ноги, но они не послушались, голова закружилась так, что я чуть сознание не потеряла, и упала на кровать. И что это значит?

Додумать не дали приближающиеся шаги. Снова пришлось вытянуться и замереть. Чтобы хоть немного видеть, что происходит, я не стала закрывать глаза полностью. Ресницы были настолько густыми, что мешали, и казалось, я наблюдаю за вошедшей девушкой с ведром, сидя в зарослях кустов.

Это была уже знакомая мне рыженькая служанка. Ведро, как и все остальное, не выбивалось из общей картины — деревянное, круглое, скрепленное стальными обручами снизу и сверху. Следом за рыженькой вошла пухлая русоволосая женщина лет сорока с невыразительным бледным лицом и яркими губами, она тоже волокла ведро. Поставила его, ожидая, когда рыженькая выльет свое в ванну, и сказала:

— Сколько она еще будет валяться? Как думаешь?

Рыженькая ответила, когда стихло журчание воды:

— Не знаю. Пока маг ее не отпускает. Видимо, так. — Она шумно вздохнула. — Прости меня, Спящий, за такие слова, но лучше ей не просыпаться.

Маг? Какой еще маг? Тут водятся маги? Куда не отпускает? Сколько я валяюсь и почему? Сплю? Я была в летаргии? Размышлять было некогда — я наострила уши. Может, они скажут что-то важное. Меня так заинтересовало происходящее, что даже не шокировало то, что они говорили на чужом языке, однако я понимала каждое слово, будто он был мне родным.

— Это ты не права. — Полная служанка покачала головой. — Любая жизнь лучше смерти, а она вполне здорова, молода...

— Но страшная, как чума. Как чума и холера! Несносная, как десять свекровей, — прошептала рыженькая и добавила шепотом: — Она — проклята. Ну, родовое проклятие. Ты *поняла*.

Я — страшнее чумы?! Бурная фантазия принялась рисовать апокалиптические картины, постигшие мое несчастное лицо; фигуру, слава богу, рассмотреть удалось. Наверное, оно перекошенное, нос-картошка, как у Жерара Депардье, глазки-буравчики, губа со шрамом. Или меня поразил какой-то врожденный дефект типа волосатого родимого пятна... Нет, не волосатого — волосы я заметила бы, когда щупала лицо. Но и обычное родимое пятно может изуродовать. Бородавки тоже выявляются на ощупь, потому отменяются. Что же со мной не так?

Вот же невезение! Сон так хорошо начинался и, похоже, превращался в кошмар. Дальше терпеть неизвестность не было сил и смысла: а вдруг сон закончится и я не узнаю, что дальше? Потому я распахнула глаза и шевельнулась. Рыженькая собралась закричать, но закрыла рот рукой. Полная попятилась. Как будто они увидели мертвеца. Господи, сделай так, чтобы я не превратилась в оборотня или какую-то другую гадость! Маги здесь есть, значит, и оборотни с вампирами могут водиться.

Рыженькая первой взяла себя в руки, изобразила улыбку, склонила голову, чуть присела:

— Бэрри проснулась! Какая радость! Тайя, скажи всем!

— Стой! — хрипнула я и завертела головой по сторонам. — Вы кто такие? Где я? Что со мной?

Полная Тайя замерла на полпути к двери. Улыбка сползала с лица рыженькой, она прикусила губу и потупилась.

— Ничего не помню, — объяснила я свое странное поведение, ощупала лицо, пытаюсь обнаружить то, что страшнее чумы. — Где я? Как меня зовут? Бэрри — мое имя?

Нос как нос. Не огромный, а вполне изящный. Губы как губы. Брови. Ресницы. Высокий лоб. Ни шрамов, ни шерсти. Значит, все-таки огромное алое родимое пятно.

Полная Тайя пятилась к двери, я неотрывно смотрела на нее. Страшная, нет, скорее — неприятная, напоминающая злую куклу. Ресниц нет, бровей нет, хотя глаза карие. Нет, все это есть, просто припудрено то ли тальком, то ли мукой, а вот губы накрашены, похоже, свеклой.

— Я должна сказать Арлито.

— Кто это? — поинтересовалась я, мысленно взмолилась, чтоб не муж. Вдруг я замужем за каким-нибудь уродцем и у меня есть дети?

Волосы на затылке зашевелились. Мне придется любить их, заботиться до конца дней, хотя они не мои, а этого тела.

— Маг, который вам помогал, — ответила Тайя, спиной открывая дверь, она вела себя так, будто я могла на нее броситься.

Останавливать ее я не стала. Пусть уходит, рыженькая служанка выглядела более безобидно, ее и стоит расспрашивать про новую меня. Бедняжка тоже с тоской смотрела на дверь.

— Да что я за монстр, которого все боятся? — слетело с моих губ, и пришлось продолжать: — Кто я такая, как меня зовут, что со мной случилось и почему я здесь? Да присядь ты. — Я похлопала по кровати, рыженькая помотала головой. — Садись!

Приказ она исполнила нехотя, села на самый край, готовая в любую минуту спастись бегством.

— Как тебя зовут? — продолжила допрос я.

— Лииса. — Она потупилась, потом глянула с интересом. — Бэрри, вы в самом деле ничего не помните? И меня?

— Не помню даже собственного имени. Ты говорила, что я страшнее чумы, можно посмотреть на себя в зеркало?

Девушка вспорхнула с кровати, с ужасом огляделась, потом рухнула на колени, сложив руки в молитве:

— Бэрри, простите меня! Велите меня высечь, на два дня привязать к столбу! Только не делайте, как в прошлый раз! Проклятый мой язык... наговорил.

Что же, я настолько несносна, что избивала эту милую девушку?

— Поднимись, никто не будет тебя наказывать.

— Правда? — Лииса выполнила приказ, растерла слезы по щекам. Что же я с ней делала, что ее так трясет?

— Присядь вот сюда. Нет, принеси мне зеркало, и побыстрее. Хочу сама увидеть свое уродство.

Лииса выпорхнула за дверь, вернулась быстро с громоздким зеркалом, которое, видимо, сняла в какой-то комнате, водрузила его на кровать. Но вместо того чтобы посмотретья в него, я зажмурилась. Пока не вижу свое уродство, есть надежда, что все не так плохо. Но по законам зарождающегося кошмара я должна была увидеть там чудовище.

Раз, два, три! Оленька, смотри!

Сначала я подумала, что зеркало направлено не в ту сторону и в нем отражается очаровательная чернобровая и черноглазая девушка с темными волосами, которые становились огненными, если на них попадали солнечные лучи. Лишь спустя десяток секунд дошло, что эту девушку, то есть меня, они почему-то называли уродом. Вот так подарок!

Закрыв лицо, я захохотала так, что выступили слезы. Не понимая моей реакции, Лииса убрала зеркало на пол и метнулась в сторону. Отсмеявшись, я попросила его вернуть, чтобы рассмотреть себя получше.

Что за дурацкие шутки, я — красавица! Это лицо мне нравится гораздо больше того, что было раньше. Единственный незначительный недостаток — слишком широкие скулы, в остальном оно идеально: чувственный рот, ровные белые зубы. На форму зубов я никогда не жаловалась, а губы были маловаты, и приходилось их подводить карандашом. Носик тонкий, чуть вздернутый. Глаза миндалевидные карие, почти черные. Ресницы... Всю жизнь о таких мечтала! И брови темные, с изломом, а не три волосинки, как раньше.

Но что вызывало благоговейный трепет — волосы. В прошлой жизни у меня были слабые серые волосы, и приходилось их красить в темный каштан. От химии они портились, превращались в паклю, и я носила карэ, тогда они не успевали сечься. Теперь же природа наградила меня локонами ниже пояса роскошного солнечно-каштанового цвета.

Налюбовавшись на себя, я попросила Лиису убрать зеркало.

— Скажи хотя бы, как меня зовут, где я и что со мной случилось.

— Вы правда-правда ничего не помните? — Лииса втянула голову в плечи, будто посмела спросить что-то страшное.

— Ничего, — соврала я.

Хотелось рассказать правду: что это сон, ни этой комнаты, ни кровати, ни Лиисы не существует. Они исчезнут, как только я проснусь. Но девушка выглядела такой настоящей, что я решила играть по правилам этой псевдореальности, ведь ее короткая жизнь зависит от того, долго ли я просплю, а просыпаться не хотелось категорически — сон начинал мне нравиться.

— Не надо меня бояться, — ободрила девушку я. — Обещаю больше тебя не обижать. Рассказывай правду, какой бы она ни была. Ну?

Лииса смотрела недоверчиво. Казалось, что она не верит своим глазам и ушам.

— Вас зовут Вианта. Вы у себя дома. В эту спальню вас перенесли, когда вы уснули долгим сном. Вы спали одиннадцать дней, бэрри. Все думали, что вы умерли, ваш жених даже заказал вам памятник...

— Жених? У меня был жених?

Служанка опустила глаза и виновато пожала плечами:

— Почему — был? Он у вас есть, бэрр Ратон. Он обрадуется, когда узнает, что вы вернулись.

Обрадуется он! А вот мне совсем не радостно. Тут наверняка принято выдавать замуж по расчету, и мой будущий супруг или старик, или избалованный сопляк, с которым придется хлебнуть горя. Заметив мое замешательство, служанка спросила:

— Вспомнили?

Я помотала головой:

— Нет.

— Вы и раньше не особо хотели замуж, но бэрр Ратон красив. — Она мечтательно закатила глаза. — Хотя и не молод. Он очень добрый, веселый...

— Ты его любишь? — выпалила я и прикусила язык: девушка вспыхнула, вжалась в

стенку и замотала головой, ожидая наказания.

— Н-нет! То есть да. Он спас меня. У разбойников. И велел охранять вас, заботиться... Но между нами ничего! Он даже не смотрит на меня.

— Бедняжка. Я тебя обижала? Ревновала? Я его любила?

— Нет, — ответила Лииса кротко. — Не любили.

— Мои родители заставили меня идти за него?

Она посмотрела в упор, и в ее взгляде я прочла сочувствие:

— Они умерли. Не знаю как. У вас была сестра, она тоже умерла, давно. Простите.

Только я собралась спросить, что меня заставило связать себя с нелюбимым, насколько я богата, как дверь распахнулась, и в комнату ворвался чернявый подросток, похожий на цыгана, ринулся к моей постели, замер в шаге от нее и просканировал меня взглядом. Аж неловко сделалось, и я натянула простыню до шеи. Казалось, что парнишка все внутренности видит и мысли читает.

— Ты кто такой? — проговорила я с обидой в голосе, как подобает аристократке, в покои которой без стука влетел мальчишка. Или он и есть жених?

Гость не спешил представляться и продолжал молча пялиться на меня, будто он тут хозяин.

— Невероятно! — выдохнул он, взмахнув руками.

Что-то в его облике было неправильным, пугающим. Наверное, морщины на детском лице и нелепый ломающийся голос. Я сжала пластину, которую мне подарил незнакомец. Нужно, чтобы никто не знал правды, что на самом деле я — не аристократка Вианта, а существо из другого мира, занявшее ее тело. За такое в старину на костре сжигали. Вряд ли в этом отсталом мире все иначе.

Сам факт существования реальности, где жили маги, заставлял невольно улыбаться. Но не хотелось сгореть заживо пусть даже во сне, потому приходилось сдерживаться.

Этот престарелый мальчишка — маг. Интересно, знает ли он, кто я есть на самом деле?

— Как вы себя чувствуете, бэрри? — спросил он взволнованно, поглядывая чуть выше моей головы — чакру он там ищет, что ли?

— Не знаю. Чувствую, и это главное. В глазах двоится, ноги не слушаются... Но я полна сил.

— Она ничего не помнит, — проговорила недобрая кукла Тайя и встала возле выхода.

— Лииса рассказала, что я долго была без сознания, это из-за какой-то болезни? — поинтересовалась я.

— Вы абсолютно здоровы, — ответил мажик. — Предполагают, что недруги отравили вас. Значит, не зря я столько дней не давал вам уйти. Не переживайте, память скоро к вам вернется.

— Почему вы так уверены? — проворчала я, невольно переходя на «вы».

— Я вижу возле вас знания. Вы очень образованная девушка. Когда человек теряет память, отпечаток знаний тоже исчезает.

Хорошо, он не может прочесть, что это за знания. Гореть мне на костре за ересь с летающими железными птицами! И за то, что с помощью сомнительного существа заняла чужое место, а не умираю потихоньку.

— Похоже, меня собирались купать, — проговорила я. — Была бы очень благодарна, если бы вы, Арлито, пришли ко мне после и ввели меня в курс дела, я чувствую себя новорожденной.

Маг почесал висок, посмотрел на меня с подозрением, кивнул. Что-то я делаю не так. Прежняя Вианта имела отвратительный характер. Знать бы хотя манеру ее общения. Вполне возможно, что мои представления о местных аристократах разнятся с действительностью.

Парнишка вышел, остались Тайя и Лииса, обе растерянно ожидали распоряжений. Кое-как я заставила себя сесть, преодолевая головокружение, свесила ноги.

— Тайя, ты свободна. Лииса, помоги мне залезть в воду.

Недобрая кукла выскользнула за дверь, Лииса помогла мне избавиться от сорочки. Нагота собственного тела смутила меня, но я оперлась о плечо служанки и, покачиваясь, добрела до ванны, похожей на распиленную пополам бочку, села в воду и поняла, что даже не знаю, пользуются ли тут мылом! Все, что для обитателей этого мира в порядке вещей, для меня — темный лес. Как обращаться с лошадьми или животными, на которых они ездят? Вдруг вообще на драконах летают? Изобрели ли здесь отхожие места или нужно справлять нужду (стыд-то какой!) в ночной горшок? В ходу ли нож и вилка или здесь пользуются палочками, щипчиками, другим извращением? Как принято приветствовать друг друга? Обращение бэрр тождественно ли господину? Есть ли тут рабство?

Я знаю только то, что вижу сама, а вокруг меня — необъятный непознанный мир, наполненный магами, принцами, разбойниками... Вот ведь смешно, в детстве и юности я не мечтала о принцах, как многие девочки, мне хотелось стать космонавтом, а по иронии судьбы угодила в мир, где принцы наверняка будут, и с таким телом у меня есть шанс соблазнить парочку...

Интересно, что стало с моим настоящим телом? Оно умерло или в нем теперь живет Вианта? Что за существо помогло мне избежать смерти? Могут ли местные с помощью магии разгадать мою тайну и что мне за это будет? Насколько это добрый мир? Какая на дворе эпоха?

От обилия вопросов голова кругом. И еще жених этот... Если верить Лиисе, он не молод, но и не стар. И не урод, раз она по нему сохнет. Остается надеяться, что странные эталоны красоты не распространяются на мужчин. Если тут в моде тонкие ножки при круглых пузиках, то это катастрофа.

Итак, для начала мне нужно научиться ходить самостоятельно, понять, куда меня занесло. Потом — почему я впала в летаргию, это отравление, проклятие или скрытый недуг, исходя из полученных сведений, попытаться как-то адаптироваться.

Странно, но гораздо больше меня волновало, сколько прошло времени там. Приехал ли Эдуард утром, как обещал? При мысли о нем захотелось реветь, так его сейчас не хватало.

Но, с другой стороны, отношения с ним не имели будущего. Да, я никогда его не увижу, зато теперь не умираю от хронической болезни. Я богата, молода и прекрасна, там меня ничто не держит, я — Колумб этого мира, который сулит мне много приятного и интересного.

Лииса откупорила склянку, и в комнате одуряющее запахло можжевельником. Вылила немного раствора в ладонь, добавила воды и принялась натирать меня жидким мылом. Ее руки оглаживали плечи, касались шеи, и по телу разливалась сладкая истома. Я что, способна возбудиться от легкого прикосновения? Сердце начало частить, дыхание сбилось, и я прохрипела:

— Хватит! Я сама.

Лииса шарахнулась в сторону, застыла с опущенной головой.

— Сядь на кровать и рассказывай про меня, как если бы это был другой человек. Отчасти я и так стала другой после того, как вернулась оттуда.

Лииса села, поправив пышное платье, сцепила руки в замок.

— Вы и правда очень изменились, бэрри.

— Надеюсь, что в лучшую сторону.

— Раньше вы были злой, всех били и оскорбляли, вам это нравилось, уж простите за правду...

— Продолжай.

— Вы были умны, как и подобает богорожденным...

От удивления я чуть не поперхнулась. Чужой язык воспринимался как родной, но услышанное слово было столь нелепо, что я переспросила:

— Кем-кем я была? Богорожденной?

— Да. Есть легенда о том, что сначала в нашем справедливом мире Безымянный Спящий создал богорожденных, ну, князей, графов там... В основном князей, в них... В вас его кровь. Потом появились остальные, так-то. Говорят, ваша бабушка вас так воспитывала — как богорожденную.

— А получилась, как часто бывает, капризная избалованная дрянь, — резюмировала я.

Лииса прыснула в кулак.

— Теперь рассказывай про Безымянного вашего Спящего. Это тут... наш бог? И почему мир — справедливый?

Служанка снова уподобилась перепуганному зверьку, заозиралась по сторонам, будто бог мог поразить меня молнией за дерзость.

— Спящий создал этот мир и остался, когда другие ушли. Он и ныне есть, просто спит в горах далеко на севере. Если поехать туда и припасть ухом к земле, то можно услышать его сердце.

— Прямо сердце? — спросила я с недоверием. Лииса кивнула.

— Я с самого севера. Да, оно бьется.

— И он прямо спит? Здоровенный такой мужик?

— К нему подойти нельзя, не знаю почему. Спросите у Арлиты. А спит он в пещере, наверное. Иначе замерзнет... Хотя, может, и нет, холод ему не вредит.

— А почему мир — справедливый? — повторила я.

— Так решил Спящий. Каждый должен быть счастливым одинаково.

Какой-то эзотерический коммунизм! Я фыркнула:

— Я богатая и красивая, ты бедная и служишь мне, разве это справедливо?

Лииса улыбнулась и проговорила, видимо, заученную истину:

— Надо принимать горести с благодарностью, потому что чем сильнее боль сейчас, тем ослепительнее счастье потом. Маги вон многое могут и долго живут, но они заплатили за свой дар самым дорогим.

— Неужели эти законы работают?

— Всегда. Должно быть равновесие.

— А если человек счастлив, только когда убивает?

— Он нарушает заповеди, таких казнят — или стражники, или Спящий. Жила тут одна ведьма в лесу, все пряталась, найти ее не могли, очень вредная была, много людей погубила. Так вот нашла ее расплата за злодеяния, умирала она страшно, от язв, и молила о смерти, но и смерть отвернулась от нее, так-то. Нельзя причинять намеренное зло безвинным...

— А виновным?

— Можно, наверное.

Снова нахлынула нереальность происходящего. Вот я сижу в ванне, в центре мироздания, втираю в кожу можжевелевое масло. Ткань пространства будто бы обтекает меня, как вода. Ну а что, я ж во сне. Какой, однако, длинный и логичный сон! Потом хоть книгу пиши «Как я жила в чужом теле». Так ведь забудутся эти чудесные, яркие эмоции и вряд ли найдутся слова, способные их передать.

На разоренной кровати мнется смущенная служанка, не может поверить в свое счастье — капризная мегера преобразилась до неузнаваемости! Справедливо? Вполне! Наверное, ей много чего хочется спросить, просто она не смеет, а вот мажик Арлитто еще как посмеет, он заподозрил что-то неладное, и нужно заранее придумать правдоподобную версию, почему я так изменилась. Интересно, способен ли он распознавать ложь с помощью своих потусторонних штучек?

Служанка Лииса молчала, мялась и еле заметно улыбалась. Наконец не выдержала:

— Забавно. Я жалуюсь вам на вас.

— И правильно, говори обо мне как о другом человеке. После увиденного там я уже не стану прежней.

— И что же вы видели?

Лииса села на колени рядом с ванной и принялась натирать мои волосы, похоже, яйцом.

— Смерти нет, вот что. И каждый получает по заслугам. Кто сделал много зла, будет мучиться и не сможет заново родиться, а если родится, то будет мерзким животным.

— Как свинобрюх или слоноушатка?

— Звучит отвратительно.

— То есть ваша душа полетела... Куда-то. И что там? — служанка напряглась, перестала меня намыливать, ее пальцы лежали на висках.

Почему бы не пофантазировать?

— Туман, силуэты зданий, тени. Ты постоянно чувствуешь... как бы это сказать. Одиночество. Ты видишь других, а они тебя — нет. Это трудно передать. Отчаянье, тоска... И больше ничего. А еще ты откуда-то знаешь, что ты здесь за то, что делала много гадостей, и никому нет дела, какого ты сословия. Да хоть король! Тут есть короли?

Ответила Лииса после секундного промедления — она переваривала услышанное:

— Прямо тут нет, у нас на севере — князя. На Изумрудах, это острова такие, — там король. Его сын должен быть на вашей свадьбе.

— Как думаешь, ее можно отменить?

Понятно, что в старину девушек отдавали замуж, не спрашивая их согласия, но оказаться в постели незнакомого мужчины мне совершенно не улыбалось. Хорошо бы до этого момента проснуться. К тому же, наверное, женщины здесь — существа бесправные, и я перейду в его распоряжение вместе с землями и прикрепленными к ним людьми.

Я обернулась. Мой вопрос ввел Лиису в замешательство, и вместо ответа она воскликнула:

— Но почему? Вам уже два года как пора замуж. Все хотят выйти за Ратона, он добрый и богатый. И красивый.

— А я страшная, да? Только честно ответь, почему? Лично мне очень нравится то, что вижу в зеркале. Или это магическая личина?

Лииса потупилась и на всякий случай отошла, принялась теребить оборки платья.

— Говори, что во мне не так. Только честно. Это очень важно, я не буду тебя наказывать, обещаю, даже если мне не понравится, что ты скажешь.

Девушка вернулась к исполнению своих обязанностей — начала лить мне на голову из деревянного черпака.

— Ваши брови и глаза... Они слишком выделяются. Даже если припудрить брови, они все равно будут торчать. И губы... эээ... слегка огромные.

И снова ее слова развеселили меня.

— Но это ведь красиво! Особенно мне нравятся мои ресницы. Хотя да, понимаю, наверное, считается неприличным иметь много волос на лице. А что делать с волосами? Судя по тебе, их не сбывают. Хоть с телом у меня все нормально или и с ним что-то не в порядке?

Лииса залилась краской:

— Я скажу, только не наказывайте...

— Не буду.

Она покраснела еще гуще, отошла от беды подальше и изобразила на месте груди две дыни размера седьмого:

— Здесь слишком выпирает и здесь, — она хлопнула себя по попе, потом огладила талию. — А тут узко, что вот-вот переломится.

Только сейчас обратила внимание, что Лииса тоже довольно фигуристая, но утягивает грудь, бедра прячет под оборками, которые начинаются от самой шеи и скрывают талию.

— Ясно. Принято быть бревном, — вынесла вердикт я, и Лииса снова улыбнулась. — Но ведь красиво, когда формы, они нравятся мужчинам.

Девушка дернула плечом и принялась вытирать мои волосы полотенцем.

— Если бы не знала вас раньше, подумала бы, что вы приехали издалека, — говорила Лииса, не отрываясь от дела. — Например, с Изумрудов, там все такие...

— Чернобровые губошлепы?

Лииса расхохоталась, но спохватилась и прикрыла рот рукой.

— Извините. Давайте встанем, вытру вас.

Подняться у меня не получилось — все еще кружилась голова и ноги не держали. Пришлось воспользоваться помощью служанки и опереться на нее, сесть на кровать. Прикосновения мягкой ткани волновали и заставляли сердце биться чаще. Да что ж это за тело такое — малейшее прикосновение пробуждает желание. Надо подумать о чем-нибудь мерзком, например о раздавленной саранче. Помогло, как ни странно.

— Спасибо, Лииса, — я чуть отодвинула ее. — Дальше я сама.

Еще не хватало, чтобы она трогала меня за грудь, тогда точно никакая саранча не поможет охладиться, даже если выпрыгнет из фантазий. Руки тоже слушались плохо, с трудом удавалось удерживать полотенце. Если бы лежала еще немного бревном, пришлось бы заново учиться двигаться. И так предстоит большая работа, чтобы уверенно держаться на ногах.

Я перевела взгляд за окно. После ноябрьской промозглости безумно хотелось окунуться в лето. Перед тем как проснуться — побродить, послушать шепот листьев. Поощушать этим неимоверно чувствительным телом, а заодно осмотреться, оценить хотя бы, в какую эпоху меня занесло.

Хотелось бы мне остаться здесь? Конечно, да! Я проживу явно больше обещанных трех

лет, познаю радость материнства, с таким чувствительным телом это будет наполненная эмоциями жизнь. А Эд... Время глушит самые сильные переживания. Он навсегда останется в моем сердце бриллиантом меж медяков.

— Помоги мне одеться, — попросила я, и Лииса взяла с тумбочки светло-сиреневое платье-медузу с оборками на талии.

Вместо «О господи» с губ сорвалось:

— О Спящий! У меня есть что-нибудь другое?

Лииса замерла с платьем в руках, часто заморгала:

— Это было ваше любимое.

В прошлой жизни природа не наделила меня какими бы то ни было выдающимися особенностями, и мне приходилось много над собой работать, чтобы не уподобиться серой мыши: экспериментировать с цветом волос и одеждой, много тренироваться. В последнее время — тренироваться регулярно, чтобы отсрочить рецидив болезни. В итоге мне достаточно посмотреть на женщину, и я понимала, что ей лучше надеть, какая вещь придется к лицу и по фигуре, какая — изуродует.

Новая я относилась к типу «осень»: темные глаза, волосы с рыжинкой, золотистый оттенок кожи (спасибо, веснушек немного и только на носу), светло-сиреневый был мне противопоказан, потому что делал кожу землистой, как у лежалого трупа.

— Оно ужасно. — Я скривилась. — Мне нельзя сиреневый, в нем я похожа на восставшего мертвеца. Нужно что-нибудь золотое, желтое, зеленое, оранжевое.

Претензии снова ошарашили служанку. Она помолчала немного и сказала:

— Трудно ничего не помнить, правда? Это цвет вашего рода!

Никогда в жизни не топала ногами и не закатывала истерик: «Ааа, я не пойду в школу, потому что на мне эта вещь». Обычно безропотно подчинялась матери и бабушке, надевала постыльную одежду, а потом или портила ее, или прятала подальше. Сейчас же я с трудом подавляла желание стать в позу и изорвать уродливое платье на куски.

— Хорошо, давай меня оденем.

Когда Лииса уже возилась с застежками, в дверь постучали, и, не дожидаясь ответа, вошла Тайя.

— Вы уже все? Пэрр Арлитто ждет.

Меня бросило в жар, я боялась, что маг разоблачит меня. Только его не хватало! Не готова я к беседе с ним! Чтобы отсрочить неприятную встречу, я указала на лоханку:

— Прежде уберите здесь. И вытрите, а то вода расплескалась.

Думай, голова, думай, что говорить ему. И дай бог, чтобы он не умел распознавать ложь, иначе ждет тебя долгая и мучительная смерть. Или он в курсе, кто я и откуда? Вдруг именно он переместил меня сюда? Вряд ли, меня целовал другой человек... Человек ли? Вдруг какая-то сверхсущность?

Лииса застегнула на мне платье и бросилась помогать Тайе. Они разлили воду по ведрам, выставили их за дверь, вдвоем подняли лоханку и потащили из спальни: Тайя двигалась спиной вперед, Лииса — задом ко мне. Хотелось схватить ее за руку и умолять остаться, мне нравилась рыженькая болтушка.

Вдруг маг сделает так, что я не смогу солгать? Еще и пластина эта с иероглифами... Вдруг он ее почует? Куда ее девать? Не выбрасывать же, там наверняка что-то важное. Недолго думая сунула ее под подушку.

Господи... Будда, Иисус, Спящий! Кто-нибудь, сделайте так, чтобы я пожила подольше в этом прекрасном теле!

Глава 3

Новый мир, чужие люди

Едва за служанками закрылась дверь, как в комнату вошел маг-недоросток, взглядом пригвоздил меня к кровати, как энтомолог — бабочку. На нем был темно-зеленый, вышитый золотом кафтан, коричневые штаны в обтяжку, кожаные остроносые туфли, тоже шитые золотистыми нитями.

Я — хозяйка этого дома, замка, имения, мне не по рангу трепетать перед недорослем, потому — вскинуть голову, презрительно скривить губы. Пусть знает свое место! Я — богорожденная! Но аутотренинг не помогал: маленькая напуганная девочка, которая живет в каждой из нас, брошенная в неизвестный и, возможно, агрессивный мир, съеживалась от страха.

В комнату ворвалась Лииса с тряпкой, но маг так на нее зыркнул, что она спешно ретировалась. Указал на кровать:

— Бэрри Вианта, позвольте мне присесть?

И что делать? Велеть ему стоять? Или прежняя Вианта усадила бы его? Хорошо, не почувял пластину.

— Пожалуйста. — Я подвинулась ближе к подушкам, маг покосился с подозрением, сел.

— Тайя уверяет, что вы ничего не помните. Знаете, кто я?

— Маг Арлито, — ответила я. — Лииса рассказала.

Недоросль продолжал сканировать меня взглядом, говоря:

— Одиннадцать дней вы лежали без чувств и не умерли только потому, что я поддерживал вас, перекачивая свою жизненную силу. Лучшие маги ордена осматривали вас, все, в том числе я, сочли, что шансов нет. Произошло чудо.

— Искренне благодарна, что вы помогали мне.

— Вы очень изменились, — продолжил маг, не отводя взгляда. — Настолько, что я склонен полагать, что передо мной не княжна Вианта.

Мороз пробежал по коже. Сохраняя самообладание, я поведала ему историю про загробный мир, которую рассказывала Лиисе, но на мага она не произвела впечатления, словно он каждый день ходит в загробный мир и знает, как там все устроено, и закончила возмущенно:

— Кто же я, по-вашему? После всего увиденного нет ни малейшего желания быть прежней. Мне надо искупить вину перед теми, кому я причинила зло.

— Да, слышал, что вернувшиеся оттуда меняются, но не настолько. Ваш случай уникален.

Допрос нервировал меня, потому я попыталась направить разговор в нужное русло:

— Может, вы поможете понять, кто я?

Театральная пауза и мой несчастный вид возымели действие: смоляные брови мажика поползли на лоб.

— Скажите, когда я вспомню свою жизнь? — продолжила натиск я, развернулась и напомнила себе: никаких закрытых жестов, следует и дальше изображать смирение. — Мне очень неудобно, неуютно. Все кажется чужими, такое впечатление, что у меня нет ни одного друга. Да еще ноги не слушаются. Если бы походила по знакомым коридорам, может, вспомнила бы хоть что-то!

Похоже, маг сменил гнев на милость, теперь он смотрел на меня с интересом, но не с жалостью, а с некой безразличностью, он даже отодвинулся от меня.

— Арлито! Пожалуйста, пригласите другого мага, я хочу вспомнить!

Я попыталась встать и снова села, изображая подбитую птицу.

— Продолжим разговор позже, — он поднялся. — Или когда вернутся княгиня или бэрр Ратон.

— Когда они вернутся? Ратон — мой жених, да?

— Трудно сказать когда. Ратон — через четыре дня, куда девалась его жена, никто не знает.

Что??? У него есть супруга? Только этого мне не хватало — быть второй женой в гареме! Или не второй, а пятидесятой? Чудесно, просто замечательно. На этом месте стоило бы проснуться.

— Подожди! Жена моего жениха? — я округлила глаза. — Он женат? Какой по счету я буду женой?

— Многоженство запрещено. У них с Саяни нет детей, потому в ближайшее время, после помолвки с вами, он получит развод.

Новости, конечно, хорошие, но от души не отлегло. От одной мысли, что под одной крышей со мной живет женщина, которую бросает муж и уходит ко мне, сердце опускалось в пятки.

— Его жена тоже живет здесь, в моем доме? Уж не она ли меня отравила?

Арлито почесал бровь, опустил уголки губ:

— Ее зовут Саяни, она — ваша единственная родственница, двоюродная тетка по материнской линии. Только с ней вы неплохо ладили, и развод у них по обоюдному согласию. С вашего позволения, я пойду.

Он хлопнул дверью, из коридора донеслись его легкие шаги. Выдыхать, не выдыхать? Удалось ли мне убедить его, что я — Вианта, или он притворился, что потерял ко мне интерес? В любом случае он тут не главный и не решится действовать, пока не приедут его хозяева или работодатели — моя тетка-княгиня, у которой я увожу мужа, но это не мешает ей хорошо ко мне относиться, и князь Ратон.

Вспомнилась Франция с ее придворными интригами, заговорами и отравлениями. Ничего, прорвемся, главное, теперь я здорова и полна сил, с остальным справиться можно, вот только надо разобраться с происходящим и решить, в каком направлении двигаться.

Для начала неплохо бы выглянуть в окно, расширить кругозор. Но очередная попытка встать окончилась фиаско — ослабшие ноги не держали. В третий раз удалось простоять секунд пять, цепляясь за деревянную спинку кровати.

Когда вошла Лииса, я пыталась подняться в четвертый раз.

— Помоги, мне надо о тебя опереться.

Служанка бросила тряпку в лужу, которая образовалась, когда я мылась, рванулась ко мне, вытирая руки о передник, и подставила плечо.

— Наверное, вам рано подниматься, вы еще слабы.

— Глупости. Одиннадцать дней пролежала, теперь надо заново учиться ходить. Давай подойдем к окну, хочу посмотреть, что снаружи.

Ноги будто набили опилками, они двигались еле-еле, заплетались. Преодолев три метра до окна, я взмокла. Уперлась руками в подоконник, и стало полегче. Ветерок, насыщенный запахом цветов, гладил щеки, щекал кожу. Отсюда, со второго этажа, открывался вид на мощный брусчаткой двор с прудом и лилиями. Из водоема вытекал ручеек и терялся в парке, где, о счастье! — помимо неизвестных мне деревьев росли милые глазу березы.

До самого горизонта тянулись лесистые холмы, чередующиеся с поросшими бурьяном курганами. На одном из них наблюдались постройки — село, наверное. Мое село, ведь я теперь барыня-землевладелица. Интересно, тут крепостное право или крестьяне — вольные?

Парадный вход и все самое интересное находились, видимо, с другой стороны здания. Я запрокинула голову: третьего этажа не было, виднелись две остроконечные башенки с черепичными крышами и железный флюгер — какая-то неведомая зверушка.

В длину замок был метров сорок, сколько в ширину, неизвестно. Мечтала о своей маленькой квартирке? Теперь у тебя целый замок, наполненный чужими людьми, которых предстоит приручить и расположить к себе.

— Хочу во двор, — мечтательно проговорила я и отметила, что пол холодит босые ноги. — Принеси мне обувь.

— Но вы еще так слабы...

— Лииса!

Она попятилась, помня меня прежнюю, исчезла за дверью. Я достала из-под подушки золотую пластину — единственное, что связывало меня с прежней жизнью, сжала ее в кулаке. Ума не приложу, куда ее спрятать! Здесь оставлять опасно, это точно — вдруг кто-то вздумает обыскать мои вещи. На шею повесить? Наверное. Платье без декольте, никто не увидит. Так я и сделала.

Спустя пару минут Лииса принесла обувь, больше напоминающую кожаные носки. Мы вышли в квадратный коридор, который впереди заканчивался перилами и мраморной лестничной клеткой с мраморной же лавочкой, куда я присела, чтоб отдохнуть. Посмотрела на три дубовые двери с золочеными ручками — все такие же, как и в моей спальне.

— Рассказывай, что тут где.

— Простите, я не поняла.

— Не «поняла», а «поняла». За какой дверью что находится?

— Ах, это! Вон та, что напротив вашей, — пустая гостевая. Остальные тоже были пустыми, но в крайней живет Арлитто, ну, пока вас спасал. Вы не любили, когда возле вас кто-то шумит.

— Идем дальше.

Лестницу преодолеть удалось с трудом. Оказалось, что на первом этаже за дверью, больше похожей на ворота, — бальный зал, по другую сторону лестницы — кухня и гостевые, а под лестницей — ход в библиотеку. Мне предстоит прочно обосноваться в этом мире, и библиотеку следует посетить в ближайшее время, там должны быть книги с описанием мира.

Переступив порог, я ненадолго прикрыла глаза ладонью, а когда привыкла к свету, невольно ахнула: мы стояли под полукруглым балконом, который держали две белые химеры с человеческими головами и руками, но собачьими телами. Их хвосты обвивали вазы белого мрамора, где росли ярко-розовые цветы, похожие на анютины глазки.

Это уже было. Где-то я видела замок, и химер, и цветы...

Широкая брусчатка упиралась в поросший кувшинками пруд. Справа и слева от него в окружении роз располагались две беседки, охраняемые белыми мраморными львами, которых я тоже где-то видела. Две широкие дорожки огибали беседки с прудом, и от получившегося круга радиально, будто солнечные лучи, расходились тропинки, посыпанные мелким камнем. Те, что справа, вели в сад и за дом, те, что слева, тянулись к булыжной площадке, где стоял снаряженный экипаж и кучер что-то эмоционально рассказывал садовнику. Меня они не заметили.

Приглушенная дежавю, я была уверена, что где-то должны быть заросли жасмина... Ага,

вот они! А за ними, метрах в пятидесяти от моего нового дома, утопали в зелени двухэтажные постройки поскромнее, стоящие напротив друг друга — как водится, дома прислуги. За ними возвышались гигантские деревянные ворота и увитая плющом крепостная стена.

Откуда я все это знаю? Точно ведь не бывала здесь раньше!

— Давай пойдем к пруду, — предложила я. — А потом ты принесешь мне ужин, что-то я проголодалась, желудок к хребту прилип.

Видимо, я сказала что-то необычное, и Лииса залилась хохотом. Определенно, служанка мне нравилась все больше и больше: совершенно беззлобная хохотушка, недалекая, так никто не требует грамотности от прислуги. А вот от Тайи и Арлиты хотелось держаться подальше.

До беседки, что слева от пруда, я доковыляла, лишь немного опираясь на Лиису, уселась на скамейку, вытянула гудящие от усталости ноги и проговорила:

— Арлиты странный. Знаю, есть карлики, он не карлик, а будто дорос до двенадцати и все, дальше только старится.

Лииса воровато огляделась, села рядом со мной и затараторила шепотом:

— Он совсем взрослый, служит ордену Справедливости, раньше жил у бэрра Ратона и... нуу... Он должен следить за порядком на его землях: чтобы ведьмы не появлялись, не рождались нелюди и разбойники не грабили. Потом Арлиты перевезли сюда, чтобы он колдовал и вы жили. Ну, я так поняла... Ой, поняла. Не знаю, почему он такой маленький. Вообще не знаю.

— И еще, кажется, я ему не нравлюсь.

Ноги болели жутко, словно их кололи иголками. Руки сами к ним тянулись, чтоб сделать массаж и разогнать кровь, но я полагала, такое поведение будет недостойным княжны, и терпела. Информативные рассказы Лиисы отвлекали меня.

— Я его тоже боюсь, — служанка воровато огляделась. — Вообще магов боюсь...

— А мысли они читать умеют? — задала я злободневный вопрос.

— Не знаю, наверно, но не все. Арлиты вроде нет. А может, и да. Вы очень изменились, когда проснулись. Как будто стали другим человеком, даже ваше лицо изменилось, хотя вроде такое же. — Она покрутила пальцами, свела брови у переносицы, но не нашла нужного слова и продолжила: — Оно светлее, что ли. Добрее. И глаза блестят... Вот он и подозревает всякое. Пойду принесу вам ужин. Наверное, Тайя уже распорядилась, чтобы вас накормили.

Боль в ногах утихла, и живот жалобно заурчал. Только теперь я ощутила, что голодна, как медведь-шатун.

Я наклонилась чуть вперед, оперлась локтями о деревянный столик. По синей водной глади скользили водомерки, и от них, как от маленьких катерков, разбегались волны. То здесь, то там из глубин поднимались золотые рыбки. На красно-зеленом листе кувшинки надувал пузырь самец лягушки, чтоб разродиться призывным кваком. В воздухе танцевала мошкара, сновали синие стрекозы, и впервые за долгое время мне было хорошо.

Мое предыдущее тело видело мир сквозь призму черно-белых ощущений. Ни радости обладания, ни горечи утраты, ни страсти, ни любви, ни привязанностей. Один Эд — вспышка в монохромном мире, он словно отогревал, и я становилась кем-то другим. Теперь все иначе.

Только расслабилась и начала получать удовольствие, как ощутила чье-то внимание, напряглась. Определенно, кто-то исподтишка наблюдал за мной, хотелось почесать между лопатками. Держась за спинку скамейки, я встала, принялась топтаться на месте, а сама поглядывала по сторонам. Щелкали ножницы садовника, его самого видно не было. Кучер куда-то ушел. Наверное, наблюдатель стоит за каким-то окном, золотым в

свете заходящего солнца.

Ножницы щелкали все громче, и вскоре из-за кустов жасмина появился садовник. Обрезал какой-то куст, подбоченился, разглядывая свою работу, повернулся ко мне. Его лысая голова с седыми кудряшками над ушами, и смешная борода волной, красный нос и прищур, как у Деда Мороза, показались мне знакомыми. Но откуда я его знаю? Неужели начала просыпаться память Вианты и скоро она полностью вытеснит личность Ольги? То есть я перестану существовать?

Нет, все не так. Чтобы понять, как же на самом деле, я прокричала:

— Эй, садовник, подойди сюда!

Он отыскал меня взглядом, склонил голову и засеменял, подволакивая ногу, и тут память проснулась: он — копия дворника Ивана Саидыча, который каждое утро скреб асфальт самодельной метлой. Он так же лыс, подслеповат и колченог, даже борода у него такая же — волной. Саидыч знал всех детей и дружил с ними, надтреснутым голосом желал доброго утра, когда они бежали в школу.

Дворник прихромал к беседке, приложил руку к груди и сказал знакомым скрипучим голосом:

— Безмерно рад, что вы вернулись, бэрри Вианта. Чем могу служить?

Враз ослабев, я села, разглядывая Саидыча. И что это значит? Простое совпадение? Или у здешних обитателей есть двойники в моем мире? Этот человек ничем не мог мне помочь и смотрел с тревогой.

— Хочу поблагодарить тебя за преданность и хорошую работу, — прохрипела я. — Ступай.

Садовник удивленно зашевелил бровями, кивнул и попятился, так и не сообразив, чего мне от него было нужно. Двойник Саидыча! Интересно, есть тут двойник Ольги? А двойник Эда? При мысли о том, что я могу обрести его снова, сердце заколотилось в груди. Наверное, не у каждого есть двойник, ведь людей тут, скорее всего, живет гораздо меньше.

Пока я размышляла, появилась Лииса с подносом, поставила его передо мной, подняла серебряный колпак:

— Фазаны, запеченные с яблоками и зеленью, все как вы любите. Розовые томаты, зелень. Лепешка из ржаной муки.

Сглотнув слюну, я уставилась на птицу с золотистой корочкой, покосилась на пару вилок с двумя длинными зубцами, лежащую на тряпичной салфетке, больше похожей на полотенце, с облегчением выдохнула, обнаружив фарфоровую емкость для мытья рук. Значит, они не придумали особых приборов для птицы.

Расправившись с птицей и закусив сладостями, которые Лииса принесла позднее, я попросила, чтоб она помогла мне дойти до спальни.

Когда солнце село и потянуло прохладой, под присмотром Лиисы я отправилась в спальню, где мне уже поменяли белье и возле кровати поставили трюмо с зеркалом и многочисленными шкатулками. На стене, по обе стороны окна, уже горели две свечи, пара запасных виднелась в миске, закрепленной на глухой стене.

Эти несколько часов вымотали меня так, что казалось, я усну в полете, падая на кровать.

Закрыв глаза, я подумала, что теперь точно сон закончится, когда проснусь, так и не узнаю, что же было дальше, лишусь прекрасного тела и снова буду тихонько умирать от неизлечимой болезни. Зато снова увижу Эдуарда. Наверное, я умру с его именем на устах...

Мне снился тревожный сон, какие часто случались в последнее время, когда у меня появился человек, которого я боялась потерять. Мы были, по-моему, в Испании, Эд все время ускользал, а я пыталась его найти, обращалась к прохожим по-английски, но они

не понимали меня. Потом действие переместилось в этот мир, но я по-прежнему искала Эда в толпе крестьян, рыцарей, на каком-то приеме, уверенная, что он должен быть среди приглашенных.

Проснулась я среди ночи, открыла глаза и не сразу поняла, где нахожусь. Точно не в съемной квартире... Ага, понятно. Но почему сон не завершился? Ему давно пора закончиться!

Одна свеча потухла, вторая должна была вот-вот прогореть. Я поднялась, отмечая, что голова уже не кружится, взяла запасные свечи, первую поставила в подсвечник и, поджигая фитиль второй, подумала, что заснуть вряд ли получится — я бодра и свежа, этому телу требуется меньше времени, чтобы восстановиться. Почему бы не использовать это время с пользой и не просветиться, посетив библиотеку, ход в которую под лестницей?

Лииса упоминала каких-то нелюдей, которые рождаются на землях Ратона, ведьм, хотелось узнать, что же за орден магов, которому принадлежит Арлитто-недоросток. Может, найду что-то типа сводов правил этикета, табель о рангах, чтоб хоть знать, как принято к кому обращаться. Еще было интересно, какое государственное устройство этих земель, велики ли мои владения. В общем, вопросов было непочатый край.

Натянув сиреневое платье-медузу, я попыталась застегнуть его сзади, у меня это не получилось, и пришлось идти в расстегнутом — все равно никто не видит. Перед тем как открыть дверь, я доковыляла к окну, выглянула: нигде в замке не горел свет. Настораживало, что по соседству комната Арлитто, который наверняка следит за мной.

А это, Ольга, точнее Вианта, чистой воды паранойя. Видишь, воздух темно-сер и прозрачен, как перед рассветом, когда у всех самый крепкий сон. К тому же ты не собираешься делать ничего противозаконного.

В коридоре рука непроизвольно потянулась к стене в поисках выключателя.

Сейчас бы достать смартфон и погуглить, что это за мир. Как он называется, кстати? Что есть Беззаконные земли, ясно, а я где нахожусь? Какие тут технологии? Изобрели ли порох или еще из луков стреляют? А может, тут воюют только маги? Какие звери тут водятся? Далеко ли море (всегда мечтала возле него жить)? Кто такие нелюди?

В коридоре было темно — глаз выколи. Потихоньку я просочилась за дверь, и половица скрипнула под ногой. Замерев, я втянула голову в плечи, обернулась к трем дверям, на одной из которых отпечаталась моя трепещущая тень.

В одной руке зажав свечку, второй придерживаясь за стену, по короткому коридору я двинулась к лестнице, утопающей во мраке. Возле скамейки замерла, посмотрела на портрет, висящий справа от выхода на балкон: чернобровая носатая женщина, похожая на пиковую даму, какую чаще всего изображают на соответствующей игральной карте. Кто это? Моя маменька? Бабушка? Посмотришь на такую, и сразу ясно, кто в доме хозяин.

По ступенькам спускаться было легче — они не скрипели, и я не боялась, что привлеку чье-то внимание, да и за перила держаться удобнее, чем за стену. Уже на первом этаже вздрогнула от протяжного звука, будто бы кто-то медленно открывал дверь и тихонько скрипели несмазанные петли, но очень уж долго. Трудно было сказать, откуда именно он доносился и что это.

Вспомнив о нелюдях и прочей прелести, я села на скамейку, свечу задувать не стала. Если это человек, то он должен прийти на свет, проверить, кто это шастает по дому среди ночи.

Скрежет все длился и длился, и я не решалась встать, не понимая, что это. Потом донесся хлопок — характерный «чпок» откупориваемой бутылки. И все. И тишина, лишь скребут ветви о стекло. Выдохнув, я обошла лестницу, осветила дверь в библиотеку, попыталась тихонько отворить ее, но не получилось — она душераздирающе заскрежетала, и из подвала дохнуло пылью.

Взору открылась библиотека: четыре стеллажа, теряющиеся в темноте. Ничего себе!

Оказывается, я происхожу из рода начитанных людей!

Поднеся свечу к корешкам книг самого верхнего ряда, я двинулась вперед. Фолианты не были промаркированы и подписаны на корешках. Ну а что я хочу? Средневековые ведь! Кожаные, тисненные золотом переплеты, потрепанные, выцветшие. Внимание привлекла книга с обгорелым и не реставрированным переплетом, я взяла ее, открыла.

Язык походил на арабскую вязь, предложения писались справа налево, но я понимала каждое слово. Заглавие книги было вырвано с корнем, на вклеенной позднее странице написали скачущим почерком: «Труд сей принадлежит барону Вэалю, писцу Его Величества Базэлио Третьего, короля страны Изумрудов. Написан задолго до Войны Озера, точная дата неизвестна. Вероятнее всего, в восьмидесятые годы четыре тысячи двухсотого от Сотворения Мира».

Они думают, что знают все о Боге и сотворении мира, что ж, их право. И что мне больше всего хочется узнать? С чего начать познавать мир — с собственного рода или с географии? Или — с религиозного трактата, где прописаны местные законы кармы, которые выполняются тут же? Размышляя, с книгой под мышкой я брела вдоль стеллажей, пока не вышла к массивному дубовому столу с серебряным канделябром, в котором имелись три оплывшие, наполовину сгоревшие свечи. Возле печати и воска лежали желтоватые листы бумаги, из округлой чернильницы торчало перо. Интересно, смогу ли я им воспользоваться?

Положив книгу на стол, села, поднесла к носу чернильницу: она пахла древесной корой и ржавчиной. Взяла перо, макнула в чернила, попыталась вывести свое имя на местном языке и посадила на лист жирную кляксу. Ладно, потом попрактикуюсь.

Потянувшись к печати, перевернула ее: открытая книга и два скрещенных меча — у меня не самый худший герб. Открыла книгу с опаленным корешком, надеясь, что в ней есть карта. Какое может быть сотворение мира без карты?

Интуиция меня не обманула: карта имелась в середине книги, она была выполнена не на бумаге, а на тонкой коже. Итак, что у нас здесь? Вытянутый континент, напоминающий рыбий пузырь. Ага, вот стороны света. На востоке — горная гряда, делящая континент-пузырь на две части, мы живем на меньшей его северной части — землях Справедливости. Знать бы еще, как мое княжество называется...

Я наклонилась над книгой, всматриваясь в полустертые буквы, нашла свой герб, нарисованный в середине северной части континента. Ясно, вот это вытянутое пятно — мои владения. Обидно, что до моря далеко, зато есть огромное озеро на западе, там мои земли граничат с соседним княжеством. На севере и востоке — по княжеству, северное самое большое. На западе — три. На юго-западе выделен небольшой клочок земли — город Дааль. Еще есть острова Изумруды, целый архипелаг. Горы на востоке, делящие континент на две части, называются Драконий Хребет. Жаль, нет масштаба, и непонятно, какого размера материк. Вдруг это небольшой остров?

Читать текст я не стала, меня больше интересовала карта Беззаконных земель, что за Драконьим Хребтом, они были только подписаны, не поделены на государства. Огонек свечей затрепетал, потянулся к стене, как если бы кто-то открыл дверь в библиотеку. Я обернулась и вскочила, но поздно — за спиной стоял темный силуэт.

— Не двигайся, — проговорили женским голосом, я прищурилась и разглядела пышное платье с оборками на талии, нацеленный на меня арбалет. — Скорее, она здесь! — крикнула женщина в сторону, в темноте ее лица было не разглядеть, но я догадывалась, что это злобная кукла Тайя.

Убивать меня не собираются, но не исключено, что могут продырявить, если я попытаюсь бежать. Да и бежать мне некуда. Так что лучше заболтать ее и позвать на помощь. Но кто откликнется? Лииса? Вот уж вряд ли.

— Что тебе от меня нужно? — Я развернулась к Тайе, да, это действительно она. — Как ты смеешь поднимать руку на свою бэри?

— Неубедительно. Весьма неубедительно, — донеслось из темноты, и вскоре я различила темную фигуру коротышки с глазами, горящими оранжевым. — Кем бы ты ни был, тебе

лучше не сопротивляться, тогда все пройдет относительно безболезненно.

Глава 4

Объятия справедливости

Существо с горящими глазами не вписывалось в мою картину мира, но оно существовало! Господи, дайте мне это развидеть! Вместо того чтобы швырнуть подсвечник в Тайю и броситься наутек, я больно ущипнула себя за руку, глянула на наливающийся синяк и наконец сообразила, что все происходящее со мной — не сон. Я в чужом мире, в чужом теле, потому что поцеловалась с тем человеком на мосту, по сути, поставила подпись на документе, который не читала.

Теперь ко мне приближается неведомая тварь, намерения ее явно не дружеские, и что делать дальше, непонятно.

— Кто вы такие? Что делаете в моем доме?

Просто так сдаваться я не собиралась. Приседая за стул с высокой спинкой, схватила подсвечник, швырнула в Тайю, а сама рванула в темноту стеллажей. О спинку ударился арбалетный болт, вскрикнула женщина, подсвечник лягнул о пол.

От существа с горящими глазами меня отделял книжный стеллаж. Я любила книги, но меньше, чем свою жизнь, потому что толкнула стеллаж, надеясь, что он придавит преследователя.

— Тайя, ты что! Не стреляй! — Ломающийся подростковый голос утонул в грохоте падающих книг. К сожалению, стеллаж не повалил соседний, а уперся в него, и преследователь настиг меня на выходе, бросился сзади, повалил на пол и крикнул своей подельнице: — Скорее сюда! Веревку, тащи веревку!

Он сидел на мне сверху и выкручивал руку — от боли перед глазами вспыхивали огненные круги — и что-то бормотал на неизвестном языке, то ли молитву, то ли мантры.

— Помогите! — изо всех сил заорала я, мой мучитель не стал закрывать мне рот, лишь забормотал громче.

Сзади из библиотеки вышла Тайя с подсвечником, я догадалась об этом, когда увидела ее огромную тень на стене, а также себя — невнятную кучу тряпья — и невысокого человечка сверху. Конечно же, это маг-недоросток!

Никто не отозвался на просьбу о помощи. Вскоре боль схлынула — все так же бормоча, Арлитто начал связывать мои руки. Когда закончил, поднялся, а я осталась лежать и смотрела на него снизу вверх. Попеременно меня одолевали то страх, то ярость.

— Да как вы посмели, — зашипела я, пытаюсь подняться. — Убирайтесь вон из моего дома!

Арлитто стоял неподвижно, вытянув руки вдоль тела, беззвучно шевелил губами, с улицы тянуло свежестью, и языки пламени трепетали, из-за чего тени на его лице то удлинялись, то укорачивались. Инквизитор-маломерка!

Маг резко взмахнул руками, будто хотел взлететь, и над его головой заплясали багряные сполохи.

— Это не твой дом, а Вианты, тело которой ты занял. Скажи мне свое имя! — проговорил Арлитто зловещим голосом.

Происходящее было настолько нелепым, что я, сидя на коленях перед человеком, который желал мне зла, расхохоталась, чем привела его в замешательство. Он еще раз взмахнул руками, пыхнул огнем и вытаращился на меня непонимающе:

— Скажи мне свое имя, нелюдь!

— Ты ошибаешься, Арлитто, я — человек. Меня зовут Вианта.

— Не лги, я распознаю ложь! — Арлитто шагнул вперед, сжав кулаки.

— Не блефуй! Если бы ты распознавал ложь, то понял бы, что я говорю правду!

Тайя подошла к нему, держа перед собой канделябр, потерла кровоподтек, наливающийся на лбу, покосилась на меня и сказала:

— Может, она и правда наша бэрри? Если бы ею овладел злой дух, заклинание подействовало бы.

Тайя смыла белую пудру и помаду и теперь походила на обычную очень уставшую женщину. Арлитто помотал головой:

— Наверное, я сильно слаб, а демон — силен. Или у него есть подпитка извне. Тогда плохо, очень плохо...

— Я — человек! — сорвался с моих губ вопль отчаянья. — Как мне доказать это? Если память вернется, вы мне поверите?

Арлитто и Тайя переглянулись. Маг сказал похоронным голосом:

— Мы должны сделать это. Если проморгаем чуждую сущность, орден Справедливости тут камня на камне не оставит.

Рано я обрадовалась. И смеялась — рано. Они мне не поверили и по-прежнему считали, что в это тело вселился злой дух. И теперь — что? В прошлой жизни я не любила фантастику, мистику и прочие выдумки, потому не знала, что именно они задумали.

— Что вы со мной сделаете? — пролепетала я, вставая и тщетно пытаюсь развязать руки, вспомнила, что негоже аристократке так блеять, и добавила злобно: — Я вам этого так не оставлю!

— Кто бы ты ни был, тебе лучше идти за мной, — сказал Арлитто и зашагал вверх по лестнице.

Я повторила вопрос:

— Что вы собираетесь со мной...

Тайя указала на Арлитто и сказала с сочувствием:

— Бэрри, если вы и правда человек, вам ничего не угрожает...

— Зато тебе угрожает! — рявкнула я и пошла за магом с гордо поднятой головой.

Но с каждой ступенькой спесь слетала с меня. Когда адреналин окончательно выветрился, сделалось холодно, заболели перетянутые веревкой запястья. Раньше, когда смотрела фильмы про концлагеря, думалось, что узникам правильнее умереть быстро, пытаюсь сбежать, чем позволить себя замучить. Теперь же сама была таким узником, и бежать мне было некуда, да и не смогла бы, потому что из-за недавней болезни и сто метров еле преодолевала. Оставалось надеяться, что они не посмеют... А если посмеют? Понятия не имею, какие тут правила и кто главней: маг из ордена Справедливости или князь, по сути, монарх. Имею ли я право восстать и призвать к ответу Арлитто?

Похоже, что нет, иначе слуги поспешили бы на помощь. Но вместе со страхом просыпалась злость, глухо рычала и ворочалась где-то возле сердца. Такое впечатление, что она пожирала страх, и вскоре его не осталось.

Они считают, что живут в мире справедливости? Разве справедливо разлучать меня с миром, который я люблю, чтобы потом издеваться? Давать надежду на жизнь, а потом отбирать ее? Меня вообще спрашивали, оно мне надо — эти дурацкие платья и обычаи, холодные замки и кареты, в которых наверняка неудобно? Я, может, хочу назад, к домам-клетушкам с центральным отоплением, к горячей воде, текущей из крана, к автомобилям и Интернету. Да, я готова пожертвовать комфортом ради здоровья, но умирать от рук фанатиков я не подписывалась и не сдамся так просто!

Поднявшись на второй этаж, в то самое крыло, где моя спальня, я упала на колени возле двери к спасению, имитируя усталость. Арлитто замер около следующей, Тайя помогла

мне подняться. Я притворилась, что делаю это с трудом, боднула ее в живот, метнулась в свою комнату и, повернувшись спиной, связанными руками задвинула щеколду. Задышавшись от подступающих рыданий, рванулась к окну, распахнула его и что было сил прокричала в предрассветную серость:

— Все обитатели замка! Это княжна Вианта! Помогите! Заговор! Маг и служанка хотят меня убить!

Если воевать, то до последней капли крови! Еще бы найти существо, которое перетасило меня сюда, и призвать его к ответу! Злость бурлила и клочкотала, будто внутри у меня — извергающееся жерло вулкана. Она слепила и обезболивала, придавала сил и толкала вперед.

Арлитто ударил в дверь, и я улыбнулась — вряд ли недомерку по силам выбить ее, но он — маг, не стоит забывать об этом. Не успела я подумать, как щеколда задрожала и начала медленно отодвигаться. Ну не гад? Пришлось становиться спиной и держать ее пальцами.

— Убирайся прочь, злобный карлик, — прокричала я. — Вам обоим не место в моем доме! Да покарает вас Спящий!

Видимо, мои вопли возымели действие, Арлитто постучал и сказал примирительно:

— Бэрри Вианта, мы всего лишь оберегаем вас и не замысливаем ничего плохого. Если вы — это вы, сеанс экзорцизма никак вам не повредит...

— Вы уже меня повредили, — огрызнулась я, на цыпочках подбежала к окну и выглянула: в распахнутой рубахе, с рогатиной, к замку спешил кудрявый кучер, за ним — два стражника в легких доспехах, с мечами на изготовку. Тот, что бежал первым, остановился, запрокинул голову и поднял забрало, посмотрел на меня.

— Скорее! — крикнула я. — Они пытаются выбить дверь!

— Мы с вами, бэрри! — Стражник сверкнул ровными белыми зубами, и несмотря на свое незавидное положение, я отметила, что он симпатичный, его не портит даже шрам на левой щеке.

Центральный вход отсюда не был виден, я надеялась, что у меня союзников больше, чем тех, кто желает моей смерти. Удостоверившись, что подмога близко, я снова встала спиной к двери и вцепилась в щеколду.

С порога доносились женские крики и мужская брань. Разыгравшееся воображение уже рисовало войну, разгорающуюся из-за меня: два войска, гремя доспехами и сверкая мечами, неслись навстречу друг другу. Люди против треклятого ордена...

Арлитто продолжал стучать в дверь. Похоже, происходящее не заботило его.

— Вианта, вам не удастся отсидеться. Откройте.

Впервые в жизни я ощутила острое желание убить человека. Если сейчас сделаю, как он просит, это будут последние минуты его жизни.

— Убирайся к Незваному!

Из-за двери донесся топот и голоса, говорили несколько человек одновременно, слов было не разобрать, одно поняла: это «наши» пытаются объяснить магу-недоростку, что он не прав. Хотя бы они его поколотили!

Что-то щелкнуло, ойкнула Тайя, спешащие мне на помощь затихли, и Арлитто произнес торжественным голосом:

— Вашей бэрри ничего не угрожает. Есть подозрение, что в ее тело вселился демон...

— Да какой еще демон? Сам ты демон, — крикнула я из-за двери. — Мелкий бес.

Мужики захохотали. Один из них недоуменно спросил:

— И что теперь делать?

— Выход один: провести обряд, — настаивал на своем Арлитто. — Если Вианта человек, с ней ничего не случится...

— Они напали на меня! Подняли на меня руку. Повалили, связали. Сломали ребро. — Насчет ребра я приукрасила, но пусть будет для пущей эффективности. — Я к ним не выйду.

Арлитто шумно вздохнул:

— Значит, придется вызывать магов ордена, чтобы поддержали меня. Понимаете ли, Вианта, демону нельзя находиться в нашем мире, это чревато нарушением равновесия и разного рода бедствиями.

Один из моих защитников неразборчиво возра-зил ему, я припала ухом к двери: он говорил что-то насчет Ратона и Саяни, которая, если мне не изменяет память, его жена. Зато голос мага звучал отчетливо:

— Нам неизвестно, где ее попечители и когда они вернутся. До вечера я ждать согласен, но не дольше. Поймите меня, если мои опасения подтвердятся, тут камня на камне не останется. Вспомните Шелковые Луга, сейчас там выжженная пустошь, и все потому, что прикрепленный к этим землям маг пренебрег обязанностями.

— Мне не нужны попечители, — отозвалась я из убежища. — Я взрослая, нахожусь в здравом уме и сама могу решать свою судьбу.

Ответ последовал спустя полминуты.

— Похоже, я ошибался, — сказал Арлитто. — Для демона вы слишком хорошо приспособлены к миру людей. Вы — человек, но это не объясняет вашего волшебного перевоплощения. Откройте, пожалуйста, я хотя бы развяжу вам руки. Обещаю вести себя вежливо.

— Если вас так волнуют мои руки, просуньте под дверь что-нибудь острое, сама справлюсь.

— Подумайте до вечера над тем, что я сказал, — проговорил Арлитто.

Не прошло и минуты, как между дверью и полом появилось тонкое лезвие кухонного ножа без рукояти. Я попыталась провернуть руки за спиной — не получилось, новое тело, как и мое прежнее, природа не наделила гибкостью. Пришлось подвигать лезвие к себе ногой, садиться на корточки, чтобы его поднять.

Веревка оказалась слишком толстой. Пытаясь ее перерезать, я трижды уронила лезвие и дважды порезалась. Зато теперь знаю, что только в фильмах герои перетирают веревки о камни за считанные минуты и не повреждают кожу запястий. Когда от бессилия я готова была расплакаться, путы ослабли, я бросила нож, растянула окровавленную веревку и осмотрела порезы: неглубокий — на указательном пальце левой руки, а вот ладонь правой пострадала сильнее: три параллельные ранки, та, что в середине, сильно кровоточит, и обработать нечем.

Пришлось промывать царапины водой из кувшина и заматывать, отрезав кусок от простыни.

Зализав раны, я заблокировала щеколду веревкой, выдохнула и попыталась осмыслить ситуацию. Происходящее все меньше напоминает сон — уж слишком он затянулся, в нем нет гротеска и сюрреалистичности.

Странное тело, и реакция на раздражители у него слишком бурная. Темперамент! Раньше я не понимала Юльку и ее постоянные влюбленности, вспышки ярости и радости. Теперь, похоже, дошло: это не эмоциональная распушенность, нечистоплотность и неправильное воспитание, а гормональный фон, определяющий поведение. Сейчас мы имеем фригидный разум в теле, обуреваемом страстями. Кто кого одолеет?

Между тем на улице рассвело. Окно моей спальни выходило на запад, и до самого парка, накрывая пруд, протянулась темная тень от замка.

Я подошла к окну, оперлась о подоконник. Итак, вопрос номер один: стоит ли верить Арлито? А может, впустить его? Знать бы, что обозначает этот его «экзорцизм». Звучит зловеще. Но вдруг маг собрался просто поплясать вокруг меня с бубном, демонов погонять? Я ж не демон. Останавливали догадки, что его манипуляции возвратят меня в то умирающее тело. А если оно уже умерло?

Только я скрепя сердце собралась сдаваться, как во дворе всполошенно зашумели. Вроде приехал экипаж, зацокали копыта о булыжник, заржали лошади. Кто к нам пожаловал? Случайный гость? Мой жених или Саяни?

Что ж у меня за организм беспокойный? Чуть что — и сердце выскакивает, по спине, сменяя друг друга, плывут волны жара и холода. Я прежняя сидела бы и тихонько ждала своей участи, обдумывая пути спасения, я нынешняя металась птицей в клетке. Сесть! Успокоиться!

Вдохнуть, выдохнуть! Еще раз. Сосчитать до ста! Но на двадцати воображение начало рисовать жуткие картинки: я, привязанная к столбу, и Арлито подносит факел к сложенному внизу костру. Я перед грозной женщиной с лицом пиковой дамы — Саяни. Я на плахе, и надо мной блесит, отражая солнце, гильотина.

Поглощенная фантазиями, я вздрогнула, когда в дверь настойчиво постучали. Только не Саяни! Арлито, так уж и быть, перенесу, но как посмотреть в глаза женщине, чей муж на мне скоро женится?

— Кто там? — прохрипела я.

— Вианта, открой, пожалуйста, — проговорили приятным женским голосом — не высоким и не низким, с хрипотцой. — Это Саяни. Мне сказали, что ты не помнишь меня, что вообще ничего не помнишь. Не беда, я помогу тебе. Открой.

Ее голос завораживал, от него тянуло материнским теплом и заботой. Хотелось обнять эту женщину и разреваться.

— Я одна, и знаю, что с тобой случилось. Всю правду знаю. Это я все сделала,пусти меня.

Вспомнился таинственный человек на мосту. Он говорил, что мне повезло и за меня заплатили, уж не она ли? А не задать ли вопрос в лоб?

— Это вы заплатили ему? И чем же?

— Тихо. Открой, я расскажу тебе.

Сомнений не осталось. Обмирая, я подошла к двери, открыла щеколду и отбежала к постели. Наступила на лезвие ножа, спрятав его стопой, чтобы в любой момент поднять.

Саяни перешагнула порог, защелкнула щеколду и с полминуты стояла спиной ко мне. Сначала показалось, что она молодая, ей двадцать-тридцать лет, но когда она обернулась, стало ясно, что я ошиблась. К тому же она совсем не похожа на пиковую даму, скорее — на бубновую. Кудрявые пепельные волосы, уложенные на затылке, уже тронула седина. Огромные ярко-зеленые глаза обрамляла сеточка морщин, щеки чуть оплыли. Лет сорок — сорок пять. Но несмотря на возраст, она красива и по меркам этого, и по меркам нашего мира. Эдакая повзрослевшая аниме-девочка. Не принцесса, но королева, каждое движение, каждый жест исполнены достоинства. А еще она казалась мне смутно знакомой.

— Бедная девочка, представляю, каково тебе. — Она взяла меня за перебинтованные руки, заглянула в глаза, вытащила из локонов паутину, которая прицепилась в библиотеке.

Я покачала головой:

— Не представляете.

— Да, ты права. — Все еще держа за руки, она пристально смотрела на меня. — Арлито не ошибся, ты не Вианта.

Навалилась усталость. Ноги налились свинцом, захотелось лечь, закрыть глаза и довериться течению, но я освободила руки.

— Чего вы от меня хотите? Неужели не видно: я — Вианта.

Набрав побольше воздуха, я собралась рассказать ей про загробный мир, но Саяни приложила палец к губам, села на кровать и похлопала рядом с собой.

— Присядь, я тебе расскажу. Точнее, покажу, потому что у стен тоже есть уши, а все, что ты узнаешь, касается нас двоих.

Только сейчас заметила перекинутую через ее плечо тряпичную сумку, откуда она достала два круглых камня, ударила одним о другой и свела брови у переносицы, зажмурилась.

— Что вы делаете?

С минуту Саяни молчала, потом открыла глаза и протянула мне камни:

— Темно-серый возьми в правую, этот, посветлее — в левую.

Я не спешила. Мало ли что это за камни. К тому же Саяни, которая слишком старалась показаться доброй и понимающей, не внушала доверия. Или она такая и есть?

— Не бойся, — повторила Саяни. — Это шепчущие камни, они безопасны. Если возьмешь их, то увидишь прошедшие события моими глазами. Тебе ведь интересно, почему ты здесь?

Похоже, она действительно что-то знает или как-то причастна к переносу моего разума в это тело. Но зачем я ей понадобилась? Почему из шести миллиардов людей она выбрала именно меня?

— Ладно. — Я шагнула к ней, села и взяла камни — ничего не случилось. — Что дальше?

Саяни придвинулась ко мне.

— Дальше закрой глаза и выгони из головы лишние мысли... Подожди, затяну застёжки у тебя на спине. — Она дернула платье. — Вот так. Закрывает?

Я сделала, как она говорит, прислушалась к ощущениям. Вроде бы ничего не изменилось. Единственное, голос Саяни звучал будто издалека:

— Это магические вещи. На тебя магия не действует, как и на всех богорожденных, потому тебе нужно разрешить магии прикоснуться к тебе. Для этого представь дверь, все равно какую, иди к ней и открой ее.

Едва она проговорила, как в темноте появился прямоугольник белой металлопластиковой двери, через щели сочился солнечный свет. Отворив ее, я очутилась в собственной комнате... Но при этом меня там не было! *Мое тело лежало на кровати без чувств, Саяни лупила его по щекам:*

— *Просыпайся! Вставай! Ну же!*

Однако забавно видеть себя со стороны!

— Просто смотри. Спрашивать будешь потом, — проговорила Саяни нынешняя, и я превратилась во всевидящее око.

Глава 5

Первопричина

В комнату, где лежало мое тело, вошел Арлитто и воскликнул:

— Что вы делаете, княгиня? Все еще надеетесь, что она проснется? Напрасно.

— Надеюсь, — кивнула Саяни, обернулась к магу, заглянула в его черные, будто выгоревшие до углей глаза.

Маг потупился и завел за ухо смоляной локон, сел на край кровати и проговорил нелепым голосом подростка:

— Это вы зря. Проще отпустить ее в Вечный путь, и вам спокойней будет, и мне — полегче. С каждым днем ее все трудней удерживать, я выдохся.

— Пусть она живет еще сутки. Ратон будет настаивать, но... Только сутки, — проговорила княгиня блеклым голосом, ни мускул не дрогнул на ее лице, будто высеченном из камня.

Маг принялся качать ногой в кожаном, расписанном золотом башмаке.

— Договорились, но, думаю, за сутки ничего не изменится.

Мир померк, как если бы выключили телевизор, и я перенеслась на лестницу, по которой спускалась Саяни с огромной дорожной сумкой в руке. Судя по тому, что княгиня не позвала слуг, чтоб помогли нести ручную кладь, она уезжала тайно. Сумка была пустой, Саяни несла ее без усилий. На княгине было синее дорожное платье. Точно такое же, как... Черт побери, где я видела это платье? И вообще, эта сцена была мне знакомой, будто я нечто похожее видела в кино. Но когда? Где?

Пока увиденное не ответило ни на один мой вопрос, и я решила, что самое интересное будет дальше, приготовилась смотреть.

Во дворе Саяни уже ждала карета. Рослый длинноволосый блондин теребил гриву гнедой кобылицы, что-то ей шептал. Увидев Саяни, бросился навстречу, забрал сумку, распахнул дверцу.

— Едем в селение Смольники, там...

Блондин воровато огляделся и кивнул:

— Помню, все готово, я просто ждал ваш сигнал.

— Молодец. Поехали!

Снова картинка поблекла, уступая место новому эпизоду.

Черноглазый мужчина с серебристыми волосами до плеч сидит за огромным столом. Тощий козлобородый мужичок зачитывает письмо, и тут распахиваются двери, входит Саяни — раскрасневшаяся, растрепанная. Мужчина щурится, потому что в покои хлынул свет, и некоторое время перед ним был черный силуэт, отбрасывающий тень на стол с ворохом писем. Постепенно до незнакомца доходит, кто перед ним, и его смоляная бровь поднимается, поджатые губы трогает улыбка, разгоняя по щекам стайки морщин, и в глазах начинают танцевать искры. Так ночью на исходе лета светится южное море, если войти в его темную воду.

Взмахом руки он отсылает чтеца. Не говоря ни слова, встает, задерживает бархатные занавески и неторопливо подходит к Саяни, касается ее губ.

Это еще кто такой? Мой жених Ратон? Если так, то я не против выйти за него замуж. Интересно, Саяни сознательно показывает мне эту порнографию или шепчущие камни балуются?

Мужчина усаживает ее на стол, спешно расшнуровывает корсет и припадает губами

к груди в то время, как его руки поднимают подол платья.

Если бы могла, я бы отвернулась, но у меня не было ни головы, ни глаз, и приходилось смотреть.

Деталей не видно, потому что на ней пышная юбка, но она запрокидывает голову, кусает губы, стонет и двигает бедрами вперед-назад. До чего же она красива сейчас!

— Дарьель, — срывается с ее губ. — Как же я люблю тебя!

— И я тебя, моя радость.

Эпизод закончился. Ясно, это любовник Саяни, ради которого она затеяла развод. Про развод и обоюдное согласие говорила Лииса, про любовника она, конечно же, не знала. Новую невесту, то есть меня, орден магов одобрил и благословил наш с Ратоном союз. И тут Вианта, то есть я, впадает в летаргию. Пока непонятно, каким способом меня оживила Саяни и при чем тут странный мужчина на мосту? Смотрим дальше.

Видимо, Саяни поменяла экипаж, чтоб не привлекать внимание, потому что вместо кареты теперь я видела телегу, запряженную клячей, но на женщине было все то же синее платье. Если она прячется, значит, замыслила что-то противозаконное.

Телега ехала сквозь небольшую деревушку, и простоволосые простолюдинки алчно взирали на кучера, который распустил волосы, снял белую рубаху и надел жилет на голое тело. Парню женское внимание льстило, он знал, что красив, и упивался этим.

Кибитка остановилась в лесу, Саяни велела кучеру оставаться на месте и направилась к дому, похожему на избушку на курьих ножках. Ни дать ни взять — хижина Бабы-яги.

Саяни толкнула дверь, пересекла плохо освещенную комнату и некоторое время моргала, привыкая к темноте. Потом села на койку, положила на пол открытый кошелек, где блестело золото, сосредоточенно уставилась на него и замерла.

Как и я, некоторое время она была уверена, что одна в комнате. Я почти физически ощущала ее страх. Что она забыла здесь? Кого ждет? Если бы я смотрела фильм, на этом моменте переживала бы за героиню. Но раз она сидит возле меня, значит, все закончилось благополучно.

А потом на стуле за столом материализовался человек и сказал:

— Княгиня Саяни, ты звала меня, я пришел.

— Это он! — воскликнула я, и картинка померкла.

И вот я снова сижу на кровати, сжав два камня перебинтованными руками, Саяни требовательно смотрит на меня.

— Человек, который был на мосту, — пробормотала я, силясь унять колотящееся сердце. — Он предложил пойти с ним, тогда... Чтобы... И поцеловал меня. Кто он такой?

Саяни прижала палец к губам:

— Тише. Я не знаю, что ты видишь, только догадываюсь. Досмотри до конца, тогда поговорим.

Пришлось снова воображать дверь и входить в нее, чтобы попасть в хижину Бабы-яги. Дальше последовал философский диалог Саяни с моим старым знакомым, которого они называли Незванным. Закончился разговор тем, что за мое воскрешение он потребовал какую-то плату, Саяни сначала отказалась, потом согласилась, и они скрепили сделку поцелуем. Княгиня потеряла сознание, и ее глазами я увидела себя, спешащую на свидание к Эду.

Перед глазами потемнело, но я не спешила возвращаться в реальность. Только сейчас куски мозаики сложились в моей голове в единое целое. Вспомнилось, почему Незванный, Саяни и беседа со львами показались мне знакомыми. Все это — видения во время

оргазма, похожие на галлюцинации. Когда я таяла в объятиях Эдуарда, моя судьба решалась здесь. Саяни призвала местного Сатану и заключила с ним сделку, я здесь по ее воле.

Саяни потрясла меня за плечо, я открыла глаза и молча положила камни на кровать. Потерла виски и прохрипела:

— Но почему именно я?

Саяни встала, подняла подол и на цыпочках проследовала к двери, убедилась, что нас никто не подслушивает, заняла свое место и объяснила шепотом:

— Маги, которых мы приглашали, говорили, что душа Вианты уже отлетела и отправилась в Вечный путь. Видимо, поэтому Незванный поселил в ее тело чужую душу, твою. Почему он выбрал тебя, не знаю. Ты для меня — неожиданность, я думала, что очнется Вианта. Та самая, со скверным характером. Потому я хочу знать, кто ты и откуда явилась. — Она положила на колени бесформенное стекло, похожее на прозрачный кулак. — Кристалл распознает ложь, потому лучше тебе говорить правду.

— И что со мной теперь будет? — шепнула я.

— Ничего. Выйдешь замуж за Ратона и делай что хочешь. Я помогу тебе освоиться, но для этого мне нужно знать, чему тебя учить. Итак, откуда ты?

От души отлегло, но выдыхать было рановато. Любопытство заставило меня солгать — хотелось посмотреть, как работает местный детектор лжи.

— С Беззаконных земель...

Кристалл налился красным, будто крови хлебнул.

— Пойми, мы теперь связаны, — терпеливо продолжила Саяни, она говорила со мной, как доктор с больным. — Сговор с Незванным карается смертью, так что я очень заинтересована, чтоб ты жила и никто не узнал о том, что я сделала, а ты нуждаешься во мне.

Полностью верить ей, конечно же, не следовало, но полагаться в вопросах адаптации — вполне. Стало радостно, что у меня теперь есть союзник. Да и накопившееся рвалось наружу, а тут появились свободные уши.

— Я — человек, — сорвалось с моих губ, и кристалл не изменил цвет.

— Вижу, и это хорошо. — Саяни улыбнулась с облегчением и добавила шепотом: — Откуда ты?

Я наклонилась к ней и прошептала в самое ухо:

— Из более развитого мира, который обогнал ваш лет на восемьсот, где нет магии и все равны в правах: и простолюдины, и аристократы. Талантливый простолюдин может добиться многого и разбогатеть. У нас не пользуются лошадьми, люди передвигаются на... — я задумалась в поисках нужного слова, щелкнула пальцами. — Каретах, которые ездят сами. Как они работают, долго рассказывать. И летают на железных птицах, я работала в месте, где учат их делать.

Глаза Саяни стали еще круглее, чем были, сказанное показалось ей настолько фантастичным, что она потеряла кристалл, но он не покраснел.

— У нас все по-другому: воду не надо носить в умывальник, она сама течет из... из стены, причем уже подогретая. Не надо топить печь, дома обогреваются сами. Мы разговариваем друг с другом, хотя находимся за много, — я хотела сказать «километров», но вместо этого выдала: — парх. У нас по-другому меряют расстояние, люди живут семьдесят лет, некоторые — дольше. До встречи с Незванным мне было тридцать и я умирала от неизлечимой болезни. Наверное, поэтому он и решил забрать именно мою душу: мой мир уже отторг меня, мне нечего терять, и я согласилась пойти с ним. Но куда, он не уточнял.

Саяни слушала, смотрела на меня с недоверием. Я пожала плечами:

— Понятия не имею, что тут у вас как устроено, могу только догадываться.

— Не удивительно, что Арлитто принял тебя за демона-подселенца, — проговорила Саяни, поднялась и принялась ходить по комнате туда-сюда. Остановилась, вскинула голову и продолжила: — Не надо его бояться, он человек надежный. Случись чего, будет на нашей стороне, а не на стороне ордена. Он хотел как лучше.

— Думаете, ему стоит рассказать, кто я и откуда? — прошептала я одними губами — княгиня задумалась. — Чем больше людей знает, тем мы уязвимей. Даже маг — всего лишь человек, а самые опасные враги — бывшие союзники.

Саяни посмотрела на меня с уважением:

— Ты умна. Мы должны поладить.

— Чтобы строить железных птиц, нужно очень много знать. Да, без лишней скромности признаю: я умна и знаю больше, чем любой человек вашего мира, думаю, мои знания могут пригодиться.

— Все это очень интересно, — кивнула княгиня. — Но главное для тебя сейчас — выжить. А для этого надо пройти обряд экзорцизма, чтоб маг убедился в том, что ты человек. Он попытается изгнать из тебя демона, это не опасно для людей.

Наблюдая за ней, я делала вывод, что выгляжу, как простолюдинка. Смотришь на Саяни, и сразу понятно — королева, как минимум герцогиня: спина прямая, шея длинная, подбородок поднят, глаза смотрят прямо. Ни суеты, ни неуверенности. Я же мечусь, как белка. Надо взять себя в руки, но как же это сложно при таком темпераменте!

— Ладно. — Я выпрямила спину, встала и сказала громко: — Пусть проводит свой ритуал. О том, как жить дальше, поговорим после.

Наверное, стоит показать Саяни пластину — вдруг она знает, зачем нужна эта вещь. Я сняла с шеи странный подарок и протянула княгине:

— Это он дал. — Я покосилась на дверь и прошептала: — Незванный. Просил найти его здесь, еще сказал, что только я могу что-то сделать. Он пропал, не договорив. Как думаете, что это? Где найти Незванного?

— Нигде, его надо призвать. Не советую больше никому рассказывать, потому что если узнают, тебе не поздоровится.

— Как призывать?

— Очень сильно захотеть его увидеть, он услышит зов и решит, приходить или нет.

Саяни покосилась на подарок Незванного, как на ядовитое насекомое. Поддела цепочку мизинцем, поднесла предмет к глазам, пытаясь разобрать иероглифы, повертела и сказала:

— Арлитто не заметил на тебе это?

— Нет, хотя пластина всегда была при мне.

— Странно, вещь точно магическая. Видимо, у нее хорошая маскировка. Советовала бы тебе ее выбросить.

— Так что это?

— Не знаю. — Она качнула головой. — Язык мне не знаком. Давай спрячу в сумку, там ее вряд ли будут искать.

Когда в дверь постучали, я сняла пластину Незванного, и Саяни положила ее в сумочку, где хранились шепчущие камни.

— Войдите, — прохрипела я и замерла посреди комнаты, выпрямила спину, вздернула

подбородок. Получился столб столбом, зато очень важный. Надо будет поучиться грации у Саяни.

Одновременно вошли Арлитто и Тайя, я выдержала пытливый взгляд злобного карлика, подождала, когда служанка поставит ванночку с лечебным раствором, и приказала ей убираться. Арлитто тоже хотелось выгнать, но пришлось снисходительно улыбнуться:

— Проводи свой ритуал и уходи. Или мне идти за тобой на дознание?

Маг склонил голову, приложил руку к груди, затем выпрямил ее. Надо запомнить этот жест уважения. Или покорности? Или он так извиняется? Сколько всего! Чтобы не оступиться и не опозориться, надо пару недель брать уроки хорошего тона у Саяни. Как мне реагировать на его жест?

— Приношу свои извинения, — сказал он, выпрямляясь, сел на корточки и принялся чертить на полу моей комнаты звезду Давида размером с человека — два взаимопроникающих треугольника. Надо же, наши люди и здесь отметились. Закончив, отложил белый мел и над верхним углом начертил знак углем, похожий на червяка, нанизанного на вертел. Внизу нарисовал нечто, напоминающее пухлую сову. — Бэрри, встаньте, пожалуйста, в середину.

Обмирая, я переступила через сову и очутилась в центре звезды Давида. Сначала кровь гулко билась в висках, поглощая другие звуки. Когда стало ясно, что ни молнией меня не поразило, ни замертво я не рухнула, реальность начала приобретать привычные звуки и оттенки.

— Я ж говорила, что это Вианта, — сказала Саяни с упреком.

Арлитто ответил для нас двоих:

— Теперь я тоже вижу, что не демон, но кое-что меня настораживает. К тому же я обязан отчитаться в книге наблюдений — случай все-таки особенный. Один на тысячу. А теперь не отвлекайте меня.

Маг принялся ходить вокруг меня, бормоча неразборчиво. Два шага вперед, шаг назад, остановка, взмах руками. Два шага вперед, шаг назад, взмах руками. Снова и снова, круг за кругом, круг за кругом...

У меня закружилась голова, показалось, что я стою в оке циклона, а снаружи ничего не видно и беснуется буря. Потом меня будто стиснул в объятиях человек-невидимка, аж дыхание перехватило. Что происходит? Кто-то словно проник в меня, ухватился за позвоночник и попытался его вырвать.

— Хватит! — крикнула я, опустилась на одно колено, ощущая, как земля уходит из-под ног.

Мгновение — и я снова стою внутри гексаграммы, напротив замерли Саяни и Арлитто. Маг таращится непонимающе, бормочет заклинания. Саяни смотрит не мигая. В окно бьет ветер, завывает в дымоходе, хлещет ветвями о стекла.

— Что? — спросила я, поднимаясь и отряхиваясь. — Что-то не так?

Арлитто потер подбородок, сканируя меня взглядом. Не дожидаясь разрешения, я плюхнулась на свою кровать, мысленно отругала себя, напомнила о грациозности. Перевела взгляд на стекло, куда, будто ладони, шлепали пикообразные листья неизвестного дерева.

— Неужели не видно, что она — не демон? — проговорила Саяни и обратилась ко мне: — Тебе плохо?

— Голова закружилась. — Я потеряла виски.

Арлитто молча наблюдал за нами, то и дело поглядывал за окно, снова склонил голову, приложил руку к груди:

— Добро пожаловать домой, бэрри Вианта. Надеюсь, что скоро вы все вспомните.

Почему-то облегченно выдыхать не хотелось. Пока мажик здесь, под одной крышей со мной, я в опасности.

— Арлитто, вроде ты прикреплен к землям моего жениха? В моем княжестве должен быть свой маг, где он? Почему бы тебе...

— Вы сами отослали его, к тому же бэрр Ратон просил меня помочь вам — не дать умереть, — напомнил он с упреком. — Прошу простить мне случившееся недоразумение. Думаю, мы найдем взаимопонимание в дальнейшем.

Хотелось скрипнуть зубами от злости. Как жаль, что не получится от него избавиться! Он все равно меня подозревает.

— Бэрри Вианта, лучше присядьте. И ты... вы, Саяни. Должен кое-что вам сказать. Пожалуйста.

Противоречить ему не было желания, мы одновременно встrepенулись и уселись на кровать, соприкасаясь плечами.

— Ваша жизнь по-прежнему в опасности, — проговорил Арлитто. — Вы не целиком в этом мире, вашу душу будто кто-то заштопал, на ней шрам. Похожие образования наблюдаются у проклятых и у людей с порчей, но ваше... Словно заморожено. Больше всего меня волнует другое. Еще вчера, когда вы спали, ничего подобного я не наблюдал. Но и следов магического воздействия я не вижу. Однако кто-то ж сделал это с вами... Неизвестно, что будет, когда запечатанное нечто в вашей душе пробудится, вероятнее всего, вы умрете. Советовал бы вам обратиться в орден Справедливости.

Только я собралась пообещать ему, что поеду туда в ближайшее время, как на выручку пришла Саяни:

— У нее помолвка и свадьба через два месяца. Да, мы отменили ее, но гости еще не разъехались, и надо их вернуть. Завтра возвращается Ратон, через два дня объявим о помолвке...

— Завтра? — воскликнула я с ужасом и снова объявила себе выговор за несдержанность.

Перед глазами возникла широкая постель с белым бельем, я лежу и жду нелюбимого мужа, цепenea. Одно дело — отдаться понравившемуся мужчине, другое — исполнять супружеский долг. Даже если Ратон окажется харизматичным красавцем, внутренний бунт отвратит от него. Чувствуешь себя породистой коровой на случке. Отвращение заставило забыть даже о том, что жизнь висит на волоске и с моей душой что-то не так.

— Ты его не помнишь, это не страшно. Он поймет и даст тебе время. Тебе очень повезло с ним, — ласково пообещала Саяни и обратилась к Арлитто: — Неужели обязательно ехать в орден и нет другого выхода?

— Почему же, необязательно. Пэрр Мэтиос вполне способен помочь, он отлично разбирается в порчах и проклятиях. Это — очень странное, оно может убить Вианту.

Я подняла с пола ванночку, пахнущую травами, попыталась разбинтовать руку и позволила сделать это Саяни, его слова не произвели впечатления. Наверное, устала удивляться — слишком много за последнее время случилось невероятного, мир с ног на голову перевернулся, я умерла, возродилась и навсегда рассталась с Эдом...

Неплохо было бы куда-нибудь поехать, посмотреть на людей — вдруг у Эда есть двойник? Если нам судьба быть вместе вопреки всему, то мы обязательно встретимся и здесь. Вот только узнает ли он меня? Так, хватит думать о несбыточном! У тебя есть шанс начать жизнь с чистого листа — так возродись новым человеком, живи и радуйся!

Арлитто тер подбородок и не спешил уходить. Помотал головой, извинился и наконец оставил нас.

— Он все равно меня подозревает, — пожаловалась я.

Саяни повертела головой, прислушалась к свисту ветра и прошептала:

— Ты совершенно на нее не похожа. Тело то же, но ты не кривишь губы и не втягиваешь голову в плечи, смотришь иначе, даже разрез глаз изменился. Голос стал тише и приятнее, характер улучшился. Человек, который побывал за пределом и решил исправиться, все-таки остается прежним.

— Поможете мне измениться?

— Нет... То есть мне не хотелось бы, чтоб ты менялась. Это необязательно — ты была нелюдимою, ладила только со мной и Тайей...

С Тайей?! Держись, Оля, то есть Вианта! Сохраняй невозмутимость, тут так принято.

— Сейчас мне больше по душе Лииса.

— Еще месяц назад ты приказала ее раздеть и высечь за то, что бедняжка коверкала слова в твоём присутствии, — сказала Саяни с укором и вернула мне пластину Незваного, указала на окно: — Ветер разгулялся, как бы дождя не нагнало.

В мыслях все перепуталось. Опять избыток информации. Ратон, Тайя, Лииса, свадьба, проклятье, смерть... Все первоочередное, какую из проблем надо решать первой? Ухватив мысль, я выдала:

— Мой будущий муж, какой он? Смогу ли я отказать ему, сославшись на потерю памяти?

— Конечно. Но лучше тебе выйти за него, потому что твое княжество находится на границе нашего союза и Единства Трех, те князья давно облизываются на него. Есть подозрение, что тебя отравили по приказу кого-то из них, после чего ты уснула. Ратон же честолобив, но честен, он хозяин своего слова и к тому же приятен как мужчина. Правда, он вдвое старше тебя... Тем более теперь ты вряд ли сможешь управлять княжеством.

— Как выглядит мой жених? — продолжила допрос я.

Саяни ненадолго задумалась, подошла к окну, выглянула.

— Высокий, русоволосый с проседью, у него узкое лицо, светлые глаза. Завтра увидишь.

Сердце екнуло, как если бы она описывала Эдуарда. Нет, просто совпадение. Искренне хотелось, чтобы между Ратоном и Эдуардом было хоть минимальное сходство — не так противно будет ложиться с ним в постель и, может, получится его полюбить.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Саяни и сразу перешла к делу: — Советовала бы посетить мага, о котором говорил Арлитто, он очень мощный и не выдаст тебя ордену, если вдруг заметит что подозрительное. Вдруг и правда тебе угрожает опасность?

— Но разве можно навести порчу богорожденным?

Произнося слово «порча», я невольно поморщилась. Никогда бы не подумала, что всерьез буду рассуждать о понятии, достойном желтой газеты.

— Порчу — вряд ли. Но проклятье — не вполне магия, по преданиям, даже боги страдали от проклятий.

— Скорее всего, он увидел печать... понятно кого, — вздохнула я и поймала себя на мысли, что с удовольствием сменила бы обстановку — эта комната мне изрядно надоела. — Далеко этот маг, как его... Мэтиос?

— К ужину вернемся, заодно взглянешь на свои владения. Карета уже ждет. Мэтиос не ладит с орденом, так что не волнуйся.

— После болезни я быстро утомляюсь и плохо держусь на ногах. Идем.

Не бинтуя рук, я спустилась за Саяни. Лииса, натирающая лестницу, шарахнулась в сторону, пропустила нас и проговорила:

— Бэрри, осторожней! Там скользко!

На улице порывистый ветер сбивал с ног. Придерживая пышную сиреневую юбку, я запрокинула голову, чтобы по флюгеру определить направление ветра, но заметила движение на крыше — что-то огромное несло на нас. Не успев вскрикнуть, я отпрыгнула в сторону и толкнула Саяни — она чуть не упала. Туда, где я только что стояла, шлепнулась черепица, затем другая.

— О Спящий, — пятясь, проговорила Саяни и крикнула: — Стража!

Холодея, я отступила к карете. Если бы не счастливая случайность, то сейчас лежала бы с проломленной головой и между камнями брусчатки сочилась бы густая темная кровь. Неужели Арлито прав и я должна умереть? Мир чувствует чужачку и пытается меня отторгнуть.

Из мыслей вывел бодрый мужской голос:

— Бэрри...

В метре от меня невозмутимая, но бледная Саяни приказывала подоспевшему полноватому стражнику с роскошными бакенбардами, в кирасе поверх длинной рубахи и треугольном металлическом шлеме:

— Леон, зови своих людей, проверьте дом, осмотрите крышу. Нас пытались убить.

Недолго думая стражник позвал троих подчиненных и остался караулить выход, обнажив меч, пока остальные обыскивали дом. От беды подальше мы встали рядом с ним. Запрокинув голову, я изучала сеть желтоватых потеков на белом мраморе балкона.

Черепица больше не падала. Интересно, кто-то помог ей упасть или это просто ветер? Скорее всего, тот же человек пытался меня отравить, вот только кто это?

— Саяни, — проговорила я, пытаюсь перекрыть свист ветра. — Кому будет выгодно, если я умру?

— В этом доме — никому, — пожала плечами княгиня. — Кроме Лиисы, в имении трудятся проверенные временем люди. Наши давние враги — Фредерики и Зонны. Деда Элайны Зонн на турнире убил твой дед, хотя, если верить свидетелям, мог пощадить. Говорят, его дети поклялись мстить.

— Их земли граничат с нами?

— Да, на западе. Старший сын сначала мстил по мелочам, разорял наши деревни, но сейчас пристрастился к спиртному, поутих. Наиболее опасна и коварна Элайна, она замужем за Ледааром Фредериком. С ним у нас давний земельный спор, о нем я расскажу как-нибудь потом. Короче говоря, если ты умрешь, они заявят права на спорные земли. Именно поэтому ты решилась на союз с Ратоном: он будет твоим наследником, и твоя смерть потеряет смысл.

— Ясно. Значит, из прислуги ты не доверяешь только Лиисе?

Верилось с трудом. Меньше всего мне нравились Тайя и Арлито, их и хотелось подозревать. Но ведь помимо них в доме наверняка есть еще кто-то.

— Пусть все, кто сейчас внутри, выйдут сюда, — распорядилась я, и стражник передал мое пожелание.

Не прошло и минуты, как, испуганно оглядываясь, вышел черноусый престарелый повар, похожий на гнома, и выкатилась повариха. Они жались к химере слева и не задавали вопросов. Под руку один из стражников вывел Лиису, испуганная и растерянная, она все еще держала мокрую тряпку, которой мыла пол. По отношению к Тайе стражники не позволили такой вольности. Арлито спустился сам и сразу же шагнул к нам:

— Что случилось?

Саяни кивнула на осколки черепицы:

— Надо выяснить, они случайно сорвались или кто-то хотел сбросить их на нас.

Мажик сбежал по ступенькам и сел на корточки над осколками, задрал голову, пытаясь рассмотреть место, откуда они сорвались.

— Желательно бы на крышу залезть, — проговорил он. — Так сразу и не скажешь. Здесь — никаких следов. — Он с интересом посмотрел на меня раскосыми глазами-углями. — Но если предположить, что княжну травили, и не удалось найти ничьих следов, значит, работает кто-то с сильным покровителем.

— Проводи его, помоги взобраться на крышу — обратилась я к стражнику, тот покосился на подозреваемых и кивнул.

Все вели себя естественно: Арлитто проявлял озабоченность, Лииса и повара тряслись, как будто не меня, а их пытались убить. Тайя держалась отстраненно. В собственном доме я ощущала себя голой, беспомощной. Веселенькая мне предстоит жизнь! Вздрагивай от каждого звука, не ешь без дегустатора и бойся, бойся, бойся! Мой дом — моя тюрьма, никак не крепость. И ведь даже если разогнать слуг и набрать новых, недоброжелатель найдет способ подобраться ко мне.

Стражник увел Арлитто, и спустя полминуты свалилась еще одна черепица, маг прокричал сверху:

— Ветром сорвало флюгер, он упал на черепицу... Она просто держалась плохо. Похоже на случайность, но я не уверен до конца. Людей здесь не было, это точно.

Даже если так, все равно теперь я не ощущаю себя в безопасности. А что, если мироздание и правда стремится меня отторгнуть? Ольга рассмеялась бы от таких мыслей, Вианта, привыкшая к чудесам, верила догадкам и цепенела. Если маг Мэтиос способен пролить свет на происходящее, значит, надо ехать к нему.

Бледная Саяни изо всех сил старалась не потерять лицо. Дождавшись Арлитто, дала стеклянный шар начальнику стражи:

— Леон, допроси всех, включая пэрра Арлитто. Если человек лжет, шар краснеет. Смотри. Меня зовут Ярина. — Шар потемнел. — Понятно?

Стражник кивнул и прищурился. Наверняка потащит артефакт допрашивать жену — а вдруг изменяет? Интересно, существует ли способ обмануть шар? Саяни коснулась моей руки — я вздрогнула и спросила:

— Поездка откладывается? Мне кажется, надо поскорее со всем разобраться.

— Почему же? Тут отлично справятся без нас. — Она обратилась к начальнику стражи: — Леон, нам нужны два человека для охраны, мы едем к Хромому Мэтиосу.

Стражник преклонных лет, совершенно седой, с вислыми усами, ехал справа от нашей кареты на белой в яблоках лошади, мысленно я окрестила его Кобзарем, ведь именно так в далеком прошлом изображали украинских певцов, а слева нас охранял синеглазый мужчина со шрамом на щеке, тот самый, что первым бежал меня спасать от Арлитто, он был на красивейшем вороном жеребце. Этот мужчина отдаленно напоминал Эдуарда: такое же узкое лицо и синие глаза. Из-за шрама правый угол рта был приподнят, будто бы он ухмылялся. А еще от него тянуло первобытной силой, уверенностью в себе.

Я любовалась им, ловила каждое его движение, и едва он приближался к карете, сердце начинало частить. Так хотелось прикоснуться к нему, что аж в груди щемило.

В голове сам собой сплелся стишок: «Я продаюсь тебе за полцены, / бери, на самом деле больше стою. / Колени пред тобой преклонены, / ты — все, а для тебя, скажи мне, кто я? / Ты — все. На миг, на час, на день, / минутное убежище от зноя, / и кажется единственной тень, / что вне меня, хотя сейчас — со мною...»

Однако какая я теперь влюбчивая! Этому телу жизненно необходимо кого-то любить. Пришла мысль, что неплохо бы его испытать близостью с мужчиной, сравнить ощущения этой и прошлой жизни. Тело сразу же отозвалось тянущим ощущением в низу живота — отдаленно оно напоминало голод. Как голодный человек думает о еде, так я принялась фантазировать о новом опыте с синеглазым стражником, который в грезах превратился в Эдуарда, только одет он был в одежду этого мира.

На балу мы исполняли танец, отдаленно напоминающий танго, по залу порхали другие пары, но, увлеченные друг другом, мы не замечали их. Руки Эдуарда путешествовали по моему телу, как бы невзначай гладили спину, скользили по плечам, касались бедер, а я смотрела на него неотрывно.

Прижав меня, Эд склонился, коснулся губами моей шеи, и мы ненадолго замерли. От его дыхания по коже бегали мурашки. Потом он резко отстранился, крутанул меня в танце, не выпуская руки, прижал спиной к себе и, придерживая запястье, дотронулся до груди — я вздохнула, видимо, слишком громко, и снова оказалась в карете...

— Что-то случилось? — спросила Саяни, вскинув бровь.

Я мотнула головой и прошептала:

— Вспомнилось грустное.

Вопрос тетюшки подействовал, как ведро воды, вылитое на голову, если бы она не вмешалась в ход моих мыслей, я дофантазировалась бы и получила финальное удовольствие. Ольга даже не представляла, что может быть так хорошо от одних фантазий, если бы в прошлой жизни я не была такой холодной, скорее всего, моя жизнь сложилась бы иначе.

— Ты ведь моя единственная родственница? Что случилось с остальными? — сменила тему я.

— Можешь прочесть историю рода, эта книга есть в библиотеке. Моя мать была младшей сестрой твоей бабушки, бэрри Дарисы. Мой дядя, их средний брат, умер в детстве — упал в ледяную воду, заболел и умер. Мою мать хватил удар три года назад, годом позже, чем твою бабушку. У меня был старший брат, он упал с лошади, сломал хребет и умер, не успев жениться и родить детей. У меня тоже нет детей и вряд ли будут.

— А у меня были братья-сестры?

Саяни кивнула:

— Старшая сестра. Умерла в два годика. Ты рождалась трудно, твоя мать так и не оправилась после родов. Прожила пять лет, ужасно мучаясь, и умерла.

— Что с ней стало?

— Она начала толстеть, — честно ответила Саяни. — У нее выросли усы и бакенбарды, она не могла ходить из-за постоянных головных болей, маги помогали ей на короткое время.

Ясно, у матери началось послеродовое гормональное расстройство.

— В мире, откуда я пришла, такие болезни лечатся. А мой отец?

— Он был двоюродным братом Рункисов, которые позже встали на сторону Фредериков. Очень слабый человек, безумно любил твою мать, после ее смерти начал пить, и бабка... Извини, бэрри Дариса, его со свету сжила. Ты последняя из своего рода, кто может его продолжить.

— Расскажи еще и не бойся меня ранить.

Саяни глянула в окно, подумала и сказала:

— Говаривают, что все беды нашего рода из-за твоей бабки, она была очень темным, жестоким, извращенным человеком и всю свою жизнь посвятила служению ненависти. Жила она только потому, что сама мучилась и искупала зло, причиненное другим, страданием. Она считала свой путь единственно верным и всех пыталась перестроить под себя, все ломались, только ты получилась такой, что она гордилась бы тобой, если бы дожила.

— Понятно, эта песня мне знакома.

Я отодвинула занавеску: дорога тянулась вдоль довольно большого села, у обочины

стояли срубы с резными ставнями. От кареты с гогом разбежались гуси, разлетались куры с цыплятами; с возмущенным лаем на колесо набросилась лохматая серая собака с хвостом-бубликом. Чумазные голопопые малыши в серых рубашках до колен столпились, вытянув шеи, будто сурикаты. Пышная женщина с седыми косами склонилась до земли.

— Это село Гусятня, — посвятила меня в суть дела Саяни. — На его краю — самый большой сельский базар, сюда привозят пушнину с севера и шелка с юга, сейчас, летом, торговцев мало.

На выезде из села дома стали попадаться трехэтажные, с вывесками, что тут принимают на ночлег, чуть в стороне виднелись постоянные дворы, харчевни, какие-то помосты, где толпились небедно одетые люди; за помостами тянулись ряды лавочников, в стороне от них торговцы победнее разложили свой товар прямо на земле.

Когда подъехали ближе, стало ясно, что метрах в пятидесяти от нас, на помосте кто-то кого-то лупит. Услышав топот лошадей и скрип колес, два человека развернулись, и я судорожно вцепилась в сиденье: на проезжающую процессию смотрел... Эдуард. А потом отвернулся, как и темноволосый крепыш помоложе.

— Надо остановиться! — проговорила я и крикнула кучеру: — Стой!

Он резко натянул поводья, и меня чуть не бросило на Саяни, которая спросила удивленно:

— Что случилось?

— Мне надо выйти, — проговорила я, выскочила из кареты и уже на ходу поняла, что веду себя по меньшей мере странно.

Русоволосый мужчина в кожаном жилете поверх белоснежной рубахи возвышался над всеми на полголовы, как и Эд. Неужели я нашла его? Значит, все-таки судьба, теперь я никому его не отдам, что бы ни случилось.

Синеглазый стражник со шрамом на щеке догнал меня и ехал в метре, положив руку на эфес меча. Не оборачиваясь, заинтересовавший меня мужчина направился к рядам торговцев, я поспешила за ним, не слыша ничего, кроме пульсации крови в висках.

Когда почти настигла его, он повернулся в профиль: хищный нос с горбинкой, тонкие губы, глубоко посаженные глаза. Почудилось. И почему я решила, что это Эд? Мне настолько хочется его увидеть, что бурное воображение подсовывает его лицо?

Незнакомец скользнул по мне взглядом и отвернулся, я прошла мимо, шарахнулась от нищенки, тянущей ко мне руки. Не нравится мне, что со мной происходит, пора взять себя в руки и начать новую жизнь, снять проклятие, разобраться с врагами, познакомиться с Ратоном и решить, выходить ли за него замуж.

Сейчас надо как-то объяснить Саяни свое странное поведение, я встала на цыпочки, нашла взглядом карету, возле которой стоял стражник, прозванный Кобзарем. Иллюзия истаяла, и мир обрушился на меня гвалтом базара, живущего своей жизнью: призывные крики крестьян, оголтелые споры, торги до хрипоты.

Я окинула взглядом людей, торгующих на земле. Изможденные, с покрасневшими, запавшими глазами и спутанными космами старухи будто бы стали одним человеком. Девочки — худые, загорелые, с грубыми от работы руками — тоже ходили друг на друга. Здоровые женщины и девушки сейчас трудились в полях, собирая урожай.

Они никогда не знали и не узнают другой жизни. Вот я, молодая, красивая, изнеженная, собралась страдать из-за того, что сама нафантазировала, меня купают служанки и натирают благовониями, расчесывают волосы; мне прислуживает могущественный маг, который спасет меня, если я заболею. Эти девочки увидят только нищету, немытого мужа, трудную работу, как бы мне ни хотелось, я не смогу помочь всем...

Говорят, этот мир устроен так, что счастья дано всем одинаково, и эти люди либо исчерпали его лимит, либо у них все впереди. Сама я еще не ощутила законы справедливости, и понять их пока не получалось, тем более я видела калек, нищих и даже рабов. Или все в мире относительно, как и справедливость?

Развернувшись, я быстрым шагом направилась к Саяни:

— Что на тебя нашло? — нахмурилась она.

— Дай мне денег, — попросила я и сообразила, что не знаю, какая валюта тут в ходу.

Саяни сунула руку в тряпичную сумку, перекинутую через плечо, достала горсть монет, высыпала мне в ладонь, объясняя:

— Один медный ном — это десять о, они по-меньше.

Понятно, ном — рубль, о — копейка. Сжав кулак, я обратилась к синеглазому стражнику:

— Слезай, пойдем делать покупки.

Если он и удивился, то не показал этого, спрыгнул с коня и зашагал рядом со мной. Я купила кувшин молока у старушки, у другой — головку сыра за два о, у следующей старушки — лечебные травы, связанные пучками, все это сгрузила на стражника, взяла овечью жилетку, пару рубашек, раздала их старушкам, один ном положила в ладонь девочки-калечки с короткой и сухой левой рукой. Для меня это мелочи, а они — счастливы, и их счастье возвращается мне, усиленное в разы, боль потери меркнет, съезживается, и вот я уже забыла о том, что пару минут назад потерпела крах надежда, мне солнечно и радостно.

Потратив всю мелочь и раздав покупки старикам и детям, я вернулась, уселась в карету и скомандовала:

— Едем дальше.

— Что это было? — сдержанно поинтересовалась Саяни.

К тому моменту я уже придумала, как оправдаться — благородной бэрри не пристало быть столь сентиментальной и сочувствовать простолюдинам, другие аристократы сочтут проявление чувств в лучшем случае блажью, в худшем — слабостью.

— Посудите сами, я сирота, меня пытались убить, вокруг интриги и заговоры. За меня некому заступиться. Вряд ли мой будущий муж будет это делать, наш союз — ради выгоды. Все что у меня есть, чем я богата — эти земли. Но сами по себе земли ничто, все — люди, которые их населяют. Им нужно дать немного, и они вернут сторицей.

Саяни вскинула бровь, задумалась:

— Но не подумала ли ты, что они обнаглеют и начнут диктовать свои условия?

— Могут, — кивнула я и перевела взгляд на синеглазого стражника. — Но я не собираюсь настолько их баловать и приближать к себе.

Поблескивая доспехами, он держался в седле ровно и то и дело поглядывал на карету. Встретился со мной взглядом, улыбнулся, кивнул. Что это? Он одобряет мое милосердие?

— Завтра-послезавтра молва о моем добром поступке будет кочевать из поселка в поселок. Не смотрите так, я больше не буду раздавать деньги, но разрешить спор, наказать виновного вполне в моих силах.

— На то есть управляющий, — возразила Саяни.

— Лучше, чтобы мои люди благодарили меня, а не управляющего. Улавливаете разницу? А вот карать будет именно он, по той же причине.

Саяни улыбнулась:

— Пожалуй. Ты мудра, у тебя есть чему поучиться.

— Будем учиться друг у друга.

Мой стражник скакал напротив окна, его вороной жеребец на солнце отливал синевой.

Обогнув базар, дорога повела нас в сосняк, спустя полчаса мы выехали к деревянным срубам маленькой деревни. Домов тут было чуть больше десяти, они стояли вразнобой на опушке, а не вдоль дороги. Проехав хутор насквозь, карета остановилась возле покосившегося плетня, напротив крайней хижины с замшелой просевшей крышей. На единственном ровно стоящем колу покачивался глиняный горшок.

С десятков белок носились по стволу гигантской сосны, что росла метрах в десяти от хижины, но накрывала ее ветвями, будто насадка крылом — цыпленка. Мы с Саяни распахнули дверцы кареты одновременно, и зверьки замерли, словно их кто-то выключил, принялись цыкать.

Здесь пахло зеленым, сырым лесом, грибами и сказкой о Бабе-яге. Вдоль почерневших стен хижины колыхалась крапива в человеческий рост, под небольшим козырьком сушились пучки травы, я узнала только зверобой.

Заскрипели половицы, дверь открылась без скрежета, и на пороге возник белобородый старец, похожий на битого жизнью Деда Мороза. Вместо праздничной шубы легендарного Деда — залатанный на локтях жупан, вместо валенок — подобие кожаных мокасин.

Ощущение было, словно это сказка, и с десятков секунд я не верила собственным глазам — моя картина мира снова пошатнулась. Колдун. Ведьмак. Настоящий знахарь из книжки! Белки, неподвижно прилипшие к дереву, снова принялись гоняться друг за другом вокруг ствола.

— Проходите, коли пришли, — сказал колдун молодым сильным голосом и исчез в полумраке жилища, опять заскрипели половицы.

Мы с Саяни переглянулись, и она пошла первая. Замерла, когда ступенька порога прогнулась под ее ногой, и продолжила путь.

После яркого солнца все, что я видела в прихожей — светлый прямоугольник дверного проема впереди, туда мы и направились. Может, Саяни такие приключения были и не впервой, мне же хотелось взять ее за руку — совершенно иррациональное желание, страх перед неведомым.

В светлой комнате с бревенчатыми стенами и полом, где нас ждал старик, не было даже стульев, и мы остановились примерно в середине. Хозяин дома шагнул нам навстречу, и я чуть не отшатнулась, потому что его широко распахнутые глаза были белесыми, как у снулой рыбины.

— Не пугайся, дитя, — проговорил он, провел рукой у меня перед лицом, коснулся моих рук. — Я слеп с тех самых пор, как принял дар, а случилось это сто пятьдесят четыре года назад. Спрашивайте.

Маг повернулся в полупрофиль. С такого ракурса он выглядел раньше срока поседевшим мужчиной средних лет. Мне следовало что-то сказать, но не находилось слов, сердце частило, бросало то в жар, то в холод. Саяни хлопнула меня по спине, и я пробормотала:

— Мне сказали, у меня проклятие или порча. Не могли бы вы взглянуть... Проверить.

Маг снова взмахнул рукой, и на миг показалось, что меня оплетает тончайшая серебристая сеть.

— Вначале были семена, и выросли деревья, которые тоже дали семя. Потом — снова и снова. Нынче семя одичало, но проросло новое. Вижу огонь. От тебя жар, как от печки. Помни, что огонь не только греет, но и сжигает дотла все живое. Вижу тебя не здесь. Много молодых людей в странном месте. — Он закатил глаза и шумно втянул воздух, помотал головой. — Не здесь, совсем не здесь. Смерть как плата. Долгий, долгий путь, радость и боль. Небосвод на плечах шестерых. Мир накрыт ладонями, холодно. Твой жар, дитя, — не печь, нет. Кузня. — Маг застонал, положил руки мне на плечи, приблизил невидящие глаза к моим. — Научись держать молот, меха раздуют другие, не дай угаснуть огню, иначе небосвод рухнет. Пелена тумана — нить в руках прядильщицы. Найди прядильщицу. Подует ветер, раздует огонь, мужчина поймет женщину, а мудрец станет как дитя... Но, — он прищурился, — неточно. Зыбко.

Убрав руки, слепой маг оперся о стену, вытер пот.

Я стояла неподвижно, как тот самый столп, безуспешно пытаюсь переварить услышанное. Ощущение было, будто жужжит прибор, снимающий энцефалограмму или делающий магнитно-резонансную томографию, выдает какие-то важные сведения, а ты ничего не соображаешь, и врача нет, чтоб объяснил.

— Не поняла, — проговорила все это время молчавшая Саяни. — Есть у нее порча или нет?

Маг взмахнул рукой, словно стряхнул брызги с пальцев:

— Твоей вины нет, ты лишь почтовый голубь, попавший в сеть. До самой смерти награда тебе будет — счастье.

Суровость слетала с лица княгини, вот она уже улыбается, молодея на глазах, кладет монету в руку мага, он сует ее в карман и отвечает с запозданием:

— Не то ищешь, княгиня, о другом позаботься. Дитя, сохрани вещь, которая у тебя, она бесценна. Теперь — ступайте.

— Спасибо, — пробормотала я и поплелась за Саяни, она взяла меня под руку и прошептала:

— Постарайся запомнить, что он сказал, слово в слово. Он — пророк, который говорит иносказаниями и не к каждому снисходит. Мэтиос отрекся от ордена Справедливости и был приговорен к смерти, но выжил. Потому, даже если он увидел у тебя печать, никому не расскажет.

Произошедшее настолько захватило меня, что, садясь в карету, я ничего вокруг не замечала. В голове вертелись слова, на первый взгляд бессмысленные. Одно я понимала — пластина Незваного бесценна, маг увидел ее и узнал, что Саяни совершила страшное преступление, но не осуждал ее. Его слова нужно довести в неизменном виде, переложить на бумагу и еще раз попытаться проанализировать.

Что за огонь и кузня? Что за столпы, на которых держится небосвод, собирающийся рухнуть? При чем тут я? Какая прядильщица? И ведь не переспросишь! Никто не говорил, что нельзя приставать к магу с расспросами, просто было понимание — не ответит. То ли не может, то ли не хочет.

Радует, что проклятия на мне нет, мои враги имеют плоть и кровь, а значит, с ними проще справиться. Мироздание не пытается меня отторгнуть — можно успокоиться и попытаться освоиться в этом мире, а потом отвоевать позиции.

— Вианта, — проговорила Саяни — я вздрогнула, сфокусировала на ней взгляд: тетушка протягивала мне пластину Незваного. — Я была не права, не стоит ее выбрасывать, надень.

Я взяла пластину и с удивлением заметила, что раны на ладонях затянулись — Мэтиос залечил их прикосновением. Застегнув цепочку, спрятала подарок Незваного под платьем, вспомнила, ради кого Саяни совершила преступление, сказала:

— Он красивый. Дарьель. Теперь понимаю, зачем вам нужен развод. Вы ж будете на моей свадьбе?

Саяни ничего не ответила, посмотрела на меня без выражения и выдала:

— Мы обе княжеского рода, к тому же я — твоя тетка, нам пора переходить на «ты». Это раз. Два. Свадьбе предшествует помолвка. Между свадьбой и помолвкой должно пройти от семи дней до месяца. Так что скоро у тебя праздник, готовься.

— А еще помню, что мой жених приезжает завтра, — вздохнула я. — Почему вы разводитесь, уж прости за нескромный вопрос?

— Для ордена Справедливости, который дает согласие на развод, все просто: у нас нет детей, а Ратону нужен наследник. Но на самом деле причина не во мне, маги сказали,

что я могу зачать и выносить ребенка, а в Ратоне, и он согласен меня отпустить. Но есть одно условие: чтобы получить согласие на развод, надо, чтоб была невеста, одобренная орденом.

— Я с моим приданым вполне подхожу. Вот только о детях от Ратона можно забыть...

— Если маги помогут, то они появятся.

— Ага, придут и всей толпой помогут...

Саяни улыбнулась:

— Мы с ним не подходим друг другу, бывает такое.

Я хотела сказать «несовместимость», но не нашла нужного слова. Княгиня продолжила:

— Ратон — хороший человек, ты сама увидишь.

— Хочется верить, — проворчала я.

Ничего. Могло быть и хуже. Дьяволу как никому другому известно, что через два месяца я должна была ослепнуть от рассеянного склероза. Эд меня бросил. Мне нечего терять там. А здесь я смогу построить свой мир. «Место твое не здесь» — нехоти всплыли слова седого мага. Где же тогда? Где мне искать прядильщицу и зачем? Как научиться держать молот? Он, должно быть, тяжелый. Или это все иносказания?

В имение мы попали к обеду. Нас встречали, и ворота открыли заранее. Первым делом надо записать все, что говорил маг, спасибо, память у меня теперь была отменной, в предыдущей жизни пораженный болезнью мозг давал сбой — я могла забыть имя, дату, человека. Даже пароль от почты забыла, который десять лет помнила.

На пороге моего родового замка стоял начальник стражи Леон, и недоросток Арлитто покачивался с пятки на носок, заведя руки за спину. Так посмотришь на него — мужчина лет тридцати, симпатичный, восточной, даже скорее испанской наружности, приглядишься получше — плечи узкие, руки длинные, ноги, как у цапли, румянец на щеках. Подросток, который только начал формироваться. Интересно, сколько ему лет и кому он служит на самом деле? Мэтиос вон больше ста лет прожил, а этот — сколько? Ведет он себя совсем не как ребенок, хотя у него, наверное, гормоны бурлят сильнее, чем у меня.

Так, хватит о глупостях. Нам собрались сообщить, кто же на меня покушался. Карета остановилась, мы с Саяни вышли, и я напонила себе, что надо разобраться, как работает амортизационная система кареты — дорога была ужасная, а нас почти не трясло. Магия какая-то.

— Что вы нам скажете? — обратилась я к начальнику стражи, выпрямляя спину и придавая лицу отстраненное выражение.

Леон приосанился и выпятил солидный живот — аж пластины кирасы разошлись. Саяни посмотрела на меня с осуждением, и я поняла, что получилось не очень.

— Скорее всего, произошедшее — досадная случайность, я допросил слуг, никто не покушался на вас, — доложил Леон, и Арлитто перебил его:

— Как прошла поездка? Стал ли Хромой Мэтиос с вами разговаривать?

— Он принял нас, — ответила я. — И наговорил кучу непонятного. Саяни сказала, что его пророчества важны и нельзя забывать ни слова. Мне нужен писец, и срочно!

— Раньше вы любили писать сами, — сказал Арлитто и увязался за мной. — Я могу вам помочь и заодно попытаюсь понять, что же имел в виду Хромой.

— Что-то не заметила его хромоты. — Я переступила порог, зашагала к лестнице, чтобы попасть в библиотеку.

— Даже я не помню, за что его так прозвали.

Я поперхнулась слюной, закашлялась. Мэтиосу сто пятьдесят... Сколько же Арлито?! Одно ясно, тут маги живут дольше простых людей...

— Мне девяносто два, — ответил маг на незаданный вопрос.

Я помотала головой, открыла дверь и по привычке потянулась к выключателю, но вспомнила, что тут не открыли электричество, а как добывать огонь, понятия не имею. Арлито запрокинул голову и крикнул:

— Лииса! Принеси зажженные свечи!

— Здорово вам, магам, — проговорила я, потупившись. — Люди слишком мало живут: только начинаешь понимать, что к чему, и уже пора умирать.

— У всех есть выбор, становиться ли магом. Кроме женщин, конечно. И вот что скажу: если бы меня спросили повторно, принимаю ли я дар, то отверг бы его. Магом быть не здорово, запомните. Мы платим счастьем за силу, и чем мы сильнее и несчастней, тем дольше живем. Спящий всегда отбирает самое ценное.

А Незванный? Чем Саяни заплатила ему, чтоб вернуть Вианту? Мэтиос говорил: «Смерть как плата» — неужели она кого-то убила?

Будто ниоткуда появилась Лииса, склонила передо мной голову, отдала Арлито канделябр с тремя свечами и поспешила удалиться.

— Это несправедливо, — вздохнула я. — Почему женщинам нельзя в маги? Извини, я не помню. Обращайся ко мне на «ты», ты ж мне в прадеды годишься.

Арлито с подсвечником шагал впереди, и я не видела его лица. Наверняка ведь лишнее говорю или глупость по местным меркам. Но кто, если не маг, расскажет лучше о жизни волшебников?

— Потому что женщина — ветер и непогода. Вы не умеете выбирать правильно и готовы пожертвовать многим ради малого.

— Это правда, — согласилась я, разглядывая книжные корешки, мимо которых проходила. — Но женщина дарит жизнь и потому ценит ее, она милосерднее.

Арлито поставил канделябр, уселся за стол и взял перо:

— Ордену не нужны милосердные слуги. Надо же, как вы... Как ты изменилась. Раньше бы поостереглась рассуждать о таких вещах, а то еще в ведьмы запишут. Ладно, давайте... давай лучше побеседуем о Хромом Мэтиосе, точнее, о его предсказании.

Стоит ли ему говорить все? Вдруг в словах седого мага зашифровано мое прошлое? Например, про меня не здесь? Или пророки не трогают прошлое, просто мне предстоит уехать? Любопытство победило осторожность, и я передала все слово в слово, наблюдая, как Арлито выводит на желтоватом листе каждую закорючку и от гусиного пера тянется щетинистая тень.

— Интересно, — вынес вердикт он, когда я замолчала. — Прямо вот так и сказал: «Подует ветер, раздует огонь, мужчина поймет женщину, а мудрец станет, как дитя, и родится твердь»?

— Да. И добавил, что зыбко... То есть, кажется, он не был уверен.

— Похоже, он говорил, как должно быть, но будет ли? Главный вопрос, понимаете... понимаешь, в чем?

Я молча помотала головой.

— В том, что все эти оды, а это именно они, — тебе. Он разглядел в тебе что-то настолько значимое, что разразился потоком предсказаний...

— Скорее рекомендаций.

— Да. Приступим же. Про семя понятно, он имел в виду богорожденных, но почему оно

одичало? Огонь — твоя стихия, это тоже понятно. Он увидел тебя не здесь, это странно.

— Ага, я никуда не собираюсь, у меня большие планы на эти земли.

— Посмотрим. Молодые люди в странном месте не здесь — непонятно. А тебе?

— И мне не очень, — соврала я. — Да и как может быть понятно, когда это будущее? Молодые парни — по-моему, это неплохо. А вы все говорите, что я — уродина.

Арлито фыркнул:

— Ты — луна среди звезд! Они все — бледные моли, недостойные твоей тени. На Изумрудах мужчины гибли бы на поединках за право обладать тобой.

— Ты родом с островов? — удивилась я, села на табурет рядом, Арлито тотчас вскочил, уступая мне стул-трон.

— Да. Магам нельзя оставаться в родных краях, — сказал он с сожалением, подвинул к себе исписанный листок. — Любовь, смерть какая-то. Кузня. Прядильщица. Нет, непонятно. Просто запомни его слова. Может, это подсказки, которые ты и только ты поймешь, когда придет время.

— Кажется, я поняла, что Спящий забрал у тебя — ты перестал расти. Но ведь могло быть и хуже. Ты мог потерять кого-то близкого...

Арлито криво усмехнулся:

— Мне девяносто два, но никто не воспринимает меня всерьез. Я никогда не познаю женщины, меня никто не полюбит, потому что... Да посмотри на меня! — он развел руками. — А знаешь, что я хотел отдать Спящему в двенадцать, когда пришла пора Выбора?

— Нет.

Ну вот, задела человека за живое: глаза мечут молнии, ноздри раздуваются. Пусть говорит. Наверное, он мало кому об этом рассказывал.

Арлито усмехнулся, покрутил перо пальцами, поставил на подставку и подпер подбородок, его миндалевидные глаза-бездны отражали трепещущий огонек свечи.

— Вся беда в том, что маменька очень меня любила. Отец погиб, старшие сестра и брат умерли, остался только я, и она изо всех сил оберегала меня. Знахарка сказала ей, что младенцы не болеют, потому что их защищает грудное молоко, и она кормила меня грудью до десяти лет.

— Бывает такое, да. — Я чуть не проговорила «в нашем мире» и прикусила язык.

— Это не самое гнусное. — Он поморщился. — Самое гнусное в том, что она рассказывала это каждому, а ее подруги — своим детям, с которыми мне приходилось знаться. Драться я тоже не умел, она растила меня, не чтобы я стал мужчиной-воином, как принято на островах, а чтобы ей не было одиноко в старости и я никуда не ушел. У меня не было друзей, дети, даже малыши, смеялись надо мной, а я не мог ответить, потому что они понимали только язык силы.

— Сочувствую, — искренне сказала я, вспоминая свою бабушку, которая, конечно же, любила меня, но очень старалась воспитать по своему образу и подобию: секс только после свадьбы, при выключенном свете, под одеялом, в одной позе; прощать никого нельзя, ненавидеть и проклинать — правильно, все родственники — сволочи, свести в могилу подлеца деда ценой собственного счастья — героизм, достойный ордена. Мою психику спасло то, что бабушка работала в библиотеке и просиживала там допоздна, болтая с кумушками, на меня у нее не оставалось времени. Там ее и нашли мертвой.

Арлито продолжил:

— Пора Выбора настала, когда мне исполнилось двенадцать. Как сейчас помню, это случилось, когда я ложился спать...

Безумно хотелось спросить, как это происходит, но я отложила вопрос, потому что для мага важнее было другое.

— Все родители боятся, что их дети примут дар, а значит, отправятся на обучение в орден. Надо ли говорить, как этого боялась моя матушка? Но она рассказывала неправильные страшилки: про девочку, у которой Спящий забрал маму, про мальчика, у которого все умерли. Я принял дар в надежде, что Спящий лишит меня маменьки и начнется счастливая жизнь. Понимаешь? Я принес ее в жертву. Помню, как дрожал под одеялом, представляя ее мертвой. Плакал, ругал себя. Не спал до утра. Каково же было мое удивление, когда дверь распахнулась, — он зажмурился.

Прошло семьдесят лет, но те события все еще задевают его!

— Тогда казалось, что Спящий пожалел меня и не забрал ничего, одарив сполна. Маги ордена удивлялись моему редкому дару — я был универсалом и мог сам выбирать, кем стать... То есть все стихии были подвластны мне, я выбрал огонь и воздух.

— Матушка тяжело перенесла твой отъезд?

Арлито скривился:

— Рыдала, волосы на голове рвала. Поехала со мной, чтоб кормить и оберегать — ее маги выставили из обители. Она побунтовала и успокоилась, а может, ее успокоили. Поселилась в хижине недалеко от крепости, носила мне еду и угасала на глазах. Умерла она спустя пять лет. Высохла от тоски.

И опять по велению проклятой эмпатии захотелось обнять и утешить Арлито. Семьдесят лет его точит чувство вины, и он ничего не может изменить. Про то, как наступает пора Выбора, спрашивать было неудобно. Воцарилось неловкое молчание, и я страдала вместе с Арлито, представляла его тощую мать с закрытыми глазами и склонившегося над ней черноволосого подростка.

Арлито встал, громыхнув табуретом, и его огромная тень растянулась на всю стену, увешанную старинными свитками и неумелыми рисунками. Казалось, книги на стеллажах вздрогнули и затрепетали. Маг шагнул в темноту и завозился между стеллажами, свечи он с собой не брал, потому что, как и в прошлый раз, его глаза горели оранжевым светом и плыли в черноте будто бы сами по себе.

Наконец Арлито вернулся с тремя книгами под мышкой, положил их на стол и похлопал по верхней, стряхивая пыль.

— Вианта, поскольку вы... ты потеряла память, очень рекомендую прочитать эти фолианты, там ответы на многие вопросы.

Он что же, помогает мне? Намекает, что я привлекаю внимание и веду себя неадекватно?

— Спасибо, — уронила я, открыла книгу и чихнула от пыли. — Очень бы хотелось все вспомнить, а то чувствую себя младенцем. Удивительно, но я могу читать, знаю буквы. Наверное, еще много чего знаю и умею.

— Помнишь, какое главное правило этого мира?

— К сожалению, нет.

— Всем дается счастья и горя поровну, это считается справедливым. Если Спящий дает что-то важное, он забирает что-то не менее важное, на землях Справедливости нет совершенно счастливых и несчастных.

— Интересно. Если я богата, значит, мне должно не везти в чем-то другом?

— Да.

— Хм... Расскажи обо мне, какой я была, что умела.

— Насколько мне известно, Вианта... ты умело обращалась с коротким мечом и двумя

ножами, стреляла из лука не хуже мужчин и отлично держалась в седле, но... — Он замолчал и посмотрел на меня с тоской. — Мне хотелось бы, чтобы ты осталась такой, как сейчас. Раньше у тебя был сквернейший нрав. Если будет нужно, обращай за помощью!

— Еще раз спасибо, — напряженно улыбнулась я.

Как учит история, все средневековые аристократы лгут, играя в свои игры, — доверять нельзя никому. Но лучше маг-союзник, чем маг-неприятель, просто с ним надо держать ухо востро.

— Помоги отнести мне книги в спальню.

Я взяла верхнюю — огромную, с пожелтевшими от времени страницами и кожаным, тисненным золотом переплетом. «Житие первых людей, и как ныне жить подобает». Полезная информация! Арлито на полусогнутых шел впереди, я топала за ним, зажав книгу под мышкой, а правой рукой держа канделябр.

Оказавшись возле лестницы, я заметила спускающегося со второго этажа синеглазого стражника. Он нес шлем в руках, и русые пряди наискосок прилипли ко лбу, он взирал на меня восторженно.

— Помоги мне.

Едва я проговорила, как он спикировал коршуном, забрал у меня книгу и свечи, задул их одну за другой. Я не спешила к себе, находиться рядом с ним было волнительно и приятно, хотелось поцеловать его. Чтобы он запрокинул мою голову и припал к моей шее, чтобы трепетать от каждого прикосновения. Наверняка у него нежные и требовательные губы, и без одежды он красивее, чем в ней. Здешние мужчины мускулисты за редким исключением, и соблазны подстерегают на каждом шагу.

— Отнеси в мою спальню, — распорядилась я, ожидая, что он пойдет вперед, но стражник не спешил, смотрел на меня с обожанием — не как на женщину, которую желают, а как на сошедшее с небес божество.

— Не знаю, насколько это важно... Я хочу поблагодарить вас.

Близость этого мужчины волновала меня, но спать с ним я не собиралась — он мне не по статусу, просто мне нравилось щекотать нервы, испытывать томительное вожделение. Правильнее дожидаться мужа и с ним выяснить, насколько страстное мое новое тело.

— Скажи лучше, как тебя зовут?

— Амиль. Неважно. То, что вы сделали... Спасибо.

— Ты о чем?

— О людях на базаре, о девочке с высохшей рукой.

— Ааа. Понятно. Идем.

Он топал позади, я слышала его дыхание.

— Меня продали в детстве, — проговорил он, останавливаясь возле скамейки, что возле балкона. — Хозяин учил меня драться и выставлял против зверей и против других людей. — Он провел по шраму. — Это я получил в бою.

— Мне жаль, — сказала я совершенно искренне, задумалась ненадолго. — Подожди-ка. Я не ослышалась, в мире Справедливости существует рабство?

— Только если человек потерял свою жизнь. Тот, кто его спас от смерти, становится хозяином. Я умирал, и отец отнес меня богатому торговцу, тот заплатил магу, и он излечил меня.

— Знаешь что, я дарю тебе свободу. Если останешься, будешь получать жалованье, если уйдешь... Мне хотелось бы, чтоб ты остался, но принуждать тебя не имею права.

Амиль опустился на колени и склонил голову:

— Отныне как свободный человек клянусь служить вам. Моя жизнь ваша.

Растрогавшись, я положила руку ему на голову — он замер и боялся даже дышать:

— Спасибо, я ценю твой выбор.

Почувствовав чужое внимание, я заметила, что дверь в мою спальню приоткрыта, и Арлитто наблюдает за мной. Когда понял, что замечен, вышел и проговорил, нимало не смутившись:

— Оставил книги на кровати.

— Спасибо, Арлитто. Вставай, Амиль. — Я забрала у него книгу, он поднялся, обеими руками держа подсвечник.

Один союзник у меня есть — Амиль искренен, теперь, когда могу распознавать чужие чувства, я уверена в нем. Арлитто тоже был искренним, когда делился переживаниями детства, но не это было самоцелью: он рассчитывал вызвать сопереживание и показать, что он — друг. За девяносто лет человек обязан обучиться искусству манипуляций близкими.

Закрывая дверь, я села на кровать, открыла книгу и подумала, что эмпатия может принести не только страдания, если уметь ею пользоваться. Эмпат как никто другой чувствует фальшь.

Только я собралась углубиться в чтение, как в дверь постучали, и Лииса проговорила:

— Бэрри Вианта, княгиня Саяни приглашает вас отобедать с ней. Не желаете ли спуститься?

Живот заурчал. Я закрыла фолиант, села.

— Лииса, зайди ко мне.

Служанка замерла у входа, втянув голову в плечи, по старой памяти ожидая тумачков и издевательств.

— Волосы спутались, пока ехала. Расчеши их.

— Да, бэрри!

Девушка на цыпочках прошла к трюмо, взяла гребень, я уселась на низкий стул, чтобы видеть в зеркало себя и ее. Служанка вынула золоченые заколки с самоцветами, приподнимавшие волосы и убиравшие их назад, — солнечно-коричневые локоны рассыпались по плечам.

— Сделай, чтоб лежали волной, а не локонами.

— Да, бэрри.

Она работала аккуратно, отделяла локон от локона, и зубчики гребня массировали голову — я зажмурилась от удовольствия и готова была замурчать.

— Лииса, ты — свободный человек? — спросила я, не открывая глаз.

Девушка оцепенела, но взяла себя в руки, и гребень скользнул от темени к затылку:

— Нет, я принадлежу вам, меня вам подарил бэрр Ратон.

— Ты хотела бы получить свободу? — продолжила я.

Лииса не ответила, только шумно задышала.

— Скажи, чем отличается свободный человек от подневольного?

— Подневольный когда-то потерял свою жизнь, ее вернул хозяин, с того момента он...

Принадлежит. Хозяин может подарить и продать его, наказать, выпороть, но не убить. Он не может жениться, выйти замуж, родить без разрешения хозяина. Не может уйти.

— Понятно. Лииса, я дарю тебе свободу, отныне ты будешь получать жалованье и распоряжаться своей жизнью, никто не посмеет обижать тебя.

Девушка протяжно всхлипнула и разревелась. Я открыла глаза и попыталась ее почувствовать: радость, благодарность, обида, недоумение, немного злости. По пути к двери я продолжила:

— После обеда подпишу, что нужно.

Лииса благодарила меня мысленно, но не могла выдать из себя ни звука — рыдания душили ее.

Служанка настигла меня возле лестницы. Бросилась в ноги, обхватила платье, попыталась схватить руку и облобызать ее.

— Бэрри, спа... Спасибо, бэрри!

— Встань! — рявкнула я, и она сразу же подчинилась — краснолицая, растрепанная, но счастливая.

— Позвольте мне остаться и служить вам! — донеслось вослед, когда я спускалась по лестнице.

Я запрокинула голову и кивнула ей, свесившейся с перил:

— Конечно. Спасибо за доверие, Лииса!

Союзник номер два. Никто и никогда не был милосерден к этим людям, они готовы отдать жизнь за сострадание. Вот только одобрит ли будущий муж мои действия? По сути, я разбазариваю будущее совместное имущество. Если встанет в позу — отменю свадьбу. Завтрашний день расставит все точки над «и».

Глава 6

Ратон

Выспаться не получилось — я опять проснулась на рассвете. В распахнутое окно тянулся шлейф из запахов примятой травы, жасмина, терпкого дыма. От ручья веяло сыростью, из кухни чуть заметно пахло сдобой с ванилью. Птичьи трели сплетались в радостный звон, от которого самой хотелось щебетать.

Чего я поднимаюсь в такую рань? То ли это тело восстанавливалось быстрее, чем предыдущее, и для сна мне теперь хватает пяти-шести часов, то ли одолело беспокойство. Сегодня я должна встретиться с будущим мужем и вероятным отцом моих детей. Смирись, Ольга, здесь женщина — всего лишь инкубатор. Ни в политику, ни даже в магию тебе нельзя.

Все говорят, что если откажусь от свадьбы, будет еще хуже, слишком многие хотят моей смерти, а так я под защитой. Скорее всего, Ратон не так ужасен, раз его любит милашка Лииса, но сама мысль о том, что не я выбрала мужчину, с которым буду делить постель, вызывала негодование.

Чтобы отвлечься от тягостных мыслей, я приступила к изучению книги о том, как подобает жить. Написана она была очень давно, многие слова устарели, буквы выцвели, и о значении некоторых предложений приходилось догадываться. Первые двадцать страниц повествовали о том, как боги собрались за столом и решили, что миру — быть. Ни сколько их было, ни откуда они — ни слова.

Слепили тесто, раскатали огромный блин, обдали огнем, и получилась твердь, плавающая в тумане. Твердь накрыли колпаком-небом, где днем зажигали свечу-Солнце, а ночью — свечу-Луну. Оросили твердь потом, и получилась вода, море, и соленое. Морская вода — пот богов, это оригинально!

Затем из глины (где-то это я уже слышала, боги под копирку, что ли, миры ваяют?) налепили животных и вдохнули в них жизнь. А вот с человеком получилась незадача: он вел себя, как животное, тогда Спящий отдал половину своего сердца, головы и правую руку, а у него отросло все новое. Так появились первые богорожденные.

Дальше повествовалось о суперспособностях богорожденных, их союзах и интригах. Достигли они многого и возжелали богов низвергнуть. Тогда боги рассердились и покинули мир, отказались зажигать свечу-Солнце, и наступила долгая безлунная ночь. Богорожденные раскаялись и упали на колени, и они, и простые люди, произошедшие от них, взмолились о прощении. Отозвался только Спящий, он и ныне спит в горах. Отчего так получилось — ни слова.

Зато много написано о плохом Незваном, который хотел мир уничтожить, вступил в схватку со Спящим... Ага, вот оно! И потерпел поражение, но Спящего тяжело ранил, и теперь ему нужно много лет, чтоб восстановить силы. Незванный тоже пострадал — лишился магических сил, тела и превратился в бесплотный дух. Если Спящий умрет, мир погибнет.

Да уж, добрая сказочка! Как и большинство народов, местные делают богов антропоморфными, не чуждыми человеческим низостям...

Вспомнился явившийся мне Незванный — вполне антропоморфный тип, довольно неприятный. А не попытаться ли мне его вызвать? Пусть придет и расскажет, как мне теперь жить, зачем дал мне пластину и что значат слова Мэтиоса.

Закрыв глаза, я представила его лицо, волнистые волосы, залысины, светлые глаза чуть навыкат, алые губы. Мне даже показалось, что удалось к нему прикоснуться, достучаться, и он услышал меня. Сейчас запахнет жженой серой, и он возникнет посреди комнаты...

Ну же, Незванный, Вельзевул, Асмодей, Люцифер или как там тебя, яви мне свой темный лик!

Другая бы на моем месте трепетала от ужаса, ожидая воплощенное зло, меня охватило

какое-то горячее веселье. Чего бояться, если мы хорошо знакомы и даже пили вместе?

Шли минуты, но Незванный не появлялся, и вскоре стало ясно, что он не придет — не считает нужным, или ему попросту нельзя.

Пока размышляла, окончательно рассвело, и я углубилась в чтение фолианта. После того как главный демиург уснул, сам собой поднялся Драконий Хребет и разделил мир на две части: мир Справедливости, где каждому воздается по делам его, и Беззаконные земли, где не действовали «законы людские и божьи». Потому там плодились нелюди: оборотни, питрисы, встречались странствующие духи, демоны-подселенцы. Все понятно, но кто такие питрисы?

Здесь оборотней не водилось, духи и демоны появлялись изредка, правда, питрисы все равно рождались, причем у простых людей. Надо у кого-нибудь спросить, что это за зверь такой. Очень редко, даже несмотря на обряд Отречения, в женщине пробуждались ведьминские наклонности.

О, как интересно! Ставим галочку: разузнать про ведьм и обряд Отречения.

Заповеди этого мира отличались от наших. Помимо законов, призванных облегчить работу Спящего, существовал божественный свод правил. Местный бог не велел поклоняться ему и кого-то любить и почитать, все сводилось к «не навреди умышленно». Зато имелся целый раздел, посвященный нелюдям и ведьмам. С ними люди не церемонились, разрешалось убивать оных без суда и следствия, кроме ведьм, их следовало ловить и отдавать магам из ордена Справедливости.

Стало так интересно, что я не сразу обратила внимание на отчетливый цокот копыт, вплетающийся в пение птиц, приветствующих своего солнцеликого бога. Момент, когда скрипели открывающиеся ворота, я проморгала.

Неужели это он, будущий муж? Сердце ухнуло в пятки, я метнулась к окну, села на подоконник, чтобы лучше слышать, что происходит снаружи, — отсюда все равно не было видно двор. Цок-цок, цок-цок — как маятник часов. Лошадь, точно одна, значит, это не экипаж. Господи, пусть Ратон будет хотя бы симпатичным!

Донесся радостный мужской возглас — это кто-то из стражников. Вроде бы прозвучало «бэрр». Точно, жених приехал! Захотелось куда-то себя деть, желательно провалиться под землю.

Цокот стих. Заговорила женщина, вроде Саяни. О господи! Я слезла с подоконника, подбежала к зеркалу. Вдруг он прямо сейчас зайдет, а я неумытая и нечесаная? Из зеркала на меня взглянула молоденькая чернобровая девушка с чувственными губами. Привыкай, Оля, ты теперь такая. С локонами ниже пояса и ресницами до самых бровей. В своем мире эта девушка не сходила бы с обложек журналов, здесь она считается страшилищем.

Почему бы не перевернуть их представление о прекрасном с ног на голову?

В коридоре затопали, я сбросила сорочку, вошла в сиреневое платье-медузу, застряла, еле протиснулась, но сзади зашнуровать его так и не смогла. Черт, это обязанность служанок! По идее, жених не должен заявиться, пока невеста не готова.

В дверь постучали.

— Кто? — спросила я, села на кровать.

— Доброе утро, Вианта, — проговорила Саяни. — Открой, пожалуйста, есть разговор.

На княгине было темно-сиреневое бархатное платье с оборками на талии, утянутое на груди и бедрах. Выющиеся волосы служанка уложила на темени в цветок, из его сердцевинки свешивались три локона.

Закрыв за собой дверь, Саяни оглядела меня с ног до головы. Вздохнула и прошептала:

— Благородная бэрри, просыпаясь, обычно зовет служанку, чтобы та вынесла ночной

горшок, помогла одеться и уложить волосы. И только потом бэрри читает книги, завтракает и занимается другим.

— Горшок мой пуст, — отшутилась я. — Имею привычку ходить в уборную на этаже.

— Вианта тоже так делала, — сказала Саяни, села рядом со мной, открыла книгу, бездумно прочла пару строк.

— Ты идешь правильной дорогой. Еще немного, и привыкнешь...

— Ратон приехал? — спросила я, она кивнула. — Тогда зови Лиису, пусть уложит волосы. Хочу, чтоб прическа была похожа на твою.

Или мне показалось, или Саяни вздохнула с облегчением, встала и зашагала к выходу. Видимо, она боялась, что я взбрыкну, откажусь от свадьбы, и она не сможет воссоединиться с любовником.

Лииса появилась в течение минуты, отвела меня в купальню, которая находилась на первом этаже за кухней, где натопленная печь уже дышала жаром. Лииса с корзиной, где имелись всевозможные склянки, ждала, когда я разденусь — тут было принято обнажаться при служанках, но я отослала ее, попросив рассказать, в какой склянке что хранится.

Подождав, пока она исчезнет, я тронула ногой воду в мраморной купальне, села, погрузившись по шею, вылила на волосы смесь желтков и хвойного концентрата. Какой ты, Ратон? От тебя зависит моя жизнь и счастье. Правду мне, понятное дело, никто не скажет — Саяни заинтересована в нашей свадьбе и нахваливает тебя.

Так хочется верить, что Ратон окажется хорошим человеком, к тому же приятным на вид!

Я запрокинула голову и погрузилась в воду с головой так, что на поверхности осталось только лицо. На потолке танцевали блики преломленного света свечей, тихонько хлюпала вода. Не пытайся отсрочить неизбежное! Тебе нужно взглянуть в лицо своему страху. Будь сильной!

Вытершись полотенцем, больше похожим на простыню, я позвала Лиису, которая прошептала, затягивая завязки на моем платье:

— Он собирается посетить вас, я слышала, как они говорили... Вы волнуетесь?

— Конечно. Я совершенно не помню человека, с которым у меня скоро свадьба!

— На севере, откуда я родом, часто так случается. Девушки не видят своих женихов до свадьбы. Потом многие плачут. Вы хоть отказаться можете... — Она вздохнула. — Ратон — хороший. Много женщин завидуют вам. — Она принялась вытирать мои волосы.

— И ты? Лучше обрати внимание на Амиля, по-моему, он человек чести и интересен как мужчина.

Лииса зарделась, потупилась.

— После вашей свадьбы я хочу уехать. — Она посмотрела на меня жалобно. — Отпустите? Тогда я смогу когда-нибудь его забыть и выйти замуж.

— Конечно, отпущу, ты теперь свободный человек. Если понадобится помощь, обращайся.

— Вы так добры! — выдохнула она. — Добры, как Спящий, да продлится его животворящий сон! Другая бы... Эх...

Одевшись и более-менее просушив волосы, я вернулась к себе, где Лииса принялась мастерить мне прическу, а я все думала о Ратоне, цепенела, потела, дрожала. Когда прическа была готова, я попросила Лиису позвать жениха.

Вдохнула. Выдохнула. Зажмурилась и будто бы увидела себя со стороны: молодая девушка стоит возле зеркала. Кулаки сжаты, на лбу морщины. Успокойся! Еще пару

дней назад ты думала, что скоро умрешь, теперь все прекрасно! Живи и радуйся.

Донеслись тяжелые шаги: бам-бам, бам-бам. Будто кто-то гвозди забивает. Ой, мамочки! Все ближе и ближе, вот он уже под дверью, стучит требовательно. Я хотела крикнуть уверенно, громко, но получился жалкий всхлип:

— Войдите!

Скрипнула дверь, и я заставила себя разлепить веки. Кровь оглушительно пульсировала в висках, я оглохла от ее грохота.

Он переступил порог и остановился. Чуть выше среднего роста, поджарый, в черной рубаше до середины бедра, перехваченной кожаным ремнем с золотой бляхой, в коричневых кожаных штанах и некоем подобии гетр, закрепленных золотистыми ремешками чуть ниже колен.

Никакого сходства с Эдуардом! Мало того, Ратон, хоть и не был лишен обаяния, выглядел на все пятьдесят. Высокий лоб, слишком открытый, из-за чего кажется, что зачесанные назад светлые (или седые?) волосы растут с середины головы. Брови светлые, с изломом. Правая перечеркнута шрамом и состоит будто из двух частей. Глаза слишком крупные для такого узкого лица, чуть навывкате, как у варана, прикрыты веками с опущенными уголками, переходящими в «веселые» морщины, какие часто бывают у улыбчивых людей. Нос прямой, с небольшой горбинкой. Губы обветренные, почти белые, из-за чего кажется, что их нет. Кожа смуглая, высушенная ветром.

— Приветствую тебя, моя радость, — проговорил он глубоким контральто, улыбнулся, и по смуглым щекам побежали лучики морщин, его лицо преобразилось и уже не выглядело мрачным, казалось, что его глаза излучают свет и тепло.

Был бы он моложе лет на десять, обратила бы на него внимание. Хотя... нет, не стала бы связываться: кажется, что он только притворяется дружелюбным, у него есть второе дно.

— Как ты себя чувствуешь? Саяни сказала, что ты потеряла память.

— К сожалению, — вздохнула я, продолжая его изучать. — Она говорила, что вы — мой будущий жених, мы знакомы и, наверное, нравились друг другу, но я совершенно ничего не помню.

Ратон усмехнулся:

— Не столько нравились, сколько нуждались друг в друге. Йергос, глава ордена, говорит, что сердце Спящего стало биться реже и слабее. Такое случалось дважды, и каждый раз земли Справедливости охватывала война. Подозреваю, что на земли твоего княжества, которые возле Шелкового озера, собирается претендовать Единство Трех: Фредерики, Зонны, Рункисы, поэтому ты и согласилась сочетаться со мной брачным союзом. Конечно же, изучив расстановку сил и взвесив свои шансы на победу.

— Да, наверное, мой долгий сон — их рук дело, — сказала я. — Они попытаются снова добраться до меня, и неплохо бы удвоить охрану во время помолвки.

— Наша договоренность в силе? — Ратон вскинул бровь.

Сколько ему лет? Пятьдесят? Или сорок пять, просто тут люди живут меньше и быстрее старятся? Я представила, как он садится на кровать, кладет руку на мой затылок, притягивает меня к себе и касается щеки шершавыми губами. Он нежен, настойчив, опытен, будет долго дразнить прежде...

Фантазируя, я опять завела себя, посмотрела на Ратона другими глазами. Мое тело говорит, что близость с ним не только возможна, но и принесет мне радость. Причем хочется, чтобы прямо сейчас его смуглые руки с тонкими пальцами подняли платье и...

Ну дождись ты уже свадьбы! Тебе что, не принципиально, с кем в постель ложиться? А кем ты себя почувствуешь потом, ты подумала? А что, если у Эда есть двойник в этом мире?

Нет, не позволяй портить себе жизнь иллюзиям!

— В силе, — кивнула я, вскинула голову и встретила с ним взглядом.

— Не беспокойся о страже, я распоряжусь.

Ратон никак не выдал своей заинтересованности, улыбнулся, шагнул ко мне и положил руку на макушку — я замерла, сердце заколотилось. «Давай же, садись рядом, обними меня, смотри, какая широкая кровать — будем кувыркаться», — обрадовалось тело. «Ой, мамочки», — подумал разум. Меня словно тянули в противоположные стороны два живущих во мне разных человека. Один жаждал секса, все равно где и с кем, второй старался все логически осмыслить и засунуть в рамки морали, куда меня, то есть Ольгу, загнала еще покойная бабушка, считавшая, что до свадьбы — ни-ни. Сама я в последнее время убедилась, что хороший секс возможен только по любви.

— Не бойся, я дам тебе время, чтобы привыкнуть ко мне, — сказал он и убрал руку, сел на край кровати. — Если бы ты не уснула, свадьба должна была бы состояться послезавтра, ее пришлось отменить. Теперь надо обсудить помолвку.

— Она через семь дней?

Я пыталась держать себя в руках, близость Ратона очень отвлекала от мыслей о делах, тело так жаждало его, что пыталось убедить меня, что это любовь с первого взгляда.

Примерно такая же, как к Амилю. Сколько их еще будет и как отличить настоящее от зова?

Понятно, что правильно вычеркнуть его из сердца, чтоб не тянул на дно. Но как это сделать, когда понимаешь, что он — самое светлое, самое дорогое, что у тебя было?

— Да, — с промедлением ответил Ратон. — Осталось разослать приглашения и приготовить комнаты для гостей. Саяни предупреждала, что ты сильно изменилась, но чтоб настолько... Такой ты мне нравишься больше.

— Чтобы научиться ценить жизнь, нужно помнить, что можешь ее потерять, — сказала я в общем-то банальность, но Ратон вскинул бровь и резко изменил тему:

— Ты освободила двух слуг. Пару часов назад я думал, что это каприз вздорной девчонки, теперь понимаю, что нет. Почему?

— Потому что свободными они будут служить мне лучше, — ответила я, не раздумывая. — Если вы предполагаете, что грянет война, нужно сделать так, чтобы люди нас любили и им было что терять. Посоветовала бы на помолвку и свадьбу отменить работы в поле и в каждой деревне устроить петушинные бои, где победители получают вознаграждение, и устроить бесплатную раздачу еды. Накануне больших испытаний мы должны быть добрыми господами.

— наших врагов, Фредериков, простолюдины и так ненавидят. Но не будет ли слишком дорого...

— Надо рассчитать, как отделаться дешево, и чтоб управляющий не украл ни нома. В любом случае получится дешевле, чем свадьба в замке, а отдача будет больше. Подумайте над этим.

То ли мне показалось, то ли умудренный сединами жених смотрел на меня настороженно.

— Разумное предложение. Но кто будет этим заниматься?..

— Поручите Амилю, он не подведет. Это освобожденный стражник.

Ратон так и ушел с поднятой бровью, которую шрам разделил на две половины.

Не слишком ли я резво взялась за реформы? Может, правильнее было прикинуться дурочкой? Вдруг все-таки планы Ратона относительно меня не такие уж и обоюдовыгодные? Время покажет. Имея такие перспективы, грех ими не воспользоваться. Избежав смерти благодаря местному дьяволу, я стала воспринимать жизнь как игру. Только изредка, касаясь шеи, я задевала пластину на тонкой цепочке и

вспоминала, что просто так ничего не делается. Незванный просил найти его. Обязательно ли выполнять его просьбу? Пока меня все устраивает, вопрос, дадут ли мне спокойно жить? И главное: получится ли обрести смысл жизни, каким для меня был Эдуард?

Глава 7

Седьмой день свободы

Я и Саяни стояли на балконе, похожем на ВИП-ложу в театре. От гостей, гудящих внизу, нас отделяла полупрозрачная занавеска. Сверху мы видели знать, сидящую за столами, расставленными вдоль стен, но оставались невидимыми для них. Блестели лысины, диковинными цветами колыхались пестрые мужские головные уборы, дамские причудливые прически в форме роз, ромашек, птиц. Сиреневыми бабочками между столами порхали служанки.

Сначала я искала между гостей Эдуарда и даже находила его, но это была иллюзия, как тогда, на базаре. В конце концов я заставила себя думать не о нем, а о будущем.

На мраморном возвышении возле стены дирижер взмахнул рукой, и четыре мужчины в длинных сиреневых рубахах, перехваченных на поясе, ударили по струнам вытянутых овальных инструментов, здоровяк с роскошными черными усами принялся бить в пузатый барабан, нажимая педали и извлекая звук из барабанчиков, стоящих на полу. Девушки, сидящие на стульях по краям оркестра, поднесли флейты к губам и замерли, ожидая момента, когда нужно играть.

Музыка понеслась по гулкому залу, быстрая, легкая, как весенний ветер. Казалось, что это она колышет листья за огромным витражным окном. Лысый мужичок в зеленом кафтане, зеленых обтягивающих штанах (теперь я знала, что они назывались шосссами), сидящий во главе стола, развернулся к музыкантам и принялся притопывать. Носки его кожаных туфель были такими длинными, что пришлось их скрутить «улиткой». Этот человек — городской управитель вольного города Дааль, обитатели магов и торговцев.

Когда заиграли флейты, лысый растолстевший эльф не выдержал и пустился в пляс, увлекая такую же круглую даму в темно-красном платье, с двумя башнями, сооруженными из темных волос. Его примеру последовал длинный худой бэрр с залысинами и бакенбардами, одетый в серый пиджак — сюркотту, — обильно украшенный самоцветами, он танцевал с такой же высушенной тонкой женой в сером мешкообразном платье.

С другого конца зала, просматривающегося хуже, выпорхнули еще две пары: кудрявый брюнет в бордовом кафтане с золочеными пуговицами, видными даже отсюда, и длинными рукавами, разрезанными до локтя и свисающими чуть ли не до пола, он пригласил блондинку в золотом; и русоволосый мужчина в треуголке с золотыми бубенцами, в золотом коротком пиджаке и облегающих штанах, подчеркивающих его солидное достоинство. Этот, золотой, скорее всего, был ревнивым мужем блондинки и пригласил жену брюнета — даму с распущенными черными волосами ниже ягодиц.

— Видишь этого, бордового?

— Цвета правящей династии Изумрудов, — прошептала я, не спуская глаз с брюнета, кружащего блондинку.

— Ты правильно запомнила, — кивнула Саяни и прошептала в самое ухо: — Это принц Ларсо Элио, четвертый, самый младший сын короля. О его подвигах в постели слагают легенды. Говорят, что он может осчастливить даже самую холодную женщину. Он сам утверждает, что его предназначение — делать женщин счастливыми.

— Брюнетка — его жена? — удивилась я. — Она закрывает глаза на его похождения?

Саяни пожала плечами:

— А что ей остается? Ей завидуют многие. Он не бывает ни с кем чаще трех раз, — мечтательно проговорила Саяни и вздохнула. — Говорит, иначе его не хватит надолго, а вокруг столько женщин, которые в нем нуждаются.

Да, Ларсо выгодно отличался от остальных приглашенных: грациозный, статный, уверенный в себе, а главное, фамильный цвет шел ему как никому другому. И лицо у него наверняка яркое, запоминающееся, жаль, отсюда не видно. Саяни говорит о нем, как о любовнике, о котором остались приятные воспоминания, и смотрит с тоской...

— Саяни! — проговорила я, наклонилась к ней: — Ты тоже с ним?..

Княгиня улыбнулась с некоторым превосходством:

— Мне было двадцать три, ему — восемнадцать. Забыть его очень трудно. Так что советую его соблазнить.

Я отыскала его среди танцующих: он крутнулся вокруг своей оси — рукава описали круг, — схватил блондинку за руку, притянул к себе, перегнул через вторую руку назад, выпрямил, крутанул. Остальные пары, их было уже шесть, делали так же, но я смотрела только на него и не верила, что мне удастся его заинтересовать, ведь я, по местным меркам, страшненькая, к тому же оделась непривычно для них, но так, как мне нравится. Жена Ларсо тоже шокировала публику приталенным облегающим платьем.

— С бакенбардами, в сером, — граф Баррелио, его княжество на северо-востоке, рядом с северными землями Ратона. Он на десять лет был отвергнут высшим светом за то, что смел жениться на простолюдинке, как выяснилось, незаконнорожденной дочери брата его отца, по сути, на своей кузине, и лишен титула, потом стараниями Ратона девушку восстановили в правах, а ему даровали прощение. Его жена на светском приеме первый раз в жизни.

— Смелый граф, — оценила я, отыскала взглядом серые фигурки, и супруга Баррелио сразу показалась привлекательнее.

— Когда он сообщил о своем решении отцу, старый граф скончался от удара, не успев лишить сына наследства. А теперь встань на цыпочки и посмотри на столы, которые под нашим балконом.

Я вытянулась, коснулась лбом занавески и увидела только крайний стол, третий от стены. Десять человек сидели лицом к музыкантам, десять — спиной...

— Присмотрись к женщине в салатном платье, которая во главе стола, запомни ее.

Все, что я видела, — каштановые волосы, уложенные волной и украшенные розовой розой. Трудно даже было сказать, молода женщина или нет, полна или худа. Слева от нее сидел темноволосый мужчина в салатном кафтане, за ним — старуха в одеянии родового цвета.

— Это княгиня Элайна Фредерик-Зонн. — Или мне показалось, или в голосе Саяни появились нотки недовольства. — Самая алчная, хитрая и изворотливая гадина из всех, кого я знаю. Это она пыталась тебя отравить и попытается снова.

— Но рядом с ней — муж. Или нет?

— Ее сводный брат, возможно, любовник, — поморщилась Саяни. — Но и муж имеется, князь Ледаар Фредерик, его цвет — синий. Он — само благородство, избегает высшего общества и женщин, войско тренирует, в то время как жена интригует за его спиной. Ума не приложу, как эти двое вместе уже столько лет!

Стало жаль неизвестного мне Ледаара, как было жаль Эдуарда, женатого на такой же упырихе. Будто почувствовав мой взгляд, Элайна запрокинула голову и посмотрела на пока еще пустой балкон. Я отшатнулась и сжала кулаки, потому что она очень напоминала Лену, жену Эдуарда. Такое же чуть одутловатое лицо с самодовольно вздернутым подбородком; темные глаза, жидкие коричневые брови, присыпанные мукой, короткий вздернутый нос, фальшиво улыбающийся рот. Нет, просто кажется. Конечно же, это не она, а такой же типаж.

Когда я нашла Лену в Интернете, она потом преследовала меня: мерещилась в толпе, попадалась на станциях метро, смотрела из маршруток. Но стоило приглядеться, и становилось ясно, что я просто увидела похожего человека.

В прошлой жизни моему счастью мешала Елена, здесь будет заговоры плести Элайна. Все-таки у мироздания есть чувство юмора.

— Они вдвоем с мужем с нами воюют? — уточнила я.

Саяни ответила, все так же глядя вниз:

— С Фредериков все и началось. Триста лет назад их наследник погиб на охоте, остались два брата-близнеца, которые не смогли поделить княжество. Один был старше на пару минут, следовательно, он и являлся наследником. Его брат считал иначе и обратился за помощью к графам Зоннам. Старший брат прибежал к нам, Эльрихам, мы согласились ему помочь, но заплатить за наемное войско ему было нечем, и он отписал нам земли на западе, возле озера. К тому моменту Зонны опередили нас и заняли столицу, провозгласили своего преемника князем тех земель. Это был холодный и голодный год, сердце Спящего стало биться реже, и маги не вмешивались в мирские дела, потому мы решили не рисковать и не стали продвигаться в глубь княжества, чтобы не терять людей при осаде. Наш наследник, горячий и непоследовательный юноша, посчитал, что мы его предали, и с небольшим войском отправился отвоевывать свои земли, где и сгинул в снегах. Но поскольку мы выполнили обязательства перед ним, земли к северо-востоку от озера отошли нам. Мы с Фредериками до сих пор за них враждуем.

Я слушала ее вполуха. Шевельнулась надежда, что души приходят вместе. А что, если ее до тошноты благородный муж — воплощение Эдуарда? Нет! Не смей об этом думать и тешить себя надеждами. Забудь, что было, живи с чистого листа и наслаждайся новыми переживаниями. Что там делает принц Ларсо?

Танец закончился, заиграла более спокойная музыка, островитянин вернул блондинку мужу и теперь танцевал с черноволосой супругой, то прижимая ее, то отталкивая, то поднимая над головой, то склоняя до земли.

Когда и этот танец завершился, музыканты вытянулись, вздернув подбородки, перестали играть, только усатый барабанщик усиленно работал палочками. Это условный сигнал. Гости принялись отодвигать стулья и вставать, запрокидывая головы.

Саяни потянула за веревку, и прячущая нас штора отъехала в сторону. Одновременно из-за шторы на противоположном конце второго этажа вышел Ратон в праздничном пурпурном кафтане с шитыми золотом петельками и золотым воротником-стойкой. Широкие рукава тоже были вышиты золотом — это я настояла, чтобы мое платье гармонировало с его одеждой и не смотрелось слишком чужеродным.

Ну, не могла я напаялить на себя светло-сиреневую медузу, потому собрала лучших швей и нарисовала им, что хотела бы получить в итоге. Два дня ушло на доставку шелка. Пять суток шесть швей работали не покладая рук, и вот на мне приталенное сиреневое платье с золотыми вставками на вытачках и окантованным золотом декольте. Сзади — золотой стоячий воротник, вышитый пурпурными цветами. Золото гармонировало с моей кожей и волосами, освежало и сводило на нет противный оттенок, подчеркиваемый сиреневым.

Постылые оборки я не стала убирать совсем, иначе местные дамы рисковали умереть от культурного шока, а перенесла их на спину. Пластику Незваного пришлось снять и отдать на хранение Саяни.

Мы двигались навстречу друг другу вдоль стола, где сидели родственники жениха и Арлито, миндалевидные глаза которого округлились при виде меня. Или мне показалось, или он смотрел на меня с восхищением, а вот Ратон поджал губы. Видимо, мой слишком смелый наряд его неприятно удивил.

Музыка стихла. Гомон гостей тоже стих. Десятки лиц были обращены вверх, на нас. Воздух звенел от напряжения. Мы с Ратоном встретились напротив сходящей вниз лестницы из белого мрамора. Левой рукой подняв мою правую горизонтально полу, жених повел меня по ступеням. На миг крайние столы внизу исчезли из поля зрения за белыми балясинами.

Когда мы преодолели лестничную клетку в форме овала, с каждой пройденной ступенькой взору открывался танцевальный зал. Сначала — музыканты, замершие над своими инструментами и обратившие лица к нам. Крайний от стены стол, второй стол. Гости, гости, гости. Пестрые наряды, удивленные лица — бледные, смуглые, припудренные.

...Второй стол с гостями, третий. Три стола с другой стороны зала. Мы с Ратоном преодолели последние ступени и остановились в середине танцевального зала, прямо

под огромной золоченой люстрой с сотнями свечей. Я понимала, что не следует смотреть на отдельных людей, но все равно чуть повернула голову, попыталась найти Ларсо, чтобы рассмотреть его получше, но взгляд натолкнулся на Элайну в салатном платье. О, сколько презрения было на ее лице! Сколько немого превосходства!

Я глянула на других женщин и поняла, что они делятся на две группы: одни меня презирают, другие — жалеют. Захотелось провалиться под землю. Законодательница мод! Клоун ты. Забавный уродец в шутовской одежде. Это тебе она кажется красивой, а остальные смеются над твоей экстравагантностью.

Поздно отступать, смирись, что ты по местным меркам дурнушка. Любуйся собой молча, занимайся хозяйством, рожай детей и молись, чтобы они пошли в мужа. Красота — понятие относительное, мода — это проститутка, и не тебе завоевывать ее благосклонность.

Грянула музыка — торжественная, величественная. Мне предстояло исполнить танец невесты. О, сколько времени мы с Саяни убили, чтобы разучить его! Благо тело Вианты помнило движения, ведь девочек этому танцу учат с детства.

Ратон вел. Он поднял мою руку вверх, отпустил ее. Так, теперь не сбиться бы. Если невеста ошибется, это считается плохой приметой. Два шага назад, два влево. Шаг-поворот, шаг-поворот. Сесть на колени и склонить голову. Теперь — смотреть на Ратона и считать про себя. Восемь, семь, шесть... Ратон взмахнул руками, развернулся в прыжке, шагнул ко мне и на счет «два» накрыл мою голову ладонями.

Опять считать. Сидеть, склонив голову, и считать. На счет «раз» Ратон убрал руки и поднес к моему лицу, я припала к ним губами, встала рывком и закружилась по залу. Спасибо, тело отлично чувствовало музыку, было легким и пластичным. Но соло вскоре закончилось, Ратон настиг меня, и мы закружились в паре.

Телу нравилось танцевать, оно наполнялось радостью, и вскоре я забыла о презрении на лицах дам. Пусть проваливают в пекло! Буду улыбаться и светиться от счастья — назло и вопреки.

Увлечшись, чуть не упустила момент, когда нужно остановиться. Ратон тоже замер, сорвал с меня сиреневую накидку и заменил ее пурпурной, даже скорее темно-розовой или светло-вишневой, таким образом давая понять, что я отныне буду носить его фамильные цвета.

И слава богу, сиреневый мне совершенно не к лицу.

Разгоряченная, довольная, я повернулась к лестнице, по которой с важным видом спускался Арлитто. На нем был малиновый кафтан с синими и черными вставками, алыми пуговицами с изумрудами. Чтобы возвышаться над нами, вечный подросток остался на второй ступеньке, мы подошли к нему, склонили голову, и маг произнес, стараясь сделать голос взрослым:

— Княжна Вианта Эльрих, принимаете ли вы предложение Ратона Дайр-Маэля?

— Принимаю, — улыбнулась я.

— Согласны ли стать его женой?

— Согласна.

Как требует ритуал, я подняла сиреневую накидку с пола, сложила и отдала Ратону.

— Властью, данной орденом Справедливости, разрешаю этим людям заключить союз.

Мы склонили головы друг перед другом, но уходить не спешили, нам было положено станцевать еще два танца, чтобы раззадорить гостей. После помолвки наступало время раздумий, во время которого жениху, да что греха таить, и невесте можно было наслаждаться последними деньками свободы. Для меня оно должно было продлиться месяц — максимальный срок.

Мне повезло, что общество этого мира оказалось более-менее раскрепощенным и не

побивало камнями неверных жен. Я прежняя, конечно, была бы верной женой, потому что не понимала, зачем изменять, что это дает. Теперь мне, чувствую, трудно будет удержать себя в рамках приличий.

Грянула музыка, и мы пустились в пляс — тело вспомнило движения и начало получать удовольствие от пляски. Зал наполнился веселящимися.

Два танца были парными, а вот третий предполагал обмен партнерами. Передав меня русоволосому молодому графу с лошадиным лицом, Ратон увлек его жену в гущу танцующих. Надо отдать должное, мой будущий муж не был лишен грации и обаяния.

Граф в черно-красном поначалу избегал смотреть мне в лицо, но я улыбалась ему так искренне, что вскоре он оттаял и, когда меня закружил уже знакомый мне толстый эльф в зеленом, которого я была выше на полголовы, сделал скорбное лицо.

— Бэрри, вы неподражаемы! — проблеял эльф.

— Спасибо. Но лесть меня смущает.

— Это не лесть, а истинная правда!

Кружась, мы откочевали в крайний угол зала, и там лицом к лицу столкнулись с Ларсо, танцующим с Саяни. Дыхание перехватило. Казалось, время замерло, и все обесцветилось и смазались, осталось только его лицо. Черные кудри с едва заметными прядками седины, смоляные брови с изломом, раскосые глаза, темно-карие с желтыми крапинками; тонкий хищный нос, чувственные губы... Он смотрел на меня не мигая, жадно.

А потом пузырь иллюзий лопнул, и меня увлекла толпа.

Следующим моим партнером был высокий князь в сером — тот самый, что женился на простолюдинке. Я сосредоточила внимание на нем, заставляя себя не думать о Ларсо, но, как ни старалась, я чувствовала, что он где-то рядом.

Нельзя показывать, что он интересен мне, все равнодохлый номер — ему отдастся каждая женщина, он привык к доступным, привык нравиться. От меня он этого не дождется. Буду с вожделием смотреть на будущего мужа.

Или без толку это все? Ларсо, опытному сердцееду, одного взгляда на меня достаточно, чтобы все понять? Как бы то ни было, не буду на него смотреть. Не дай бог влюблюсь, а я могу! Тогда все пропало, потому что в этом теле невозможно бороться с чувствами.

Ратон порхал мотыльком. То одну даму порадует вниманием, то другую. Меня как будто бы и нет! Я совершенно ему не нравлюсь, несмотря на то что в дочери гожусь.

Танец закончился. Серый граф Бареллио откланялся, и на пару мгновений я осталась одна. Все, кто плясал, сели — запыхались, у меня даже одышки не было. Снова нахлынула неуверенность в себе, я развернулась, чтобы взбежать вверх по лестнице, но чуть не натолкнулась на Ларсо, остолбенела.

— Позвольте вас пригласить? Сейчас мой любимый танец, Аделия.

Поборов смущение, я улынулась в ответ:

— Вам, наверное, сказали, что после болезни я не помню, что было раньше, потому вынуждена вам отказать — боюсь ошибиться и стать посмешищем, ведь танцы я тоже не помню.

Что ты делаешь?! Немедленно соглашайся!..

Все так же улыбаясь, Ларсо шагнул за спину, обнял меня за талию и сделал два шага, увлекая за собой.

— Расслабься, он несложный, я буду вести, — проговорил он, склонившись так низко, что его губы щекотали мое ухо.

Удивительно, но тело помнило движения. Поначалу я не могла расслабиться — стоило

вспомнить его губы, как по коже бежали мурашки.

Сначала мы двигались на расстоянии друг от друга, потом Ларсо прижался ко мне сзади, как и остальные мужчины — к своим дамам. Я попыталась отстраниться, но он притянул меня к себе. Будем считать, что так положено, Ратон не начнет ревновать.

Потом мы развернулись лицом друг к другу, Ларсо снова прижал меня, придерживая за талию, и теперь танец напоминал танго. Он смотрел на меня, не отрываясь и не мигая, столько власти и уверенности было в его взгляде, что я таяла, таяла, падала в неизвестность. Хотелось, чтобы музыка закончилась, люди исчезли, остались только мы, чтобы я тоже обняла его и положила голову ему на плечо.

И опять я чуть не потеряла момент, когда нужно кружиться, отстраняясь. Снова кружиться, падая в его объятия. Прогибаться в талии, чуть ли не касаясь затылком пола.

Снова мы ступаем, буквально слившись воедино. Ларсо шагнул назад и, как бы невзначай проведя щекой по обнаженной шее, проговорил:

— Если ты потеряла память, значит, не знаешь историю Аделии. Пойдем прогуляемся в сад, и я расскажу тебе.

При мысли об этом ноги подкосились, и я покачала головой:

— Может быть, в другой раз?

Я отыскала взглядом Ратона. Ему было все равно, чем я занимаюсь, — он подошел к одному из столов и развлекал почтенную публику веселыми историями. Ах так...

— Тогда подари мне еще один танец. — Он протянул руку, и я накрыла его ладонь своей.

Он тут же сжал ее, надавил на холм Венеры и сплел пальцы с моими. Ничего особенного не было в его жесте, но каким-то дивным образом он вложил в прикосновение столько сексуальности, что в нем интимного было больше, чем в ином поцелуе. И вот мы снова обнимаемся, с едва заметной улыбкой Ларсо прикасается ко мне, танцуя. То как бы случайно дотронется до груди, то коснется плеча, то стиснет талию. Только сосредоточишь внимание на его прикосновении — а Ларсо отстранился, словно ничего и не было.

Третий танец мы опять были вместе. Теперь я с нескрываемым удовольствием ловила завистливые взгляды дам, которые рассчитывали провести с Ларсо хоть немного времени. Его жена тоже смотрела, но безучастно, будто ее любимый муж собирался не изменить ей, а делал что-то обыденное.

На четвертом танце Ларсо оставил меня, но я и сама понимала, что пора и честь знать. Гордо вскинув голову, поднялась по лестнице вверх, встала на балконе, там, где на перила оперся задумчивый Арлитто. Только сейчас до меня дошло, что он похож на Ларсо, как младший брат.

— Говорят, он творит чудеса в постели, — задумчиво прошептал Арлитто и ядовито улыбнулся. — Потом расскажешь?

Первым желанием было выпучить глаза и напустить на него, оправдываясь и краснея, но я вовремя взяла себя в руки, ответила ему такой же улыбкой:

— Обойдешься... Подожди-ка... Малыш, ты что, ревнуешь?

Арлитто терпеть не мог, когда его называли малышом, но обычно сдерживался, сейчас же в его черных глазах хлопотала ярость. Что так задело его? Все время до помолвки, когда Саяни усиленно учила меня танцам и хорошим манерам, он вел себя дружелюбно, помогал по мере сил, шутил, мне нравился его острый ум и черный юмор. Теперь же маг почему-то ополчился на меня.

Некоторое время мы стояли молча и смотрели на танцующих. Когда Арлитто немного успокоился, я проговорила:

— Ратон не обращает на меня внимания. Мне кажется, это невежливо.

Арлито повернулся ко мне и заглянул в лицо:

— Он тебе хоть немного нравится? Ратон.

Я дернула плечом, наблюдая, как будущий муж веселит гостей:

— Ратон хороший вариант для меня, да и как мужчина он приятный. Приятней остальных.

— Да? Приятнее Ларсо?

— Нет, — ответила я честно. — Но за Ларсо меня не заставил бы выйти замуж даже Спящий. Бедная его жена.

Ответ Арлито удовлетворил, и он окончательно успокоился.

— До женитьбы и ты, и Ратон имеете право вести себя фривольно. И еще хочу предупредить, что Ратон очень любил Саяни, ему сложно было ее отпустить, так что не рассчитывай на многое.

Я вздохнула, отыскала Элайну, которая испепеляла взглядом темноволосую служанку, наливающую ей вино. Запрокинула голову, зыркнула на меня и сразу же отвернулась.

— Вот гадюка, — прошептала я. — Арлито, сделай, чтобы она упала.

— Не могу, — с азартом сказал он. — У нее защитный амулет, недавно заряженный. Но сбросить ей в вино муху мне под силу.

— Лучше осу.

— Осы нет поблизости. Могу заслать крысу в ее ночной горшок. Но она гостей разбудит, все подумают, война...

Я развеселилась, кивнула:

— С крысой ты хорошо придумал. А муху не надо, мегера на служанке отыграется.

Мы вернулись к гостям, я уселась на свое место рядом с пустующим стулом Ратона, напротив его печальной сероглазой племянницы, которая была старше меня лет на пять. Ее мать, такая же серая и печальная, с морщинистым полумесяцем рта, смотрела на меня свысока. Здравствуй, золовушка! Да-да, мы теперь почти родственники.

Вторая золовка, помоложе, возрастом как моя матушка, сидела правее этой с мужем и для своих лет выглядела неплохо. За ней сгруппировались трое ее сыновей и две дочери, одна — моя ровесница, вторая лет десяти от роду, похожая на отца как две капли воды: такая же круглолицая, веснушчатая и безбровая. Арлито уселся во главу стола, потер руки и придвинул к себе молочного поросенка. Будто из ниоткуда появилась Лииса, встала между нами:

— Что изволит бэрри?

— Налей мне нектара, — распорядилась я. — Моего любимого, черного. Обедать буду фазанами, овощами, как обычно, перепелиными яйцами, начиненными черной икрой.

Золовка неодобрительно пожевала губами, покосилась на бокал, куда тонкой струйкой тек густой нектар. Правильно, молчи!

— Мне тоже налей нектар, — сказал Арлито.

Хотелось пошутить, что алкоголь вреден растущему организму, но я не стала наступать Арлито на больную мозоль. Доверие он пока не заслужил, зато я начала думать, что он славный малый, — зачем обижать его?

Что касается окружающих меня людей, то мне повезло: прямая, откровенная Саяни, мудрый Арлито, душа-человек Лииса, начальник стражи верный Леон, который меня младенцем помнил. Только экономке Тайе я по-прежнему не доверяла, она напоминала одновременно мертвеца и робота. Саяни уверяла, что она неплохой человек, просто два

ее сына один за другим умерли от неизвестной болезни, Тайя слегла с нервной лихорадкой, а когда выздоровела, стала такой.

— Давайте выпьем за то, чтобы этот союз был счастливым, — проговорил Арлитто, цокая ложкой по бокалу — моя будущая родня повернула головы. Все так же подняли бокалы, кружки и принялись стучать по ним — своеобразная форма чоканья, однако.

Нектар по вкусу напоминал сироп из самой сладкой хурмы. Его делали из каких-то южных ягод, примерно как вино. Хотелось зажмуриться, чтоб не видеть недовольные физиономии родственничков, и мурчать от удовольствия.

После второго бокала нектара потянуло на приключения, Арлитто так вообще окосел — ему для счастья нужна меньшая доза — и предложил спуститься потанцевать. Почему бы и нет? К счастью, Ларсо не было среди танцующих. Стало тоскливо и радостно: с одной стороны, мне льстило его внимание, с другой, я боялась увлечься им.

Мы плясали исступленно, как в последний раз в жизни, никого вокруг не замечая. Изредка взгляд выхватывал из толпы то одно лицо, то другое. Женщины больше не презирали меня, смотрели с интересом. Только Ратона я по-прежнему не интересовала. Ну и пусть!

После двух танцев снова последовал тот, где надо меняться партнерами, и меня увлек похожий на крупное полено светловолосый дядя с бакенбардами, плавно переходящими в аккуратно постриженную бородку. Что обратило на себя внимание — этот человек пренебрегал фамильными цветами. На нем были светлые шоссы, укороченный спереди золотой кафтан с зелеными вставками, из-под которого выглядывала шелковая черная камиза — так назывались нижние рубашки.

На золотых пуговицах переливались крупные бриллианты, самоцветы поменьше украшали зеленые вставки кафтана. Сразу видно, что этот человек баснословно богат.

— Бэрри, ви обворожительни, — проговорил он со странным акцентом.

— Спасибо. — Я подарила ему искреннюю улыбку и подумала — поскорее бы мне достался другой партнер, от этого веяло напыщенностью и снобизмом, и двигался он, как и подобает крупному бревну.

Мужчина откланялся, и под руку меня взял непонятно откуда появившийся Ларсо. Мы понеслись по залу, неотрывно глядя друг на друга.

— Знаешь, кто это был? Барон Рйонд. Один из богатейших людей, подданный вон того человека в сером...

— Баррелио.

— Да. Трудно поверить, что когда-то он был простолюдином. Купил титул у Баррелио.

— Ну и молодец, — улыбнулась я.

Он положил руки мне на талию:

— Позвольте еще один танец? Этот — медленный.

Голова закружилась, я кивнула, встретилась взглядом с недовольным Арлитто и виновато отвернулась. Только танец — и все. Один. Последний.

— Да.

Ларсо облизнул нижнюю губу и повел меня, он смотрел, как голодающий на конфету, но вел себя скромно. Едва заметно стискивал мои бока, старался прикоснуться.

— На нас все смотрят, — прошептала я ему на ухо, он скользнул в сторону так, что мы оказались лицом к лицу, шевельнул губами:

— Ты стыдишься меня?

— Нет-нет, мне просто неловко.

— Тогда давайте выйдем, побеседуем в саду...

Видимо, на моем лице отразился такой ужас, что Ларсо добавил:

— Неужели ты думаешь, что я трону тебя помимо твоей воли, у всех на виду? Если бы я так поступал, то не дожил бы до своих лет. Обещаю, что мы просто побеседуем — тут слишком громко. К тому же твой равнодушный муж нуждается в некоем уроке...

— Хорошо. Давайте, пока светло. Танец закончится, и выйдем.

— Сначала я, потом ты. — Он крутанул меня, и мы понеслись по залу.

Когда танец закончился, Ларсо оставил меня и направился к выходу, отмахиваясь от дам, я отказала поленообразному барону Рйонду и, сославшись на головокружение, зашагала к двери, где дежурил синеглазый Амиль.

На пороге завертела головой, пытаюсь отыскать Ларсо. По мощенной брусчаткой дорожке прогуливались две незнакомые пары. Скучал стражник, поглядывая по сторонам. Из беседки доносился мужской голос, когда он стихал, хохотали женщины.

Что ты делаешь, дурочка! Кто-то пытается от тебя избавиться, вдруг это именно он? Поворачивайся и уходи! Только я собралась ретироваться, как заметила Ларсо возле зарослей жасмина. И сердце пропустило удар.

Вопреки ожиданиям он не стал звать меня в сад, а направился ко входу в замок, я зашагала навстречу, и мы встретились, немного не доходя до беседки.

— Вы обещали рассказать историю танца.

Он вскинул бровь, вспомнил, кивнул, предлагая мне опереться о руку:

— Ах да! Аделия! Она была принцессой Изумрудов четыреста лет назад, самой младшей в семье, как я. В шестнадцать ее выдали замуж за достойного мужа, князя Элио, на чужбине они прожили пять лет, она подарила ему двух сыновей, но любви между ними так и не было. На приеме в честь рождения племянника Аделия встретила князя Старро, сейчас этот род вымер, и влюбилась. Князь тоже полюбил ее, но они не могли быть вместе, потому что и он, и она имели семьи. Не мысля жизни без него, Аделия сбежала на Беззаконные земли, нашла Изначальный дом — жилище богов, откуда началось сотворение нашего мира, — и повернула время вспять. Но, вернувшись в прошлое и отыскав князя еще до помолвки, она получила отказ — князь тогда был влюблен в будущую жену.

— Похоже на сказку, — не поверила я.

Ларсо кивнул и продолжил:

— Аделия не перенесла горя и прыгнула в море. Но спустя четыре года в доме ее неудавшегося мужа нашли новорожденного младенца, в котором маги определили княжескую кровь. Князь Элио только собирался жениться и был в недоумении. Спустя два года появился еще один младенец, а чуть позже нашли записи Аделии, которая уже много лет мертва. Последнее, что она написала: «Отправляюсь искать Изначальный дом».

В голове все перемешалась, я коснулась руки Ларсо.

— Подождите... Не поняла. Если Аделия вернулась в прошлое, стала шестнадцатилетней девушкой и нашла своего любимого, который ей отказал, и после прыгнула в море, то она никогда не была замужем, откуда могли взяться дети?

— Маги головы сломали, обдумывая это, и сделали вывод, что поступок Аделии как бы слил воедино два хода событий: тот, где она вышла замуж, родила, а после влюбилась и отправилась в Изначальный дом, и наш, где она умерла невинной девушкой. То есть дети перенесли из тупикового мира в наш. Как и ее дневник, из которого мы и узнали эту историю.

— Невероятно. Вы, взрослый муж, сами в это верите?

— Орден долго изучал детей и записки Аделии — вдруг кто-то пошутил, сочинил историю и подкинул князю бастардов. Пришли к выводу, что записи подлинны и малыши — дети князя и имеют право на титул, но не на наследство. Их потомки и сейчас живут на островах. Но не это самое удивительное. Когда появился первый младенец, рыбаки, заплутавшие на Краю Мира, нашли остров, которого там никогда не было, его, как и мальчика, называли Рейни. А через еще два года, после появления второго мальчика, возник еще остров — Тайго, и туман отступил на юг.

Противоречить я не стала, ведь в споре всегда один — дурак, второй — подлец. Ни одним, ни вторым мне быть не хотелось. Гораздо приятней смотреть на Ларсо, купаться в лучах его славы и ловить завистливые взгляды прогуливающих дам. Надо же, несколько часов назад они меня презирали!

— Вианта, я пригласил тебя не для того, чтобы рассказать об Аделии. — Ларсо остановился и сжал мои пальцы — я задержала дыхание, приподняла голову, заглянув ему в глаза.

Если бы не знала, что с рождения защищена от магических атак, подумала бы, что Ларсо околдовал меня. Но нет, у него природный магнетизм, которому трудно противиться.

— Если захочешь меня видеть ночью, зажги две свечи и поставь на подоконник, я буду ждать.

Дыхание перехватило, я раскрыла рот, чтобы возразить ему, но все слова пропали. Ларсо провел пальцем по моей ладони, сжал руки на запястьях.

— Твой старый муж недостойн такого сокровища.

Все, что я сумела сказать, — несусветную глупость:

— Но я же... далеко не красавица. Почему я? Вы... ты считаешь делом чести соблазнить невесту?

Он отпустил меня, запрокинул голову и расхохотался. Закрыв рукой рот, продолжая смеяться, а я непонимающе моргала. Кровь прилила и к щекам, и к кончикам ушей. Только я собралась обидеться, как Ларсо схватил меня и увлек в заросли жасмина, скрывая от глаз гостей.

Лепестки цветов посыпались, как снег. Ларсо прижал меня к себе, схватил за волосы на затылке, запрокинул мою голову и... Я рассчитывала, что поцелует, но нет — приблизился так, что я чувствовала его дыхание, провел языком по щеке и опять отстранился.

— Мне просто нравится делать женщин счастливыми.

Перед глазами плясали разноцветные звездочки, пришлось зажмуриться. Да я готова прямо тут ему отдаться, и в пекло помолвку, свадьбу, гостей! Лишь бы он утолил голод плоти, раздел меня и овладел, наполняя собой. Тяжело дыша, я приоткрыла губы, и мы слились в поцелуе.

Ларсо целовался, наверное, лучше всех в мире. Он покусывал нижнюю губу, прерываясь, припадал к ямочке между ключицами, посасывал мочки ушей и нашептывал, какая я сладкая, что он с удовольствием сделал бы то же самое *там*, если я попрошу. Здравый смысл пульсировал на задворках сознания, а когда Ларсо спустил платье с плеч, стиснул налившуюся грудь, я всхлипнула, затрепетала, закрыла рот рукой, и перед глазами потемнело.

Хорошо, Ларсо сообразил, что происходит, подхватил меня, потерявшую контроль над телом. Оно жило своей жизнью и после пика наслаждения вздрагивало, расслабляясь. Я была ничем. Прышком в воздушных потоках. Листом на водной глади.

Подождав, когда приду в себя, Ларсо прошептал в самое ухо:

— Умница. Какая ты нежная, ласковая. Я приду ночью, поиграем. — Он погладил меня по щеке. — И ты еще раз удивишь меня. Поверь, это сложно — удивить меня.

В низу живота заныло, я посмотрела на него осоловелыми глазами, желая одного — чтобы он не останавливался. Но Ларсо нехотя надел платье на мои плечи. Улыбнулся:

— Жди меня.

Чтобы не портить мою репутацию, он протиснулся между кустами жасмина, вышел с обратной стороны клумбы и направился через парк к небольшому озеру, видимому из окон моей спальни. Сделалось зябко, и я обхватила себя руками, приложила ладони к пылающим щекам. Подождав, пока дыхание успокоится, я поправила платье, ощупала прическу, но Ларсо был нежен, и она не пострадала. Выглянула из-за нависающих ветвей жасмина: никого поблизости не было. Перепрыгнула клумбу, покрытую мелкими голубыми цветами, будто ковром, и направилась к воротам, делая вид, что я грущу и праздно прогуливаюсь.

Когда дорожка взяла чуть влево и имение исчезло из вида, я предпочла вернуться. Лучше не уединяться — не стоит забывать, что я многим мешаю, и, пока не замужем, меня постараются устранить.

— Вианта! — позвали меня ломающимся голосом подростка.

Я вздрогнула, глянула налево, туда, где зеленели березы, и заметила шагающего навстречу Арлито, который тотчас принялся меня отчитывать:

— Где ты была? Я уж подумывал поднимать стражу.

— С Ларсо прогуливалась, слушала его щебетание и сказки.

— И как? — прищурился Арлито.

— Ничего нового. — Я повела плечом. — Но забавно было наблюдать, как у женщин вытягиваются физиономии и они зеленеют от зависти.

Арлито ложью удовлетворился, а я подумала, что еще пара минут, и маг застал бы нас, точнее, меня, в довольно неприглядном виде. И вообще, с чего бы маг ордена — человек, по сути, независимый — вздумал меня опекать? Им запрещено иметь дружеские отношения с князьями подконтрольных земель.

Когда мы поравнялись с беседкой, я шепотом спросила:

— Слушай, а правда, что я красива? Ну, для жителей Изумрудов.

— Божественно красива, — честно ответил Арлито. — Давай вернемся к гостям, мне будет спокойней, и страже тоже.

Гости разошлись далеко за полночь. Нам с Ратоном предстояло покинуть зал последними, и мы наблюдали с балкона, как лакеи утаскивают под руки пьяного господина в бежевом кафтане, сзади коротком, спереди длинном. Толстый эльф в зеленом уснул между горами объедков и костей, его тормозила пухлая жена. Ларсо с супругой ушли одними из первых. На выходе принц обернулся, нашел меня взглядом и кивнул. Вспыхнув, я взяла под руку жениха.

Когда ужинали, он уделял внимание Саяни, смотрел на нее с такой нежностью, болью и вроде с обидой, что невольно просыпалась ревность. Сейчас же я ощущала, что рядом со мной — бесконечно чужой человек, предстоит потратить много сил и нервов, чтобы расположить его к себе. Или напрасно все это? Складывалось впечатление, что Ратон — человек с двойным дном: с виду улыбчивый и дружелюбный, но неизвестно, какие бездны прячутся за его улыбкой.

Поглаживая его руку, я положила голову ему на плечо, закрыла глаза, и тело отозвалось привычным уже томлением, желанием ласки и тепла, ощущение мало отличалось от страсти, которую я испытала во время танца с Ларсо.

Так зачем мне размениваться, если и муж способен меня порадовать? Разве что Ларсо доставит мне еще и эстетическое наслаждение, он красив, к нему приятно прикасаться. Все равно ни один, ни второй не заменят мне Эда — незачем себя мучить.

— Ратон, — проговорила я вкрадчиво и принялась разминать его предплечье. — Мне сложно засыпать одной, как подумаю, что Элайна среди гостей, что она желает мне смерти, так и сон нейдет.

Ратон смотрел перед собой, и взгляд у него был такой, словно он перемножал в уме многозначные числа, а не обдумывал предложение девушки провести ночь вместе.

— Я усилил охрану, тебе ничего не угрожает, — ответил он холодно, освободился и отодвинулся от меня.

Аж зло взяло. Значит, так? Ладно, дорогой будущий супруг, тогда извольте расширить дверные проемы, потому что вам предстоит обзавестись роскошными рогами.

— Спокойной ночи, Ратон, — улыбнулась я по возможности дружелюбно и отправилась к себе.

В своей спальне первым делом я перегнулась через подоконник и посмотрела на горящие окна гостевых комнат. Слуг выселили из двухэтажных домиков возле ворот, которые тоже забили гостями — там пела флейта и доносился женский смех. Из беседки, не видимой отсюда, доносились взрывы хохота. Где ночует Ларсо с супругой, я постеснялась спросить, а он тем более не знает, где меня искать. Или знает?

На улице заговорили голосом, похожим на баритон Ратона, ему на повышенных тонах ответила женщина — вроде Саяни. Из моей комнаты не было видно беседки и брусчатки, освещенной факелами. Только из окон гостевых лился свет, ложился золотыми прямоугольниками на заросшие клумбы, дробился поверхностью пруда.

Подул ветер, зашелестел камышом, принес запах горячей смолы, смешанный с ароматом отцветающего жасмина.

Я рухнула на кровать прямо в праздничном платье, попыталась читать книгу, но снова и снова мысли возвращались к Ларсо, к тому моменту, как я приоткрыла губы, и он поцеловал меня, а потом спустил платье с плеч и...

И опять меня охватил голод, буквально зубы сводило от желания, я не представляла, насколько жажда плотских утех может быть мучительной.

Постепенно голоса стихали, световые прямо-угольники гасли, и дом погружался в темноту и тишину. Лииса помогла мне избавиться от платья, принесла деревянную ванночку и два ведра воды. Пока я мылась, она щебетала, как я была права, что Амиль восхитительный, она больше не любит Ратона, теперь ее сердце принадлежит Амилю, они поженились, и у них будет трое синеглазых детей.

Вытершись и облачившись в котту, я позволила Лиисе расчесать мои волосы. За этим занятием нас застала Саяни, пожелала спокойной ночи и сказала, что оставляет медальон в ящичке трюмо — она принесла мне пластину Незваного.

Когда Лииса закончила, я поблагодарила ее, подождала, пока служанка выйдет, и задула четыре свечи, висящие в углах комнаты. Подошла к окну, выглянула и не стала его закрывать. Глаза привыкли к темноте, и подсвеченные луной деревья казались потусторонними. Вода пруда напоминала стальной щит.

Голоса гостей стихли, только издали доносилось бормотание, но вскоре говорящий смолк, и воцарилась тишина.

Итак, надо зажечь свечи и ждать. Волнительно-то как!

Луна чуть поднялась над березовой рощей, посветлело, и я заметила черный силуэт человека, шагающего через клумбу. На неизвестном был плащ с капюшоном, но даже издали, в темноте я узнала Ларсо по летящей походке, он будто излучал уверенность.

Запрокинув голову, мужчина скинул капюшон. Я невольно отступила в глубь комнаты. Разум завопил, что все пропало. Тело возликовало и выдало порцию адреналина. Ларсо стоял неподвижно, глядя в черное окно. Конечно же, он знает, что я жду его.

Стиснув зубы, я распахнула окно. Ларсо взбежал по стене, оплетенной плющом, с

ловкостью кота, сел на подоконнике, свесив ноги в комнату. Спрыгнул, закрывая створки, направился ко мне, по пути расшнуровывая плащ. Я покосилась на себя в зеркало: длинноволосая девушка в белоснежной сорочке.

Мы замерли в метре друг от друга. Вот он, неловкий момент, когда так трудно сделать шаг навстречу! Чтобы избежать его, придумывают благовидные предлоги, даже когда цель встречи предельно ясна; мне сейчас безумно не хватало такого предлога, ни обаяние Ларсо, ни тело, раньше вспыхивавшее желанием от одних фантазий, не снимали напряжения.

Улыбнувшись, Ларсо потянул завязки, и легкий черный плащ, даже скорее накидка, упал к его ногам, а в руке ненаследного принца оказалась едва различимая в лунном свете баклага — наподобие тыквенных, что продаются в сувенирных лавках.

— Славной ночи, — проговорил он и шагнул к тумбочке, оглядел ее и вздохнул: — Вианта, ты слишком напряжена, расслабься, я пришел, чтобы освежить в твоей памяти вкус хваленного нектара, который делают только в Изумрудах. Жаль, нет бокалов, а я не предусмотрел... Можно присесть?

Не дожидаясь приглашения, он уселся на кровать, разведя колени в стороны, откупорил баклагу, сделал глоток.

— Придется вести себя как дикарям. — Он протянул мне вино, я не решилась сесть, взяла баклагу, понюхала, сделала глоток... Вкус был сладким с горчинкой, чуть вяжущим, как у моего любимого черного мускателя, только гуще, богаче.

— Ммм, восхитительно, — не сдержалась я и опустилась на край кровати, сделала еще глоток, от удовольствия закрыла глаза, а когда открыла их, очутилась в сказке: залитая серебром комната, широкая кровать с балдахином, такая тишина, что слышно, как дышит мужчина напротив — черный силуэт на фоне снежно-белого постельного белья.

Но если присмотреться, то видно, что этот мужчина красив, как бог, рубаха под черным жилетом такая белая, что кажется, будто она горит, волосы, волной ниспадающие до плеч, блестят серебром, а в чуть прищуренных глазах трепещет тот самый огонь, на который тысячи женщин летят, будто бабочки.

Ничего слащавого не было в Ларсо, ничего приторного, ни вызова, ни наглости, ни напора, он был естественным. Протянул руку, взял бутылку, сделал несколько глотков и вернул ее мне. Ни былой страсти, ни натиска — то ли дает время, чтобы я расслабилась, то ли вовсе передумал.

Наконец-то я осознала, что ко мне в спальню через окно залез любовник! А где-то неподалеку спит ничего не подозревающий Ратон, и это немного веселило меня.

Молча мы допили бутылку, Ларсо лег и завел рассказ о виноградниках и вине. Оказывается, то, что мы выпили, он сделал сам. Он говорил, говорил, говорил, голова кружилась от выпитого вина, и его слова тоже кружились, завораживая и утешая, стало наконец спокойно и хорошо, я легла рядом с Ларсо и закрыла глаза. Скрипнула кровать, шевельнулся Ларсо, я щекой ощутила тепло его дыхания — он склонился надо мной, погладил по волосам, пропуская локоны между пальцами, по щеке, опять по волосам, коснулся губами моих губ — казалось бы, обычный поцелуй, но ощущение было, словно он подул на угли, и в низу живота вспыхнуло пламя, прокатилось волной по телу и заставило жадно припасть к его губам.

Ощущения по интенсивности в десятки раз превосходили все то, что я прежде испытывала при близости с мужчиной. Когда Ларсо обхватил мою нижнюю губу, чуть прикусил ее и занялся верхней, мысли исчезли — их испепелила пробудившаяся страсть.

На балу мне думалось, что с Ларсо все будет нео-бузданно и грубо, и его неожиданная нежность приятно удивила. Раздевшись и освободив меня от сорочки, он встал на колени рядом с кроватью, и его дыхание коснулось моего уха, он пощекотал его языком, сжал зубами мочку — я ахнула, обвила его шею руками, притянула Ларсо к себе, и свесившиеся волосы коснулись лица, обдав меня запахом древесной коры.

Немного отстранившись, он приподнял мою голову за подбородок, ужалил его языком и

провел дорожку к ямочке между ключицами, а потом принялся порывисто и нежно целовать шею. Ларсо еще толком не начинал своих игр, а я от его прикосновений была уже на грани, тело реагировало слишком бурно, сдерживаться было невозможно, и я прижала голову Ларсо к груди, но он схватил мои руки за запястья и развел в стороны.

— Подожди, — с улыбкой сказал он, залез на кровать, вытянул мою руку и поцеловал локтевой сгиб, чуть касаясь губами кожи. Спустился к запястью, сжал зубами холмик Венеры, а когда добрался до ложбинок между пальцами, которые оказались самыми чувствительными, я уже вздрагивала от каждого его прикосновения и закусывала губу, чтобы не застонать от удовольствия.

Пока еще я недостаточно изучила свое новое тело, и Ларсо очень помогал мне познавать себя, исследуя его в поисках чувствительных мест. Оказалось, что оно все — сплошная эрогенная зона, мне уже сложно понять, где прикосновения Ларсо наиболее приятны, каждое касание — будто маленькая молния, и это он еще не добрался до...

Будто прочитав мои мысли, Ларсо накрыл руками обе груди, пропустил между пальцами набухшие соски, стиснул их, а когда я вскрикнула и выгнулась дугой, лег сверху и припал губами сначала к одному, потом к другому.

Как я ни старалась, дольше сдерживаться не получалось, чувство было мучительно сладким, казалось, что еще прикосновение, и я попросту умру от наслаждения. Обхватив Ларсо руками, я прижалась к нему, и по телу прокатилась сладкая волна освобождения.

Ларсо лег на бок, обнял ошалелую меня, зарылся лицом в мои волосы, положив голову мне на плечо так, чтобы губы чуть касались уха. Его руки гуляли по моим бокам, бедрам, животу, гладили грудь, шею, губы, сначала Ларсо молчал, потом стал шептать, какая я славная, чувственная и нежная, что трогать меня, видеть, как откликаюсь на его ласки, и есть наивысшее счастье, ведь люди притворяются, все время притворяются, и лишь в такие моменты можно увидеть их настоящими.

Его руки становились все настойчивей, он смолк и принялся покусывать мочку моего уха, погладил низ живота, надавил, снова погладил, и по телу покатились волны жара. Ларсо перевернул меня на живот, на мгновение отстранился, и я ощутила его губы на нежной коже коленного сгиба, чуть раздвинула бедра, чем он сразу же воспользовался, провел руками по их внутренней поверхности, его палец нырнул туда, где я желала его больше всего, но долго там задерживаться не стал.

Теперь Ларсо гладил, массировал, целовал мою спину, а я снова сдерживалась, чтобы не наброситься на него и не взять свое. Изучив мое тело, он принялся дразнить меня, целуя, покусывая, оглаживая самые чувствительные его точки. Я перестала существовать, превратилась в ощущение, и мир погрузился в пелену тумана, осталось одно желание — отдавать, отдаваться, раствориться без остатка в другом человеке. Наконец его палец оказался там, где все молило о прикосновении, он поднимался-опускался, касаясь одной точки, все чаще и чаще; чувствуя, что на грани, я перевернулась на спину, скользнула рукой по его бедрам и обхватила пальцами терпеливого воина, готового к подвигам.

Ларсо запрокинул голову и улыбнулся, притянул меня, и я уселась на него. Момент долгожданного соединения заставил меня вскрикнуть — слишком трудно переживать это мучительно-сладкое ощущение наполненности, — и Ларсо закрыл ладонью мой рот. Это немного охладило меня, и теперь мы двигались в общем ритме — лицом к лицу, то сливаясь в поцелуе, то отстраняясь друг от друга.

Напряжение все нарастало, я запрокинула голову, закусил губу, и в тот момент, когда собралась закричать, Ларсо накрыл мой рот своими губами, и мир взорвался фейерверком ощущений.

Обессилев, я упала на Ларсо, и он перестал двигаться, перевернул меня на спину и начал наполнять гулкую пустоту, образовавшуюся в душе, ласковыми словами, поцелуями, прикосновениями. Чуть больше минуты миновало, и я снова отзываюсь на его ласки, он чувствует это и начинает двигаться сначала медленно, потом все увеличивая темп, я двигаюсь вместе с ним и остатками разума вижу разгорающийся огонь, пламенем охвачены наши тела, нет сил терпеть, и по телу в третий раз прокатилась волна сладостных судорог.

На этот раз Ларсо не стал останавливаться, и я ощутила, как за не успевшей схлынуть первой волной удовольствия накатывает вторая, потом третья, волны захлестывают одна за другой, швыряют, будто лодку, потерявшую управление.

Вскоре и Ларсо достиг пика наслаждения, лег на спину, ошалело глядя на меня. Объятия. Горячее тело, чуть шершавые руки. Голос. Теплый голос ласкает слух.

— Ты восхитительная, Вианта, — шептал Ларсо, перебирая мои локоны.

Он лежал на боку, приподнявшись на локте, и даже в слабом свете луны было видно, как поблескивает от пота его совершенное тело.

— Я не встречал женщин лучше тебя.

Наверное, он говорил эти слова многим, и каждый раз они были правдой, потому что Ларсо верил в сказанное. Ну и пусть. Сейчас они были нужны мне, как капли воды, падающие в иссушенную почву. Обычно я стремилась в минуты близости выключить свет, сейчас хотелось видеть Ларсо, его черные глаза, где вспыхивают искры, яркие губы, ровные белые зубы, пробивающуюся щетину. Смотреть, как смоляные кудри свешиваются, обрамляя смуглое узкое лицо.

Еще утром он был чужим мне, и вот мы в одной постели совершенно голые, и нет человека ближе и родней. Завтра он уйдет, иногда мы будем встречаться на светских приемах, кивать друг другу и отворачиваться. У него будет новая любовница, у меня — воспоминания о том, как мы лежали, сплетя ноги и руки, посеребренные молодой луной.

Счастье, приправленное скорой утратой, было пронзительно-ярким.

Ненадолго мы задремали. Проснулась я от звона стекла, не понимая, что происходит. Серая тень метнулась к кровати, Эд толкнул меня — перекатившись через кровать, я упала на пол.

— Беги! — крикнул он голосом Ларсо, и я запоздало сообразила, что в моей постели другой.

Металл лязгнул о металл. Медленно всплыла мысль: «Покушение». Если бы не Ларсо, меня прирезали бы спящей, но страха не было. Было отчетливое понимание, что в трюмо, там, где пластина Незваного, лежит нож без ручки, которым я пыталась перерезать связанные руки, и то лучше, чем ничего.

Пока я, прячась за кроватью, подбиралась к ножу, кто-то захрипел и с грохотом повалился на пол, задержался, тарабанив ногами о пол. Я подняла голову: голый Ларсо с саблей в левой руке стоял над поверженным противником.

В коридоре затопали, в дверь постучали. Взмолнованный Арлитто прокричал:

— Вианта? Что случилось?

Мы с Ларсо переглянулись, я закрыла руками лицо, он принялся натягивать штаны. В дверь ударили сильнее.

— Все нормально, — крикнула я, облачаясь в сорочку.

Это первое, что пришло в голову. «Нормально», ага: в комнате труп, море кровищи, любовник... Ларсо шагнул ко мне, покосился на наемника в серой одежде, прошептал:

— Не вижу другого выхода, кроме как сказать правду.

Наконец я нашла в себе силы и посмотрела на убийцу: не молод, но и не стар, гладко выбрит, пострижен под горшок. Одежда на нем крестьянская, коричнево-серая. Пока еще не рассвело, и лужа крови на полу казалась черной.

— Меня пытались убить, но я не могу вас впустить, потому что... Не одета.

Ларсо пожал плечами, вытер саблю о труп и отправил в ножны:

— Мне все равно придется держать ответ за содеянное. — Он надел рубашку, сверху

накинул кафтан и не стал его застегивать, только сейчас заметила, что Ларсо припадает на правую ногу, и на штанине расползается пятно.

Ненадолго я впала в ступор. Слишком много всего сразу. Непонятно, чего пугаться: трупа или гнева обманутого жениха.

Перед тем как открыть дверь, я припала к губам Ларсо.

— Ты мне жизнь спас.

— Мелочи.

Потянувшись к щеколде, я опустила руку. Воображение нарисовало целую делегацию с факелами в руках во главе с опозоренным женихом.

— Что со мной теперь будет? — пролепетала я и распахнула дверь.

Глава 8

Обманутый жених

На пороге стоял один Арлито с факелом и походил на мелкого беса. Отодвинув меня, он зашел в спальню, злобно зыркнул на Ларсо, замер над трупом, сделал несколько пассов руками, вздохнул.

— А я предупреждал!

— Он влез в окно. Разбил его и влез, — сказала я, чувствуя, что краснею. — Если бы не Ларсо...

— Да уж. — Арлито покосился на Ларсо. — Что он оказался с тобой, конечно, хорошо, но ты понимаешь, что я обязан доложить Ратону... Кстати, неплохо бы перевязать ногу, к сожалению, я не умею врачевать тело, только душу.

Маг шагнул к Ларсо, разорвал простыню, протянул мне кусок. Я села на колени перед любовником, перемотала его бедро выше ранения, затянула потуже. Раньше я смеялась над анекдотами, которые начинались словами: «Возвращается муж из командировки», теперь понимаю, что это чертовски не смешно!

Закончив, я виновато посмотрела на Арлито. К его чести, он делал вид, будто ничего не случилось, даже на труп не смотрел.

— Мне подходит вызвать стражу, но, учитывая пикантность ситуации, я вынужден пригласить Ратона и посоветоваться с ним, что делать дальше. Вас двоих я попрошу остаться здесь.

Он развернулся и направился к выходу, на пороге обернулся:

— Заприте дверь и никого не впускайте.

Я сделала, как он велел, и повторила вопрос:

— Что со мной будет?

Ларсо прихромал ко мне, обнял и утешил:

— Ничего страшного, ты у себя дома. Ратон может демонстративно обидеться и разорвать помолвку, неприятно, но не смертельно. Так даже к лучшему, зачем тебе этот старик? Ты сама не представляешь, какое ты сокровище! Но насколько я знаю Ратона, он сделает вид, что ничего не случилось, может, погрозит тебе пальчиком. Ты не нужна ему. Ему вообще не нужны женщины. А вот завладеть твоим состоянием он не откажется.

— Я сама не выживу, — проговорила я, отстраняясь. — Я себя не помню, не понимаю, кто друг, кто...

Начало понемногу отпускать, бросило в холод, меня затрясло. Ларсо немного помолчал и выдал:

— Поехали со мной. Живи, пока не надоест. Захочешь, возьму тебя в жены, у нас разрешено иметь несколько жен. Пока молчи, подумай.

Первой реакцией было расхохотаться, но я сдержалась и не спешила отвечать, потому что пока соображала туго.

— У тебя есть еще месяц, — сказал Ларсо и отступил от меня на шаг — на лестнице затопали. Арлито голосом подрастающего судьи велел открывать.

Ларсо оперся о кровать и скрестил на груди руки, я зажмурилась, заставила себя открыть глаза. Стыд-то какой! Хоть под землю провались!

За окном царила предрассветная серость, и было видно, что Ратон не выспался, под глазами у него черные круги, на лице — седая неопрятная щетина. Мимические

морщины уже не кажутся милыми. Ничего не говоря, он скосил глаза на труп, скользнул взглядом по Ларсо, напоминающему ошетилившегося волка, готового драться. На меня посмотрел устало, без упрека:

— Попрошу собравшихся похоронить случившееся в этой комнате. Принц Ларсо Элио, я очень благодарен вам, что вы спасли Вианту, но прошу вас уйти и ни с кем не обсуждать произошедшее. Иначе я должен буду вас убить, потому что затронута моя честь.

Ларсо вскинул подбородок:

— Да, я прослыл неверным мужем и сластолюбцем, но я — Элио, а значит, держу слово и не болтаю лишнего. Что касается остального, меня не пугает поединок с вами, и будь я в немного лучшей форме...

— Хватит! — зашипела я. — Никто не будет драться, никто не умрет. Ларсо...

Он тряхнул головой и проговорил:

— Да. Разумней нам разойтись и обо всем забыть. Вианта, бэрр Ратон, мое почтение.

Хромая, он зашагал к двери, Арлитто отправился его провожать, а мне сделалось тревожно за Ларсо — вдруг маг избавится от него как от свидетеля? Нет, Ларсо Элио... Элио? Жена кого-то из его родственников повернула время вспять?

— Вианта, — проговорил Ратон голосом строгого учителя — я потеряла нить рассуждений, втянула голову в плечи, приготовившись услышать приговор, а он все не звучал. — У меня к тебе огромная просьба. Я не смогу дать тебе всего, что ты хочешь, но скоро мы станем мужем и женой. Меня уважают и ценят, а твое поведение...

Я всхлипнула и разревелась. Слезы катились сами, это был нескончаемый поток, настоящий Ниагарский водопад слез, где смешивались жалость к себе, сиротинушке бедной, обида, что Ларсо женат, и даже будущему жениху все равно, изменяю ли я ему. Выпустив пар, я в последний раз всхлипнула, взяла протянутый Ратоном платок, вытерла щеки и проговорила:

— Вы весь вечер не обращали на меня внимания, а мне... Я совсем одна.

Он смотрел без осуждения, но и без сочувствия и напоминал варана, караулящего жертву. Так и казалось, что сейчас его губы раздвинутся и высунется тонкий раздвоенный язык.

— Понимаю, — кивнул он. — Потому прошу впредь вести себя осмотрительней и, предаваясь утехам, заботиться о том, чтобы поблизости не было лишних глаз, как это делает моя нынешняя супруга. Не забывай, что твои поступки теперь порочат еще и мое имя.

— Если бы мой будущий муж был повнимательнее и поласковее, то отпала бы необходимость так себя вести...

Не слушая мои оправдания, Ратон направился к трупу, вынул из ножен короткий меч, окунул в кровь и сказал:

— Мои люди закопают тело в саду и подумают, что я был с тобой и заколол наемника. Ты никому ничего не скажешь, а я велю присматривать за гостями — заказчик убийства должен нервничать, я почти уверен, что это Элайна Фредерик-Зонн.

— Неужели обязательно было приглашать ее? — возмутилась я.

— Она всех убеждает, что простила твой род и не держит зла, и ты соблюла нормы приличий. К тому же, если бы захотела, она дотянулась бы даже издалека, пусть лучше будет на виду.

— Хорошо.

Произошедшее ввергло меня в состояние эмоционального оупения, такое знакомое из прошлой жизни. Дай бог, чтоб оно продлилось подольше!

Явился Леон с Амилом, замотали труп в мешковину, вынесли из комнаты. Ратон отправился их сопровождать, и я выдохнула с облегчением, встала, чтоб запереть дверь, но будущий муж обернулся и велел:

— Дверь не запирай, я сейчас вернусь.

Я закрыла и открыла рот. По какому праву он командует? Он пока тут никто, а я у себя дома и буду делать что хочу. А хочется мне остаться одной, пореветь вдоволь, чтоб страх и конфуз вышли водой. Будучи Ольгой, я ни слезинки не уронила, даже когда мама уезжала в Америку, даже когда Эд меня предал, сейчас же — ни дня без слез.

Я хлопнула дверью, но на щеколду запираться не стала: взяло верх чувство вины. Все-таки я некрасиво поступила с Ратоном, и он имеет право на серьезный разговор. Он даже помолвку разорвать имеет право.

Вернулся Ратон, не прошло и десяти минут. Запер дверь, протопал к постели, расстегнул кафтан, перекинул через спинку кровати, потянул за завязки белоснежной котты и остался в одних штанах. Он что, вздумал тут заночевать, в моей постели? Или у него склонность к свингерству, он заводится, зная, что с его женщиной только что спал другой мужчина? А может, таким образом он решил меня наказать?

На душе стало мерзко, а вот предательское тело откликнулось на мысли возбуждением, ему хотелось, чтобы Ратон овладел мной, и это после бури страсти с Ларсо! Но разум взбунтовался и заставил меня потребовать объяснений.

— Позвольте уточнить, — проговорила я чужим голосом. — Вы собираетесь спать здесь... Со мной?

Ратон, стягивающий штаны, вскинул голову и посмотрел в упор, и снова я не прочла в его взгляде ни злости, ни понимания, ни вожеления. Будто бы он заявился в гости к старому другу и остался на ночь, а не застал невесту с местным ловеласом. Постель ведь еще после Ларсо не остыла! Вон, его волосы на подушке.

— Дорогая моя, — сказал Ратон равнодушно, положил штаны на пол и остался в белом подобии трусов. — Ты не оставила мне выбора. Твои крики, ясно свидетельствующие о том, как тебе хорошо, разносились по всему дому, их наверняка слышали гости. Мало того, они небезосновательно подозревают, что именно бэрр Элио побывал у тебя в гостях. Я просто-напросто спасаю твою и свою репутацию, ведь когда я покину твои покои, это тотчас станет всем известно. Не смотри на меня с таким ужасом, я не претендую на тебя как на женщину. Ляг и спи, ты выглядишь усталой.

Он укрылся простыней и демонстративно повернулся ко мне спиной, хорошо хоть, не увидит меня пунцовую.

Итак, он знает, что Саяни, женщина, которую он, по слухам, любит, наставляет ему рога, и так спокойно к этому относится. Да у него рога ветвистые, как у старого оленя, теперь они увеличились еще на один отросток — мою измену. Нормальный мужчина прибил бы меня на месте, этот же... Почему он так себя ведет? Он настолько прагматичен или вообще не испытывает чувств? Второе — вряд ли, веселя толпу, Ратон довольно искренне улыбался. Значит, он играет роль души-человека, и страшно представить, какие демоны на самом деле прячутся под маской.

Я села на кровать, не решаясь лечь. Стоило представить себя с ним, и мороз бежал по спине. Потому что настолько прагматичные люди обычно поступают жестоко, когда им это выгодно. Одно непонятно: почему все наперебой хвалят Ратона? Он и вправду нравится людям и прослыл справедливым правителем, к тому же хозяином слова, или это заговор?

Когда Ратон равномерно засопел и задергался, засыпая, я наконец легла с краю кровати, подтянула ноги к животу и уставилась на плохо вытертую кровь и осколки стекла, застрявшие между половиц. Вот тебе, Оля, новая жизнь, кушай, не обляпайся.

Званные балы, принцы, пышные платья — ах, как это романтично! А наемный убийца, проникающий в твою спальню, — романтично? Падающая на голову черепица — тоже романтично? А неведомый яд, от которого засыпаешь вечным сном?

Что будет завтра: летящий в голову арбалетный болт, отравленное вино или еще один убийца? Может, плюнуть на все и поехать с Ларсо на острова? Там никому нет до меня дела, буду жить на берегу моря и потягивать манговый сок... пока не надоем принцу. Ларсо — мгновенная одержимость, каприз моего тела, стоило мне проснуться, и все мысли были об Эде. Как странно, еще неделю назад я не представляла, что могу переспать с кем-то другим.

Я распахнула глаза, легла на другой бок, лицом к Ратону, перевернувшемуся на спину, и мысленно поблагодарила мироздание, что в такую минуту рядом есть хоть кто-то.

Уснуть удалось лишь под утро, и то почти сразу же пробудился Ратон, заворочался. Я сделала вид, что сплю, а он не спешил подниматься. Потянулся, скрипя кроватью, и я ощутила тепло близкого тела, приторный запах, какой бывает только у недавно проснувшихся людей. По своему первому сексуальному опыту я помнила, что обычно у мужчин по утрам эрекция, и вжалась в перину, ожидая, что сейчас этот чужой зрелый мужчина коснется меня, развернет...

Еще в прошлой жизни бывало так: смотришь на мужчину, и сразу ясно, каков он в постели. Алекс был напорист, Эдуард — нежен, Ларсо — страстен до безумия. Каков Ратон — непонятно, он для меня — книга на китайском, без картинок.

На его месте любой средневековый мужчина уже давно воспользовался бы ситуацией, этот же сел и принялся одеваться, будто меня рядом не было. Аж обидно стало. Я что, вещь? Ну, попользовался мной мужчина — ничего страшного, главное, чтоб окружающие не узнали! Он вообще человек, этот Ратон?

Разозлившись, я шевельнулась и поднялась на локте — не чтобы соблазнить Ратона, просто хотелось понять, почему он ведет себя так не по-человечески.

— Славное утро, — проговорил он, улыбаясь, надел котту, принялся застегивать кафтан.

— Славное, — отозвалась я, откидывая простыню и замирая при мысли о том, как онотреагирует на грудь под полупрозрачной коттой.

Никак. Он даже не смотрит на меня, взгляд сосредоточен на моей переносице, как у следователя, ведущего допрос. Какой будет моя жизнь в браке, представить страшно. Снова пришла мысль, а не сбежать ли с Ларсо, но разум отверг ее. Мне нужно жить своей жизнью, а не быть его сто пятидесятой женой.

Пока я решала, как жить дальше, Ратон оделся и проговорил, поправляя воротник и глядя на меня сверху вниз:

— Вианта, надеюсь, ты не будешь возражать, если я приставлю к тебе Леона на время, оставшееся до свадьбы?

С губ само собой сорвалось:

— А потом? Я потеряю ценность?

— Тогда они переключатся на меня, — спокойно ответил Ратон, пожелал мне хорошего дня, подошел к окну и оперся о подоконник — видимо, чтобы показать гостям, прогуливающимся в парке, что он здесь, у меня.

Подыгрывая ему, я в одной сорочке подошла сзади — под тапочками захрустели осколки — обняла его, он положил мне руку на плечо.

— Мне повезло, что ты такая сообразительная.

— И не повезло, что несдержанна в другом, — вздохнула я, надеясь, что он прокомментирует мои слова, но Ратон оставил их без внимания.

Возле пруда беседовали незнакомые мне господа: светловолосый сутулый мужчина с пузиком, похожий на морского конька, и дама с лошадиным лицом, увенчанной прической «муравьиная куча». Они одновременно повернули головы в нашу сторону, отвернулись тоже одновременно.

— Хорошо. — Ратон кивнул и прошептал: — Князя Рункисы — знатные сплетники, теперь все узнают, что ночь мы провели вместе. — Он кивнул в сторону зарослей жасмина. — Твой кавалер ждет тебя, это удивительно, учитывая его дурную славу. Будь аккуратной, пожалуйста.

Больше он ничего не сказал, вышел из комнаты, а я прищурилась и заметила за кустом жасмина Ларсо в белоснежной рубашке, заправленной в шорты. Переговариваясь с рыженькой девушкой в белом, он поглядывал на мое окно.

Он был спасительной инъекцией, противоядием от любви к Эду, своего рода сексорцизмом — изгнанием из сердца предыдущего партнера с помощью секса с другим. Чувство к нему сродни сильному желанию владеть, получать удовольствие. Останется ли оно неизменным, когда Ларсо перестанет быть источником наслаждения?

Позвав Лиису, я облачилась во вчерашнее праздничное платье и устремилась на прогулку в парк, но на лестнице столкнулась с Леоном, который доброжелательно мне кивнул. Надо бы расспросить Саяни о свободных нравах Ратона.

Во дворе гудели приглашенные. Туда-сюда сновали служанки, носили бокалы с вином. На столе в беседке выставили тарелки с закуской, но гости уже наелись и разбрелись по парку. Приблизившись к беседке, я заметила Саяни, Ратона и двух золотов, но когда подошла к ним, они замолчали, сдержанно поздоровались. Саяни встала и проговорила:

— Славное утро, дорогая! Мне нужно тебе кое-что сказать.

Держалась она напряженно, и я приготовилась услышать что-то неприятное. Мы отделились от моих будущих родственников, вдоль ручья направились к саду.

— Ратон все мне рассказал, — прошептала Саяни и добавила: — И про Ларсо, и про нападение.

— А мне он дал понять, что знает о тебе и Дарьеле, и посоветовал вести себя так же осторожно.

Саяни вскинула бровь, ступила на деревянный мостик через ручей и остановилась в середине, опершись на перила.

— Никогда не подумала бы, мы были очень осторожны.

— Это тело трудно контролировать, — пожаловалась я. — И да, ты права: Ларсо великолепен.

— Похоже, он всерьез заинтересовался тобой, никогда не видела его таким. — Саяни подняла березовый листок, бросила в прозрачную воду ручья, прямо на мое отражение, — его закрутило течением и понесло прочь от нас, к гостям. — Надеюсь, ты не наделаешь глупостей. Он сейчас увлечен, а завтра остынет, и что ты будешь делать?

— Знаю и потому никуда с ним не поеду. Ратон намекнул, что разрешает мне спать с кем угодно, но осторожно. Другая обрадовалась бы, а мне... Как бы сказать... Слегка тревожно. Слишком уж он правильно себя ведет — как человек, который хочет заполучить желаемое любой ценой.

Саяни покосилась на меня, ненадолго задумалась, придвинулась вплотную и прошептала:

— Он очень беспокоится о будущем. Похоже, только власть приносит ему удовольствие, женщины ему не интересны.

— Он гей? — воскликнула я и закрыла рот ладонью.

— Нет, он просто не может радовать женщин.

— А раньше?

Саяни посмотрела на пролетающего над головой голубя.

— Раньше мог, потом тяжело заболел, вылечился, но женщинам он больше не друг.

— Значит, детей у нас не будет? Ну, раз он не может с женщинами...

— Почему же, очень-очень редко, когда выпьет любовное зелье, он в состоянии доставить удовольствие. Учти, я тебе сказала это по большому секрету...

— Хорошо, буду молчать. Спасибо огромное, а то всякие ужасы в голову лезут, на деле же все просто.

Я уставилась на свое отражение в зеркале. Проплыла водомерка, перечеркнула мое лицо, свешивающиеся локоны.

— Посмотри, кто к нам идет, — прошептала Саяни, я встрепенулась и увидела Ларсо, прогуливающегося по саду с блондинкой в золотом, которой дивным образом удалось избавиться от ревнивого мужа.

Если Ратон и правда девочкам не друг, можно было бы получить море удовольствия, после свадьбы отправившись с Ларсо в небольшое путешествие. Сейчас наслаждаться его обществом непредусмотрительно, потому что за мной наблюдают охранники — вон Леон прогуливается метрах в пятидесяти от мостика, наверняка где-то притаился еще кто-то из тех, кому Ратон доверяет.

Боковым зрением я следила за Ларсо. Вот он склонился над ухом блондинки, едва заметно коснулся его губами — девушка замерла, готовая ему отдаться прямо здесь, у всех на виду. Вот она трепещет, и две ямочки появились на ее щеках... Мгновение — и она вытянулась, побледнела, заметив ревнивого мужа в коротком кафтане и штанах в обтяжку, подчеркивающих величину его мужского достоинства.

Саяни тоже наблюдала за Ларсо. Блондинка отстранилась от Ларсо, муж схватил ее за руку и увел. Ларсо не расстроился, проводил взглядом девушку и, прихрамывая на раненую ногу, направился к нам как ни в чем не бывало. Взошел на мостик и остановился рядом со мной, кивнул на удаляющуюся пару:

— Всегда был против неравных союзов.

В этом мире не было понятия «анекдот», а проверить, есть ли у Ларсо чувство юмора, очень хотелось. Правда, я не знала, воспримет ли он бородатый анекдот, поймет ли, что к чему. Здесь тоже существовали сказки с участием говорящих животных, так что есть шанс.

— Слушайте смешную сказку для взрослых, — проговорила я. — Стоит лось, жует листья, вокруг бегают лисы, заглядывают ему между ног, цыкают зубом, потом смотрят в морду, качают головой со словами: «Ну надо же, не понимаю». Опять заглядывают между ног: «Ну надо же». Глядит в морду: «Не понимаю». Лось покраснел и сказал: «Лиса, как тебе не стыдно! Чего ты не понимаешь?» — «Не понимаю, как можно, имея такое достоинство, быть с такими рогами».

Саяни округлила глаза и улыбнулась, Ларсо пару раз моргнул, запрокинул голову и расхохотался. В порыве нежных чувств обнял меня, потом оттолкнул, продолжая хохотать. Сложился пополам, схватился за живот и принялся топтать. Выпрямился, указывая пальцем туда, где только что был ревнивый муж с огромным достоинством.

— О, это... это...

И снова мне кажется, что в этом мире, похожем на сон, меня ждет долгая и счастливая жизнь, будто бы и не было ночного похищения.

Глядя на Ларсо, дергающегося от хохота, к нам зашагал Леон, но я жестом остановила его, он кивнул. Отсмеявшись, Ларсо посмотрел на меня с обожанием, вытер пот:

— Это прелестно. Надо запомнить. — Он обжег меня взглядом. — Раньше думал, что девушки не бывают одновременно красивыми и умными.

Вспомнился еще один анекдот, и я поделилась им:

— Разговаривают два друга. Один говорит: «Ну почему так, если умная, то страшная, если красивая, то глупая? Неужели не бывает так, чтобы все вместе?» — «Бывает —

глупые страшилища».

Ларсо снова захохотал, Саяни улыбнулась и сказала:

— Оставляю вас наедине. Вианта, надеюсь на твое благоразумие.

Чем дальше она уходила, тем сильнее меня охватывало томление от близости Ларсо, который оперся на деревянные перила моста и как бы невзначай касался меня локтем. Я стояла лицом к замку, он — спиной. Некоторое время мы пожирали друг друга взглядом. Даже под кафтаном было видно, как глубоко дышит Ларсо. Хотелось стоять так бесконечно, но я развернулась, как он, и нарушила молчание:

— За мной теперь следят и будут караулить под дверью даже ночью.

Ларсо приблизился вплотную, облизнул обветренные губы:

— Вианта, ты — совершенство, я готов убить за тебя. И умереть за тебя тоже готов. Поехали со мной!

— Чтобы выжить, нам надо владеть чувствами, а не чтобы чувства владели нами.

— И что нам делать? — вскинул бровь Ларсо.

— Сейчас у нас не получится быть вместе, а вот после свадьбы убивать меня будет бессмысленно, и за мной перестанут следить, тогда мы сможем уединиться сколько угодно.

— Я не смогу спокойно жить, зная, что он раздевает тебя, целует эти губы, что он в тебе...

Вот только сцен ревности мне не хватало!

— Я подумаю. А теперь ступай. Ратон просил не выставлять наши отношения напоказ. — Я легонько толкнула Ларсо в бок. — И полегче с девушками, а то ведь я тоже ревную и могу захотеть кого-то убить.

После обеда я решила побродить по саду, а потом направиться к себе. Летний день баловал теплом, еще не исчезло ощущение, что после промозглой столицы я попала на курорт и нежусь в солнечных лучах. На душе щебетали птицы, распускались цветы, и улыбки, раздаваемые гостям, были искренними.

После того как Ларсо одарил меня вниманием, дамы больше не смотрели на меня с презрением, напротив, я читала в их взглядах зависть и интерес.

Обогнув беседку, я зашагала вдоль ручья к жасминовым зарослям — туда, где я обнималась с Ларсо. Поднялась на мостик, посмотрела на разбитое окно — напоминание о том, что смерть идет по пятам. Между мной и домом — пруд, колышется рогоз, за которым не видно воду. По бокам — пустынный парк. Позади — буйствующие заросли жасмина, белые лепестки кружатся, как опадающий снег, хотя нет ветра... Там кто-то прячется! Убийца?! Где Леон? Успеет ли он?

Прежде чем прыгать в воду и кричать, я напрягла зрение и под низко опущенными ветвями разглядела подол золотого платья и что-то бордовое... Бордовое и золотое. Ларсо и блондинка! В моем жасмине! На нашем месте!

Мне на голову будто вылили ушат ледяной воды.

Голос разума напомнил о себе: «Слова ничего не значат. Он говорит и сам верит, потому сложно опознать ложь. Сегодня он чувствует одно, завтра — другое». Захотелось раздвинуть ветви и уличить Ларсо во лжи... И опозориться.

Эдуард никогда так не сделал бы.

Я представила его лицо, синие глаза, родинку между бровей, и образ Ларсо померк, съезжился, будто скомканная фотография.

Наперерез мне вышел Ратон, беседующий с управляющим — мужчиной грузным, лысым,

похожим на ожиревшего крота, я сбежала с мостика и зашагала им навстречу. Увидев меня, Ратон неискренне улыбнулся:

— Вианта! Мы с пэром Слатором как раз обсуждали мероприятия, связанные с народными гуляньями в честь нашей свадьбы.

— Очень хорошо. — Я кивком поздоровалась с пэрром Слатором и сказала: — Хочу, чтобы свадьбу перенесли, пусть она будет не через месяц, а через семь дней.

Ратон поднял бровь, перечеркнутую шрамом. Он не удивился, нет — я почувствовала это — изобразил удивление из вежливости:

— Слатор, оставь-ка нас.

Толстяк заковылял к мостику, где занял пост охраняющий меня Леон.

— С чем связана такая спешка? — спросил Ратон, я дернула плечом:

— Внезапно поняла, что мне безумно нравится жить, а свадьба меня обезопасит, у моих врагов не будет причин сживать меня со свету, ведь в случае моей смерти спорные земли отойдут тебе.

— Что ж, вполне разумно, — кивнул Ратон. — Одобряю твое решение. — Он нашел мою руку и сжал пальцы. — Не надо меня бояться, я не желаю тебе зла.

— Хорошо. И еще, до свадьбы я поживу в библиотеке, она хорошо запирается изнутри, и там нет окон — убийце непросто будет ко мне добраться.

Мы неторопливо направились к мостику, миновали заросли жасмина, но там уже никого не было. Вот и верь после этого мужчинам — Ларсо только жениться на мне собирался и уже целуется с другой.

— Ратон, думаете, после свадьбы враги оставят меня в покое?

— Скорее всего, да.

— Скорее всего?! То есть все равно нет гарантии?

— Помимо имущественных споров, у Эльрихов и Зоннов кровная вражда, но у Элайны семья и дети, есть надежда, что она не станет так рисковать ради чести рода. Я плохо ее знаю, трудно сказать, как она себя поведет. — Он еще раз сжал мою руку, склонился и прошептал: — Если она не успокоится, придется принять меры и призвать на помощь магов, но в случае ошибки нам придется многим поступиться.

— То есть нет уверенности, что именно Элайна Зонн попытается сжить меня со свету?

Ратон вздохнул и ответил после непродолжительных раздумий:

— Понимаешь, твоя бабушка, да и ты совсем недавно, была... Эээ... Очень неуживчивым человеком и многих унизила и оскорбила, потому врагов у тебя больше, чем друзей. Причем не только среди высшего сословия, но и среди простолюдинов. Чтобы изготовить яд, от которого ты заснула долгим сном, пронести его и применить так, чтобы не осталось следов, нужна мощная магическая поддержка, что стоит больших денег. Только это и указывает на Элайну, к тому же причин для ненависти у нее больше, чем у кого бы то ни было.

— Понятно, что ничего не понятно.

Во дворе перед фасадом на стулья усаживались музыканты, а гости разбились по парам и готовились к танцам. Ларсо, целующий руку девушки в ярко-синем с желтыми вставками, увидел меня, отстранился от новой поклонницы и собрался улыбнуться, но я сделала вид, что не вижу его.

Глава 9

С ног на голову и — на лопатки

Чтобы избежать покушения, шесть дней я ночевала в библиотеке, где дверь изнутри запиралась на огромную щеколду. В мою опустевшую спальню поселили пожилого графа с женой, опоздавшего на помолвку. С каждым днем гостей прибывало все больше, и все меньше мне нравилось покидать свое убежище — отчасти потому что там, на поверхности, меня поджидал Ларсо.

Теперь понятно, почему предыдущая хозяйка этого тела была такой нелюдимой: она боялась, что не удержит себя в руках.

В свободное время я не скучала: по книгам изучала обычаи этого мира, географию, легенды. Сначала я просила Саяни, чтоб сопровождала меня во время вылазок из библиотеки — Ларсо не давал прохода, караулил у выхода и даже перестал обращать внимание на других женщин, но я избегала его.

Потом приехал Дарьель, и Саяни стало не до меня, тогда пришлось просить Арлито, благо маг соглашался — он находил в моем обществе некое удовольствие, да и мне нравилось с ним разговаривать, из всех присутствующих он был самым понятным и к тому же — интересным собеседником, не держался засушенной мумией, а хохотал над моими шутками. Чтобы хоть как-то себя обезопасить, я написала завещание, что в случае моей скоростижной кончины прошу провести расследование и проверить моего мужа. Земли и проживающих на них людей завещаю своей тетке, Саяни Эльрих, в замужестве Дайр-Маэль, и попросила Арлито на это намекнуть жениху. Маг счел мой поступок разумным.

А еще по вечерам, когда я выгоняла всех из библиотеки, меня изводила жутчайшая ломка без Интернета, только книги немного облегчали информационный голод.

За день до свадьбы немного отпустило, но теперь я не могла есть и спать из-за тревоги: не совершаю ли я ошибку? Что, если у Эда есть двойник, и мы снова не сможем быть вместе, ведь развод тут получить очень сложно.

Вечером перед свадьбой Лииса принесла трясушейся мне успокоительный отвар, я залпом выпила все, порывалась на плече служанки и улеглась спать, а когда проснулась от стука в дверь, все прошедшие предсвадебные дни показались мне сном.

Нащупала огниво и свечу, лежащие возле кровати, выбила искру, и стройные ряды стеллажей осветило трепещущее пламя. Снотворное еще действовало, и я, покачиваясь, направилась к выходу на голос Саяни, предлагающей открыть дверь.

Уже рассвело, и в мое подземелье ворвался сероватый утренний свет, я отступила в черноту, пропуская Саяни и Лиису с Тайей, несущих платье. Служанки не стали входить, Саяни переступила порог, взяла меня за руки и проговорила с сочувствием:

— Милая, на тебе лица нет! Разве можно так себя изводить? А ну немедленно выходи из подвала, идем в мою спальню, приведем тебя в порядок!

— Ты же знаешь, что здесь я...

— Да-да, враг не подберется. Но после свадьбы тебе нечего будет опасаться. Идем же, недолго осталось.

Мы быстрым шагом направились мимо столовой в покои тетки и единственного человека, которому я доверяла. Служанки немного отстали, и Саяни прошептала:

— Не смей страдать из-за Ларсо! Я тебя предупреждала, что это за человек!

— Боюсь свадьбы, это у меня в первый раз, — ответила я.

На самом деле гораздо больше меня пугал Ратон, которого я не понимала. Все наперебой хвалили его, но мне он не казался ни добрым, ни душевным, а своей интуиции я стала доверять после того, как обрела эмпатию.

Оставаться незамужней мне было еще опасней, потому я выбрала меньшее из зол.

Окна спальни выходили на восток, и я закрыла глаза рукой, но когда они привыкли к свету, то маленькая девочка во мне, которая всегда рада обновкам и подаркам, ахнула, увидев на стуле снежно-белое атласное платье, вышитое бисером и украшенное голубыми, зеленоватыми, розовыми самоцветами. По моей просьбе платье приталили и сделали неглубокое декольте, а воздушные, будто сотканные из тумана, оборки перенесли на спину — пусть будет смелым и необычным. На платье лежала фероньерка, к которой крепились фата из невесомой газовой ткани, вышитая золотыми и серебряными нитями. По местным обычаям положено, чтобы каждая незамужняя девушка оторвала от нее кусочек — на счастье.

Второе платье, красное, украшенное рубинами, распласталось на кровати, а третье, пурпурное, только что внесли служанки и положили рядом с красным. Я стояла, раскрыв рот, и ощущала себя Золушкой на балу, Саяни была феей-крестной.

— Вижу, что тебе нравится, — улыбнулась она.

После того как приехал Дарьель, Саяни помолодела лет на пять и светилась счастьем.

— Все готово. Теперь тебе следует искупаться, и приходи сюда, это будет вашей спальни.

— Спасибо, — уронила я и посмотрела на Лиису.

— Бэрри, идемте, я помогу вам!

Освежившись и натершись благовониями, я ощутила себя королевой. Чистая, благоухающая, буквально впорхнула в спальню, где Тайя уже приготовила белое платье. Облачившись, я шагнула к зеркалу, ступила на освещенное солнцем пятно, и самоцветы заиграли лучами, разбрызгивая блики по стенам. От неожиданности я замерла, бестолково улыбнулась, перевела взгляд на свое отражение и онемела от восторга. Все мои тревоги рассеялись утренним туманом, осталось сияющее восхищение.

Лииса придвинула табурет, на который я тут же села, и вдвоем с Тайей они принялись укладывать мои солнечно-каштановые локоны в свадебную прическу, скреплять ее золотыми и серебряными заколками. В течение получаса еще влажные волосы превратились в цветочную поляну. Закончив, служанки водрузили мне на голову фероньерку с фатой, я впиалась взглядом в собственное отражение, силясь запомнить себя такой. Это ведь я! Не серая мышь, которой надо из шкуры вон лезть, чтобы стать хотя бы симпатичной, а я настоящая, природная!

Жаль, что нет фотоаппарата, чтобы запечатлеть мгновение. Стоило закрыть глаза, и по ту сторону сомкнутых век сияли самоцветы, преломляющие солнечные лучи, на стенах танцевали разноцветные блики.

После церемонии мне надлежало переодеться в красное, а к вечеру сменить его пурпуром, давая понять, что я принимаю цвета мужа. Стараниями Саяни свадьба, которую я так боялась, начала превращаться в праздник.

Не сдержавшись, я повисла на ее шее и прошептала, еле сдерживая слезы счастья:

— Спасибо, Саяни! Это волшебство!

Княгиня остолбенела, коснулась моей спины и сказала с укором:

— Вианта, держи себя в руках!

Я отстранилась, кивнула. Да, аристократке не подобает так себя вести. Но как сдержать радость? Она будто солнце, восходящее над холмами, чуть поднимется — и брызнет лучами, одарит светом просыпающийся мир. Оля, попала ты в тело экзальтированной нимфоманки, причем «попала» — в обоих смыслах.

Еще раз глянув в зеркало, я увидела пластину Незваного и невольно накрыла ее рукой, покосилась на служанок, сняла артефакт и отдала Саяни:

— Пусть у тебя пока побудет, она не подходит к наряду. Заберу, когда переоденусь в красное.

Саяни кивнула и обратилась к Тайе:

— Ступай к Ратону, говори, что мы идем, пусть готовится.

Саяни играла роль матери и вела меня к жениху, который ждал в бальном зале. Из-за приоткрытой двери — огромной, с золоченой ручкой — доносился гомон гостей.

Чем ближе к двери, тем волнительней. Нет-нет-нет, это не со мной, я снова сплю и вижу себя другой. Платье с самоцветами, прическа в виде цветочной поляны, бриллианты — разве такое бывает? Разве могу я — быть самой прекрасной женщиной на земле?

Наверное, так же чувствовала себя Золушка на собственной свадьбе.

Переступив порог, я ощутила себя маленькой и беспомощной. Громыкая стульями, гости встали и смолкли, воцарилось гробовое молчание. Ратон, Леон, заменяющий его отца, Арлитто и писец с родовой книгой повернулись к нам. На Ратоне был пурпурный кафтан с рукавами, разрезанными на локтях и свисающими до пола, пурпурная шляпа в виде лодки. Арлитто облачился в черно-белый — цвет ордена.

Поравнявшись с Ратоном, я подняла голову, слегка улыбнулась. Мы остановились друг напротив друга, между нами встал Арлитто, торжественно спросил у Ратона, хочет ли он взять меня в жены. Жених ответил не колеблясь, я обмерла, уставившись на мага, точнее, на его шевелящиеся губы. Сейчас он спросит, и нужно ответить утвердительно, потому что включать заднюю уже поздно, раньше надо было думать.

Разум усмехнулся и сказал, что многие невесты очень сомневаются, прежде чем ответить «да». Наконец Арлитто проговорил:

— ...согласна ли ты стать женой Ратона и слиться с ним в единое целое?

Сорвавшееся с губ «да» прокатилось по огромному залу пистолетным выстрелом, и сразу полегчало: патрон холостой, жизнь продолжается!

Я положила руку на согнутую в локте руку Ратона, и Арлитто связал их белой атласной лентой, после чего мы трижды обошли зал по кругу. Все это происходило под звон ложек, стучащих по бокалам. Молоденькие незамужние девушки от двенадцати до шестнадцати лет, яркие, как цветы, ходили следом за нами. Когда мы делали последний круг, их было человек пятнадцать.

Возле Арлитто мы остановились, маг развязал ленту, отстегнул фату от фероньерки и бросил девушкам, затаившимся за нашими спинами. Я не видела, как они бросились ее ловить, чтоб оторвать по кусочку, только услышала топот и треск рвущейся ткани. Кто-то ойкнул, кто-то извинился.

— Теперь скрепите ваш союз поцелуем! — торжественно объявил Арлитто.

Я остолбенела: вспомнился кудрявый мужчина с крупными алыми губами, возле него стояла напуганная Саяни. «Мы всего лишь скрепим сделку поцелуем», — сказал он.

Ратон не обратил внимания на мое замешательство, положил руку мне на талию и привлек к себе, вторую руку положил на затылок и припал к моим губам. В первые секунды я боялась шелохнуться, потом оттаяла и ответила сначала робко, потом — смелее, вскоре голова закружилась и появилось желание забыть о гостях, отправиться в спальню и сполна насладиться женихом, его напористостью и опытом... Неужели он и правда не может радовать женщин? Стоит рассказать ему, что мужчина остается мужчиной, пока у него есть хотя бы один палец.

Ратон отстранился, я приоткрыла рот, часто и тяжело дыша. В голове немного посветлело, я склонила голову и взяла жениха под руку, чтобы исполнить танец жены. Он был проще танца невесты, потому что самые сложные па исполнял Ратон. Двигался он с легкостью балетного танцора: крутился в прыжке, падал на колени и тут же вскакивал, перебирал ногами так быстро, что я едва успевала за ним.

Гости наблюдали за нами, стоя и хлопая в такт музыке. Взгляд скользил по толпе, изредка выхватывая отдельные лица: вот русоволосая девушка, почти девочка, в розовом платье, с прической, как два бублика. Как два дырявых уха Чебурашки. Девочка шевелит губами, закрыв глаза и представляя собственную свадьбу. Красноносый дядька, похожий на филина, с болезненно-розовыми щеками. Женщина с раскосыми глазами, напоминающая напуганную лань...

Ратон остановил меня, я прильнула к нему и положила голову на плечо. Все, танец закончился, дальше начнется всеобщее веселье с плясками и выступлениями артистов — бродячих и не совсем. Ратон может быть свободен, а мне предстоит некоторое время развлекать гостей.

Гордо вскинув голову, я направилась в середину зала, с удовольствием отмечая, что некоторые дамы надели декольтированные платья, чего раньше не наблюдалось, а каждая вторая девушка притаила свой наряд, перенесла оборки на спину. Я — законодательница мод! И это только начало, я помню множество нарядов, до которых здесь еще не додумались. Мысленно я уже открывала ателье для аристократов и придумывала выкройки, вокруг порхали замерщики, и швеи носили разноцветные куски атласа...

В середине зала я сняла деревянные туфли, обитые кожей с золотым узором, и осталась в легких кожаных тапочках. По местным обычаям танцевать с невестой — не только большая честь, но и хорошая примета, у счастливец будет достаток и здоровые дети. Если это неженатый мужчина, у него увеличиваются шансы найти хорошую жену. Претенденту на танец следовало бросить в туфлю серебряный или золотой. Если есть еще желающий станцевать с невестой именно этот танец, он должен удвоить ставку или подождать.

Столы стояли вдоль стен, как и во время помолвки, и на меня спикировал юный граф в сине-зеленом — светловолосый, румяный, курносый, с по-детски пухлыми губами; на его синей приплюснутой шляпе, больше напоминающей дамскую, колыхались сизые перья, целое облако перьев. Возле туфелек он остановился, склонил передо мной голову, приложил к груди руку, поднял ее театральным жестом, бросая пару серебряных монет в левую туфельку. Справа, от столов под балконами, ко мне направился противный барон Рйонд, похожий на одушевленное шевелящееся полено. Господи, только не этот, пусть лучше будет мальчишка!

Барон улыбнулся, и его брылы дернулись, наклонился, кряхтя и согнув колени, и положил во вторую туфлю золотой — бережно, осторожно, будто он — курица, которая только что снеслась монетой. Граф поджал губы, сверкнул изумрудно-зелеными глазами и уронил:

— Надеюсь, следующий танец прекрасная Вианта подарит мне.

Я уже смирилась со своей участью и собралась танцевать с человеком-поленом, но меня спас Ларсо, выросший будто из-под земли. Улыбаясь дерзко и зло, он высыпал в туфельку с серебряной монетой пригоршню золотых, схватил меня за руку, притянул к себе.

Пораженная и напуганная, я не сразу заметила, как он осунулся, постарел, обзавелся черными кругами под глазами. Неужели мучился из-за меня, ревновал, не спал? Грянула музыка, я узнала «Аделию» и закружилась в танце. В этот раз Ларсо держался отстраненно и избегал прикосновений на грани приличия. Он весь был немой укором, страданием, которое не унижает мужчину, а придает его образу некий надрыв, таинственность. Иррациональное чувство вины заставляло опускать глаза.

— Ты жестокая, — процедил он сквозь зубы, притягивая меня к себе. — Но мне нравятся жестокие женщины.

— А ты — бабник, — бросила я, вскидывая голову. — Я видела, как ты целовал блондинку после того, как признался мне в любви. На нашем месте, в нашем жасмине!

Ни мускул не дрогнул на лице Ларсо — ну а что, для него ублажать женщин — естественное состояние.

— Я такой, — кивнул он, отбежал от меня, подхватил на руки, делая поддержку, и продолжил, глядя снизу вверх: — Но ради тебя готов быть сдержанней.

Он говорил совершенно искренне и сам себе верил, и лицо сделал честным-пречестным, я аж не удержалась и, встав на ноги, погладила его по щеке:

— Сейчас ты говоришь так, но уже завтра будешь думать иначе.

Мы отбежали друг от друга и с минуту не могли говорить, все это время Ларсо стремился ко мне, мучился, томился. Когда мы снова сблизились, он мотнул головой и припечатал:

— Нет!

Я снова рассмеялась:

— Только обещать не надо, а то придется потом освобождать тебя от данного слова. Откуда ты знаешь, что будет завтра, кого ты встретишь на пути? Вдруг — настоящую любовь? Ты испытываешь ко мне влечение — не более.

Он опять тряхнул головой:

— Нет, такое со мной первый раз в жизни.

Ларсо посмотрел на меня с такой тоской, что самой стало грустно, будто бы он обнимал меня взглядом перед тем, как проститься навсегда.

Следующий танец был медленным и напоминал обычное топтание на месте, так танцевали в клубах, и на миг мне показалось, что я нахожусь на костюмированном балу. Выйдешь за двери, а там снуют машины и высотки подпирают небосвод. Когда часы пробьют двенадцать, карета превратится в тыкву, и я вернусь к своей болезни, в одиночество.

Но нет! По залу топчутся парочки — молодые и не очень, равнодушные друг к другу и счастливые. Похожий на бревно Рйонд обнимает черноволосую жену Ларсо, девушка с бубликами на голове млеет в объятиях графа, который пытался пригласить меня. Счастливей всех выглядят Саяни с ее блондином, Дарьелем. Спесь облетела с нее, она стала ласковой, трогательной и помолодела лет на десять. Вот бы мне так влюбиться! Не сгорать от страсти, а томиться нежностью, не вспыхивать, прикасаясь, а плавиться воском, как было с Эдуардом.

В мужа влюбиться, что ли? Было бы здорово, только ведь любовь не спрашивает, сама приходит... Голос Ларсо вывел меня из раздумий:

— Как же ты прекрасна, Вианта! — Он остановился и, не таясь, провел пальцем по лбу, носу, коснулся губ. — Давай убежим! Иначе я не смогу тут оставаться, смотреть, как он трогает тебя и смотрит, как на свою собственность. — Последние слова он бросил с ненавистью, будто дротики в мишень, ноздри его раздулись.

— Уже поздно, — прошептала я, снова ощущая желание, которому трудно противиться, к тому же Ларсо так красив!

— Если бы я мог повернуть время вспять, как Аделия...

— Ты же говорил, что веришь в легенду.

Ларсо кивнул:

— ...то нашел бы тебя раньше и украл, и ты была бы безраздельно моей.

— А ты собственник и ревнивец, — я вскинула бровь. — Танец заканчивается...

— Я бросил в тувельку пять монет, — с сожалением сказал южный принц. — Ты будешь танцевать со мной и только последний, шестой танец подаришь кому захочешь.

Он говорил таким тоном, что защемило сердце — снова включилась эмпатия, краски поблекли, искрометный праздник превратился в рутину, за пределами которого будет

темнота, но так правильнее, чем терпеть унижение...

Это его чувства! Ларсо и правда страдал из-за меня, вот только я была уверена, что это не продлится долго. А может, и продлится, потому что мало кто находил в себе силы противиться его обаянию, он использовал девушек, а тут использовали его и теперь выбрасывают — такое забывать нельзя, надо заполучить желаемое любой ценой. Но вся беда в том, что если будет владеть мной безраздельно, он быстро охладает. Мысль, что было бы неплохо, если бы он похитил меня, щекотала нервы Вианты, но Ольге не нравилась категорически.

Любители покопаться в людских головах защитили бы на мне не одну диссертацию, потому что Ольга — разумная, трудолюбивая, ответственная — умерла, Вианта тоже умерла, и родилась я — что-то непонятное для меня самой.

Ларсо волновал меня, задевал в душе что-то глубинное, животное, но Ольге пока удавалось держать зверя в узде.

Когда все пять заказных танцев закончились, я выгребла монеты из тифля, отмечая, что Рйонд зол и жуёт губами — ему жаль бездарно потраченного, сложила их в специальный кармашек на свадебном платье.

Сейчас в деревне Гусятня идут народные гулянья в честь моей свадьбы, наверное, управляющий уже объявил крестьянам мое пожелание — все деньги, которые мне накидают в туфли, я потрачу, чтобы простым людям стало лучше жить. Шесть золотых — для крестьянина сумма заоблачная, как для меня еще недавно — миллион долларов.

Обуваясь, я с сожалением проводила взглядом Ларсо, который обнял жену за талию, что-то прошептал ей на ухо и повел к выходу. Нет, он не посмеет уйти! Это невежливо! В душе заскребли кошачьи царапки — я не хотела терять его, хоть и понимала, что он для меня — минутное убежище от зноя.

Я отошла к столу, где вкушала яства родня Ратона и Арлито, отыскала взглядом Саяни — тетушка отплясывала с Дарьелем нечто напоминающее джигу и выглядела такой счастливой, что я посчитала кощунственным разлучать их даже ненадолго.

Джигу закончилась, и раскрасневшаяся, счастливая Саяни прилетела к нам, сдула с лица прядку, выбившуюся из прически, сверкнула глазами:

— Вианта, нам пора менять наряд.

Я поставила пустой бокал, потянулась за красным виноградным нектаром, который привезли специально для меня.

В темном коридоре, пропахшем сдобой, я вздохнула с облегчением — здесь не давило людское внимание, не нависало, как та гигантская люстра.

Саяни изменилась до неузнаваемости, она вела себя слишком раскованно — то ли счастливая любовь так преобразила ее, то ли она выпила лишнего. Передо мной шла не женщина, которой скоро сорок, а порхала девушка, окрыленная счастьем. Ларсо рядом не было, тех, кто желал бы мне зла — тоже, я чуть ослабила хватку самоконтроля, сдавившего горло инстинктам, и сразу же мне передалась радужная окрыленность Саяни. Будто это не она, а я после стольких лет воссоединилась с любимым, и теперь хочется кричать об этом, делиться радостью. Надо же, она способна на такие вулканические чувства, прямо как я нынешняя!

— Саяни, — проговорила я капризным тоном — она обернулась, замерев. — На моей свадьбе самая счастливая — это ты, так нечестно.

Саяни шевельнула бровями и оставила мою реплику без ответа.

— Завидую тебе, — продолжила я, заходя в нашу с Ратоном спальню. — Он на меня даже не смотрит, хоть бы видимость делал...

Саяни развернулась рывком, улыбнулась открыто, по-детски:

— Тебе завидуют и девочки, и старухи, видя, как по тебе сохнет Ларсо. Подражают тебе,

придумывают небылицы, что принца Элио приворожил твой друг Арлитто.

— Смешно, — оценила я, оперлась о прикроватную тумбочку, где лежало алое платье, покрутила бокалом, глядя на «винные ножки», протянувшиеся по стеклу.

Саяни села на постель, поправила сиреневое платье (после развода она вернула фамильный цвет нашего рода), глотнула своего вина, взяла мой бокал, понюхала с подозрением.

— Как ты это пьешь? Оно ж сладкое до ужаса, а сладость убивает вкус.

— В прошлой жизни я очень любила такое вино, кстати, пила его в день, когда скрепила сделку поцелуем.

— Не жалеешь, что теперь ты здесь? — Она сделала большой глоток из моего бокала, задержала вино во рту, попыталась понять вкус, покачала головой и вернула бокал. — Нет, это не для меня.

— А мне нравится! — Я выпила половину, развернулась к зеркалу, желая насмотреться на себя перед тем, как снять платье сказочной красоты, поставила бокал на пол, к стене — он не гармонировал с одеянием. — Давай не будем звать служанок, сами переоденемся, ты мне поможешь?

Отраженная зеркалом Саяни сняла пластину Незваного, положила на ладонь, пытаясь разобрать иероглифы, и вдруг побледнела, выронила ее и бокал, приложила руку к груди и начала хватать воздух открытым ртом. Сначала подумалось, что она поперхнулась, и я бросилась помогать ей, но так сильно получила по щеке, что отлетела в сторону.

Саяни сползла на пол. Ее голова моталась из стороны в сторону, руки судорожно шлепали по полу, на губах пузырилась розовая пена. Платье задралось, и по-девичьи тонкие ноги дергались.

Что с ней? Она страдает эпилепсией? Надо сунуть ей в зубы палку, чтобы она не откусила себе язык! Пока озиралась в поисках подходящего предмета, судороги у Саяни прекратились, она обмякла, но в сознание не приходила и, похоже, не дышала.

Я схватила пластину Незваного, склонилась над Саяни, попыталась нащупать пульс на шее. В этот момент распахнулась дверь, в спальню ворвались Ратон, Леон и Амиль.

— Что случилось? — спросил Ратон, отшвырнул меня в сторону, поднял на руки бывшую жену, положил на кровать, похлопал по щекам. — Саяни... Саяни?!

Он приложил ухо к ее груди, вскочил, испепелил меня взглядом:

— Она мертва! Леон, зови Арлитто!

Незаметно для них я сунула пластину Незваного в кармашек свадебного платья, где звенели золотые.

Глава 10

Найти выход

Не прошло и минуты, как Арлито подбежал к Саяни, лежащей без движения, сделал несколько па над ее головой, грудью, животом, опустил руки, вздыхая:

— Нити оборваны. Она отправилась в Вечный путь.

На пару минут произошедшее выбило меня из колеи, и я ничего не соображала. Слова Арлито будто включили рубильник в голове, и до меня дошло, в какой я ситуации: с синяком на щеке и свежим трупом в одной комнате...

Вряд ли это сердечный приступ, Саяни хлебнула нектар из моего бокала и... И я пила из него! О господи!

— Арлито! — вскрикнула я, схватила его за руку и рухнула на колени прямо в свадебном платье. — Она выпила из моего бокала, вон он, у стены, и упала, а потом из него пила я! Помогите!

— О, пожри их пекло! — Он положил ладони мне на голову, зажмурился и ответил спустя полминуты: — Тебе ничего не угрожает.

Он отступил на шаг, к Ратону. Они оба смотрели на меня: муж — с ненавистью, Арлито — с интересом. Ратон вынул меч из ножен и шагнул ко мне, я вскочила и попятилась, прижимая руки к груди. Арлито схватил князя за кафтан, дернул на себя:

— Остановись! Ты уверен, что виновата — она?

Ратон развернулся к магу всем корпусом, как волк. На его щеках катались желваки, глаза сощурились в две щели.

— Посмотри, Саяни защищалась и ударила ее! — он указал на меня мечом.

Постепенно просыпались чувства. Мне следовало рыдать над умершей тетушкой, ведь я успела к ней привязаться, но жалость глушил страх.

— Зачем мне убивать ее? — проговорила я и ненадолго смолкла, потому что горло свели спазмы. — Она была добра ко мне. Зачем? Да и как? Взглядом?

Ратон был непреклонен, ведь он любил Саяни, теперь это видно. Но почему он напустился на меня? Если бы не Арлито, он заколол бы меня без суда и следствия. Я подошла поближе к магу, посмотрела на Леона, который встал в дверях и старался сохранять хладнокровие.

— Леон, ну хоть ты мне веришь? Я любила ее!

Начальник стражи крикнул и отвел взгляд. А я продолжала бросать горошины слов в их стены, стараясь достучаться:

— У Саяни был шар, который узнает ложь! Леон, ты его видел! Принеси его, и вы поймете, что я не лгу.

Я закрыла лицо рукой, села на кровать рядом с Саяни. Ее губы посинели, как у моей бабушки, умершей от инфаркта. Но ведь Саяни так молода!

Ратон так и стоял с мечом на изготовку, Арлито поднял разбитый бокал, где еще осталось вино, взял мой, понюхал один и другой. Выхватил из кармана что-то типа мела и принялся чертить знаки на полу. Соединив их линией, он положил в середину нарисованного круга разбитый бокал, молча удалился, и я съежилась под взглядом Ратона. Если он убьет меня, ему ничего не будет, скажут, что князь был вне себя от горя.

Понимание жаром прокатилось по телу. Я написала завещание и попросила Арлито намекнуть Ратону, что в случае моей смерти все унаследует Саяни. Значит, смерть Саяни ему выгодна, заодно он отомстил ей за измену, в том, что этот человек с двойным дном способен на подлое убийство, я не сомневалась. Осталось одно: повесить всех собак

на меня, хотя бы на время меня изолировать, убить и свалить все на неведомого недоброжелателя!

— Помогите! — закричала я что было сил, вскакивая с кровати и бросаясь к выходу. — На помощь! Пожар!

Пусть слышат гости, пусть слышит как можно больше людей, тогда он не посмеет! На выходе Леон сгреб меня в объятия и прижал к стене:

— Извините, бэрри Вианта, но я не могу позволить вам уйти.

— Амиль! — взмолилась я, но стражник потупился, и я снова заголосила: — Ларсо! Помоги! Кто-нибудь!

Я не видела Ратона, воображение рисовало, как он приближается ко мне, вот он скидывает руку, блестит сталь меча, опускается...

— Ты чего кричишь? — это пришел Арлитто. — Отпусти ее, Леон.

Стражник подчинился, и я забилась в угол. Ратон сказал:

— Она пыталась сбежать.

— От тебя, — всхлипнув, проговорила я. — Это ты все устроил, сволочь бесчувственная! Ее убил, а меня подставил! Чтобы убить и... и... заполучить! А она... потому что тебе изменяла. За то что. Раз, а два — завещание-то на нее!

Ратон удивленно вскинул бровь, я продолжила уличать:

— Арлитто, ты говорил про завещание?

— Говорил. — Маг покосился на Ратона с подозрением.

— Я не придавал этому значения, — отмахнулся новоиспеченный муж.

— Почему вы не хотите принести шар? Вам не нужна правда? Я не убивала ее, мне это незачем!

Арлитто смотрел то на меня, то на Ратона. Когда я закончила, дернул плечом:

— Шар пропал. То ли украли, то ли сама Саяни его надежно спрятала.

— У Дарьеля спроси, — настаивала я. — Когда кого-то убивают, нужно искать, кому это выгодно. — Я спряталась за спину Арлитто. — Не оставляй меня наедине с ним, я его боюсь! Пусть уезжает из моего дома!

Ратон улыбнулся так, что мороз продрал по спине:

— Вынужден тебя расстроить, дорогая. У тебя очень странно пропала память: муж становится опекуном жены и обязан оберегать и ее, и принадлежавшие ей владения. — Он чуть наклонил голову. — Прошу меня простить, я дал волю чувствам, больше такого не повторится. Но клянусь, что после расследования собственноручно приведу приговор в исполнение. — Он сунул меч в ножны.

В коридоре гомонили, доносились возгласы удивления — хорошо, чем больше народа узнает, что случилось, тем у меня больше шансов дожить до расследования.

— Присядь на кровать. — Арлитто извлек из кармана пузырек с зеленоватым порошком. — Мне нужно знать, было ли вино отравлено.

Ратон скрестил руки на груди и сказал:

— Ты отлично знаешь, что есть яды, которые распадаются мгновенно. Есть проклятия, которые тоже очень сложно опознать.

— Вот интересно, как мне все это удалось проверить? — проворчала я, села в ноги Саяни.

Еще десять минут назад она порхала счастливая, танцевала, как молодая, и вот лежит бездыханная. Я искренне завидовала ей и Дарьелю... А ведь он еще не знает, а когда...

Только я подумала, как дверь распахнулась, и в комнату ворвался он. Арлитто, колдующий над своими иероглифами, выпрямил спину и открыл рот. Дарьель широким шагом направился к кровати, и столько в его движениях было обреченности, что от греха подальше я опять забилась в угол комнаты, но граф не стал вымещать зло на мне, он замер у изголовья, погладил любимую по волосам, а потом рухнул на нее. Так бросается вниз хищная птица.

Обнял, подмял под себя. Потом поднял и принялся баюкать в объятиях, что-то шептать, гладить по носу, лбу, щекам, будто любовь могла оживить ее. Меня он виновной не считал. Все это время Ратон равнодушно смотрел на Дарьеля и ничем не выдавал своей ревности.

Положив Саяни на кровать, он спросил у Арлитто:

— Как это случилось?

Маг кивнул на меня:

— Бэрри Вианта была рядом, пусть она расскажет, я занят. — Он сыпнул в круг лиловый порошок из склянки, и тот вспыхнул алым пламенем, которое сразу же потухло.

Надо попытаться, чтобы он поверил мне, и я принялась рассказывать, начиная с того момента, как мы взяли бокалы и отправились меня переодевать, и заканчивая — как она упала, я подумала, что у нее припадок падучей, и бросилась ей помогать.

— Она махнула рукой и ударила меня. — Я приложила ладонь к щеке. — И тут ворвался Ратон и во всем обвинил меня, хотя на самом деле не мне, а ему выгодно смерть Саяни — он ревновал к вам, и я написала завещание на нее. Ему выгодно от меня избавиться, чтобы...

— Да как ты смеешь! Да как повернулся твой поганый язык! — Ратон снова схватился за меч и шагнул ко мне, но Дарьель встал между нами.

— Я невиновна и пытаюсь защититься, — бросила я с вызовом.

Дарьель убрал за уши серебристые пряди волос и вздохнул:

— Хватит обвинять друг друга. Бэрр Ратон снискал репутацию благородного мужа, я не верю в его вину. Как и не верю, что Вианта причастна к смерти Саяни — ей это ни к чему.

— Вот именно. Пусть кто-нибудь назовет хотя бы одну причину, зачем все это мне в день моей свадьбы.

Арлитто выпрямился и вынес вердикт:

— В напитках не обнаружено следов яда и магического вмешательства. Теперь мне надо исследовать тело усопшей.

Я скрестила трясущиеся руки на груди. Прости, Саяни, мое равнодушие, я оплачу тебя позже. Амиль замер возле окна, в метре от Ратона, Леон — у двери, стражники были точно не на моей стороне, хотя я даровала Амилю свободу. Дарьель встал недалеко от меня, он старался не показывать, что на душе, но глаза его блестели.

Седой Мэтиос не обманул Саяни: «До самой смерти награда тебе будет — счастье». Интересно, он видел, что случилось с ней на самом деле? Если видел, почему бы не спросить его? Я поделилась мыслями с Арлитто, он задумался и сказал:

— Он может отказаться от встречи со мной. К тому же он пророчествует только иносказаниями... Вспомнил! Мэтиос говорил «смерть как плата» — он Саяни имел в виду?

— Это в пророчестве для меня. Арлитто, что будет дальше?

Маг сел на кровати, посыпал лицо Саяни золотистым порошком из другой склянки.

— Сейчас я попытаюсь узнать, от чего она умерла. Если найду следы насилия, значит, Вианта, твоя вина будет доказана. Если нет, отправлю весть в орден Справедливости, оттуда пришлют трех магов, которые занимаются убийствами, где возможно магическое вмешательство: краткосрочные проклятия, проклятия, которые исчезают, убив человека. Я — боевой маг, дар предвидения доступен мне лишь частично, это прерогатива детей воздуха.

Закончив, Арлито открыл крошечную деревянную шкатулку, достал оттуда три хрустальных шарика размером с ноготь и принялся катать их пальцем по ладони. Вскоре они стали кататься сами, когда он убрал руку, повисли в воздухе, описывая круги. Арлито подтолкнул их к Саяни, они закружились над ее лицом — все быстрее и быстрее. В конце концов они словно размазались по воздуху, образуя розоватый овал.

Остановились они одновременно, слетелись друг к другу, Арлито подставил ладонь, и шарики упали на нее. Маг тяжело вздохнул и принялся снова разгонять их на ладони. Если в первый раз казалось, что они вращаются сами собой, то теперь Арлито напрягся, на лбу и крыльях носа блестел пот, глаза покраснели.

Описывая круги над грудью княгини, шарики начали дергаться и издавать едва различимый треск. Арлито шумно выдохнул и уставился на них в упор, но они отказывались лететь быстро. Опали они без его команды. Один по груди скатился на живот Саяни, второй остался на кровати, а третий упал на пол и, будто намекая, подкатился к Ратону.

Арлито собрал шарики, я напряглась, ведь сейчас решалась моя судьба. Если маг в сговоре с Ратоном, то не сносить мне головы.

— Ее смерть была естественной, — произнес он. — Похоже на то, что остановилось сердце.

— Она никогда не жаловалась на сердце! — возмутился Дарьель. — Она еще молода.

Хотелось им рассказать о тридцатилетних, умирающих от инфаркта. О тромбозах, аневризмах, инсультах, но пришлось сдержаться — в этом мире медицина не развита. Несмотря на то что так иногда бывает, мне самой не верилось, что смерть Саяни случайна: Ратон убил бывшую жену, наверняка найдется множество всего, доказывающего мою вину, например, следы яда в моей спальне или библиотеке.

— Я тоже не верю, — сказал Ратон, проклятый комодский дракон! — Вианта, кто разносил вино?

— Новая служанка, совсем молоденькая. Если что, я ее узнаю.

Боковым зрением я наблюдала за Ратоном, который держался скованно и на меня не смотрел. Похоже, он отказался от плана убить меня сразу и решил дожидаться более удобного случая.

— Амиль, собери всех служанок в кухне и смотри, чтоб ни одна не исчезла, — распорядился Ратон. — Все-таки мне кажется, что виной всему яд. Вианта, извини, но тебе придется пару дней провести взаперти.

— Маловероятно, что яд, — возразил Арлито. — Больше похоже на проклятье, но на празднике не было магов, кроме меня. Хотя существует тысяча способов внедрить готовое проклятье, это под силу даже простому человеку. Жаль, что шар правды пропал, он помог бы нам побеседовать с гостями — вдруг убийца среди них.

— Ратон, вы запрете меня? — возмутилась я. — Запрете, чтобы я не помешала подбросить мне яд? Что это я... наверное, вы уже сделали свое дело...

— Замолчи! — крикнул он и сразу же успокоился.

— К сожалению, Вианта, мы нашли вас в крайне неудобном положении, — сказал Арлито, переходя на «вы». — Придется немного потерпеть.

— Потерпеть? — закричала я. — Меня здесь убьют! Я уверена, что не доживу до утра.

— Мы позаботимся о вашей безопасности, — проговорил Леон.

Я наградила его злобным взглядом и сказала громко, чтоб меня слышали и вне спальни:

— Не знаю как ты, Ратон точно позаботится. И вообще, ты кому служишь? Ты мне служишь, вот и служи — запри лучше Ратона!

Муженек скривился:

— Вианта, не блажи, не позорь меня. Ты остаешься здесь. Амиль, ступай на улицу, под окно. Леон, караул у двери. Никто не должен ни войти, ни выйти.

Задышавшись от бессилия, я обратилась к магу:

— Арлито, сделай хоть что-нибудь!

— Сделаю, — кивнул он. — Прямо сейчас отправлюсь к Мэтиосу, а потом пошлю весть в орден. Если не достучусь, придется ехать самому.

— А я все это время буду взаперти?

Арлито развел руками:

— Другого выхода нет. И ты, и Ратон не должны покидать имение.

Впечатление было, будто упала гильотина, и покатила отрубленная голова моей надежды. Дружба дружбой, а рисковать ради меня Арлито не будет. Или он не верит, что именно Ратон все подстроил? Или заодно с моим муженьком? Я закрыла глаза, чтобы не хлынули слезы бессилия.

Ночью мне перережут горло. Или я засну вечным сном. Или умру от сердечного приступа — люди этого мира знают толк в умерщвлении ближних. Но разве так должно быть? Мэтиос напредсказывал мне кучу бонусов, неужели соврал? Вряд ли, значит, должен быть выход!

Один за другим все покинули мою камеру, остался только Арлито, колдующий над телом Саяни. Просить его о помощи? Обещать денег? Бесполезно, надо рассчитывать только на себя.

— Арлито, — прошептала я — маг обернулся. — Что бы ты делал на моем месте? Очевидно же, что это Ратон все подстроил и теперь жаждет моей смерти!

— Я не был бы так уверен насчет Ратона. Но даже если ты права, теперь он всеми силами попытается сохранить тебе жизнь — уж очень ты шумела, и многие слышали, чего не следовало бы. Самый простой и верный путь для тебя — искать защиту в ордене Справедливости.

— Мне обязательно оставаться здесь?

— К сожалению, не я тут главный.

Ну что за лицемерные сволочи?

— Недосуг тебе. — Я отвернулась и сказала в открытое окно: — Как допрашивать меня и связывать, так ничего, ты главный, а как помочь... Вы все тут заодно!

Враз обессилев, я не стала поддерживать диалог, отошла к зеркалу и уставилась на отраженную там красавицу. Неужели я погибну так бездарно? Ведь зачем-то меня переместили в это тело, вряд ли чтобы мне перерезали горло во сне. Но все складывается не в мою пользу, и с огромной вероятностью я умру сегодня-завтра.

Что делать? Я выглянула в окно: гости прогуливались возле беседки, словно ничего не случилось. Неужели они не знают? Или знают, но им все равно? Интересно, где Ларсо и что он будет делать? Будет ли сражаться за меня до конца или его слова — вода, которая дает жизнь, но убивает, вытекая кровью?

А может, призвать к ответу Незваного, пусть объяснит мне, какого черта я тут делаю и что происходит. Он меня сюда засунул, пусть и помогает выкрутиться! В прошлый раз он не пришел, но сейчас-то моя жизнь висит на волоске, он просто обязан явиться!

Скрипнули петли, пришли незнакомые стражники и Тайя, замотали Саяни в простыню и унесли, Тайя осталась, посмотрела на меня без выражения и голосом, бесцветным, как она сама, прошелестела:

— Не верю, что это сделали вы.

Я шагнула к ней, положила руки на плечи, заглянула в глаза:

— Я не переживу эту ночь, помоги мне бежать. Я отправлюсь в орден и потребую справедливого суда, а когда вернусь, сполна отблагодарю тебя. Здесь все желают мне зла!

Тайя кивнула, отступила молча — мои руки повисли плетью — и попятилась к выходу. И что это значит? Можно на нее рассчитывать или нет? Лучше не надо. Все говорят, что Вианта неплохо управлялась с оружием. Если тело помнит все движения, как оно помнит танцы, можно было бы попытаться заколоть Леона или Амиля... И что дальше, на воротах-то стража! Ползти по крепостным стенам, как пышный белый человек-паук? Меня сразу же поймают.

Да и не получится у меня убить человека, Ольга за всю сознательную жизнь руки ни на кого не подняла. Единственный шанс выбраться — подать знак Ларсо, что я в беде, и надеяться, что он не отретется от меня пред ликом опасности.

Надо бы прояснить для себя расстановку сил. Итак, моя спальня находится на первом этаже, прямо возле парадного выхода. Амиль туда-сюда прогуливается по брусчатке. Еще один стражник — недалеко от беседки. Леон с той стороны двери. Если пытаться бежать, то поздно ночью и переодевшись в алое платье, которое будет не так заметно в темноте.

Допустим, у меня получится выбраться за ворота, что дальше? Я даже не помню, как далеко отсюда орден Справедливости! Неплохо бы заполучить книгу о сотворении мира, ознакомиться с картой и проложить маршрут.

Если случится чудо и удача улыбнется дважды, как ни крути, одной мне не справиться: даже на землях Справедливости в лесах встречались разбойники, да и обычный простолюдин не откажется от легкой поживы.

Вся надежда на Ларсо. Если он отступится, я попытаюсь справиться собственными силами: достойней умереть, спасаясь, чем уснуть, чтоб тебя зарезали, как овцу.

Исполненная решимости, я постучала в дверь и велела Леону принести книгу. Не успела я открыть ее, как меня увели на опознание служанки, которая подносила вино нам с Саяни.

Служанки и кухонные работники выстроились вдоль стены в бальном зале и притихли так, что каждый мой шаг разносился эхом. Я остановилась напротив русоволосой девочки с остреньким личиком и сказала:

— Она. Но она, скорее всего, не виновата. Пожалуйста, не обходитесь с ней жестоко.

Ноги девчонки подкосились, она села на пол и закрыла лицо руками, а я в сопровождении стражников отправилась к себе, чтобы ознакомиться с картой и проложить маршрут к ордену Справедливости.

Если удастся сбежать, то мой путь будет лежать на юго-восток, по владениям Баррелио в сером к нейтральным землям — оазису, где расположился город Дааль, магическая обитель. За его пределами, ближе к Вратам, отделяющим мир порядка от Беззаконных земель, находился орден Справедливости. Когда стемнело, я зажгла две свечи, поставила на подоконник, надеясь, что их увидит Ларсо, прогуливающийся во дворе. Но за целый день среди гостей я ни разу не видела ни принца, ни его черноволосую супругу.

Мои надсмотрщики не оставляли постов, помимо Амиля, я заметила во дворе еще одного

стражника — хотя окна моей тюрьмы распахивались, вылезти незамеченной не получилось бы.

Доносились голоса, лошадиное ржание и цокот копыт — это разъезжались гости, им подавали кареты, но прямо сюда, к родовому имению, их не пускали — чтоб лошади не пачкали брусчатку. То ли Ратон действительно опасался за мою жизнь, то ли боялся, что кто-то из гостей поможет мне бежать.

Вот же гад! А ведь была мысль уехать с Ларсо — и чего не послушала интуицию? И предчувствие, что Ратон — гад еще тот, тоже оказалось верным. Бедная Саяни, столько прожила с таким упырем! Она ведь тоже хороша, собиралась скормить меня ему и законно кувыркаться с любовничком, а не получилось.

Думай, голова, думай! У тебя мало времени, если ничего не придумаешь, то висеть тебе на пике! Для начала ответь себе, на кого можно если не рассчитывать, то хотя бы надеяться? Ни на кого. Вианта была недалёковидной и жестокой, а мне не хватило двух недель, чтоб расположить к себе слуг.

А что, если попытаться вызвать Незваного? Если я настолько важна, как говорил Мэтиос, местный дьявол должен за мной наблюдать — вряд ли он выбрал Ольгу просто так. Когда твоя жизнь в опасности, сделка с дьяволом выглядит уже не такой и ужасной. Ритуалов я не знала, потому обратилась к нему мысленно.

Эй, Незваный! По-моему, пришло время объясниться. Знаю, я у тебя на карандаше, так что явись и скажи, что мне делать дальше. Иначе меня убьют, и все твои планы рухнут, да и я рассчитывала еще немного пожить, только во вкус вошла.

В деталях я представила Незваного, потребовала его явиться во плоти, потом — попросила, но ничего не случилось: он или не слышал меня, или я не представляла для него ценности.

— Чтоб тебя развоплотили! — крикнула я и топнула в сердцах.

И тут распахнулась дверь — Тайя принесла мне ужин: жаренную на углях рыбу, овощи с лепешкой и какой-то темно-красный сок. Я освободила тумбочку — перенесла красное платье на кровать и распорядилась:

— Попробуй всего понемногу, приходи через час и принеси мне платье попроще, а то в свадебном мне неудобно.

— Да, бэрри. — Тайя отрезала кусок от рыбы, отправила в рот.

— Ты подумала о том, что я тебе говорила? — прошептала я, подходя к ней вплотную.

— Да, бэрри. Вам безопасней оставаться здесь. — Она надломила лепешку, запила ее соком.

Невольно сжались кулаки, захотелось ударить служанку — не просто дать ей оплеуху, а с размаху зарядить по носу. Злость бурлила, клокотала, рвалась наружу, казалось, если не выплесну ее, она разорвет меня. Когда в глазах помутилось от ярости, я швырнула на пол поднос с едой, пнула серебряную миску и принялась самозабвенно топтать томаты, приговаривая:

— Твари. Все вы — продажные сволочи! Убирайся! — Я схватила серебряную чашку и швырнула в Тайю — она успела увернуться, выскользнула за дверь и заперла ее снаружи.

Я плюхнулась на кровать, бездумно уставилась на стену, где отпечаталась моя тень. Перевела взгляд на черное стекло. Ларсо не придет. Никто не придет, я одна во враждебном мире, и нужно самой о себе позаботиться, для начала — раздобыть оружие. Я села над перевернутым подносом, подняла вилку с двумя длинными зубьями. Не хочется никого убивать, но мне не оставили выбора.

Только я сунула вилку в щель между периной и кроватью, как снова вошла Тайя, принесла мне новую порцию еды и ненавистное сиреневое платье-медузу. Еду поставила на пол, платье положила рядом. Села на корточки и принялась дегустировать пищу.

Закончив, она проговорила:

— Зря вы так, бэрри! Мы всего лишь заботимся о вашей безопасности. Здесь вам ничего не угрожает, а если уедете...

— Неужели не понятно, что Саяни убил Ратон? — проговорила я равнодушно, уже не думая о ней, мои мысли всецело занимал побег в орден Справедливости, где я попрошу убежища и справедливого суда. Остались сущие пустяки — добраться туда, преодолеть жалких километров двести.

Ларсо, где же ты? Ну почему снова сработал закон подлости: когда мужчина нужен, до него не достучаться? Будто в клетке волк, я принялась метаться по комнате. Открыла окно — ко мне зашагал Амиль. Пришлось закрывать его, но не плотно и не на щеколду. Интересно, когда меня придут убивать, он будет равнодушно смотреть? Или он сам приведет приказ Ратона в исполнение? А ведь я даровала ему свободу. Наверное, права была Саяни: чернь неблагодарна.

Закралась подленькая мыслишка, что правильнее смириться и подождать, потому что Саяни умерла от сердечного приступа, Ратон ни при чем, но я прогнала ее — вина мужа слишком очевидна. Не задувая свечей, я потянула шнуровку на спине и попыталась освободиться от платья, но не получилось. Ругнувшись, я принялась растягивать корсет, и в комнату вошла Лииса, склонила голову, пролепетала:

— Бэрри позволит помочь ей?

Я повернулась к ней спиной, и спустя полминуты украшенное самоцветами свадебное платье упало к моим ногам. Лииса помогла мне переодеться и, затягивая завязки платья-медузы, прошептала мне в самое ухо:

— Я подслушала Ратона. Он считает вас виновной и хочет заточить в подземелье. Арлитто он или уже убил, или убьет скоро. Не ложитесь спать, я попытаюсь помочь. Мы с Амилем.

— Попроси о помощи Ларсо Элио...

— Он уехал еще утром. К сожалению. Теперь сделайте вид, что рассержены.

Я оттолкнула ее:

— Убирайся! Ненавижу вас всех!

Для убедительности швырнула ей вослед подушку, упала на кровать и сделала вид, что рыдаю. Кровь гулко пульсировала в висках, руки потели. Дари добро, его не бывает много, и совсем не обидно, если вернут.

Изобразив истерику, я вынула из кармана свадебного платья деньги, пересчитала, нацепила пластину Незваного.

Надо быть настороже. Где-то я читала, что самый крепкий сон — перед рассветом, тогда теряют бдительность даже самые ответственные часовые и велика вероятность, что они уснут. А если я ошибаюсь и Лииса будет действовать уже через час?

Я уперлась лбом в стекло, попыталась всмотреться в темноту, чтоб различить детали, но никого не увидела. Луна еще не взошла, и было темным-темно. За мной наверняка наблюдают, потому следует вести себя естественно: почитать книжку, потом лечь спать. Проснуться среди ночи и демонстративно пострадать, помаяться.

Самой же собрать еду в узел, замотать тканью шесть золотых и серебряный, положить их к еде — пригодятся в пути, — свернуть оба платья рулоном и накрыть одеялом, чтоб думали, это я сплю. Сесть на пол, притаиться в темноте и ждать условленного часа.

Так я и сделала, погасила последнюю свечу и, притянув ноги к животу, села на пол за кроватью. Сначала я видела только сплошное черное пятно. Когда глаза привыкли к темноте, оказалось, что даже безлунная ночь — светла. В мегаполисе ночами не видно звезд из-за иллюминации, но карту звездного неба меня обязывала знать профессия. Здесь я была так занята, что не поднимала голову к небу, а зря.

Черный бархат небосвода словно присыпан серебристым порошком Млечного Пути. Кое-где сияли звезды покрупнее, и, если я правильно помнила карту звездного неба, это были не наши созвездия. На месте Малой и Большой Медведицы — какая-то крупная звезда, видимо, соседняя планета, над ней — скопление звезд в виде розы. Над головой — будто бы дуршлаг, и через отверстия льется свет. Что на западе и юге, я не видела.

Час я провела более-менее спокойно, когда стихли последние голоса, понемногу начала просыпаться паника. Это только кажется, что сидеть и ждать спасения проще, чем действовать. На самом деле — гораздо труднее, потому что твоя жизнь зависит не от того, насколько ловок и хитер ты сам, а от ловкости и умений других людей.

Лиису могут схватить, она может просто передумать. Черт! Я запрокинула голову и чуть ударилась затылком о стену. Проклятое время тянулось нитями расплавленного сахара.

Взошла луна, перечеркнутая еловой макушкой. Еще пара дней, и ночное светило станет совсем круглым. Интересно, оборотням Беззаконных земель нужен лунный свет для перевоплощений?

Тень на стене от макушки ели, из-за которой всходила луна, медленно смещалась вниз и вскорости пропала, остались лишь узоры от витражей, тоже плывущие вниз.

Сперва меня знобило от перевозбуждения, потом начало клонить в сон. Голова валилась на грудь, веки слипались сами собой, и я чуть не проспала момент, когда мелкий камешек ударил в стекло. Я насторожилась, на четвереньках подползла к окну, в которое стукнулся камешек покрупнее. Прижавшись к стене, выглянула: в небе серебрится луна, очерчивая силуэты кустов, на земле — черные тени. Никого. Ни подозрительного звука, только кузнечики стрекочут наперебой. Лишь когда люди, прячущиеся в тени кустов, шевельнулись, узнала кудряшки Лиисы, которая ступила на освещенную луной клумбу и поманила меня за собой.

На миг в душу закрались мысли, что это ловушка, но я переступила через них, тихонько распахнула створки окон, перелезла через подоконник и спрыгнула в клумбу. Встала на цыпочки, тихонько прикрыла окно, мысленно молясь всем богам, чтобы створки не лязгнули друг о друга. Выдохнула с облегчением и, пригибаясь, побежала к кусту, за которым пряталась Лииса.

В тени мы обнялись, быстро поцеловались, она сжала мои пальцы, воровато огляделась и прошептала в ухо:

— Нету время. Второй стражник спит, но Леон — нет. Возле домика слуг — повозка торговца вином, ну, он нектар привозил. У него — бочки. Половину вина выпили, половину товара он везет на ярмарку, чтоб там продать хоть за что-то. Амиль... вон он, рядом... вскрыл бочку, ну, дно выбил, и вы можете туда спрятаться. Торговец хочет уезжать на рассвете, когда бэрр Ратон и гости еще будут спать, — Лииса сунула мне в руки мешок. — Там вода и одно из моих платий... платиев. Ваше заметное очень.

— Спасибо. — Я обняла Лиису. — Когда вернусь из ордена, то вспомню о тебе.

Служанка отвела взгляд, почесала нос и пробормотала:

— Меня тут уже не будет. То есть нас с Амилем. Ступайте к нему.

На полусогнутых, поднимая подол, я добежала до раба, которому даровала свободу, и он молча повел меня к жасмину, за ним была настолько густая тень, что в черноте утонуло даже мое светлое платье.

— Переоденьтесь, — посоветовал он. — Я отвернусь.

— Легко сказать, — прокряхтела я, пытаюсь вылезти из платья-медузы, тогда Амиль, не оборачиваясь, протянул мне нож: — Разрежьте и оставьте себе. Только осторожно — острый.

Недолго думая я вспорола платье спереди, достала из мешка темное, из грубой ткани, облачилась в него, разрезанное спрятала в мешок, туда же положила узелок с едой; деньги сунула в карман.

— Веди.

Мы плутали в зарослях парка, приходилось идти медленно, чтоб прошлогодние листья не хрустели под ногами. Наконец вышли к телеге, где виднелись крышки бочек.

— Крайняя слева, — сказал Амиль, протянул руку, чтоб помочь мне вскарабкаться, я не сдержала чувств и поцеловала его в щеку.

— Спасибо.

Амиль нервно оглянулся и уронил:

— Поспешите. И — возвращайтесь.

Под весом моего тела телега заскрипела так жалобно, что я пригнулась, и вовремя: из приземистого барака — я видела в щель между досками — выбежал пузатый кудрявый коротышка в ночной сорочке, со шпагой в руке:

— От же ворье окаянное! Пока вусмерть не поупиваетесь, жизни вам нет! А ну пошел отсюда, шакал облезлый!

Томный женский голос протянул:

— Кооотя, кто там?

— Алкашня. Одна алкашня на этом севере! Еще одного отогнал от вина, еле успел, надо посчитать бочки, вдруг упер чего.

— Не упер, — игриво ответила женщина. — Мы ж караулим, иди ко мне!

Коротышка огладил телегу взглядом, каким влюбленный мужчина смотрит на женщину, шагнул к ней — я оторопела, сжала рукоять ножа.

— Ну, Кооотя, — снова промурлыкала женщина, и толстячок удалился, бормоча:

— Надо было еще вечером уезжать, нельзя им доверять, ой, нельзя!

Он еще что-то бормотал, я не слышала. К его причитаниям прибавилось женское мурлыканье, грянул хохот, потом голоса стихли.

Тишина стояла такая, что слышно было, как падают листья. Если я двинусь, то телега заскрипит, этот южанин услышит и побежит оборонять товар. Что же делать?

К счастью, торговец занялся любовью со своей дамой — она начала стонать и вскрикивать. Кровать у них не скрипела, потому что спали они, вероятнее всего, на соломе, застеленной мешковиной. Но ненадолго толстяку будет не до проклятой алкашни.

Протискиваясь между бочками, я пробралась к крайней, подняла крышку, кое-как залезла внутрь, зацепилась платьем, потянула его на себя, оставляя лоскут, водрузила крышку на место, скрючилась в три погибели — бочка была невысокой, максимум метр двадцать, и широкой — можно было растопырить локти. «Засмолили, покатили и пустили в Окиян». Там же, в море, болтает неимоверно, и меня будет болтать. Если бочка перевернется, я вывалюсь.

Вскоре стало не хватать воздуха, и я проделала ножом Амиля несколько дырочек между досками, уткнулась в них носом. Нет, про «засмолили и пустили» недостоверно, тетка должна была или задохнуться, или утонуть.

Пока сидела в непроглядной темноте, согнувшись в три погибели, что только в голову не лезло: мое бегство раскрыто, и теперь меня ищут, прочесывают дом, сад и скоро доберутся до этой телеги, и тогда... За себя почему-то было не страшно, гораздо больше волновала участь Лиисы и Амиля — их казнят за предательство, а меня просто вернут под арест.

Хотя почему просто? Лииса рассказала о планах Ратона насчет меня, я предоставила ему легальный повод меня убить, тем более Арлито — гаранта законности и справедливости

— в имении нет. Да и в живых, наверное, тоже.

На улице заговорили, я узнала голос кудрявого коротышки, зажмурилась и принялась мысленно молиться всем богам — кто-нибудь да услышит. Зацокали копыта, колыхнулась телега, и до меня дошло, что в нее запрягают лошадь. Моя бочка качнулась, но устояла. Весело будет, если она свалится набок. Хотелось бы, чтоб торговец как-то зафиксировал груз, но судьба пустых бочек не волновала южанина, он перекинулся с кем-то парой слов, пожаловался на алкоголиков и сказал, что уезжает и больше не вернется, потому что хозяева-жмоты не купили весь товар.

Ему ответили, что он глухой пень, раз не слышал, что убили бывшую жену хозяина, потому свадьбу отменили, и все разъезжаются по домам.

— Могли бы на похоронах выпить, — сказал коротышка.

Ему ответили:

— У северян это не принято. Их покойники любят, когда с ними прощаются с ясной головой.

— Покойники любят! Тьфу! Не любят они ничего, отлюбили. А кто убил-то?

— Вроде новая жена, но то неясно, незачем ей это. Ищут. В орден за судьями послали.

— О как. Но я все равно уеду. Кошечка, не скучай тут без меня!

Что происходило снаружи, я не видела, а вскоре и слышать перестала, потому что повозку качнуло, моя бочка ударилась о борт, упала и начала кататься туда-сюда, естественно, я каталась вместе с ней, билась головой, локтями и рисковала порезаться ножом Амиля, на котором не было ножен. Только бы крышка с бочки не слетела, господи, помоги! Пусть она слетит, когда телега выкатит за ворота, где никто не узнает меня!

Вскоре начало тошнить и разболелась голова: вестибулярный аппарат — мое не самое сильное место. Когда терпения не осталось, я уперлась руками в крышку, вытолкнула ее и выглянула наружу: позади отдалялась стена моего родового гнезда. Три стены, то соединяющиеся, то разбегающиеся. Бочки, стоящие и валяющиеся в телеге, тоже двоились.

Кое-как я выползла из бочки, отдышалась, восстановила зрение, и до меня дошло, что я на свободе, и можно выдохнуть! Приподнявшись, я выглянула из-за бортов: толстяк сидел прямо на телеге на выступе под навесом, насвистывал себе под нос и ручкой кнута отгонял назойливых мух. Назад он не оглядывался, и был шанс выпрыгнуть из телеги незамеченной. Даже если он заметит меня, вряд ли бросится вдогонку. Но лучше не рисковать без надобности, выждать удобный момент, спрыгнуть в высокую траву и сразу же броситься в лес.

Пока я думала, когда это лучше сделать, впереди показался всадник, плохо различимый в утреннем тумане. Вскоре я узнала Арлито, метнулась обратно в бочку, но крышку на место приладить не успела, потому просто держала ее, судорожно сжав пальцы.

Маг вполне способен меня почуять! Только бы он проехал мимо! Пусть он просто пронесется мимо — что ему до телеги с бочками?

Когда телега перестала качаться и грохотать, до меня дошло, что все пропало: Арлито остановил торговца. Сейчас он велит проверить бочки, и мне конец.

— Вианта, — донесся подростковый ломающийся голос. — Я знаю, что ты там, выходи, обещаю не причинять тебе вреда.

Глава 11

Неожиданная встреча

Вот и все, дальше прятаться бессмысленно. Рука сжала рукоять ножа. Магия на меня не действует, и я вполне успею перерезать горло Арлито, вопрос в том, смогу ли?

Толкнув крышку бочки, я сразу же увидела мага, возвышающегося над телегой на огненно-рыжей лошади. Торговец вином замер на козлах и назад не оборачивался.

— Сдашь меня? — прохрипела я, выползая из бочки, руку с ножом завела за спину.

Арлито смотрел пристально, будто решал, что со мной делать. Наконец сказал:

— Я был у Мэтиоса, он согласился со мной говорить. Из его пророчеств я понял только, что ты должна жить, а я — помочь тебе. Я не стану этого делать, если ты убийца, но это не ты, ведь так?

— Это ты так тянешь время? — спросила я, не рискуя слезать с повозки и все так же пряча нож.

— Зачем ты бежала? — задал он риторический вопрос.

— Затем, что служанка, которой я доверяю, подслушала разговор Ратона. Он хочет заточить меня. И тебя устранить, чтоб не мешал. Клянусь, что так оно и есть!

Арлито вскинул бровь. Конь под ним заржал, маг щелкнул пальцами, и досаждающие ему насекомые упали замертво.

— Не клянись, ты ж сама не слышала Ратона — это раз. Два — доверять нельзя никому, особенно тем, кто больше всех втирается в доверие. Но, допустим, служанка не солгала. — Он потер пальцем переносицу. — Мне умирать не хочется. А ты на что рассчитываешь? Тебя все равно поймают.

— Я собиралась просить помощи в ордене Справедливости, — честно призналась я. — Ратон не дал бы мне этого сделать, а тебе — замолвить за меня слово, ему невыгодно, чтоб меня оправдали. Саяни он убил, чтобы избавиться от единственного наследника.

Маг объехал повозку по кругу, почесал затылок и выдал:

— В твоих словах есть доля истины, и эта доля настолько весома, что я вынужден буду отвезти тебя в орден, если ты попросишь у меня защиты. Поведение Ратона и мне показалось подозрительным, но его можно понять и оправдать: он слишком любил бывшую жену.

— Но почему ты раньше не сказал, что так можно? — возмутилась я.

— Ратон — твой опекун, это раз, два — я сомневался, что он желает тебе зла.

Почему-то было чувство, что Арлито темнит, но я не видела причин, зачем ему вредить мне.

— В пекло Ратона, — проговорила я, слезая с телеги. — Ответь на единственный вопрос: что ему будет за убийство? Ну, это ж мир Справедливости, а он навредил человеку умышленно. Он заболеет и умрет в муках?

— Может, он уже искупил вину, делая добро. Или отдал что-то дорогое. Не волнуйся, маги проведут расследование и накажут его.

Торговец все еще сидел без движения, и я спросила:

— Ты выключил его, что ли?

Арлито кивнул. Его конь занервничал, начал танцевать на месте.

— Огник, тише! Вот же беспокойное животное! — Он спешил, и конь угомонился,

Арлито похлопал его по крупу и объяснил: — Лошади, особенно жеребцы, не любят магов — пугаются. Кобылы спокойней переносят, если привыкнут. Да, когда очнется, торговец не будет меня помнить. — Он протянул мне поводья.

Прежде чем сесть в седло, я отдала ему узелок, вытащив оттуда деньги.

Удивилась я, уже когда запрыгнула на коня. Раньше мне не доводилось управлять лошадью, но это тело вскочило в седло, механически выполнив серию движений. Наверное, если задамся целью и включу разум, который не знает, как это делается, ничего у меня не получится.

— Положи к себе, там еда.

— Надо купить недорогую повозку, чтоб не привлекать внимания, — сказал Арлито. — Можно с каким-нибудь товаром — сейчас ярмарка, и нам просто будет затеряться. И оружием разжиться — мало ли что ждет нас в пути. Извозчика тоже желательно бы нанять.

— Тогда какого демона мы торчим посреди дороги? — возмутилась я, Арлито указал в сосняк:

— Там проедем без труда, к тому же сократим путь.

Он запрыгнул в седло позади меня, обхватил за талию, и я направила жеребца подальше от людских глаз. Навстречу неслись сосновые стволы, иногда приходилось пригибаться, чтобы ветка не стегнула по лицу. Я представляла, как прямо сейчас в мою комнату входит Тайя, обнаруживает пустую кровать, спокойно выходит и поднимает тревогу. Сначала Ратон велит обыскать имение и заглянуть под каждый куст, Ларсо как главного подозреваемого допросит первым, потом Ратон разошлет людей прочесывать деревни. Интересно, он сообразит, куда именно я направилась? Я бы догадалась.

Из лесу мы выскочили на едва заметную тропку с отпечатками копыт и коровьими лепешками. Куда она выведет, я не знала, было достаточно, что она вела на восток, навстречу поднимающемуся солнцу. Деревня Гусятня тоже находилась на востоке, в пяти километрах от моего имения, там я рассчитывала купить повозку и продолжить путь, спрятавшись от нежелательных свидетелей.

Тропинка закончилась возле поросшего камышом озера, его берег истоптали коровы, а два светловолосых мальчишки-пастуха, сложив вещи на берегу, купались нагишом. Завидев нас, они замерли, не зная, что делать. Их коровы мирно паслись на лужайке недалеко от двух огромных ив, где третий мальчишка, тоже совершенно голый, собирался прыгнуть с ветки в воду.

Обогнув озеро, мы выехали к пшеничному полю, уже убранному, преодолели его, выбрались на широкую дорогу и двинулись к Гусятне. Обогнали повозку, запряженную волом. Погонявшая его женщина отошла в сторону, пропуская нас. Оказалось, что в повозке рядом с многочисленными мешками сидели две девочки лет десяти и двенадцати. Младшая беззубо улыбнулась и помахала нам рукой.

На подъезде к Гусятне мы спешили — Арлито правильно сказал, что мы очень привлекаем внимание: крестьянские женщины не ездят верхом, как я, к тому же конь слишком хорош, и лучше его оставить здесь, в лесу. Тут же я распотрошила прическу, кое-как пятерней причесала волосы, торчащие в стороны. Заколки с драгоценными камнями спрятала в карман.

— А если украдут коня? — спросила я, увидела земляничный куст, усыпанный ягодами, и не удержалась, шагнула к нему и сразу же ретировалась, атакованная комарами, протянула добычу Арлито, он покачал головой.

— Он вернется, когда я позову.

Я отправила ягоды в рот, зажмурилась от удовольствия.

— Арлито, ответь на глупый вопрос: вот у тебя есть магический дар... Твоя сила иссякает? Как ты это чувствуешь?

— Конечно, иссякает. Когда не давал тебе уйти, думал, сам помру. Что чувствую? Хочется спать и есть, ну, и упадок сил, конечно.

— Понятно. — Я кивнула, запрокинула голову, рассматривая огромную разлапистую ель. — Ты хоть немного веришь, что я не убивала Саяни?

— Если бы не верил, попытался бы доставить тебя назад. Мне с самого начала не понравилась эта история, но, понимаешь, мы, маги — наблюдатели, в княжеские дела мы вмешиваемся очень редко. Управители земель не обязаны нам подчиняться.

— Теперь более-менее ясно, — кивнула я.

— Мне странно то, что с тобой происходит, — сказал Арлито. — Ты должна была вспомнить свое прошлое, но этого не случилось, хотя я вижу с тобой знания, которые ты почему-то не можешь или не хочешь пробудить.

— Я боюсь стать прежней, — соврала я. — Ведь я была плохим человеком.

Арлито оставил мои слова без внимания, а я поймала себя на мысли, что мне не хватает Саяни, с которой можно было поговорить о своем мире, о самолетах, о женщинах в брюках, о дамах, которые правят странами, о людях с черной кожей, каких здесь нет. Теперь моя тайна будет висеть неразделенным грузом, а мне останется одно — врать, врать, врать.

— Скажи, ты ведь можешь одолеть человека? Потому что там, на ярмарке, будут стражники, которые знают меня в лицо.

— С людьми сложно, если два человека без защитных амулетов, то я могу их и убить, но тут все зависит от того, насколько силен внутренний огонь. Если людей больше трех, все, что я могу — сделать внушение, попытаться отвести их взгляд: они будут видеть нас, но не узнают. Но ты должна вести себя естественно, не дергаться, двигаться плавно.

— Хорошо, постараюсь. — Я сделала по возможности довольное лицо, коснулась его руки: — Посмотри на меня — видно, что волнуюсь?

— Видно, — проворчал он. — Но простой смертный не заметит, так что пойдет.

Перебравшись через небольшой ручеек вброд, мы вышли на дорогу. Мои туфли больше напоминали кожаные носки, и я чувствовала каждый камешек. Платье же было практичным и удобным: своеобразный мешок с вырезом для горла. Из разрезов верхнего коричневого платья выглядывало нижнее светлое.

На Арлито был кожаный жилет со шнуровкой спереди, бежевая рубаша до колен, дорогие по местным меркам сапоги. Сумку, куда я сложила весь свой скарб, кроме монет, он перекинул через плечо.

— Ничего не держи в карманах, — посоветовал он. — На ярмарке орудуют воришки, глазом не успеешь моргнуть, как ошиплут, а сумка у меня заговоренная.

Всех денег я ему доверять не стала — отдала четыре золотых, два золотых оставила себе и положила в туфлю-носок, а серебряный зажала в ладони — на него мы рассчитывали купить телегу, причем очень быстро, пока Ратон не разослал по дорогам стражников.

Ярмарка так шумела, что мы услышали ее раньше, чем увидели. Торговые ряды расположились на въезде в деревню, прямо у дороги. Справа и слева от нее на вычищенных полянках в три ряда встали торговцы победнее, некоторые разбили шатры, но большинство торговало на земле. Издали ярмарка напоминала стихийный митинг. По возвышающейся сцене скакали актеры, их дилижанс стоял в лесу. Прутья клетки для петушиных боев тоже возвышались, но возле нее толпились, гомонили крестьяне — деталей было не разглядеть. На смазанный жиром столб влез босоногий парнишка и под одобрительные вопли сорвал с крюка умерщвленного, но не ошипанного петуха.

Наверняка среди этих людей есть те, у кого я покупала товар, когда приезжала в первый раз. Осталось надеяться, что заклинание Арлито сработает. Так, расслабиться, не каменеть, проявлять заинтересованность. Посмотри, какие бусы у бородача с длинными русыми волосами, перехваченными лентой! Я чуть сбавила скорость, уставилась на

украшения. Рядом немолодая рыжеволосая дама торговалась до хрипоты с крестьянкой, продающей ощипанных фазанов. Приговоренные к закланию птицы кудхтали в клетке за ее спиной.

— Ленты, посмотри, какие ленты! — горлопанила веснушчатая девчонка, ходившая со своим товаром туда-сюда, по неосторожности я посмотрела на нее, и она увязалась за мной, как голодный щенок. — Купи ленту, южная красавица! Хорошие, цветные, не пачкаются и не выцветают...

Ее остановил за руку носатый согбенный старик, видимо, хозяин товара, отчитал и отправил в другую сторону.

— Мед, дикий мед! Налетаем, покупаем! — разорвался десятилетний белокрысый мальчишка, похожий на героя мультфильма «Двое из ларца»; возле этого малого была деревянная витрина, похожая на самодельную ступенчатую полку для обуви, с выставленными горшками с медом, над которыми кружил целый рой пчел.

— Грибочки! Для себя — белые, для тещи — ядовитые! — зазывала круглолицая девушка с длинными русыми косами до бедер, держа вязанки сушеных грибов.

Впереди сверкнула кираса стражника, я обомлела, но поборола желание бежать и зашагала за Арлито. Не нервничать, не смотреть ему в глаза, на товар смотреть.

— Сыр, лучший сыр! Козий и коровий! Покупаем сыр!

Я остановила Арлито, потянув за кафтан, кивнула на пышную, румяную торговку сырами, которая расплылась в улыбке, встала с деревяшки, заменяющей стул, вытерла руки о передник и протянула желтую головку:

— Пробуйте, не пожалеете!

Арлито кивнул, и я спросила:

— Сколько?

Торговка просканировала меня взглядом, оценивая платежеспособность, и выдала:

— Три о.

— Две, — сказал Арлито. — Иначе не берем.

— За две о есть этот, поменьше. — Она отвернулась, вынула из корзины другой кусок, но Арлито скривился, сделал вид, что уходит, и она сдалась: — Хорошо, две о.

— Даю три, но заверни с собой и тонко нарежь.

Торговка выхватила нож, заработала пухлыми руками, приговаривая:

— Щедрым пэррам еще и зелени дам.

Она обернула нарезанный сыр тканью и положила в холщовый мешочек, протянула мне. Я боковым зрением наблюдала за стражником и немного зазевалась, спохватилась и напомнила Арлито:

— Еще нам в дорогу нужно лепешек и молока или кваса.

Торговка лепешками, сучавшая через дорогу, услышала кодовое слово «лепешка», вскочила и заголосила:

— Лучше лепешки и хлебцы! Пресные и на меду! Две за одну о!

Не торгуясь, я шагнула к ней, протянула ей монету, взяла пресные лепешки, собралась уходить и едва не налетела на стражника, идущего навстречу, оторопела, потупилась и приготовилась к худшему, но солидный седоусый мужчина подвинул меня и прошествовал дальше, вертя головой то вправо, то влево. Здесь же мы купили молоко и квас в баклагах из тыквы, заколку, украшенную крупными стекляшками, гребень для волос и простенькие, но удобные туфли для меня.

Тканями, вениками, ножами и транспортными средствами в виде лошадей и телег торговали на другой стороне дороги, там же была зона развлечений. Пока все шло как надо: стражники не узнавали нас.

Дойдя до конца ряда, мы остановились напротив угрюмого седоусого мужика в лаптях, держащего под уздцы беспокойного вороного жеребца. За его спиной, упираясь в кусты шиповника, стояли три телеги, сбитые из досок. Нам подходила та, что посередине, обитая тканью, похожей на брезент.

Метрах в трех от нас толпились люди, повернувшись к нам спинами, они глазели на сцену, где мужчина в зеленом самозабвенно целовался с дамой в выцветшем розовом платье.

— Ничего не понимаю в повозках, — прошептала я Арлито.

Хозяин телег опознал в нас покупателей, но даже головы не повернул, просто скосил глаза, все так же поглаживая жеребца по морде.

— Нас телеги интересуют, — проговорила я, стараясь придать голосу уверенности.

— Все? — прогудел он. — За два серебряных отдам.

— Одна. В середине.

— Карета стоит один серебряный и пять номов.

— Карета?! — возмутился Арлито.

Вместе с ним я прошагала к чуду техники с деревянными колесами и щербатыми бортами, поставила на землю кувшины с молоком и квасом, отогнула матерчатый пол и заглянула внутрь. Вдоль бортов тянулись сиденья из досок с прибитыми к ним перинами, к дощатым спинкам крепились разнокалиберные подушки. Под сиденья затолкали скрученные рулоном перины и какую-то ветошь.

Кареты аристократов делали из металла. Чтобы не так трясло на разбитых дорогах, основную часть, где пассажиры, подвешивали на цепях к железному каркасу — получалась неплохая амортизация, и находиться внутри было комфортно. Вспомнилось путешествие в бочке, и я поежилась. На этой тарантайке можно почки вытрясти.

— Один серебряный, — сказал Арлито.

Хозяин подошел к нам вместе с жеребцом и покачал головой:

— Не могу, цена и так низкая. Чтобы смастерить ее, я купил парусную ткань, а она очень дорогая. Вы ж знаете, что ее только на Беззаконных землях делают. Ветром не продувается, не протекает — вполне можно постелить соломы и спать внутри.

Цыганам вполне подошла бы, а нам...

— Берем, — вздохнул Арлито, протянул усачу два серебряных — черные глаза засияли, мужик полез в карман, достал гору мелочи, ссыпал в мешочек, дал нам пересчитать. Это дело я доверила Арлито, а сама поглядывала по сторонам, чтоб воры не подобрались.

Все люди, что были поблизости, повернулись к нам спиной и тянули шеи, чтобы лучше видеть, как на сцене человек в красном бьет человека в зеленом, который недавно целовался с дамой. Зеленый падает. Дама, взвизгнув, отбегает в сторону.

Солидный бородач с роскошной седой шевелюрой соперничал красному так сильно, что кряхтел, топтался на месте и наконец не сдержался, крикнул, потрясая кулаком:

— Убей, заколи его! И ее, распутницу! Да чтооо ж ты... Рогоносец!

Пересчитав мелочь, Арлито проговорил:

— А теперь мы бы очень просили вас отвезти карету подальше отсюда, чтоб не мешала. — Маг махнул рукой туда, откуда мы пришли. — До перекрестка, там нас заберет отец на лошади. Еще нам нужна упряжь, такая, чтоб можно было по лошади

подогнать, а потом другую запрячь и снова подогнать.

Что он говорил, я не слушала — все равно не разбираюсь во всех этих хомутах, уздечках и прочем.

— Дагги! — крикнул продавец куда-то в сторону, и из лесу, потягиваясь, вышел двухметровый детина с хищным носом и непроницаемым лицом — точная копия отца, — взял под уздцы вороного жеребца.

Бывший владелец телеги поманил сына за собой, говоря:

— Запряги коня в карету. Ты остаешься здесь. Я скоро вернусь.

Чтобы лишний раз не рисковать, от людских глаз мы спрятались в повозке, которая тронулась плавно, без скрипа. Вскоре стало трясти не по-детски, но ничего, привыкнем. Главное, что я до сих пор жива и на свободе.

Отогнув уголок ткани, я провожала взглядом ярмарку, веселящихся людей. Голоса понемногу стихали, и вот уже не различить слов, доносится лишь монотонный рокот, словно неподалеку гудит пчелиный рой.

Дорога забрала вправо, и ярмарка исчезла из виду за сосновыми стволами. Пара минут тряски — и мы на перекрестке. Арлитто спрыгнул на траву, взял коня под уздцы и вместе с телегой потащил на полянку, где хозяин распряг его и повел обратно, не оборачиваясь. Я тоже спешила, обошла приобретение.

— Не в восторге я от... кареты.

— Здесь все торговцы на таких ездят. Наша, с крышей из парусной ткани, — богатая. Если купим дорогую карету и будем разъезжать на ней без герба, то привлечем внимание.

— А что мешало нам купить оружие?

— Лучше не делать этого в людных местах, впереди, в двух часах езды, будет надежный магазин, туда и заглянем. Теперь нам желательно бы придумать историю: кто мы, куда и зачем едем.

— Давай так: наш отец был управляющим какого-то села, его оклеветали и приговорили к каторжным работам на Драконьем Хребте. Мы с тобой на последние деньги купили повозку и едем в орден просить справедливого суда.

— Неплохо, только на Драконьем Хребте нет каторги, — сказал Арлитто и дополнил мою легенду деталями: — Мы издалека, из владений Рйонда из села, — он задумался и выдал: — Рыбачье. Без понятия, есть такое или нет, мало кто бывал в тех местах и вряд ли уличит нас во лжи. Драконий Хребет отменяем, наш бедный батюшка уже отправлен на рудники к барону Рйонду. А оговорили его потому, что он — южанин, женившийся на северянке, к слову, мы темноволосые в мать. Люди терпеть не могут Рйонда, рассказывают про него ужасы, даже детей им пугают, так что нам должны сочувствовать. На землях Баррелио уж точно.

— Теперь надо придумать имя нашим бедным родителям. Да, и еще, а где наша матушка?

Арлитто вытащил из кармана жгут, сплетенный из конских волос, завязал на нем красную нитку и молча уставился в никуда. Сел на траву, скрестил ноги. Колдует, поняла я и не стала ему мешать. Закончив, Арлитто объяснил:

— Я позвал Огника, можно продолжать. Папу назовем Генрио, маму — Лиисой, она осталась дома, чтобы носить мужу еду на рудники — иначе он быстро умрет, там плохо кормят. Через месяц начнутся холода, нам очень нужно успеть. — Он вытер воображаемую слезу.

Время близилось к обеду, солнце поднялось над соснами и заливало поляну, телегу, сочную траву ласковым золотым светом. В замке меня, конечно же, хватились, Ратон обыскал имение и разослал стражников во все концы владений, меня уже ищут с пеной у

рта.

— Арлито, — позвала я — маг обернулся, встал, отряхивая рубаху. — Заклинание, отводящее взгляд, еще работает?

— Нет, его нужно поддерживать, я — огненный маг, а заклинание — «воздушное» и отнимает много сил, и так уже устал изрядно, неплохо бы подкрепиться и восстановиться. Существуют амулеты из особого небесного камня, если заговорить такой, он способен хранить заклинание века и питать силой звезд.

Хотелось поиронизировать насчет всего этого мракобесия, но я прикусила язык — верю я или нет, здесь существует магия.

— Тоже поела бы, а то с обеда во рту ни крошки — боялась, что отравят. И чего, спрашивается, голова кружится?

Мы полезли в повозку, сели на пол, а на лавке устроили стол. Сыр оказался выше всяких похвал, а вот молоко — странным, жирным до ужаса, с ощутимым привкусом, и я запивала квасом из кувшина. Только мы отобедали, как донесся стук копыт и лошадиное ржание. Потянувшись и погладив себя по животу, Арлито отправился впрягать Огника, приговаривая:

— Тяжко будет без кучера, но он не вписывается в нашу легенду. А сам замучаюсь на козлах!

Проводив взглядом его спину, я подумала, сколько благородства, мудрости и силы в этом маленьком человеке.

— Нам, главное, до владений Баррелио добраться, там нас преследовать не должны, — отозвалась я, с трудом ворочая языком.

Только сейчас ощутила, что безумно устала — сказала бессонная ночь. Расстелив перину, я улеглась на нее и мгновенно провалилась в сон. Снилось, что мы с Эдуардом в двухместной лодке, а вокруг волны, как дома, и мы между ними, нас швыряет из стороны в сторону. Эд на веслах, а я вычерпываю воду — наша лодка дала брешь и вот-вот пойдет ко дну. Если пассажир останется один, у него появится шанс выжить. Мы смотрим друг на друга и молча делаем свое дело, и вот на горизонте, подсвеченная луной, появляется гигантская волна с белым гребнем, обрушивается на лодку. Я ударяюсь о борт и просыпаюсь... Потому что и правда приложилась к борту, но не лодки, а танцующей на кочках телеги. Вот же трясогузка!

Злая и недоспавшая, я затолкала перину под лавку, откинула порог, чтоб полюбоваться пейзажами, но бесконечный лес меня вскоре утомил, и пришлось лезть на порожек, где сидел Арлито, свесив ноги над длинной палкой, которая, кажется, называется дышлом.

— Долго я спала?

От моего голоса Арлито вздрогнул и ответил, не оборачиваясь:

— Часа два.

— Ну ничего себе! — Я села рядом с ним, свесив ноги на дышло.

— Скоро будет Лебедевка, потом, еще четыре села — и владения Баррелио, там можно выдохнуть.

— А сколько суток туда трястись? — поинтересовалась я.

— К завтрашнему вечеру должны добраться.

— А к ордену Справедливости?

— Четверо-пятеро суток.

Дорога петляла, потому телегу торговца вином мы заметили не сразу. Она стояла, съехав с обочины в кювет, бочки попадали, одна выкатилась и темнела в траве. Ни лошади, ни хозяина поблизости не наблюдалось. Мы смолкли, Арлито чуть сбавил скорость, чтобы

объехать телегу, и протянул мне поводья, говоря:

— Надо нашептать заклинание, отводящее взгляд.

Я осторожно взяла поводья, но не стала говорить, что понятия не имею, как управлять телегой. Видимо, Вианту учили верховой езде, но вести карету — не барское дело.

— Думаешь, торговца забрали стражники Ратона? Вообще странно, что он заехал сюда, вроде он на ярмарку собирался.

Арлитто, достающий из мешка медный амулет с сапфиром, вскинул бровь.

— Да? Откуда ты знаешь, что он собирался делать?

— Когда выезжал, он кому-то рассказывал, я не видела кому, просто слышала, когда сидела в бочке, что-де много товара осталось, хозяева жлобы и все такое.

— Он мог соврать. На самом деле разошлось почти все, но торговец это скрыл — боялся ограбления или сглаза.

Как ускорить лошадей, я догадывалась, но не решалась этого сделать — а вдруг Огник поскачет галопом? Потому мы ползли с улиточной скоростью, пока Арлитто возился с заклинанием. Когда за поворотом появились три гнедые лошади и засверкали кирасы спешившихся всадников, я натянула поводья — Огник остановился.

— Ты там скоро? Тут стражники...

— Уже все. — Арлитто взял поводья, прищурился.

Нас и стражников разделял куст шиповника, пока было видно, что двое тащат третьего, кто-то лежит на земле.

— Похоже, это не по нашу душу, — прошептал Арлитто мне на ухо.

Вскоре мы поравнялись с лошадьми, и стало видно, что один стражник неподвижно лежит в траве, а двое бьют ногами человека в просторных шароварах, стоящего на коленях. За все это время пленник не издал ни звука, да и стражники молчали, лишь дышали хрипло.

— Так нельзя, — проговорила я, наблюдая творящееся безобразие.

— Если бьют, значит, есть за что. Наверное, поймали одного из налетчиков — торговец вином же куда-то делся из своей телеги.

— Ну да, — с неохотой согласилась я, и в этот момент стражник с опущенным забралом рывком поднял пленника со связанными за спиной руками, ставя на ноги, развернул к нам лицом, и я захлебнулась собственным дыханием: синие глаза-сапфиры, родинка между бровей, тонкий, породистый нос, морщинки... Я ущипнула себя за руку, но галлюцинация никуда не делась: передо мной был Эдуард! Тот самый, из самых светлых снов. Но как? Его тоже перенесли сюда или это двойник?

Неважно. Важно другое: этот человек в смертельной опасности, и его срочно нужно вытаскивать.

Глава 12

Плата за жизнь

— Этого человека надо освободить, — проговорила я. — Немедленно!

— Ты в своем уме? — воскликнул Арлитто, прищурился, силясь разглядеть пленника. — Он — преступник, у нас и так проблемы...

На его согласие я не особо рассчитывала, уговаривать его бессмысленно — он будет противиться. Но без помощи мага у меня не получится спасти Эда! Значит, нужно втянуть его в переделку, и тогда он не отвертится, правда, потом спасибо мне не скажет, но главное, дело будет сделано.

Да, задумка сумасшедшая, и если Арлитто не поможет мне, применив свой дар, все пропало, но я была уверена, что маг никуда не денется, и решила рискнуть. Кем я буду себя чувствовать, если брошу Эда на верную смерть?!

Я выхватила у Арлитто поводья, направила лошадей на стражников с криком:

— Все — в стороны!

Глядя на несущуюся на них повозку, стражники среагировали правильно — бросились врассыпную, оставив Эда на пути телеги. Арлитто вырвал поводья раньше, чем я успела сообразить, что натворила, дернул на себя, и колеса проехали в десятке сантиметров от Эда, который ошалел от боли и не мог пошевелиться, он попросту не заметил, что чуть не погиб.

— Умом повредила? — зашипел маг.

— Его нужно освободить! Помогите мне! Просто поверьте. — Я спрыгнула с телеги, выхватила нож из кожаных ножен, купленных на ярмарке. — Это жизненно важно, потом все объясню.

— Ты что задумала? А ну стой! — Он попытался схватить меня за руку, но я увернулась.

— Очень на тебя рассчитываю!

Похоже, Арлитто еще не был готов включиться в игру, потому я решила рискнуть и с ножом устремилась на ошалелых стражников. Один, низкий и квадратный, с короткими ногами колесом, стоял на пару метров правее Эда, второй, повыше, тоже широкоплечий, замер правее и опустил забрало. Давай же, маленький маг, помоги мне! Мы в связке, тебе некуда деваться! Не кричи и не зывай к благоразумию — действуй!

Лежащий на земле Эдуард вроде смотрел на меня, но не узнавал, в его взгляде плескались боль и отчаянье.

Зато кривоногий стражник вытаращился на меня, указал пальцем, второй рукой выхватывая меч:

— Корри, ты глянь, кто к нам идет.

Второй обернулся, поднес руку к ножам и замер, как и его напарник. Сначала я подумала, что это обман восприятия, но когда села возле Эда на корточки, стало ясно, что стражники и правда оцепенели. Ай да Арлитто, ай да молодец! Я потормошила Эда, но он не отреагировал.

— Давай скорее, — прокричал маг из кибитки. — Долго я их не продержу. Может, минут пять.

— Вставай же, Эд! — крикнула я, перерезала веревку на руках, сведенных за спиной, схватила его за грудки, перевернула на спину, ударила по щеке.

Эд сфокусировал на мне взгляд и прошептал:

— Ты кто?

Не узнает? Значит, этот мужчина — двойник Эда. Да, некоторые отличия есть: уж очень волосы густые и длинные, родинка между бровей меньше и почти незаметна.

Он поморщился, поднялся на локтях, я помогла ему встать и, придерживая его, поковыляла к телеге. Арлито шагал навстречу, размахивая руками. Поравнявшись с нами, он ткнул в Эда рукоятью плети:

— Ты точно не в себе. Зачем тебе он?

— Потом объясню.

Он махнул на нас рукой, разоружил замерших стражников, отлупил их лошадей плетью — чтоб убежали подальше. Награбленное (два арбалета и два ножа) он принес в телегу раньше, чем до нее добрались мы с Эдом. Или не Эдом, не знаю, как его зовут в этом мире. Кое-как Эд перегнулся через борт телеги и, оттолкнув оружие под лавку, лег на пол. Я собралась осмотреть его, но Арлито схватил меня за руку, уволок на ступеньку-козлы и дал поводья, стегнув Огника:

— Теперь несколько суток кучер — ты, я могу заснуть в любой момент — уж очень истощился. — Он заглянул мне глаза, и захотелось съежиться и залезть под лавку. — Следующая такая выходка будет последней, тебе ясно? Я взялся помогать тебе, а не выполнять твои капризы. И еще имей в виду, что как маг я закончился на два дня.

Если бы он только знал, кто я и откуда и что этот человек — тоненькая ниточка, связывающая меня с прошлым! Захотелось объяснить, что для меня значил Эдуард, я открыла рот, но Арлито приложил палец к губам:

— Молчи. Что бы ты ни собиралась сказать, мне правильнее этого не знать.

Тряслась повозка. Качали ветвями дубы. С минуту мы молчали, я усиленно думала, что делать с Эдуардом, то есть его двойником, — вдруг он убийца? Значит, мы теперь его пособники. И сама подставилась, и Арлито под монастырь подвела. Но разве я могла поступить по-другому?

Молчание нарушил Арлито, прошипел в самое ухо:

— Ты знаешь, кого притащила в нашу телегу?

— Уже нет. Он был так похож на одного человека, что я...

— Молчи, дурная женщина, — поморщился маг. — Его имя — Ледаар Фредерик.

— Что-то знакомое, подожди-ка... Совсем недавно слышала!

Белый мраморный зал, огромная люстра с множеством свечей. Внизу кружатся пары в разноцветных нарядах, Ларсо Элио неподражаем! Темноволосая женщина в салатовом платье поднимает голову и смотрит на штору, за которой прячусь я... Элайна Фредерик-Зонн! И она не похожа на Лену, жену Эдуарда, она и есть Лена! То есть ее двойник в этом мире! Выходит, души приходят в сцепке, связанные узами, у одних задача — укрепить узы, у других — избавиться от них.

Только в этом мире мы с Эдом — заклятые враги.

— Вспомнила, — сказал Арлито с упреком. — Вполне возможно, что он шел тебя убивать, и его поймали, а ты не дала свершиться правосудию.

— Он не узнал меня, — встала я на защиту Эда. — Саяни говорила, что он совсем не похож на свою жену, и все удивляются, как они уживаются.

Арлито издал протяжный вздох и прокомментировал:

— Муж и жена — нечисть одна. Стражники уже пришли в себя. Они не помнят нашу телегу, но его, — он кивнул назад, — помнят. С полчаса они будут добираться до поселка, потом пошлют весть в твой замок и часа через два начнут прочесывать окрестные леса, так что надо поторопиться. От Фредерика я посоветовал бы избавиться. Не знаю и не хочу знать, зачем он тебе, но он — наш враг. — Арлито скривился и потряс

головой. — Меня скоро сморит усталость, смотри, как управлять повозкой...

Договорить он не успел — закатил глаза и откинулся на спинку, едва не свалившись под колеса. Я остановила Орлика, натянув поводья, положила Арлито на ступеньку и откинула полог, чтобы перетащить мага в повозку, но замерла. Эд сидел, рассматривая арбалет, вздрогнул и направил его на меня. Жизнь пронеслась перед глазами, я обомлела, но он опустил оружие и прохрипел, приподняв уголки губ:

— Кто ты такая и зачем помогла мне?

— Давай мага спать уложим и поговорим!

Кривясь от боли, Эд помог переложить Арлито на перину, кое-как перелез через борт и уселся на ступеньке-козлах рядом со мной.

— Как ты себя чувствуешь? — поинтересовалась я.

— Живой. — Он развел руками, и на его лице появилось надменно-насмешливое выражение.

— Телегой управлять можешь?

— Это несложно, а ты — нет?

Говорить ему свое настоящее имя я не стала — он враг, и неизвестно, как на меня отреагирует. Вианту Эд не узнал, почему бы не воспользоваться историей про отца, сосланного на рудники, которую мы с Арлитом придумали накануне?

— Мы с братом из рыбацкого поселка, раньше это всегда делал отец, так что скажу спасибо, если ты мне поможешь или хотя бы расскажешь, что и как.

— Твой брат — маг? — спросил Ледаар, усаживаясь рядом, только теперь я рассмотрела, что в этом мире у него светло-русые волосы до лопаток, на затылке перехваченные кожаной лентой, он так же высок — метра два, не ниже, а вот родимое пятно между бровей размером с родинку.

— Да, вернулся домой из ордена. Я ему написала, чтоб приехал, — сделав скорбное лицо, я изложила легенду и закончила: — И вот мы едем просить справедливого суда в орден Справедливости.

Ледаар просканировал меня взглядом. У него тот самый взгляд! Этот человек так же скидывает брови, морщит лоб, и я точно так же плавлюсь свечой от того, что он сидит рядом и наши локти соприкасаются.

— Ты и грамоте обучена? — снова удивился он.

— Барон искал себе грамотного работника, вот отец и приехал аж с островов — денег много пообещали. И нас научил грамоте, а мама только считать умеет, читать не любит, а писать у нее получается криво, и кляксы, все время кляксы, — вошла во вкус я, хотя изнемогала от желания показать, что обучена еще и другой грамоте, о существовании которой здешние благородные дамы даже не догадываются.

Ледаар легонько хлестнул Огника, зашевелился, выбирая удобное положение.

— Больно? — поинтересовалась я, поворачиваясь к нему вполоборота. — У тебя кровь на щеке и вот здесь, на губе. Надо отмыть, а то присохнет.

— Ерунда, — отмахнулся он.

Голос у него громче и ниже, чем у Эда, а вот мимика и ужимки те же, прямо аж хочется обнять и поцеловать его, как будто рядом — родной человек, с которым я не виделась много лет.

— Твой маг выдохся? — поинтересовался Ледаар. — Много колдовал?

— Да не особо, — соврала я, дернула плечом. — Заклинание сложное, а сам он еще мал.

— Да уж, — вздохнул он и уставился на мои руки, сцепленные в замок. — У нас в роду принято платить добром за добро и жизнью за жизнь. Те двое схватили меня, наверное, за дело — я должен был получить опасного преступника и доставить к себе на родину, они думали, что я хотел умыкнуть пропавшую кня-гину.

— Что-то такое слышала на ярмарке. Вроде она кого-то отравила и сбежала, — кивнула я. — Получается, ты опасный преступник, ведь так?

— Мне говорили, что это будет мужчина, — сказал Ледаар.

— Говорить можно много чего, — улыбнулась я, потупилась под его пристальным взглядом.

— Странно другое. Зачем ты спасла меня, ведь не просто так, теперь я должен тебе жизнь. И откуда знаешь тайное имя, которым меня называла только покойная мать?

Ой, как интересно! Надо срочно придумывать, как выкрутиться. Они тут все суеверные, в любую более-менее правдоподобную сказку должны поверить, Эд — князь запада, а там, я прочитала, очень верят в знаки и сновидения. Чего бы такого придумать? Ага!

— Ты не поверишь. — Я выдержала его взгляд. — Я знаю тебя уже очень давно. Ты неприхотлив в еде, любишь белые грибы и малину. В двенадцать лет мне приснился сон, там был ты, откуда-то я знала твоё имя и много всего про тебя, а ещё чувствовала, что должна помочь тебе, ты попал в беду. Сон был таким настоящим, что я попыталась тебя найти, но в соседних поселках не было благородных, а ты, хоть и одет просто — из этих, ведь правда?

Я протянула руку и коснулась его шершавой ладони.

— Подолгу держишь меч? — прохрипела я, потому что от прикосновения мысли начали путаться, бросило в жар, и я провела ноготками по коже запястья — будто бы невзначай, царапнула браслет, сплетенный из разноцветных кожаных ремешков. — Мы не просто так встретились, в этом я точно уверена.

Эд не отпустил мою ускользающую руку, перехватил за запястье, развернул ладонью вверх. Не выпуская поводьев, один за другим разогнул пальцы, будто хотел прочесть линии на ладони. От его властного жеста я задохнулась, развернулась к нему ещё больше, приоткрыла рот. Его мимолетное внимание было важнее, чем собственная жизнь. Плевать, что за нами уже гонятся! Только бы он трогал меня, ласкал этими пальцами, играл со мной, я покажу ему все чувствительные точки...

Но я неправильно истолковала жест Эда — он накрыл мою руку ладонью и вынес вердикт:

— Ты лгунья, эти руки никогда не знали тяжелой работы. Но кем бы ни была, ты спасла мне жизнь, теперь я клянусь служить тебе, пока не верну долг.

На голову будто вылили ушат холодной воды, я отодвинулась, забрала руку и решила больше ему не лгать — нехорошо строить отношения на лжи. Только увидев его, я испытала то же самое чувство — этот мужчина должен быть моим хотя бы ненадолго. А после — не расти трава, только с ним я попытаюсь правильно расставить приоритеты, не надеяться на многое, не слушать обещаний, чтоб потом не мучиться, а вспоминать, лелеять памятью драгоценные денечки.

— Ты прав, Ледаар, я не простолюдинка, а маг — не мой брат. Мы не отца спасаем, а собственные жизни, но направляемся в орден за справедливым судом, тут я не солгала. Спасала я тебя как Эда, которого знала раньше, маг позже узнал в тебе Ледаара Фредерика. Мы не преступники и не замыслили ничего плохого. И мне совсем не надо, чтобы ты мне служил, я освобождаю тебя от этого. Пусть твой долг отныне будет не обязанностью, а доброй волей.

Эд непонимающе уставился на меня и помотал головой, будто перед ним привидение:

— Я сейчас могу встать и уйти?

— Да, — гордо вскинула голову я.

Он протянул мне поводья, спрыгнул и быстрым шагом направился в сосняк, даже не обернувшись и не поблагодарив. С минуту я не знала, что делать. Бежать за ним? Умолять остаться? Ехать дальше? До конца не осмыслив свою потерю, я хлестнула Огника, и он поплелся вперед. Я уставилась на его ярко-рыжую спину, блестящую на солнце, злобно отогнала овода, обругала его. Что это было и как жить дальше, зная, что он ходит под одним солнцем с тобой? Он был так рядом, держал тебя за руку, а ты, дурочка, прогнала его?!

Я сглотнула наворачивающиеся слезы, насторожилась, когда зашелестели кусты впереди, даже Огник занервничал, только подумала, лезть ли за арбалетом, или обойдется, как на тропинку шагнул он, Эд. Высокий, статный, от него до Огника протянулась тень. Улыбку удалось сдержать с трудом. Подволакивая ногу, он доковылял к повозке, кряхтя и кусая губы, снова уселся рядом, смешно расставив длинные ноги в шароварах, какие любили надевать крестьяне на праздники:

— Странная ты. Почему ты расстроилась, когда я ушел? Что тебе с того?

— Можно не отвечать? — Я выдержала его взгляд; н-да, Ледаар намного наглее Эдуарда, наверное, тому причиной его знатное происхождение.

— Согласись, это странно: сначала ты спасаешь меня, рискуя жизнью, потом — расстраиваешься, когда я ухожу. Мне предстоит сопроводить тебя в орден, и все это кажется подозрительным, невольно напрашивается вопрос: почему именно я?

Интересно, а если ему сказать правду? Не поверит, но совесть будет чиста.

— А вдруг я в тебя тайно влюблена?

Он вскинул брови и сморщил лоб, потупился, улыбнулся своим мыслям:

— С первого взгляда?

— А если мы виделись раньше?

Он уставился на меня с интересом, изучил каждую линию лица, попытался вспомнить и сдался:

— Нет, ты яркая, я бы тебя запомнил. Хотя вру, на островах не запомнил бы, там все яркие.

— А если скажу, что встречалась не совсем с тобой, но в то же время это был ты? Не хмурься, я не ведьма, но и без ведьмовства случается много странных вещей, например, повторяющиеся сны или сны-предсказания. — Боковым зрением наблюдая за ним, я продолжила заупокойным голосом: — Но может быть и так, что мы прорвались с Беззаконных земель, и ведьма сказала нам, что только кровь наследника династии Фредерик поможет осуществить нашу темную мессу.

Он хохотнул, погрозил пальцем:

— Хватит меня разыгрывать, сказочница! Я помню этого мага. — Он кивнул назад. — Это хранитель земель, по которым мы едем.

Я поджала губы — стало обидно, что он даже имени моего не назвал! Не посчитал нужным. Будем считать, что он не видел меня на светских приемах.

— Кто ты такая? Как ты сказала, тебя зовут? Оль-га. Странное имя, оно настоящее?

— Да, как ты — Эд, так и я — Ольга, только тсс! Даже маг его не знает.

Ледаар приложил руку к лицу, будто бы умывался:

— О, женщины!

— Ничтожество — вам имя, — договорила я. — Хочешь верь, хочешь нет, но правду я один раз сказала — она тебя не устроила. Так что сам виноват.

— Из всего, что слышал, только про сны похоже на правду.

Может, внешне я ему не приглянулась, но мне удалось его заинтриговать!

— Клянусь, что мы не замыслиаем плохого, и все, что нам нужно — справедливость. Точнее, мне, у мага я попросила защиты. Так что он и тебя тоже опекает.

Не знаю, что со мной произошло, наверное, на Эда выделилась лошадиная порция гормонов радости: я вообще забыла об опасности, даже мухи больше не досаждали. С губ не сходила улыбка, и хотелось одного — сидеть бок о бок с ним, и пусть больше ничего не происходит! Цокает копытами Огник, пахнет сосновой смолой, солнце греет макушку, подмигивает из-за ветвей — и время обтекает нас, ничего нет вовне, пусть себе бегут люди, мы вечно будем беседовать и смеяться, а я — отражаться в зрачках Эда. Пока он смотрит настороженно, но скоро это изменится, я научу его ценить и любить жизнь, открою ее новые грани, а потом мы сбежим на Беззаконные земли...

Стоп! Размечталась! Я стерла с лица улыбку, напомнила себе, что если этот Эд хоть немного напоминает прежнего, то не бросит семью и детей, которых у него может быть больше двух. И здесь ты, Оля, опять в роли захватчицы!

— Меня будут искать, — проговорил Эд. — Лучше спрятаться в повозке.

— Вашу светлость не укачает в нашем тарантасе? — серьезно поинтересовалась я, перетащив слово из привычного лексикона в местный. Эд засмеялся. Как и его двойник, он смеялся заразительно и коротко.

— Как ты сказала? Слово смешное: та-ран-тас! Но если уж ты признала во мне светлость, обращайся ко мне «бэрр» и на «вы».

— Может, не будем титулами мериться? Да, я девушка, но вдруг у меня больше?

Он опять засмеялся, запрокинув голову, схватился за ушибленные ребра, вдохнул-выдохнул.

— Переломов нет? — поинтересовалась я и прикусила язык. — Ну, не сильно тебя помяли? Если сильно, надо повязку сделать — не так больно будет. Да-да, я и в эээ... лекарском деле смыслю. Переберешься на ходу или остановиться?

Не дожидаясь ответа, я натянула поводья. Пока Эд перемещал помятое тело в повозку, я решила немного изменить внешность: расчесала волосы на пробор и заплела две косы. Деревенским мое лицо не стало, но в таком наряде и с прической простолюдинки меня не опознают даже те стражники, которые видели живую.

Эд исчез в салоне нашего кадиллака, и больше я не волновалась за свою жизнь и судьбу спящего Арлито: князь Фредерик присягнул мне! Но здравый смысл иногда просыпался, напоминал, что это дикий и жестокий мир, тут другие правила. Из одного желудя может вырасти и многометровый дуб, и чахлое деревце... Но дуб все равно останется дубом!

Когда нас обогнали два всадника, я замерла и втянула голову в плечи. Арлито дрыхнет, в моей повозке — преступник. Если обыщут...

— Остановиться! — крикнул мужчина с опущенным забралом, и я мысленно взмолилась, чтобы среди них не было тех, кто мог бы меня опознать. — Взять правее!

Возражать я не стала, и мимо промчалась золоченая карета, запряженная тройкой, стражники поскакали за ней. Мои гости разъезжаются по домам, всего-навсего. Странно, что еще никто нами не заинтересовался. Добраться бы до земель Баррелио, а дальше будет полегче.

Я понятия не имела, где мы находимся, ориентировалась по солнцу. Сначала оно светило в лицо, потом — в макушку, теперь я лицезрела накрывающую Огника тень повозки. Впереди дорога распалась на две, я решила, что безопасней будет на меньшей, и свернула туда.

Теперь, когда счастье так близко, за жизнь было особенно боязно. Вскоре Огник пошел медленнее, и Эд прокричал из повозки:

— Лошадь устала, ей надо передохнуть.

— А нам надо выбраться на земли Баррелио! — возразила я.

— Мне тоже нужно передохнуть, — признался Эд. — Отбитым нутром я чувствую каждый камешек — этот та-ран-тас жутко трясет.

— Прямо тут остановиться?

Эд откинул полог и высунулся наполовину, опершись на борта:

— В ближайшей деревне. Тут гостеприимные, хорошие люди. Да и коня жалко, он ведь не тягловый, породистый, лучше бы его поменять на клячу.

— А если нас настигнут в этой деревне?

— А вдруг нас настигнут в пути? — парировал он. — Согласись, в деревне проще затеряться. Верхом, может, мы и оторвались бы от погони, но на повозке — очень вряд ли. Вообще глупая мысль — купить повозку. Ты ведь тоже бежишь от кого-то?

— Арлито отводил взгляды магией, и все смотрели как бы сквозь нас, — призналась я. — С крыши над головой удобнее, к тому же сейчас ярмарка, и много торговцев везет товар — на повозке мы не так привлекаем внимание. А если верхом, то мы слишком заметны.

— К двум заметным людям присоединился третий не менее заметный. Давай думать, что сделать, чтоб нас не опознали.

— Постригаться не буду, — отрезала я, глянула на него. — О, а тебя — можно. Налысо.

— Мне главное — ноги укоротить, рост выдает меня больше всего.

— Придумала! — от радости я аж подпрыгнула на ступеньке. — Надо сделать из тебя калеку!

О, как он на меня посмотрел!

— А если я против?

— Не по-настоящему. Надо найти веревку, согнуть твою ногу в колене и нижнюю часть примотать к верхней. Шаровары широкие, и будет смотреться, словно у тебя нет ноги. Вторая твоя особенность — родинка, ее можно закрыть кожаным пояском, если обмотать его вокруг лба. Подыщем тебе клюку, будешь опираться на нее, прыгать на одной ноге и горбиться, чтоб казаться ниже. Если и спросят, есть ли в поселке чужие, ответят, что да — деревенская девка, мальчишка и калека, — на нас никто не подумает.

Эд вскинул брови, потер лоб и выдал:

— Ладно, побуду калекой, только бы дурного не накликасть.

Я остановила Огника — бедняга сразу же начал поедать придорожную траву, — прыгнула, чтоб срезать Эду клюку, ударила себя по лбу, вернулась, сняла с Арлито сумку с нашими сбережениями — мало ли, — и отправилась мастерить любимому костыль. Когда вернулась, Эд распряг телегу и отпустил Огника покормиться, а сам, сняв рубаху, изучал ссадины и царапины на своем теле.

Сначала я подумала, что он дурак — сейчас нам нельзя так рисковать! Когда подобралась поближе, тревога улетучилась, потому что он был прекрасен: высок, широк в плечах и узок в талии, мышцы перекачивались под смуглой кожей, и безумно хотелось потянуть завязки светлых штанов, еле держащихся на бедрах, прижаться щекой к груди — выше не получится — и замереть.

Но нельзя, теперь он — чужой человек, враг, да и я — не маленькая Оленька, а Вианта, которая выше ростом, она может положить голову ему на плечо, если встанет на цыпочки. Так что успокойся, укуси себя за руку, хочешь — костыль от досады погрызи. Потому что не факт, что этот человек ответит тебе взаимностью. Помнишь восхищение во взгляде Эда? Для Ледаара ты — просто попутчица, человек, которому он обязан жизнью.

Покинув убежище, я направилась к нему — он обернулся и принялся облачаться, но я

вскинула руку:

— Нет, мне надо посмотреть, нет ли серьезных повреждений.

— Не в моих принципах обнажаться перед да-мами...

— Сейчас перед тобой не дама, а лекарь. — Я забрала у него рубашку и бросила в траву. — Человек не должен стесняться лекаря и мага, женщина — еще и повитухи, так что стой.

Я обошла его со спины, протянула руку, чтобы коснуться синей гематомы на ребрах, но не посмела, будто передо мной было божество.

— Глубоко вдохни. — Его грудь расширилась. — Теперь резко выдохни. Чувствуешь боль?

— Да, но не сильную.

— Тогда не страшно.

Стражники, не знакомые с анатомией, слава богу, били не по почкам, а в живот — сильные мышцы приняли удар. Может, печень пробили. Встав перед ним, я коснулась правого подреберья — он зашипел.

— Есть ли горечь во рту? — Не удержавшись, скользнула ладонью по кубикам пресса; ниже пупка, туда, куда сбегала полоска русых волос, не посмела.

— Нет. Ничего такого нет. Просто ощущение, что хорошенько отмудохали. Лекарь, я буду жить?

— Да, если мы прямо сейчас отсюда уедем и ты запряжешь коня. Пообедаем на ходу.

Эд больше не стал услаждать мой взор и оделся, зашагал к Огнику, погладил его по крупу и повел к телеге, что-то нашептывая на ухо. Аж ревность проснулась — со мной он так не разговаривает! А ведь Эдуард точно так же любил свою машину, да и технику вообще. Что самое интересное, конь слушался его лучше, чем хозяина, Арлито.

К поселку мы добрались засветло. Сколько прошло времени, я затруднялась сказать — сейчас середина лета, и темно поздно. Все это время я чувствовала себя самым счастливым человеком на земле, потому что обрела Эда после того, как потеряла навсегда. Арлито говорил, что до ордена нам добираться дней пять — вот сколько у меня времени, чтобы побыть счастливой. Далеко в будущее я старалась не заглядывать.

Эдуард привык ко мне, больше не взирал настороженно, громко хохотал над шутками, которые сыпались из меня, будто из рога изобилия.

На пути нам не попался ни один стражник, и вскоре стало ясно, почему: я неправильно свернула на перекрестке, и деревня, куда мы ехали, — тупиковая. За ней начинался заболоченный лес, который не проехать даже летом, поворачивать и искать другой поселок было поздно. Завидев дома впереди, мы остановились, по моему совету Эд примотал лодыжку к бедру, закрыл родимое пятно кожаным ремешком и распустил волосы, которые не вились кудрями или локонами, а волной ниспадали до плеч.

— Учти, ногу надо иногда разматывать, иначе она отомрет, — еще раз предупредила я, он кивнул, поправил ремешок и направил уставшего Огника к срубам возле дороги. Приусадебных участков здесь не было, они виднелись только возле крайних домов.

Когда до первых срубов осталось метров пять, пришлось остановиться и пропустить коровье стадо — животные возвращались домой доиться. Буренки тут были странные — тоньше тех, к которым я привыкла, с более длинными ногами и мощной шеей, рогами изогнутыми, острыми и тонкими. Последней на дорогу выбежала простоволосая пастушка лет десяти, покосилась на нас, разинув рот, хлестнула лозинкой молодого бычка:

— А ну пшшшел!

Мы медленно двинулись за стадом, наблюдая, как скотина разбредается по домам, как

крестьянки встречают коров, кормят, ласкают, будто малых детей, и ведут не в сарай, а прямо в дом. Наверное, тут, как на Руси, зимы суровые, и дом делится на две части: спереди жилая, сзади — отделение для скотины. Небольшое село, дворов двадцать, но дома богатые, украшенные резьбой. Заборов нет, плетни — не везде. На кольях висят глиняные горшки.

Бело-рыжая собачонка со звонким лаем увязалась за нами, норовя схватить за колесо. На пороге третьего справа дома, уперев руки в боки, стояла курносая румяная матрона с русой косой, уложенной вокруг головы.

— Эй, молодые люди, вы к кому?

Не голос, а гром! Эд натянул поводья, а я проговорила:

— Путники, в орден Справедливости едем, с дороги сбились, а ночь на дворе, страшно. Приехали просить ночлег. Денег у нас мало, только три о осталось. Одну можем заплатить. Положите нас хотя бы в сарае — все к людям ближе, не так боязно.

Тетка задумалась, потерла массивный подбородок, осмотрела меня с ног до головы.

— Гости к нам редко забредают, все больше проходимцы. Пушу я вас, а вы меня оборвете ночью. Вон лоб какой. — Она кивнула на Эда, сидящего на бортах и демонстративно свесившего ноги.

— Инвалид он, — вздохнула я. — Мой брат спит долгим сном, а уже смеркается... Страшно!

Крестьянка уставилась на перетянутую веревкой штанину и отвела взор.

— Большой брат? — поинтересовалась женщина.

— Двенадцать лет.

Из избы донесся мужской бас, даже скорее рев, аж страшно стало:

— Зара, кто там?

— Ночевать просят, — откликнулась она. — Девка, калека и пацан. Дают одну о.

Я сосредоточила внимание на ней и не сразу увидела во дворе через дорогу старушку, опершуюся на отполированную до блеска клюку. Приятная такая старушка, сказочная: пышная бежевая юбка, белые-белые волосы, ресницы и брови тоже седые, а глаза — изумруды, в них — доброжелательность и мудрость.

— Коли воды мне принесете из колодца, то уступлю сарай, где сено. И деньги возьму, старая я, трудно мне.

— Не побрезгуешь ведра таскать? — шепнул Эд. — Не будь я калекой, помог бы.

— Мы согласны, — кивнула я, спешила и повела Огника на скотный двор.

Старушка ковыляла впереди. Остановилась, клюкой указала на вытопанную козами землю:

— Тут оставь вашу карету, а коня отпускай, девица, не бойся — волки далеко в лесу, они только зимой к людям приходят. Козочку у меня зимой зарезали, не уберегла.

За одной распахнутой дверью гоготали и кудахтали, за второй — мычали и блеяли. Два белых козленка носились туда-сюда, подпрыгивая.

— Распрягай коня, чего ждешь? — повысила голос старушка и ткнула в бревенчатый навес, по бокам обитый гнилыми досками: — Там спать будете.

«Какая романтика! На сеновале!» — не без сарказма подумала я.

Одноногий Эд спрыгнул с телеги и, опираясь на костыль, похромал распрягать коня. Старушка смотрела на него с любопытством, щурилась. Пожевала губами и прошептала:

— Такой красавец, и без ноги, жалко! Главное, чтоб другое на месте было. — Она сделала паузу, постучала себя по лбу и рассмеялась, видя мои круглые глаза: — Го-лова!

Я улыбнулась и решила сменить тему, помня, как бабушки любят жаловаться на жизнь:

— Трудно вам одной? Такое хозяйство!

— Внучка у меня есть приبلудная, Еська. Но у ней рука сухотная, ей ведра — тяжело.

— Показывайте, где тут колодец. — Я направилась к коромыслу и двум ведрам, и снова накрыло ощущение нереальности происходящего. Наверное, тому виной коромысло — старое, изогнутое, будто из книжки.

Чтобы наполнить бочку, пришлось сделать четыре ходки, потом еще одну, взять по ведру и налить скотине. Ну и вонища у них в стойле! Эд наблюдал за мной, скрестив руки на груди.

Закончив с трудовой повинностью, я залезла в телегу, попыталась растолкать Арлито, чтоб он своими ногами дошел до сеновала, но маг промычал нечленораздельно и не открыл глаз. Хорошо, сзади бортик телеги откидывался, и кое-как я спустила Арлито, подхватила за подмышки и поволокла к сеновалу. Занятая работой, я не сразу заметила, что возле дома старушки скапливаются крестьяне — молодые и пожилые, одиночки и семьями. Стайка чумазых босоногих ребятишек толпилась на дороге, мелюзга тянула шеи, чтоб рассмотреть нас получше.

— У вас редко бывают гости? — поинтересовался Эд у улыбчивого чернобородого мужичка, тот кивнул.

— Редко. Мы тут леф рубим, за нами — топи. Кому оно надо? В фтужу, бывает, охотники забредают...

— А главный тут кто? — Эд повысил голос, чтобы его слышали все, и из толпы шагнул рябой бритый наголо мужик протокольного вида с квадратным лицом и кривым носом, видимо, сломанным в драке.

— Я главный. Сенриком звать.

Эд приложил руку к груди, склонил голову:

— Раад из Рыбачьего. Это — моя племянница Ольга. Спасибо, что позволили переночевать у вас, не выгнали в ночь.

— Мы люди простые и справедливые, нам не жалко. — Он крикнул и обвел взором собравшихся — все сразу притихли. — Лесорубы мы. Коли не побрезгуете, приглашаю вечером к столу.

Конечно же, хотелось отказаться — Эду будет сложно играть калеку, ведь нужно восстанавливать кровообращение в ноге, постоянно ее разматывать. Но отказываться в таких случаях не принято, местные расценят отказ как плевок в душу. Потому пришлось расплыться в улыбке и сказать:

— Мы с радостью!

Желудок закурлыкал, предвкушая горячую еду.

Гостей тут встречали с шиком. В середине вытопанной поляны, что находилась в конце поселка, где высилась гора спиленных сосновых стволов, развели костер до небес. Ближе к домам накрыли столы, лавок не было, и для Эда, как и для трех стариков, принесли скамью. Между столами и костром поставили музыканта с неким подобием волынки.

В честь нашего прибытия закололи трех ягнят, свинью и теленка. Мясо зажарили на углях, и теперь худенький светловолосый парнишка, похожий на повзрослевшего херувима, нарезал его крупными кусками и раскладывал на лепешки. С другой стороны стола девочка-подросток клала на лепешку рядом с мясом овощи.

Медовуху щедро разлили в десять кувшинов, крестьяне пили из горла и передавали питье дальше. Когда кувшин оказался у меня в руках, я убедила себя, что все микробы убил спирт, сделала пару глотков, закашлялась, аж слезы навернулись. Мужики уставились на меня, я улыбнулась, Эд рядом напрягся и прошептал:

— Ты ничего не забыла в телеге, что они могли бы украсть?

Я похлопала по сумке Арлито, перекинутой через плечо, он кивнул.

— Только оружие осталось там, но я его завернула в перину.

На некоторое время про нас забыли, все были заняты поглощением пищи и спиртного, мы с Эдом переглядывались, иногда и нам приходилось прикладываться к медовухе. Я сделала в общей сложности три глотка, но голова пошла кругом — это тело не привыкло к алкоголю, и я напилась с пяти капель.

В ушах зазвенело, предметы изменили очертания — наступило некое расширение сознания, чувства сделались выпуклыми, осязаемыми, очертания предметов — плавными. Присутствие Эда волновало до дрожи, хотелось по привычке прижаться к нему и дышать в ямочку между ключицами, но я старалась даже на него не смотреть — боялась, что взгляд меня выдаст, потому оперлась о стол и уставилась на костер.

Заиграл музыкальный инструмент, звук напоминал одновременно аккордеон и волынку и был глубоким, многослойным. Местные разбились по парам и принялись плясать, это напоминало упорядоченный танец то ли туземцев, то ли дивных фазанов: они скакали друг напротив друга, женщины играли полами широких юбок, крутились на месте и приседали, мужчины приседали, подпрыгивали, поворачивались то одним, то другим боком, а потом все разом схватили партнерш под руку и принялись кружить. Затем пары поменялись партнерами, после женщины танцевали с женщинами, а мужские пары имитировали поединки.

Прибитая алкоголем, я вяло жевала мясо и с изумлением смотрела на крестьян: сколько в них жизни и первобытной энергии! Эдуард, сидящий на скамье рядом, коснулся меня, и я вздрогнула, посмотрела на него и тут же отвернулась.

— Не хочешь потанцевать? — с ехидством поинтересовался он.

— Да, если ты пригласишь, — не растерялась я, он хохотнул, и его соседка по лавке — смуглая, будто грязная, старуха покосилась на него с неодобрением, пожевала губами.

Вскоре к веселью присоединилась наша хозяйка, забрала у Сенрика кувшин с медовухой, надолго приложила к горлышку и направилась к нам, поставила кувшин на стол и громко, чтоб все слышали, проговорила:

— А теперь гости расскажут, как живут люди на севере, кто кого убил, кто на кого пошел войной.

Ну, вот, начался допрос. Я собралась придвинуться поближе к Эду — уверенности для, но на край уселась хозяйка, в суете я даже не спросила, как ее зовут, хотя Эд назвал наши имена. Надо не забыть, что для них его зовут Раад. К нам начали стягиваться гости, и одурманенный алкоголем разум заметался в поисках правдоподобных баек, но все они вылетели из головы.

Эд подождал, пока местные обступят нас, и похлопал по пустой штанине:

— Я же вижу, что вам интересней узнать, что стало с моей бедной ногой...

— Расскажи про Рйонда, — тоненьким голоском попросил кудрявый рыжий мальчишка, жмующийся к Сенрику.

— Позже тетя расскажет вам про Рйонда, а я сейчас — про своего брата Юрчи, он у меня младший и очень любит болтать. Думаете, я потерял ногу в сражении? Нет, это случилось из-за моего брата Юрчи, слушайте!

Он оказался отличным рассказчиком. Окружившие нас крестьяне рвали животы, когда Эд рассказывал обыденную, в общем-то, вещь — как воображаемый Юрчи, которого все

считали прославленным охотником, увидев бегущего на него кабана, бросил арбалет и запрыгнул на дерево. У того Эда, которого я знала раньше, была дисграфия — он писал криво и с ошибками, хотя читал очень много. Если бы мы познакомились в Интернете, у него не было бы шансов. Его двойник здесь блистал красноречием, что неудивительно — все наследники и наследницы княжеств отлично образованны и обучены риторике. Но у Ледаара был именно талант — он не просто рассказывал связно, он сдобривал повествование эмоциями и жестами, вставлял простонародные словечки, и благодарная публика хохотала до упаду.

Девушек было всего четыре, младшей лет четырнадцать, старшей, с битым оспой лошадиным лицом, — около восемнадцати, и все они пускали слюну на моего Эда даже несмотря на то, что он изображал инвалида, на меня же мужчины не смотрели, хотя тут, на лесоповале, женщины были в меньшинстве.

Когда закончилась байка про кабана, который разорвал ногу Эда так, что ее пришлось отрезать, грянула музыка, и крестьяне пустились в пляс. В круговороте лиц и тел я не заметила, как прибежала девочка с двумя жидкими косичками и короткой левой рукой, болтающейся плетью, схватила нашу хозяйку за рукав, потянула — старушка наклонилась к ней — и зашептала, размахивая руками.

Хозяйка преобразилась на глазах: из доброй бабушки превратилась в старую хищную птицу, увидевшую добычу. Зыркнула на меня, слушая девочку, кивнула. Появилось скверное предчувствие, я наклонилась к Эду, чтобы поделиться соображениями, не пора ли нам бежать, но старуха спикировала на меня, схватила за руку.

Глава 13

Будь моим смыслом

Наверное, за нами пришли люди Ратона, подумала я, но не сообразила, что делать дальше, дернула руку, но старуха ее держала крепко.

— Приехали стражники, — прошептала она, слезая со скамьи. — С минуты на минуту они будут здесь, Вианта, тебе надо уйти.

Эд ее услышал — теперь он знает, кто я, — вскинул брови, открыл рот, но старуха продолжила:

— Идите за мной.

Я покосилась на Эда и протянула ему руку, он поднял клюку и поскакал за нами, уворачиваясь от лесорубов и их жен, снова исполняющих танец брачующихся фазанов. Они выпили, и им было так хорошо, что про нас они ненадолго забыли.

К дому старухи мы пробирались окольными путями — вдоль сараев, что вдали от дороги. Костер уже не горел так ярко, и в свете луны я заметила четверых мужчин с арбалетами, направлялись они в сторону праздника. Мы засели за снопом сена, подождали, пока они исчезнут из виду, и юркнули в свой сарай, где на сене сопел спящий Арлитто, накрытый каким-то тряпьем.

— Сделайте вид, что спите, — посоветовала старуха. — Вряд ли они будут на вас смотреть, но лучше не испытывать судьбу. Я опишу вас так, что они не подойдут к сараю.

— Почему вы помогаете нам? — удивилась я.

— Потом объясню. Вспомни деревню Гусятня, твой ответ там.

Старуха бесшумно растворилась в темноте. Музыка смолкла — стражники добрались до танцующих, и воцарилась такая тишина, что стали различимы голоса, но слов было не разобрать. Я лежала, уткнувшись лицом в сухую траву, и боялась пошевелиться, плечо прижималось к теплому боку Эда. От страха алкоголь выветрился, и восприятие сделалось ясным.

Вдалеке что-то треснуло, и мужские голоса начали приближаться — неужели все-таки решили на нас взглянуть? Я нащупала руку Эда и сжала ее.

— Надо было взять арбалет, — прошептал он в самое ухо, аж мурашки по спине побежали. — По-моему, пора бежать...

Подстегиваемая паникой, я чуть было не согласилась с ним, но услышала надтреснутый, нарочито громкий голос нашей хозяйки-старушки:

— Говорю ж вам: калека он, без ноги, а сын ихний точно больной, потому что здоровые дети так не спят. Когда она его тащила, он даже не проснулся. Еще болезнь какую принес нам в село...

— Что ж ты их приняла-то, раз мальчишка болен?

— А откуда мне знать-то? Это я потом поняла, когда они ушли, а он закашлял. Да так кашлял, будто захлебывался. Как чувствовала, в сарае их положила, в дом не взяла. А вдруг он прям тут и помрет, что мне тогда делать? Сено сжечь, как при чуме? А скотину зимой чем кормить?

Еще сильнее сжав руку Эда, я накопила слюны и закашляла. Сначала получилось сухо, потом — убедительно, с бульканьем. Выплюнула слюну со звуком, имитирующим рвоту.

— Раад, по-моему, ему хуже, — пробормотала я, расплела косу, взъерошила волосы. — Люди пришли, надо у них попросить хотя бы какой травы, чтоб снять горячку.

Эд вошел в роль и тоже кашлянул, говоря:

— Нас тогда выгонят...

— Все равно теперь. — Я всхлипнула, а хозяйка на улице проговорила с ужасом:

— Вот! Уже и калека этот кашляет, заberi его Незванный!

Чтобы увидеть нас, стражникам достаточно было перегнуться через доски и осветить факелом, я решила опередить их и выпрыгнула навстречу, искривила рот и потянулась к ближайшему в бронзовой кирасе:

— Люди, помогите! Плохо моему сыночку, ему нужно к лекарю!

Мужчина опустил забрало шлема, отпрыгнул назад. Метра на два без разгона скакнул, как гигантский кузнецик, на лету сшиб напарника с факелом, прицелился в меня из арбалета и крикнул:

— Не подходи!

С истошным воплем «Ой-ой» хозяйка схватилась за голову и тоже от меня попятилась, я упала на землю — на случай, если у кого-то сдадут нервы и он выстрелит.

Командир злобно сплюнул в траву и проговорил:

— Ну их к демону! Уходим!

Для пущей убедительности хозяйка с причитаниями увязалась за «избавителями», попросила выгнать нас из ее сарая, но от нее отмахнулись.

С облегчением я выдохнула, когда услышала отдаляющийся цокот копыт, перепрыгнула через доски, с разгону налетела на Эда, повалила его в сено, счастливая, собралась расцеловать, но прочла на его лице такое недоумение, что отпрянула, инстинктивно одернула юбку. Ледаар справился с чувствами и сделал вид, будто ничего не случилось, а мне стало так гадко, так обидно, что захотелось реветь.

А чего я хочу? Вианта не в его вкусе. Чтобы обольстить его, надо очень постараться, и то не факт, что получится.

— Дети, как вы там? — тихонько спросила старушка-хозяйка, возвращая меня к другим проблемам, оперлась об ограждение — черный силуэт на фоне серебристого неба.

— Спасибо вам огромное, — отозвалась я из темноты и подвинулась, чтобы на меня падал лунный свет и хозяйка видела мое лицо. — Но я так и не поняла, почему вы помогаете мне.

Донесся сдавленный смешок, и старушка сказала:

— Потому что ты — наша бэрри. Не просто бэрри, а добрая и справедливая хозяйка. Потому что ты, княгиня, уважаешь старость и обращаешься ко мне, простолюдинке, на «вы». Я свободный человек, а не крестьянка, я обучена грамоте, но у меня нет титула. Ты не боишься работы и помогаешь слабым. Эту землю так долго поили слезами и кровью, что я готова отдать жизнь за человека, который захотел сделать хорошо не только себе. Говорят, что ты убила свою тетку и бежала с южным принцем на острова, я не поверила слухам, а теперь вижу тебя, но не вижу принца, и знаю, что ты и правда едешь в орден Справедливости. Очень хочу, чтобы ты вернулась и правила нами.

— Если я уехала с принцем, значит, стражники ищут не меня? — Я покосилась на Эда.

Он лежал на спине, приподнявшись на локтях так, что его тень полностью закрывала Арлито, на его лоб и нос падала черная тень от доски-перегородки и скрывала глаза — казалось, что на нем повязка, — но я чувствовала его внимательный взгляд.

— Про тебя только спрашивали, их больше интересовал некий Ледаар, убийца и наш общий враг.

Неужели она и Эда опознала? Нет, не должна. Но как-то же поняла, что Вианта — это я. Чтобы не мучиться предположениями, я озвучила вопрос.

— Вспомни ярмарку в Гусятне, ты была там, купила у меня целебные травы и подала милостыню Еське. Я наблюдала за тобой — в тебе не было фальши, ты смотрела на простых людей: работников, торговцев — с любовью, будто бы они, все мы — твои дети. Если бы каждый правитель был такой, как ты, воцарилось бы счастье.

Я потеряла лоб — и правда, были старушка с травами и девочка-попрошайка, но ни она, ни старушка не запомнились в деталях, мне тогда пригрезился Эд, я искала его, остальные люди были фоном.

— Говорят, что тебя пытались отравить, твоя душа уже отправилась в Вечный путь, но тебя встретил Спящий и вернул назад, — продолжила старушка.

— Где-то так, — кивнула я и добавила: — Ты смелая. Спасибо тебе.

Не сдержав порыва, я достала из кармана серебряный, встала на колени, протянула хозяйке. На раскрытой ладони блестящая монета сияла маленькой луной. Старуха помотала головой:

— Тебе она больше понадобится в пути, оставь. Да, мы бедные, но ты и так помогла нам.

Отступать я не собиралась, достала из кармана пару заколок с драгоценными камнями:

— Это девочке в приданое. Если не возьмете — выброшу.

Старуха сдалась, приняла подарок и сказала, разворачиваясь:

— Вам придется уйти на рассвете, иначе...

— Понимаю. Обещаю, что с восходом солнца нас тут не будет.

Когда стихли ее шаги, я обратилась к молчавшему Эду:

— Скажи, ты еще считаешь меня своим врагом? Князя Фредерики всегда держат слово, ответь честно, ты мне враг или тебе можно доверять?

Эд протяжно вздохнул, похлопал по примятому сену — я легла возле него, еле сдерживая желание прикоснуться, погладить по груди. Он не стал отвечать сразу, размотал ногу и с наслаждением вытянул ее, скрипнул зубами — сейчас ее колола будто бы тысяча иголок. Когда боль стихла, он проговорил:

— Много лет назад роду Фредериков принадлежали земли к югу от Шелкового озера. Твои предки убили наследника и стравили младших братьев-близнецов. Пока они дрались за престол, войско Эльрихов вторглось в наше княжество, чтобы помочь одному из братьев — у них был сговор, по которому вам отходил огромный кусок наших земель. Второй брат-близнец, мой предок, обратился за помощью к Зоннам. В итоге Эльрихи не вступились за брата, и он был казнен, но прочно обосновались на наших землях.

Вспомнилась эта же история в интерпретации Саяни. У каждого была своя правда, и спорить я не стала, все равно уже не докажешь, погиб ли наследник на охоте или его и правда убили.

— После того как проснулась, я потеряла память. Потому задам глупый вопрос: а куда смотрели маги?

— В то смутное время сердце Спящего стало биться редко — им было не до нас. А когда маги снова стали вмешиваться в мирские дела, наших людей на отобранных землях запугали или подкупили, и они отказались возвращаться к нам.

— Но я тут при чем?

— Ты и правда не помнишь? — Он усмехнулся и добавил: — Ты уступила нашему давлению и согласилась принять посла и обсудить спорный вопрос. Но когда он приехал, велела раздеть его догола, высечь, обвалить в меду и привязать к лошади...

— О Спящий, — вздохнула я. — Он выжил?

— Да, крестьяне пожалели, развязали его и одели. Похоже, ты и правда изменилась, и

простолюдины тебя боготворят.

— Ты не ответил, можно ли тебе доверять...

Он скосил глаза и сказал:

— Я присягнул тебе на верность, по-моему, это достаточный ответ. А теперь давай закончим, нам нужно хоть немного поспать.

— Ты жалеешь?

— О чем? — Он лег на бок ко мне спиной, зашуршал, устраиваясь.

— О том, что присягнул — мне? Если бы знал, кто перед тобой...

— Спи уже!

Я прикусила язык. Он меня ненавидит! Как загладить вину и доказать, что теперь перед ним нормальный человек? Последовав примеру Эда, я зарылась в сено, закрыла глаза и сразу же уснула.

Весь сон я пыталась убежать от слепого пророка Мэтиоса, уезжала от него на машине, улетаала в Австралию на самолете, но он снова и снова находил меня и повторял слова, которые я уже слышала: «Помни, что огонь не только греет, но и сжигает дотла все живое... Смерть как плата... Долгий, долгий путь, радость и боль». Его лицо преобразалось, и он становился Незванным.

Проснулась перед рассветом от того, что сумка Арлитто надавила бок. Шевельнулась, желая изменить позу, и замерла, потому что поняла: бок надавил не ремень сумки — Эд положил на меня руку, ворочаясь во сне. А может, он замерз и придвинулся в поисках тепла. Как бы то ни было, теперь я боялась дышать, чтобы не спугнуть удачу. Он лежал чуть выше меня, потому скатился и прижался вплотную, а потом сгрел в объятиях, притянул к себе и, вздохнув, зарылся лицом в волосы.

О, как бы мне хотелось, чтобы он проделал то же самое не во сне, а наяву! Лег сверху, покрыл поцелуями мое лицо, и я снова ощутила бы себя маленькой беззащитной девочкой. От слишком смелых мыслей сердце зачастило, кошки заскребли в низу живота, и я плотнее прижалась к его ногам.

Действовать слишком откровенно я боялась, все, что мне оставалось, — имитировать случайность. Если он внезапно проснется, замру и закрою глаза. Ну а что, ведь это он первый обнял меня! Он молод, полон сил и может не устоять перед соблазном, когда под боком упругое юное тело, источающее феромоны желания.

Я потерлась спиной о его живот, вильнула бедрами, коснулась щекой его щеки — он шевельнулся, и его горячее прерывистое дыхание защекотало шею, а я ощутила, что он не остался равнодушным к моим прикосновениям. Теперь еле заметно — вверх-вниз, вверх-вниз. До чего же сладко и волнительно! Давай же, мой мальчик, ты частично уже проснулся, теперь вставай весь и, пожалуйста, не обманывай мои надежды!

Эд вздрогнул, пробуждаясь, и я в его объятиях обмякла, притворяясь спящей. Хотелось разбудить его поцелуем, но я не знала, как он отреагирует. Да и стоит учитывать, что мужчины не любят легкодоступных женщин, им нравится охотиться.

Его руки скользнули вниз, схватили меня за бедра, прижали — я подалась навстречу, прогнулась в пояснице и застонала... Но вопреки ожиданиям он отпрянул от меня. Хорошо, удалось вовремя сориентироваться, и я тоже шарахнулась в сторону, перевернулась на другой бок и уставилась на Эда широко распахнутыми глазами. Мои губы дрожали, но не от возмущения, а от обиды, что он такой бесчувственный!

Эд покосился на Арлитто и проговорил по возможности холодно, но предательский голос дрожал, и дыхание сбивалось:

— Вианта, прости, я... Не знаю, как так получилось. Я не сильно тебя напугал?

Ой, дурак! Напугал ежа понятно чем. Войдя в роль, я закрыла лицо руками и помотала

головой, замерла, всхлипывая. Ну, давай же, рыцарь, утешай даму! Неужели развернется и уйдет? Не ушел, придвинулся, протянул руку, подержал ее над моей макушкой, скользнул по спутанным волосам ладонью.

— Не злишься? — прошептал он, осмелев.

Вот только не надо обещать, что подобного не повторится! Не стал, слава богу, легонько потряс за плечи и прошептал виновато:

— Ну, пойми, что взрослому мужчине трудно себя сдерживать, когда рядом лежит такая красивая девушка.

Ой-ой, мне бы не знать! Многоопытный муж открывает Америку глупенькой девочке. Я вскинула голову, убрала волосы с лица и пролепетала, облизнув губы:

— Ты правда считаешь, что я красивая?

Он скользнул взглядом по моей груди, но не смутился, ответил с улыбкой:

— Я всегда питал слабость к ярким женщинам. — Он щелкнул меня по носу. — А теперь нам нужно собираться, пока деревенские не посоветались и не решили поднять нас, разносчиков заразы, на вилы.

Легенда «Больные путешественники» оказалась надежной защитой от стражников. Выехав на дорогу, ведущую к землям Баррелио, мы дважды натыкались на охрану. Оба раза я, пересиливая страх, бросалась молить их о помощи, когда Эд надрывно кашлял в телеге. Стражники в ужасе разбегались и обыскивать нас не рисковали.

После обеда пошли сутки, как спит Арлито, но я справлялась и без него. Останавливались мы два раза — перекусить и чтобы Огник отдохнул. Не привыкший к таким нагрузкам, он натер кожу хомутом.

— Сегодня мы не попадем во владения Баррелио, — говорил Эд, то есть Ледаар, задумчиво глядя на понурого Огника. — И коня надо бы поменять на тяжеловоза.

— Рисковать не хочется, — ответила я, придвинулась к нему ближе. — Когда мы в шаге от цели. Предлагаю заночевать в лесу.

Весь день он вел себя так, будто рядом с ним не девушка, а хороший приятель, и с этим надо было что-то делать, вот только что, я понятия не имела. Нельзя слишком явно демонстрировать свой интерес, играть в холодность, то есть подсекать, рано, потому что никто еще не клюнул. Оставалось вести себя естественно, но и это было трудно, потому что хотелось выть от бессилия, а надо изображать веселость — унылые люди никому не нравятся: все, как бабочки, летят на огонек.

— Мне не привыкать, — пожал плечами он. — А ты перенесешь ли натиск комаров?

— На сеновале они тоже заедали, но ничего, спала. — Я почесала щеку, ногтем надавила на зудящий бугорок. Вот мне и ответ на вопрос, как люди жили без фумигаторов. Скорее бы просыпался Арлито, он умел отгонять кровососов.

— Местные сказали, опасных зверей тут нет, волки летом к домам не подходят, так что согласен. Только от дороги надо удалиться, чтоб не был замечен костер.

Минут через десять мы миновали хутор домов в десять, где имелась деревянная таверна без названия, с постоянным двором и ночлежками. Эд, спрятавшийся в повозке, проводил грустным взглядом ее, двух белых жеребцов на привязи. Подул ветер и принес запах жареного мяса, рот наполнился слюной, но я заставила себя смотреть вперед, туда, где ветви сосен смыкались над головой, будто в дружеском рукопожатии. Из еды у нас осталась четверть лепешки, два небольших куска сыра и квас на самом дне баклаги. Такой порции мне хватит, но Ледаару будет явно недостаточно.

В самом конце хутора, развесив одежду на кусте шиповника, смуглая девчонка лет тринадцати сидела на волчьей шкуре, скрестив ноги по-турецки, и играла на флейте, не замечая никого и ничего. Ветер колыхал ее товар — пушистые жилеты из овечьих шкур, одежду из кожи, простенькую крестьянскую обувь, уздечки, упряжки, тыквенные

баклаги с закручивающимся горлышком, обернутые кроличьим мехом. Прямо на земле на мешковине лежали самодельные музыкальные инструменты: дудки разных размеров, свирели, что-то типа балалайки, но с двумя струнами.

— Купи мне свирель, — попросил Эд.

— Ты умеешь играть? — удивилась я, останавливая Огника.

— Да. Мру с тоски, а так все же веселее.

Девочка оборвала мелодию, встала. На ней были мужские кожаные штаны и рубаха до колен. Услышав просьбу Эда, она сгребла дудочки, выбрала самые, на ее взгляд, лучшие и протянула мне:

— Они все стоят три о. То есть, каждая — три, а все вместе... — она прищурилась, считая в уме.

— Двенадцать. — Я отсчитала деньги и не удержалась, спросила: — А баклаги пустые? Есть что-нибудь съестное или попить?

Девочка воровато огляделась и прошептала, вставая на цыпочки:

— В двух — медовуха! Хорошая, папка сам делал из дикого меда и пшеницы! Стоит три о вместе с баклагой. Но одна, не две.

— Две о, — игриво прищурилась я.

— Ладно! — радостно кивнула девчонка, взяла деньги за дудочку и за флягу.

— Ты собираешься напиться? — поинтересовался Эд, когда мы заехали в лес.

— Да, ночью холодно. И тебе советую.

Не глядя на него, я открутила крышку и глотнула — жидкость обожгла горло, но удалось не закашляться. Спустя минуту по телу разлилось тепло, и появился какой-то горячий азарт.

Эд на меня даже не смотрит. Может, на девушку, похожую на меня прежнюю, он и обратил бы внимание, но увы, я теперь другая. Интересно, тут есть мой двойник или она умерла, не родившись? Или весь ее род умер? Здесь живет меньше людей — не могут у всех быть двойники.

Я нынче не Оля не только телом, но и разумом. Да, я по-прежнему отзываюсь на это имя, но она никогда не делала того, что делаю я. Она не находила радости в безумных поступках и сексе с первыми встречными. Она не привязывалась к каждому, кто погладит по голове, ее любовь не была такой разрушительной, страсть — всепоглощающей, тоска — безграничной. Я не знаю, что с этим делать.

Ну и ладно. Не буду обращать внимания на Эда и веселить его тоже не буду, лучше страдать молча и не тешить себя иллюзиями.

Эдуард... То есть Ледаар в повозке заиграл на свирели, полилась мелодия — прекрасная, грустная, легкая, как ветер. Казалось, что это не человек извлекает звуки из инструмента, а поет сама природа. Отыграв, Эд исполнил какую-то простенькую песенку и спросил:

— Ты петь умеешь? Спой, это же «Дочь трактирщика».

— По-моему, я говорила, что потеряла память, когда проснулась, — отмахнулась я.

Эд не стал упрашивать «спой, птичка», сыграл вторую песенку, затем третью, будто бы дразнил меня. Ну, ладно, будет тебе песенка... Только я собралась спеть, как поняла, что по-русски он не понимает. Ну вот и славно, пусть гадают, что это за язык. Или по-английски ему спеть? Что я помню из Битлов? Затянуть, что ли, Girl?

Так я и сделала. Голос у Вианты был высоким, серебристым, многослойным, ей, то есть мне легко давалось вибрато. Эд перестал играть, прислушался и спросил, когда я

закончила:

— Ничего не понял. Ни слова, но ведь там есть слова?

— Ты когда-нибудь был за Вратами? — сменила тему я.

— В Беззаконных землях? — Он снова уселся на козлы. — Не был. Туда наши не хотят, говорят, только магам можно. Но я и не хочу, если честно. Там творится странное.

— А мне было бы интересно посмотреть на диковинных зверей. Еще говорят, что где-то там находится Изначальный дом, откуда началось творение... Ты веришь в историю Аделии?

— Которая вернулась на много лет назад, чтоб выйти замуж за любимого? Даже не знаю. Дети, возникшие из пустоты, новые острова на краю света... Слишком все это волшебное.

— А я не верю в край света. И знаешь почему? Потому что его просто не может быть. Ты считаешь, что земля — блин, который плавает в тумане. А под нами что, знаешь? А там? — Я запрокинула голову и посмотрела в темнеющее небо.

Ну вот, понесло! Хватит болтать, ему не обязательно знать, что планета круглая, а вселенная бесконечная, что звезды не прицеплены к небу, и солнце — не свеча. Лучше думай, что тебе не интересен суеверный необразованный мужчина. Я покосилась на его сильные загрубевшие руки, вспомнила тренированное тело, и закружилась голова от сладкого предвкушения. Ну зачем он сел сюда? Валялся бы себе в телеге!

— Никто не знает, — сказал он после минутного раздумья, а я передала ему поводья.

— Вот. Ищи поляну, где мы заночуем, а я пойду поваляюсь, а то что-то устала.

Чтобы не видеть его и не соблазняться, я даже полог задернула, легла на перину рядом с бесчувственным Арлитом, на всякий случай похлопала мага по щеке. Спишь? Ну и спи. Я еще раз приложила к горлышку баклагги. После третьего глотка захмелела и даже ненадолго задремала. Проснулась от того, что телега больше не тряслась. Выглянула из нашей кибитки: она стояла посреди поляны, окруженной с одной стороны березами, с другой — соснами. Трава здесь была высокая, сочная, кое-где примятая коровьими лепешками. На западе синела вода небольшого пруда, окруженного кустарником с круглыми синими ягодами — в привычном мире такой не растет.

Ни коня, ни Ледаара. Интересно, куда они подевались? Неужели он взвесил «за» и «против» и решил, что ему не по пути с врагом рода? Мы, конечно, не пропадем, но время потеряем. И Ледаара придется забыть, смириться с тем, что где-то есть он... Где-то вне меня.

Слезы навернулись на глаза, я пнула телегу со всей силы, и перед глазами потемнело от боли. Выругавшись по-русски, я села прямо в траву и разрыдалась, не стесняясь ахать и всхлипывать — все равно никто не услышит.

Опомнилась я только, когда рядом что-то загрохотало. Вскинула голову и увидела перед собой Эда. Одной рукой он держал убитого кролика, вторую распрямил, и в траву падал прижатый к рубашке хворост.

— Ты чего, маленькая? — Он сел на корточки и заглянул в глаза, будто пытался найти там ответ.

— Ой, — пролепетала я и потупилась, чтобы волосы рассыпались по плечам и скрыли улыбку. — Как неловко, я не думала, что ты придеешь... так скоро.

— Что случилось? — спросил он и положил руку на спину — я замерла и взмолилась, чтобы он подольше не убирал ее. А потом не сдержалась, прильнула к нему, уткнулась носом в рубашку на груди, жадно вдохнула родной запах.

На языке вертелось: «Ты меня не любишь», но пришлось сказать наивную банальность:

— Лучше бы я родилась дочерью трактирщика! Или управляющего. Все чего-то от меня хотят. Ненавидят за то, что я не делала, а делал прапрадед, портрета которого я даже не

помню! Теперь муж мечтает запереть меня в подвале, чтоб править от моего имени...

— Они тебя любят, люди, — прошептал он, глядя по голове, как ребенка. — Они даже на войну за тебя пойдут. Мы доберемся до ордена Справедливости, и все у тебя получится. Мужа накажут. Одно только меня смущает: я знаю бэрра Ратона, он не настолько подл.

— Он чуть меня не прикончил без суда! Он думает, что я убила его бывшую жену, а это не так! И даже слушать не хочет, и мага этого убить хотел, чтоб не мешал.

— Странно. Мне казалось, я вижу людей насквозь.

Всклипнув, я отстранилась:

— И что же ты видишь во мне? Порой кажется, что я сама себя не знаю.

Он коснулся моей щеки, поднял голову за подбородок, посмотрел как-то странно.

— Вижу хорошего человека. Напуганного, но стойкого, смелого и... Симпатичного.

Я широко улыбнулась и потрепала кролика, го-воря:

— Спасибо! Ты знаешь, как утешать девушек. И здорово, что у нас теперь будет мясо на ужин!

— По-хорошему, надо штуки три кролика, потому что когда проснется маг, ему так захочется есть, что за неимением пищи он отобедает нами. Ты видела, как пробуждается истощенный маг?

Я помотала головой, собрала рассыпанный хворост, сложила его вигвамом, принялась обкладывать ветками потолок. Внутрь вигвама сунула пучок сухой травы:

— Костер готов. Так как пробуждается истощенный маг?

— Примерно как медведь-шатун. Завтра увидишь. Только бы это не случилось ночью!

Пока Эд свеживал кролика, я вынула из мешочка огниво, чиркнула металлической полосой о камень — сноп искр упал на сухую траву, она задымила. Сев на колени, я изо всех сил подула в будущий костер, и в клубах дыма затрепетал огонь, с треском перекинулся на хворост, выстрелил в небо хлопьями пепла. Я скрестила ноги, прямо на мешке разложила еду, облизнулась, уставившись на Эда, который нанизывал тушку кролика на вертел. Побросав в костер поленья, я побежала собирать землянику и малину, но спешно ретировалась, атакованная полчищем гнуса.

Прибежала к костру, села у ног Эда и принялась длинной палкой ворошить прогорающие поленья. Огонь недовольно потрескивал, плевался искрами, пытался перекинуться на мою палку.

— Странная ты, — сделал вывод наблюдающий за мной Эд. — Как ребенок. Но — очень мудрый ребенок. Говоришь странными словами, умеешь лечить и высекать огонь, не брезгуешь тяжелой работой и при этом всем не знаешь простейших вещей.

Я ответила, не глядя на него:

— Говорила же, что прошлое забыла, теперь меня каждый понемногу чему-то учит. В голове остались знания, они всплывают, если их освежить. Тело помнит танцы и музыку. Но той Вианты, которую все знали, больше нет, есть эта, другая, которая умеет ценить жизнь. Жаль, что мы начинаем ценить что-то, только когда понимаем, что можем это потерять.

Договорив, я прихлопнула на щеке комара. Эд вбил по разные стороны костра две палки в форме вилок и водрузил на них вертел с кроликом, сел в траву, касаясь рукой моей руки. Его близость сводила меня с ума, и я отодвинулась, подтянула ноги к животу.

— Женщины так не говорят, — вздохнул Эд. — О таких вещах не каждый мужчина осмелится сказать.

Захотелось съязвить про его глупую жену, но я прикусила язык. Глупая, не глупая, но он

женат на ней, а не на мне. В жизни чаще бывает так, что побеждает не тот, кто достойнее и умнее, а тот кто раньше начал забег.

— Говорят, я отлично сражалась на ножах и умела управляться с короткой саблей. Ничего не помню. — Я вздохнула, отхлебнула медовухи и уставилась на Эда с азартом. — Слушай, а давай проверим, врут или нет?

Я вскочила и закружила по поляне в поисках палок подходящей длины. Пришлось ломать какой-то куст, подгонять прутья по длине. Подбежав к Эду, я ткнула в него прут и проговорила:

— Защищайтесь!

— Точно ребенок. — Он покачал головой, взял имитацию сабли, нехотя поднялся и встал, вытянув руку с прут в мою сторону. — Я выше тебя, у меня преимущество.

Он ринулся в атаку, не предупредив, но тело вспомнило, что нужно делать — я скользнула вбок, отражая удар, крутнулась вокруг своей оси и едва успела отразить второй. Пригибаясь, скользнула вниз, перекатилась, пытаюсь полоснуть его по ноге под коленкой — он отпрыгнул и ударил место, где я только что находилась, опустил прут и сказал с уважением:

— Ты молодец. Не каждый из моих воспитанников так сможет.

— Поверь, это для меня неожиданно. — Я прошлась по поляне, восстанавливая дыхание, поглядела на синюю воду пруда, где отражалось стремительно темнеющее небо, и подумала, что неплохо бы смыть с себя дорожную пыль.

— Эд, как думаешь, тут в озере водится что-нибудь опасное? Ядовитые змеи, например. Или чудовища с русалками?

Он наморщил лоб.

— Ты серьезно? Нет, конечно.

— Тогда пойду искупаюсь, а то захлебнусь слюной, не дождусь кролика.

Не дожидаясь одобрения, я полезла в кибитку, нашла свое разорванное платье-медузу и решила использовать его как полотенце. Пруд, отражающий ультрамарин неба, был неестественно-ярким. Лес, обступающий поляну со всех сторон, превратился в черную стену со щетинистыми верхушками, Эд, сидящий на корточках, — в темное пятно. Костер прогорел, остывающие угли почти не давали света.

Озеро окружал высокий рогоз, только в одном месте, видимо, там, где пили коровы, имелась заводь, туда я и направилась, отмечая, что синь воды просвечивает сквозь кусты шиповника. Когда разденусь, меня не будет видно в деталях, но силуэт — вполне, если Эд не совсем бесчувственный, это должно раззадорить его.

Улыбнувшись, я сняла сумку, переброшенную через плечо, положила сиреневое платье на траву, стянула обувь и босиком потопала по земле, изрытой коровьими копытами. Спасибо, что лепешек не набросали. Крестьянское платье снималось, стянув через голову темный верх, я осталась в одной сорочке, а она белая, заметная — хорошо! Я потянула за завязку, и на мне остался только медальон Незваного. Представляя, как Эд замер, пытаюсь меня рассмотреть, я нагнулась, подняла сорочку и положила на верхнее платье, напоминающее мешок с разрезами по бокам.

Я шагала медленно, от бедра, добравшись до воды, еще раз нагнулась и поблагодарила мироздание, что тут песок, а не земля. Тронула воду ногой и собралась неспешно, с достоинством совершить омовение тела, но будто по команде меня атаковала стая комаров, сидевшая в засаде в камышах. О, это были не просто комары, а летающие крокодилы! Пикируя, они гудели, как бомбардировщики времен Великой Отечественной. Страшно подумать, какой толщины у них хобот, который они собираются в меня вонзить!

Уже не задумываясь о грации и сексуальности, я взвизгнула и рванула спасаться в воду, но и тут меня ждала неприятность: песчаный берег закончился, я ступила на скользкий ил и рухнула с плеском и руганью. Но и это еще не все. Берег круто уходил в воду,

устоять на месте было невозможно, я соскользнула на глубину, и надо мной сомкнулась вода — даже воздуха набрать не успела! Плеснула руками, отталкиваясь от тины, вынырнула на миг, хлебнула воздуха и снова оказалась под водой, с ужасом понимая, что Вианта не умеет плавать.

Не паниковать! Расслабиться. Скоординировать работу рук и ног, оттолкнуться. И снова я на поверхности, а неуклюжее тело тянет на дно. Грести руками. Вперед — назад, вперед — назад, и ногами тоже грести. Одновременно! Не тело, а коряга!

Кое-как я доплыла до берега, на песке встала на четвереньки, отдышалась. Когда немного успокоилась, ощутила на себе взгляд, вскинула голову и оторопела: у кромки воды стоял Эд, уперев руки в боки. Криво усмехнувшись, он сказал:

— Вот незадача, думал долг вернуть.

— Так просто ты от меня не избавишься, — улыбнулась я, он отвернулся, отошел к кустам шиповника.

— Выходи. И больше так не делай.

— Да, папочка, — сказала я по возможности жизнерадостно, силясь унять стук зубов.

Еще и комары эти чертовы! Наспех вытершись, я накинула сорочку, сверху — платье-мешок, подпоясалась и принялась сушить волосы платьем.

— Все, я уже оделась.

Но Эд не обернулся, а быстрым шагом направился к костру, где перевернул вертел с кроликом, источающим головокружительный запах. Я последовала за ним, злая на него, на себя, на озеро и комаров. Постелила рваное платье, села на него и принялась жевать свою порцию лепешки.

— Зачем ты полезла в воду, не умея плавать? — спросил Эд, не глядя на меня.

— Мне казалось, что я отлично плаваю, — честно ответила я. — Правда, могу завтра показать! Просто поскользнулась, и... получилось неожиданно.

— Да уж.

Он убрал вертел, бросил в костер хворост, дым потянуло в мою сторону, отгоняя комаров. Минута — и вспыхнуло пламя, затанцевало на сухих прутьях — на задумчивом лице Эда задвигались тени, он отрезал заднюю ногу кролика, поманил меня, и я перебралась к нему, вгрызлась в мясо, которое было жестким, но все равно вкусным.

— Так не подобает себя вести бэрри, — проговорил Эд, косясь на меня. — Не удивительно, что я тебя не узнал.

— Вот только не надо меня учить жить. Мне и с оружием обращаться не подобает, однако я это могу, и считаю, что так правильно. Женщина тоже человек, и помимо родов, может принести пользу и себе, и другим. Вот скажи, что делать с женщиной, которая умеет только петь, танцевать и правильно выбирать платье? Поговорить не о чем, обсудить нечего. Получается не человек, а домашнее животное.

— Женщина должна растить детей и поддерживать очаг, а не сражаться. Мужчина создан более сильным, у нас все равно это получается лучше.

— Почти согласна. Но смотри, всех нас учили танцам, у одних это получается легко, у других — не очень, а третьи вообще танцуют, как коровы на льду. Значит ли это, что вторых и третьих надо освободить от танцев, все равно им это не дано от при-роды?

Он молча отрезал себе жирный поджаренный кусок и отправил в рот, зажмурился. Доев, сказал:

— Триста лет назад за такие слова тебя отправили бы на костер.

— Триста лет назад я не стала бы это говорить в присутствии того, кто захочет меня туда отправить, — парировала я и демонстративно впилась зубами в заячью ногу.

Прожевав, продолжила:

— И возразить нечего, правда? Чем мне нравятся простолюдины — они настоящие. Если смешно, смеются, если больно, плачут, мы же не имеем права ни рассмеяться, ни заплакать, когда хочется, хотя точно так же испытываем радость и боль. И выставляем напоказ личины, а не самих себя. И все бы ничего, но она, эта личина, прирастает к душе и пожирает настоящее — мы превращаемся в жестоких лицемерных тварей. Я так не хочу.

Эд прищурился:

— И я — личина?

— Ты — нет. Ты — настоящий, потому я и помогла тебе. Тебе ведь не нравятся все эти светские приемы со сплетнями и интригами?

— Не нравятся, — признался он, посмотрел на меня странно, с уважением, что ли.

Расправившись с мясом, я закусила сыром, заела лепешкой, хлебнула медовухи и протянула флягу Эду. Он приложился к горлышку, сделал несколько глотков, тряхнул головой.

— Вианта, ты ведешь себя, как солдат.

— Богорожденный солдат, — выдала я, немного захмелев, — Эд хохотнул, а я продолжила: — Но ты не переживай, когда приеду в орден, я снова стану высокомерной бэрри. Не хочется, а куда деваться? Даже если спрячусь от всех, мне не дадут спокойно жить. Ты вот хочешь у меня кусок земель оттяпать, потому что считаешь, что прав, на самом же деле уже не узнать, кто был прав, а кто виноват. Правда, она такая — обоюдоострая.

— Я тебе рассказал, как оно было.

— Мне рассказывали другую историю, тоже похожую на правду. Знаешь, я отдала бы тебе те земли назад, если бы кто-то доказал, что мои предки убили вашего князя и развязали войну между братьями-близнецами. Но ведь никто не докажет! Так что правильнее не вскармливать ненависть, которая в конце концов съест тебя, а понять и простить.

— Сколько, говоришь, тебе лет? — задумчиво поинтересовался Эд, растянувшись на траве.

— Восемнадцать. — Я поборолла желание лечь рядом и подобрала ноги к груди.

— А кажется, что ты меня старше, и тебе больше сорока...

— Давай лучше вернемся к разговору о женщине-матери и женщине-человеку. Вот как ты считаешь, можно ли женщине заниматься лекарским делом?

— Принимать роды — да, — кивнул Эд.

— Смотри. Допустим, тебя ранили, и рана нагноилась, а лекарей толковых нет, а тут мимо проезжала я, вскрыла гнойник, обработала рану, и ты выздоровел. Женщина тоже способна спасти жизнь, а не только подарить ее ребенку...

Он сел, протянул мне флягу со словами:

— Выпей, и пойдем спать, чтобы выехать до рассвета, пока на дорогах людей поменьше.

Я сделала глоток и проговорила, мечтательно щурясь на огонь:

— Не хочется что-то. Так хорошо сидим, душевно! — Запрокинула голову, улыбнулась: — Посмотри, сколько звезд! Ты знаешь, как они называются? — Чтобы не заболела шея, я легла, сплетя пальцы на затылке.

Он долго смотрел вверх, потом опустил голову, скользнул по мне взглядом, ненадолго задержав его на груди. Я сделала вид, что не заметила, вздохнула и указала на самую

яркую звезду прямо вверх:

— Например, вот эта...

— Пуп великана, — ответил Эд, я засмеялась.

— Извини. Пффф... Пуп великана! Надо ж такое придумать. А вот эти звезды, что вокруг пупа, — пузо толстого великана?

Теперь он захохотал, помотал головой.

— Нет, великан — вот он, южнее. Он поджал ноги и спит. Круговые звезды — Корона Мира.

— Похоже. А вот, на севере — будто бы коромысло с одним ведром!

— Это Звездный лучник, который бережет наш мир и караулит Незваного. Его глаз всегда указывает на север. Вон там, на востоке — Питрис. Видишь, крылья распластал?

Я сощурилась, поднялась на локтях, но разглядела только два вытянутых ромба с треугольником в середине.

— Нет.

— Иди сюда, покажу. — Я с радостью воспользовалась предложением, села, касаясь плечом его бока, он протянул руку вверх: — Вот одно его крыло, вот второе...

Глядя в небо, он говорил о мужчине, влюбленном в девушку-питриса, которая, обратившись в птицу, убила его, а когда снова стала человеком, обезумела от горя и улетела в небо. Я слушала вполуха. Между моей щекой и его — несколько сантиметров, я чувствую тепло, вижу синюю венку на виске, ее безумно хочется накрыть губами. Мы так близко, что, наверное, он слышит, как грохочет кровь у меня в висках. И снова мир меняет очертания, сворачивается вокруг нас коконом. Трещит костер, выбрасывает искры, которые загораются звездами. Щелкают сухие стебли камыша, то ли чихает, то ли вскрикивает какой-то зверек, ветер шевелит завитки волос у Эда на лбу. Закончив рассказ, он медленно поворачивается, и теперь мы лицом к лицу, он смотрит на мои приоткрытые губы, и я вижу, как раздуваются его ноздри...

Вот сейчас — самое время подсекать и пробуждать инстинкт охотника. Стиснув зубы, я отодвинулась, опустила голову и прошептала:

— Красивая легенда. А ты когда-нибудь видел питриса?

— Нет. Но в моих владениях родились трое, когда уже я правил. Они ведь у любого человека могут родиться. Живут себе дети как дети, потом, взрослея, превращаются в хищных птиц. Никто не знает, почему так.

Во мне проснулся генетик-исследователь, и я спросила:

— А у двух питрисов кто рождается? Должен — только питрис.

Эд дернул плечом:

— Не знаю. Питрисов убивают, когда они еще юные. На Беззаконных землях их тоже стараются уничтожить. Может, где-нибудь в горах они и размножаются.

По идее, питрис должен родиться, если у обоих родителей есть ген оборотничества, следовательно, оборотничество — подавленный признак. Жаль, что Эд не поймет, если я ему это расскажу.

— Спать будем в тарантасе?

— Да, какая-никакая, а защита. — Эд протянул баклагу с медовухой. — Выпей еще, комары тебя любят, и ты из-за них не сможешь уснуть.

— Это не комары, а звери, — проворчала я, поболтала баклагу — там осталось немного. — Мы Арлито в повозке бросили, а они его, наверное, досуха выпили.

— Чудная ты, — сказал он ласково, я поднялась и побрела к повозке, не оборачиваясь.

Под моим весом скрипнули колеса. Не задерживая полог, я подвинула Арлитю к борту, расстелила еще один матрас, сбоку сложила прилагавшуюся к нему ветошь, не удержалась, выглянула из кибитки.

Заведя руки за спину, Эд туда-сюда ходил возле костра, становился ярче, когда приближался к огню, когда удалялся, растворялся в темноте. Его губы шевелились — похоже, он молился перед сном. Хотела бы я знать, о чем. Полжизни отдала бы, чтоб узнать, есть ли в его мыслях хотя бы маленькое место для меня.

Как все-таки я люблю этого чужого человека из чуждого мира! У него запах моего Эдуарда, его привычки и чувство юмора, это не просто двойник Эда, это он, выросший в других условиях. Достаточно вот так смотреть на него, таять, томиться ожиданием, быть счастливой — и больше ничего не нужно. Мне хватило бы и крошечного места на краю его гнезда, лишь бы видеть его изредка!

С трудом отвернувшись, я легла на перину лицом вниз, накрыла голову ветошью и попыталась уснуть. Спасибо алкоголю, сон пришел быстро.

Проснулась я от предчувствия беды. Будто бы тайный доброжелатель шепнул на ухо, предупредил — именно поэтому я не вскочила, разомкнув веки, а осталась лежать, притворяясь спящей. Кто-то склонился надо мной — большой, сильный. Его тяжелый взгляд парализовывал, превращал кровь в колючий лед, и сердце замирало, пропускало удары.

Как в детстве, когда просыпаешься в абсолютной темноте и знаешь: за тобой наблюдает оно. Что за иррациональное чувство? Если кто-то и смотрит на меня, то почему я уверена, что это враг? Хотел бы, давно убил бы меня.

Глава 14

Враг — мой

Осторожно-осторожно я приподняла ресницы: надо мной нависал Эд. Он отогнул полог, и мне на лицо падал лунный свет, я видела только голову Эда. Не в силах томиться ожиданием, я распахнула глаза и зачем-то попятилась от Эда, уперлась в сиденье, замерла, посмотрела непонимающе:

— Ты что... ты напугал меня!

— Ты кричала во сне и говорила на непонятном языке, — прошептал он, глядя куда-то вниз, я отследила его взгляд и поняла, что он сосредоточил внимание на моей коленке — платье поднялось, когда я отползала, и обнажило ногу до самого бедра.

Сделалось неловко, захотелось поправить подол, но я не стала этого делать, закрыла лицо руками и пролепетала:

— Мне снилось, что я превратилась в питриса, меня поймали и ведут сжигать на костре, а тут еще ты!

Не знаю, что на него нашло — то ли и правда пожалел бедную напуганную девочку, то ли возымели действие голые ноги, — но он подошел ко мне на коленях, обнял — я напряглась, не веря в свое счастье, а потом расслабилась, обхватила его руками, прижалась щекой к обнаженной груди и замерла, ловя ощущения и стараясь замедлить время. Потому что когда он отстранится, снова нахлынет пустота, а так он мой, пусть всего лишь на минуту.

Но нет, не стал отстраняться. Осторожно провел по спутанным волосам, по спине, огладил плечи, а я боялась пошевелиться, чтобы не спугнуть удачу. Убрал пряди волос и прошептал, щекоча дыханием ухо:

— Если скажешь, я уйду... Скажи мне, чтобы я ушел, Вианта. Скажи, потому что...

Я отстранилась, тут же прижалась к нему и приложила палец к его губам:

— Молчи. Пожалуйста, молчи.

Не удержалась, погладила его шершавую щеку, волосы, провела пальцем по бровям. Вот оно, ощущение — я плавлюсь, он — горящий фитиль свечи, в моих венах течет кипящая лава. Эд открыл глаза, приблизился к моим губам и прошептал, едва не касаясь их:

— Я безумно хочу тебя и не смогу остановиться, если...

Наверное, мне стоило подождать, чтобы он все сделал сам, но я двинулась навстречу, и наши губы встретились. Эд дышал часто и горячо, то стискивал меня в объятиях, то отталкивал, потом снова прижимал к себе и говорил, покрывая поцелуями щеки, шею, лоб:

— Девочка моя маленькая... Радость моя. Счастье мое.

Похоже, он все еще боялся пройти точку невозврата и не спешил снимать с меня платье, а у меня не было сил терпеть, потому я легла так, чтобы сорочка поднялась до самых бедер. Рука Эда сразу же нырнула под сорочку и скользнула по моей спине вверх. Поддерживая второй рукой, он рывком поднял меня, и мы обнялись, стоя на коленях, платье с меня он так и не снял. Хотя от желания его сердце колотилось бешено, прикосновения были сдержанными, если не сказать — целомудренными.

Некоторое время мы просто стояли, обнявшись, будто перед расставанием, и мне даже показалось, что сказка закончится, едва начавшись, но Эд положил руку мне на затылок и принялся перебирать волосы, а потом чуть натянул их, вынуждая меня запрокинуть голову. Коснулся двумя пальцами приоткрытых губ, провел по щеке, лбу, векам, он смотрел не мигая, будто фотографировал меня взглядом, и его синие глаза в свете луны казались серебряными.

Чуть улыбнувшись, он, не убирая со щеки ладони, накрыл губами мои губы. Мы

целовались жадно, неистово — так странники, долго блуждавшие в пустыне, пьют воду. Так насыщается влагой иссушенная почва. Так пламя в сильный ветер мечется по кострищу.

Оторвавшись от моих губ, Эд прочертил дорожку поцелуев от подбородка до выреза сорочки, не сдержавшись, чуть прикусил кожу — я всхлипнула и запрокинула голову, ослабила завязки, и Эд наконец освободил меня от верхнего плаття, рывком стянул сорочку, накрыл ладонями оба холмика груди, провел языком от ямочки между ключицами до розовой виноградины соска, накрыл ее губами, чуть прижал — именно так, как я представляла в фантазиях. Не сдержав стоны, я зарылась пальцами в его волосы...

А потом все закончилось. Растрепанная, задыхающаяся, я осталась одна посреди пустоты. Распахнула глаза, отыскала Эда взглядом и улыбнулась сквозь слезы: он никуда не делся, не растаял, как мираж, просто выпрыгнул из телеги, вытащил перину и поманил пальцем. Покосившись на спящего Арлито, я на четвереньках отползла к выходу, свесила ноги, и Эд бережно подхватил меня на руки, будто что-то хрупкое и ценное, закружил, а потом встал на колени, уложил на перину. Отстранившись и не сводя с меня глаз, снял рубаху, отшвырнул в сторону. Лег сверху, опираясь на согнутые локти, припал к моим губам, он целовался жадно и на удивление целомудренно, будто бы боялся меня, но, отвечая на мою страсть, понемногу смелел.

Мне и не нужно было от него изощренных ласк, какие дарил мне принц Элио, один его взгляд заводил меня больше, чем тысяча поцелуев, одно осознание, что рядом со мной — родной, любимый человек, кружило голову и превращало тело в клочущий вулкан, жаждущий освобождения.

Дрожа от возбуждения, я обхватила Эда ногами, царапнула спину и вскрикнула, принимая его, выгнулась, открываясь навстречу, впуская его глубже, и каждая клеточка устремилась к нему; пусть заполнит пустоту, я буду принадлежать ему безраздельно...

Хотелось, чтобы ощущение длилось бесконечно, но по телу прокатилась волна судорог — я прижалась к Эду, закусил губу, но все равно застонала от наслаждения. Эд не понял, что произошло, остановился, чуть отстранился и посмотрел виновато:

— Больно?

Я помотала головой, улыбнулась, вздрогнула, расслабляясь в его руках, и прошептала:

— Что ты... Хорошо, — плеснула бедрами, сжала его там.

Он шумно вздохнул, погладил меня по щеке, задвигался сначала осторожно, потом смелее и смелее. Я наслаждалась, закрыв глаза, и почти видела, как в низу живота трепещет красный огонек, разгораясь все сильнее. Вскоре лежать без движения стало невыносимо, и я закинула ноги ему на плечи — чтобы продлить удовольствие. Минута, и вот он сидит, опершись на руки, а я сижу сверху, и его родное лицо, посеребренное луной, — напротив.

От одного осознания, что Эд — мой, за спиной расправлялись крылья. А я — его, и буду принадлежать ему, и отдаваться безоглядно, потому что когда он во мне — мир цельный, и я целая, его глаза заменяют мне небо, волосы — лес, руки — всех остальных людей.

Он смотрел на меня не просто с вожделением — с обожанием, и его взгляд был наивысшей наградой. Я — магма, клочущая в жерле вулкана, огненная лавина, сходящая вниз. Наслаждение настолько велико, что я выгибаюсь дугой, и только сильные руки Эда не дают мне упасть. Он движется все сильнее, но вулкан во мне не думает угасать, удовольствие накатывает волна за волной. Я уже не принадлежу себе — кричу, царапаюсь, кусаюсь. Эд прижимает меня сильно-сильно, вздрагивает, и его объятия ослабевают.

Кладет меня на перину, ложится сверху. Обессилев, я закрываю глаза, и по ту сторону сомкнутых век зажигаются цветные круги, складываются в причудливую пирамиду, которая меняет очертания, и вот передо мной — черный замок на скале. Нет, он — вершина скалы. Ночь. Луна зацепилась за остроконечную башню...

Голос Эда — далекий, слабый — заставил вернуться в реальность. Он лежал сверху, но опершись на локти.

— Моя, — шепнул он и коснулся губами кончика носа. — Моя, — языком провел от уголка рта к уху, укусил его нежно. — Моя, — поцелуй в щеку. — Моя, — еще в щеку. — Моя, моя, моя, — щеки, лоб, веки, губы, подбородок, снова губы.

— Вианта... ты подарила мне счастье.

Если бы он только знал, сколько значит для меня! Раньше после освобождения в душе было пусто и грязно, как в комнате после вечеринки, но с Эдом я ощущала наполненность вперемешку с благодарностью. Хотелось вырезать его имя на древесной коре, написать радугой на небе, рассказывать о нем каждому встречному, как верующий говорит о Боге, пытаюсь донести истину.

Но вместо этого я легонько толкнула его в грудь, чтобы он лег на спину, села сверху, поцеловала в губы, лизнула шею, грудь, живот — от каждого прикосновения Эд вздрагивал, и под кожей проступали кубики пресса. Какой же он красивый, до чего же к нему приятно прикасаться!

В этот раз я не спешила, гладила его загорелую кожу, ноготками рисовала на ней узоры, а потом повторяла рисунок языком, опускаясь все ниже и ниже:

— Что ты... Ты собираешься...

Договорить он не смог, я накрыла рукой горячую каменную плоть и на миг оторопела, удивившись размерам — его нельзя было обхватить рукой! Немного отрезвев от удивления, я начала сравнивать этого Эда с его двойником из моего мира. Этот Эд более напорист и страстен, так же старается держать в узде рвущегося на свободу зверя инстинктов, в любовных ласках он так же любит быть ведущим, у него идеальное тренированное тело... А еще у него тот же самый запах — чуть терпкий, отдающий полынью и ладаном. От него закружилась голова, и я провела языком дорожку по стволу, обводя рисунок проступивших вен — Эд шумно вздохнул и двинулся мне навстречу.

Не дав ему желанного освобождения, я села сверху и приняла его. Если сначала мы будто танцевали дикий и необузданный рок-н-ролл, потом — танго, теперь все было сладостно, мучительно-медленно. Утолив первый голод, мы выплеснули всю накопившуюся нежность и растворились друг в друге без остатка.

Мы достигли пика наслаждения одновременно, я закричала, прильнула к нему и ощутила, будто падаю, падаю, падаю. Скольжу в воздушных потоках, меня качает на невидимых волнах, и лишь сильные руки Эда, придерживающие меня за спину, не дают мне исчезнуть, раствориться в чувствах.

Он бережно положил меня на спину, лег рядом на бок и принялся водить сорванной травинкой по моему телу. Будто волшебная палочка, прикосновениями она возвращала меня из мира грез, пробуждая тело по частям. Губы, ладонь, плечо, грудь, живот, бедра... Щекотно! Я засмеялась, отвела руку Эда в сторону, наши глаза встретились...

Неописуемое, какое-то щемящее счастье переполняло меня, настолько огромное, что, казалось, оно способно разорвать мою душу. Желая им поделиться, я хотела сказать, как же люблю Эда, но в горле свернулся ком, и я не проронила ни звука, зато из глаз хлынули слезы. До этого момента не понимала, как можно плакать от счастья.

— Что такое, маленькая? — Эд склонился надо мной, и его волосы закрыли меня от остального мира будто ширмой.

— Я... просто... очень хорошо. Это от радости. — Я рассмеялась, он нагнулся и принялся слизывать мои слезинки.

Понемногу отпустило, я успокоилась и притихла.

Над ухом прожужжал комар-бомбовоз, намекая, что пора бы и честь знать. Жутко не хотелось отпускать Эда, казалось, что если он сейчас отстранится, то сон закончится и все исчезнет. В голове стайкой назойливых насекомых кружили слова: «Нас с тобою никто не расколлет, но когда я тебя обнимаю, обнимаю с такою тоскою, будто кто-то тебя

отнимает».

Пересилив себя, я легла на бок, положила ладони ему на грудь — мне было необходимо чувствовать, что он рядом и все хорошо. Касаться его, ощущать его тепло и млеть от удовольствия.

Потом Эд взял меня на руки и отнес к озеру, где мы быстренько освежились и голиком побежали к повозке, спасаясь от комаров. Эд постелил перину в кибитку, мы оделись, легли, переплели руки, ноги, прижались друг к другу, и я уснула, зарывшись лицом в его волосы и стараясь отогнать тревогу. Не страшно умереть первой, страшно умереть второй и жить в осиротелом мире!

Разбудил меня шорох — кто-то громко сопел и копошился в нашей повозке. Я открыла глаза, вскочила и лицом к лицу столкнулась с Арлитом.

— Доброе утро, — пробурчал он. — Осталась ли у нас еда?

— Должна. Вчера Ледаар забил кролика... — Я повертела головой, выглянула из повозки, но Эда поблизости не обнаружилось. — Наверное, опять ушел на охоту. Но половина тушки должна остаться, поищи.

Арлит подвинул меня рукой и сунулся под лавку:

— Чувствую запах жареного мяса. — Он что-то нашел, заработал локтями и с благоговением вздохнул.

Я заглянула через его плечо: уважаемый маг развернул обернутую тканью тушку и немытыми руками рвал мясо и отправлял себе в рот, чавкая и причмокивая. Хорошо, хоть закон сохранения энергии в этом мире работает: маг истощился и заснул, чтоб восстановиться, теперь восполнял потери. Его голод был настолько сильным, что Арлит уподобился дикарю, и я покинула повозку, чтоб не смущать его.

Хотелось спать. Болели распухшие губы, саднил подбородок, который я натерла о щетину Эда, ныла поясница — я потрогала ее и поняла, что перина, оказывается, была не слишком мягкой, и теперь у меня там синяк. Но воспоминания о прошедшей ночи будили страсть, хотелось все повторить; больше всего грели душу слова Эда, что благодаря мне он познал счастье.

Умывшись и причесавшись, я поплелась к кибитке, где насытившийся Арлит уже запрягал Огника. Зыркнул взглядом-рентгеном — аж прикрыться захотелось — и спросил:

— Теперь скажи, зачем с нами Фредерик? К тому же самый непримиримый из них.

— По-моему, нам удалось договориться, и это внесло большой вклад в урегулирование нашего спора, — отчеканила я канцелярским языком.

Арлит хмыкнул, не глядя на меня:

— По-моему, вам удалось не договориться, а долежаться.

— Главное — результат, — парировала я.

— Главное, чтоб мы не получили другой результат — удар в спину...

— Она спасла мне жизнь, — проговорил Эд, подошедший бесшумно. — И я буду служить ей, пока не верну долг. — Он склонил голову. — Слово Фредерика!

Арлит и его просканировал взглядом и сменил гнев на милость, правда, не удержался от язвительного комментария:

— Надеюсь, ты не прирежешь нас после того, как вернешь долг.

— Обещаю, — кивнул Эд.

Я следила за ним, ловила каждый его жест, каждый вздох и с удовольствием отмечала, что не сходявшая с его губ презрительная ухмылка изменилась — теперь он улыбался

искренне, и его глаза сияли. Да он весь буквально излучал счастье!

Эд обошел повозку, проверил упряжку и вынес вердикт:

— Лошадь придется менять. Вы чем смотрели, когда покупали хомут? Он ощутимо велик, и конь натер кожу до ран. Я бы на его месте отказался вас везти дальше.

Стало жаль коня, я обняла его и проговорила:

— Прости нас, Огник! Пожалуйста, довези нас до ближайшей деревни, обещаю, мы больше не будем тебя мучить!

Конь обалдел от наплыва моих чувств, зашевелил ушами, фыркнул и дернул головой, будто приглашая в повозку. Я заняла место на козлах, мужчины спрятались в кибитке.

Спустя где-то пятнадцать минут мы выехали на основную дорогу и потрусили на восток, к землям Баррелио, до которых осталось десять километров. Там не властен мой подлый муж, и можно будет выдохнуть. Пока плелись, встретили три телеги с сеном, одну кибитку типа нашей и трех нарядных всадников в сером, обогнавших наш кадиллак.

— Нам скоро надо будет остановиться, — проговорил из кибитки Арлитто. — Я снова хочу есть.

— Потерпи до владений Баррелио! — взмолилась я. — Доешь кролика, я вообще не завтракала, и не жалуюсь.

— Уже доел, — проворчал он, и его поддержал Эд:

— Магу нужно постоянно есть, когда он восполняет силы.

Хотелось спросить, что случится, если его не кормить, и как быстро он опустится до каннибализма, но я промолчала, шлепнула Огника по крупу и проговорила:

— Огничек, пожалуйста! Еще немного, хозяин с голоду пухнет!

Как ни странно, конь послушался и побежал быстрее.

Как здесь отмечали границу, я понятия не имела. Разум по привычке рисовал что-то типа таможенного КПП, где с нас будут взимать пошлину и просить растаможить транспортное средство — то бишь телегу и коня, но ничего подобного не обнаружилось. По обе стороны дороги стояли столбы, к которым крепились деревяшки с вырезанным моим гербом: книгой и двумя скрещенными мечами, причем меч слева почернел и порос мхом; под гербом имелаась доска, где еле проступали буквы: «Власть князей Эльрих заканчивается в месте, где вбит сей столб». Радостно зачитав надпись, я увидела вдалеке такие же столбы поновее. Когда приблизилась к ним, рассмотрела герб Баррелио: булава и рассыпанные монеты, зачитала надпись:

— «Любой, кто читает сии слова, находится под властью князей Баррелио». Поздравляю вас, бэрры и пэрры, мы прорвались!

— Если я в скором времени не поем, поздравлять будет некого, — напомнил о себе Арлитто.

— Ледаар большой, сомневаюсь, что ты его осилишь. Разве что понадакусываешь! — развеселилась я, рассказала анекдот про «не съем, но понадакусываю», посмеялись все вместе, и снова стало солнечно, радостно на душе.

Я почти вжилась в этот мир, привыкла к повозке, разбитой дороге, комарам. Над головой сновали стрижи, и облака гнуса, будто маленькие джинны, танцевали у дороги. Солнце выглядывало из-за ветвей, слепило, грело макушку. Хотелось остановиться, взять Эда за руку и увести в темный лес, чтобы повторить наш ночной подвиг. Буквально скулы сводило от того, что он рядом, а прикоснуться к нему нельзя.

— Скоро будет хутор. Не хутор даже — постоянный двор и несколько изб, — сказал Эд. — Там можно попробовать купить лошадь и перекусить.

Эд вылез из кибитки, сел рядом и кивнул назад:

— Боюсь твоего мага, он смотрит на меня голодными глазами. — Эд развернул меня к себе, поцеловал, одной рукой придерживал за спину, второй гладил бедро; оторвавшись от моих губ, он прошептал: — Не знаю, что со мной. Я схожу с ума по тебе.

Улыбнувшись, я закивала, уткнулась носом в его шею, легонько укусила — он вздрогнул, аккуратно взял меня за волосы, оттянул от себя, и я увидела за высоченной придорожной травой бревенчатую крышу трактира.

— Хочу тебя безумно, — шепнула я, он взял мою ладонь и положил на штаны, где было твердо и горячо.

— Вот что ты со мной делаешь.

Я протяжно вздохнула, демонстративно облизнулась и прошептала:

— Эд, вставай! Весь вставай! — Стараясь не смотреть на него, чтоб не соблазняться, я прохрипела: — Похоже, ты бывал в этих местах чаще меня.

Из кибитки подал голос Арлитто:

— Чувствую дым!

Я вытащила из мешочка мелочь, высыпала Эду в ладонь:

— Если расплачиваться будет женщина, это вызовет подозрение. Так что теперь расходы на тебе.

— Я верну, — пообещал Эд.

Постоялый двор был небогатым даже по местным меркам: одноэтажный сруб барачного типа с рядом кособоких дверей и разнокалиберными трубами. В середине — кабак, о чем извещала вывеска под козырьком. По бокам строения — навесы, где желтело сено. Возле навеса, который ближе к нам, стояла телега, груженная мешками, бродили темно-рыжие клячи со впалыми боками, пытались просунуть морды между досками и достать сено.

У дальнего навеса кормились пять лошадей более платежеспособных посетителей, каждая ела из отдельного корыта солому вперемешку с овсом. Две пегие кобылы, вороной жеребец, гнедой жеребец и белоснежный конь с черной отметиной во лбу, черными гривой и хвостом. Здесь же — деревянная карета, куда поместилось бы человек пять-шесть.

Белобрысый веснушчатый мальчонка лет двенадцати, волокущий ведро с кормом для лошадей, поставил его на землю и устремился нам навстречу, взял коня под уздцы и прищурился:

— Желают ли остановиться справедливые пэрры?

Его лукавый взгляд перебегал с одного лица на другое, но почему-то больше всех его заинтересовала я. Наверное, женщины редко посещают такие заведения. Эд бросил ему монету и сказал, спешиваясь:

— Пэрры желают сытно отобедать, приобрести лошадь. — Он сделал паузу, спрыгнул и прошептал: — А также узнать, о чем говорят гости.

Мальчишка будто не слушал его, замороженно смотрел на монету. Сунул ее в карман и поманил меня рукой. Когда я тоже спрыгнула с козел, он воровато огляделся и зашептал:

— В лесе разбойники завелись. Двух торговцев ограбили, вон, — он кивнул на лошадей, — ловят их...

— А чужих людей с оружием видел? — спросила я.

— Ага, их много, все нонче с оружием, а как еще, когда разбойники в лесе. Еще балакают, — заговорил он еще тише, — что неспроста те разбойники. Смутное время грядет, и сердце Спящего опять останавливается, так-то. Потому разбойники и повылезли — не боятся скорого наказания. Некому их карать, кроме князьев...

— Вацька! — заорали басом — мальчишка вздрогнул, покосился на дверь в трактир:

— Пойду, хозяин кличет.

— Ты где шляешься?

— Гости к нам! Встречаю!

Из трактира высунулся щекастый румяный мужик с густой бородой и без усов, остановил взгляд на нашей повозке:

— Корми коней, сам встречу.

Мальчишка поволок ведро лошадям, а трактирщик устремил к нам свои необъятные телеса. На нем была несвежая бежевая рубаха, которую он подпоясывал ремнем, прячущимся под круглым животом, и широкие льняные шаровары. Передвигался он, как утка, вразвалочку — совсем с голоду распух, бедняга.

Окинув нас с Эдом оценивающим взглядом, он почесал лоб, вскинул бровь, размышляя, как себя с нами вести, расплылся в улыбке — у него не хватало двух нижних зубов.

— Чего изволят пэрры?

— Нам нужна лошадь и еда.

— Побольше еды, — проговорил Арлитто из телеги, высунулся, потер руки. — И побыстрее, я очень голоден.

— Лишних лошадей у меня нет, — начал он, но Эд вскинул руку, веля ему замолчать.

— Даю пять о. За такие деньги две купишь.

Трактирщик разинул рот, захлопнул его, кивнул:

— Найдем, хорошо. Идемте, извольте откусать!

Арлитто выскочил из кибитки и рванул в заведение, едва не сбив меня с ног. Эд распряг Огника, передал поводья подоспевшему Вацьке, и мы направились в трактир, замыкающий хозяин цыкнул зубом и пожурил нас:

— Мало бьете сына, наглый он, разговаривает невежливо.

— Это не сын, а маг, — сказала я — круглое лицо трактирщика вытянулось и побледнело. Правильно, бойся! И не вздумай нас обманывать.

В беденьком, но чистом темном зале пахло пряностями и жареным мясом. Арлитто уже сидел спиной к нам на лавке за одним из шести столов, сколоченных из досок и накрытых мешковиной, и тарабанил пальцами по спинке скамьи, к нему спешила подавальщица — пышная женщина в платье, как у меня, и чепце, из-под которого выбивались русые кудряшки.

Посетителей можно пересчитать по пальцам: справа от входа два угрюмых стражника в сером, тот, что сидел лицом к нам, рвал зубами фазанью ногу, жир и специи застряли в его вислых усах. С другой стороны и под окном — загорелое на солнце крестьянское семейство: заморенный лысый мужичок и два его плечистых, но тощих сына передавали друг другу баклагу с выпивкой. Закусывали они уткой, запеченной с яблоками. Между нами и стражниками Баррелио на лавке в углу комнаты спал одинокий старик в линялой черной мантии с капюшоном, подтянув к животу ноги в стоптанных кожаных... Они называют такую обувь ботинками, но больше она напоминает носки из грубой кожи.

— Есть хочу, — проговорил Арлитто и уставился на женщину с гастрономическим интересом.

— Есть похлебка с говядиной и грибами, говядина, тушенная в сметане с...

— Хочу, — кивнул Арлитто. — Две порции.

— Три, — улыбнулся Эд, сел рядом со мной лицом ко входу и обнял меня за плечи.

Женщина продолжила:

— Говядина, жаренная на огне...

— И ее хочу, — буркнул Арлитто, я тоже заказала себе порцию, маг продолжил: — Еще — фазана, запеченного с яблоками, отвара из шиповника, козьего сыра и лепешек... Штук пять. Нет, восемь.

— И мне сыра, — сказала я. — А еще — кипяченого коровьего молока.

— Баранина есть? — поинтересовался Эд и, когда подавальщица кивнула, продолжил: — Мне и моей жене — переднюю ногу молодого барашка на кости. Зелень, овощи и, пожалуй, все. Да! Корзины, чтобы забрать с собой в дорогу все, что не съедим.

Разносчица задумалась, покачала головой и сказала:

— Я все не запомнила. Говорите, кто что хотел, я буду называть цену.

Что самое удивительное, Арлитто все помнил и взял себе еще баранью ногу. Мы наели на два нома три о, их следовало отдать после того, как пищу принесут. Расплачиваться за все предстояло мне, потому что у Эда денег не было — все стражники забрали, когда его обыскивали.

Эд убрал руку с моего плеча и, делая отсутствующий вид, сжал под столом коленку, от каждого его прикосновения будто зарождался электрический разряд, умножался в низу живота и поднимался по позвоночнику теплой волной, и я превращалась в глину, послушную его пальцам.

Знал бы он, что со мной творится от его прикосновений! Ни о еде, ни об ордене Справедливости, ни даже о близком конце света — ни мысли. Одно желание — снять ночлежку, чтобы предаваться любви до самого утра, и гори все огнем!

— Если есть что готовое, сразу неси! — крикнул Арлитто в спину удаляющейся подавальщице, она на ходу кивнула и исчезла за дверью между стражниками и стариком. Возле хода в кухню в темноте еле угадывалась крутая лестница на второй этаж, в «апартаменты».

Через пять минут на столе выросла гора пышных душистых лепешек, присыпанных кунжутом, — Арлитто схватил одну и принялся жевать, не дожидаясь молока; целая миска огурцов и помидоров на крупных листьях салата и две тарелки белого сыра, нарезанного крупными кусками. Подождав, пока подавальщица отвернется, Арлитто проглотил два куска сыра, заел помидором, отгрыз огромный кусок лепешки, проглотил, не жуя. Перед нами сидел не человек, а утилизатор еды безразмерный, и как в него столько влезает?

Эд, жующий сыр, аж руку с коленки убрал, уставился на Арлитто, который ел, ел, ел... Нет, не ел — пожирал. Мы заметили трактирщика, только когда он кашлянул за нашими спинами, обернулись одновременно.

— Я это... Вы того, приятного аппетита! Но я коня привел. Хороший конь, хоть и не молодой...

Эд поднялся, погладил меня по спине:

— Пойду гляну.

Я кивнула, Арлитто, занятый набиванием утробы, не заметил, как Эд ушел. Толстый трактирщик, топавший вторым, закрывал его необъятными телесами, только затылок и был виден. Когда за ними закрылась дверь, я перевела взгляд на Арлитто, доедающего баранью ногу — он меня не замечал.

Звенела посуда, стражники ели так громко, что спящий странник вздрогнул и положил на ухо руку. Крестьяне покраснели от выпитого и подшучивали друг над другом. Один из сыновей, повернутый лицом к выходу, смотрел на меня так, будто хотел съесть.

Неприятный тип, желтоглазый, безгубый, со взглядом маньяка. Интересно, а распутницы тут работают или их побивают камнями?

Сделав злобное лицо, я зыркнула на парня и отвернулась, он обиделся и принялся стучать ложкой по столу. Они о чем-то шептались, и повисшее в воздухе напряжение мне не нравилось.

Только я подумала про путан, как с лестницы, ведущей наверх, в «номера», донесся женский хохот, спустилась расфуфыренная особа с алыми губами и жирными стрелками, подведенными углем. Декольте у нее было такое, что оттуда норовили выпрыгнуть обе груди. За ней, скрипя ступенями, шел сухонький мужичок с тараканьими усами, в кожаном жилете, штанах и белоснежной рубаше.

Мой воздыхатель потерял ко мне интерес и перестал стучать ложкой, усатый сморчок направился к выходу, путана — к крестьянам, защebetала, захихикала. Я поглядывала на дверь, ожидая, когда вернется Эд, — расставаться даже на минуту было мучительно, наше счастье и так не продлится долго. Может, после справедливого суда мы еще увидимся украдкой, но это будет очень не скоро. От правды стало грустно, и я заставила себя думать о сегодняшнем дне.

Дверь распахнулась резко и едва не ударила усатого — он отступил на шаг и раскрыл рот, замер, попятился, уперся в стол со стражниками. В трактир быстрым шагом вошли двое мужчин в неприметных одеждах, остановились на пороге и, повернув головы в нашу сторону, накрыли рукояти сабель ладонями, за их спинами замаячил третий гость. Они стояли против света, и я не сразу поняла, что их лица скрыты серыми платками.

Глава 15

Вплети меня в свое безумие

— По-моему, у нас неприятности, — проговорила я Арлито, наклоняясь над столом.

Он сидел спиной ко входу, потому не видел налетчиков, но прекратил жевать и округлил глаза. Лезть в сумку за ножом Амиля не было времени, и, улыбаясь, я подвинула к себе огромный кухонный тесак и прошептала:

— На счет «три» — под стол, и переворачиваем его. У одного из гостей — арбалет. Раз, два, три!

Мы одновременно сползли под стол, прижались друг к другу боками, перевернули его — грянул грохот, но было непонятно, это арбалетные болты бьют по доскам или падают на пол тарелки. Судя по визгу путаны, гости все-таки открыли стрельбу. Сейчас они должны перестрелять стражников в сером и, обнажив сабли, броситься к нам. Донеслись предсмертные вопли, кто кого пострелял, мы не видели.

— Разбегаемся в стороны, — сказал Арлито.

Странно, но страха не было — я мыслила четко и сообразила, что надо метнуться влево и мчаться вверх, на второй этаж, входную дверь наверняка охраняют еще двое-трое, и мимо них не просочиться. Сжав нож, кувыркнулась и чуть не натолкнулась на врага, преградившего мне путь к лестнице, он замахнулся саблей, но я поднырнула под вскинутую руку и вонзила нож ему в пах, вскочила, прикрываясь его дергающимся телом, поймала падающую саблю, отразила удар подоспевшего на помощь поделника.

В это время безоружный Арлито с бешеной скоростью метался вокруг мечника, пытающего его прирезать. Крестьяне сбились в кучу в углу трактира, один из братьев закрыл рот путаны ладонью. И вот Арлито сделал невозможное: вскочил на стол, подпрыгнул, выбросив вперед ногу, зацепился за шею врага, второй ногой взял ее в клещи, крутнулся всем корпусом, и нападавший рухнул на пол. Караулящий дверь преступник водил арбалетом из стороны в сторону и не решался стрелять, чтоб не ранить своих.

Стражники были мертвы — на их помощь рассчитывать не приходилось.

Мой противник присел, сделал ложный выпад, но я разгадала его и, одной рукой закрываясь покойником от арбалетчика, второй вскинула саблю, отражая удар. Мужчина был сильнее, к тому же левой рукой много не навоюешь, и понемногу я опускала саблю, обреченно глядя на лезвие, которое приближалось к моему горлу, и не видя, что происходит вокруг.

Потому, когда противник захрипел, я восприняла это как должное, пнула его и рванула вверх, приседая за перила — думала, что сейчас в игру вступит арбалетчик. Лишь наверху, оглядев поле боя, поняла, что случилось: пришел Эд, убил арбалетчика и метнул нож в спину моего противника, в два прыжка оказался рядом с ним — он еще хрипел, — занес саблю и одновременно стянул платок с лица...

— Не убивай его! — крикнул Арлито. — Он нужен живым!

Эд с занесенной саблей замер над поверженным врагом, похоже, он не слышал Арлито, потому что лезвие опустилось, и я зажмурилась. Осознание произошедшего сошло лавиной, накрыло, понесло. Ноги подкосились, и я села на пол, не в силах разжать руку и выбросить саблю. Мена колотило, как в лихорадке, стоило закрыть глаза, и я в красках видела, как подныриваю под вскинутую руку и вонзаю нож, отлично понимая, что этот удар — смертельный.

Только что, Оля, ты стала убийцей. Мир расплывался перед глазами, и я не видела, что происходит внизу — там двигались расплывчатые силуэты, медленно тянулись искаженные восприятием голоса.

Потом кто-то тряс за плечо и пытался разжать пальцы, судорожно вцепившиеся в перила. Кто-то родной, большой, сильный и добрый. Эд. Мой Эд пришел, чтобы все

исправить! Всхлипнув, я отпустила перила, потянулась к нему и сообразила, что во второй руке сабля. Бросила ее, обхватила Эда и расплакалась.

Сознание отгородилось от реальности, и некоторое время я не понимала, что происходит, не узнавала снующих вокруг людей. Мне было достаточно, что рядом Эд.

Реальность будто состояла из гигантских пикселей, которые включались один за другим. Вот я сижу на кровати, обмотанная одеялом, моя рука в руке Эда. Вот деревянный потолок. Квадрат окна. Запертая дверь. Мы в ночлежке, что ли? Арлитто меряет шагами комнату.

— Почему ты зарезал его? — проговорил маг, и я будто очнулась, посмотрела на него.

— Он мог ее убить, — ответил Эд.

— Нет, он уже никому не угрожал и был нужен для допроса. Ты можешь с уверенностью сказать, кто его нанял?

— Ра... Ратон, — пролепетала я.

Зуб на зуб не попадал, было холодно. Эд притянул меня к себе и сунул в руки чашку с горячим отваром шиповника.

— Пей, станет легче.

— Я его... ножом.

— Ты все сделала правильно, — поддержал меня Арлитто. — Убивать больно. Не думай об этом, просто не думай.

— Не м-м-могу. Ратон... и здесь!

— Похоже, что ты права. — Арлитто потер подбородок, глянул на Эда. — А ты? Ты вернул долг — спас ей жизнь. Что дальше?

Эд прижал меня к себе сильнее — чуть чай не расплескала.

— Я обещал проводить ее до самой обители.

— Зачем это тебе?

Ответил Эд с минутным промедлением:

— Потому что я люблю ее.

Арлитто вскинул руки, схватился за голову:

— Любит он! А дальше что? Ну ладно она, девчонка, но ты-то! У тебя жена и четверо детей!

— Хватит! — крикнула я и швырнула деревянную чашку об стену. — Арлитто, не лезь не в свое дело! Без тебя тошно.

Арлитто вдохнул-выдохнул, завел руки за спину и покосился с осуждением. И чего он так обо мне печется? Этот старец в теле подростка собрался меня удочерить? Я обняла Эда и спрятала лицо у него в рубашке, он погладил меня по голове, поцеловал в макушку и прошептал:

— Маленькая, нам нужно уезжать, тут оставаться опасно.

— Давай убежим, — пролепетала я, вставая; закружилась голова, и пришлось вцепиться в его руку. — Построим дом и будем жить... где-нибудь в лесу. Я буду жить, а ты — приходить, когда сможешь. Хотя бы иногда.

— Глупенькая моя девочка, — улыбнулся он. — Я уже не смогу без тебя, что-нибудь придумаю, и мы будем вместе.

По лестнице я спускалась второй, держа его за плечи. Внизу трактирщик вытаскивал на улицу тела, посетителей и след простыл. Я зажмурилась и открыла глаза уже возле повозки, покосилась на толстуху-подавальщицу, охаживающую хворостиной воющего мальчишку, который нас встречал. Он закрывался рукой, из разбитого носа текла кровь.

— Прекратите! — крикнула я, но Арлитто приложил палец к губам.

— Это он навел убийц и получает по заслугам.

Но я не слушала его, подбежала к подавальщице, положила руку ей на плечо — она замахнулась хворостиной и на меня, но удалось перехватить ее запястье.

— Ты блаженная? Тебя чуть не убили из-за него! — прошипела толстуха.

— Значит, мне и решать, что с ним делать дальше.

Пока мы пререкались, мальчишка с диким воем рванул в лес, но его настиг Эд, схватил за шкуру, прижал к земле.

— Простите, справедливые пэрры, — верещал пацаненок. — Клянусь Спящим, я не знал, что они разбойники!

Эд рывком поставил его на ноги — Вацька втянул голову в плечи, хлопнул разбитым носом и устоял на носки своих лаптей. К нему подошел Арлитто, он был лишь немного выше и смотрелся как его ровесник. Поднял голову мальчишки за подбородок, впился в него взглядом:

— Ты знаешь, кто я?

Вацька помотал головой, замер, будто лягушонок под взглядом удава.

— Я маг из ордена Справедливости и могу прямо сейчас превратить тебя в крысу.

Глаза мальчишки округлились, он побледнел и затрясся. Получать побои для него было не впервой, а вот стать крысой он боялся.

— Все скажу, простите! Я старший сын у мамки, братьев кормить нечем...

— Что сказали эти люди? Сколько заплатили?

— Три о. — Вацька икнул. — Они сказали, что ищут молодую темноволосую тетку, которая убила мужа. Просили доложить, когда похожая появится.

— Их было больше или это все?

— Вроде больше не было.

— Ну, дурааак, — качал головой трактирщик, отвязывающий белого коня с черной гривой. — Убью олуха!

Я положила руки на плечи Арлитто, отодвинула его и сказала мальчишке:

— Беги домой. Э... Ледаар,пусти его.

— Уверена? Может, хоть уши надрать? Руки так и тянутся.

— Нет, хватит. Пусть идет.

Эд напоследок придал мальчишке ускорение, пнув под зад, — он рванул прочь, белобрысая макушка замелькала над крапивой. Трактирщик сделал стойку на мальчишку, но не стал его преследовать — нас побоялся. Вздохнул и пожаловался:

— Кто мне теперь возместит расходы? Что мне сказать стражникам княжеским? Ихние двое, вон, лежат с дырками в голове! — он протянул Эду поводья белого жеребца. — Берите, все равно он тех, разбойников.

Арлитто вскинул бровь:

— Не знаешь, кто они такие?

— Не спрашивал. Из разговоров понял, что какой-то торговец нанял их, чтоб груз охраняли.

— Сколько их было изначально?

— Вроде столько же. Ну, может, и больше, но остальных я не видел.

Эд закончил с повозкой и посоветовал:

— Скажи, что это разбойники были, напали на нас, чтобы ограбить. Мы — торговцы, распродались, домой едем, в Анарис. Ждать стражников времени нет, очень спешим. И прибежаться не надо, ты ж продашь разбойничьих коней, все сторицей окупится.

Трактирщик кивнул, вытянул шею, пытаясь рассмотреть Вацьку в траве, покачал головой и зашагал ко входу в трактир, куда сложил трупы.

Эд запрыгнул на козлы и прошептал, подождав, пока трактирщик исчезнет из виду:

— Вианта, тебе лучше спрятаться, потому что ищут тебя, а не меня. На козлах мы будем чередоваться с Арлитом. Надеюсь, что никто из наемников не выжил и не вызовет подкрепление.

— Странно, в деревне лесорубов я ясно слышала, что люди Ратона ищут тебя, мой новоиспеченный муж считает, что я сбежала на острова с принцем Элио.

— Хм... Интересно, почему он так считает? — проговорил Эд с издевкой, я вспыхнула, но отвечать не стала, поведение убийц казалось мне странным, как будто те, в деревне, и эти выполняли разные задачи.

— И все-таки, почему они вдруг преследуют меня? С чего вдруг поняли, что я не на островах?

— Видимо, Ратон побеседовал с принцем Элио и выяснил для себя, что хотел, — предположил Эд.

Я залезла в повозку, улеглась на перину, достала из-под лавки арбалет, второй отдала Арлитом, который сел рядом. Меня все еще трясло, но способность мыслить вернулась, и я спросила:

— Почему бы нам не обратиться за помощью к Баррелио?

Маг хмыкнул и ответил:

— Потому что отчасти благодаря Ратону Баррелио не только не лишили титула, но и его простолюдинка стала высокородной. А знаешь, кто был больше всех против? Орден, а значит, и город Дааль.

— Ясно, — вздохнула я, отогнула полог и оперлась о борт, чтобы быть поближе к Эду. — А я надеялась, здесь мы будем в безопасности.

— Только в Даале, — ответил Арлитом.

Солнце стояло в зените, ласточки сновали высоко, но было душно, как перед дождем. Огник бежал рядом с телегой, то пропадая из виду, то появляясь впереди. Животина явно радовалась своей свободе. Эду ступенька-козлы была мала, и он растопырил колени в стороны. Так и хотелось расплести его светло-русую косу до лопаток, растрепать волосы, накрыться ими и отгородиться от мира. Я еще немного высунулась из кибитки, притулилась головой к боку Эда и закрыла глаза. Его близость унимала дрожь и тревожные мысли, будто бы и не было недавнего нападения. Он обхватил меня так, что подбородок уперся в сгиб его локтя, и я не удержалась, поцеловала его предплечье и прошептала:

— Спасибо, что ты сейчас со мной.

Он наклонился и шепнул:

— Я уже не могу по-другому.

Так мы и ехали. Повозка тряслась, а я лежала, наполовину высунувшись из нее и уткнувшись носом в руку Эда. Когда он устал держать ее согнутой, пришлось лечь щекой на его ладонь. Я просто изучала линии, и в голове рождался стих:

«Контраст ущелий и холмов, / пересечения рваных линий, / из полусонных облаков / взгляд горизонта синий-синий. / Хочу еще хотя бы раз / попасть в твой мир потусторонний, / чтоб точно так же, как сейчас, / читать узор твоей ладони».

Не удержавшись, я легонько укусила большой палец и принялась целовать холмики ладони, щекотать языком ложбинки между пальцами. Ощущения Эда передавались мне, и каждое прикосновение отзывалось в собственном теле, словно это он меня ласкает.

Поначалу я ставила целью подразнить Эда, а в итоге сама себя раззадорила. Остатками здравого смысла ухватила за это состояние, потому что оно оживляло меня, заставляло забыть о произошедшем.

— Хватит, — прохрипел Эд и убрал руку, помолчал немного и добавил: — Надо немного потерпеть. Чуть позже.

— Кажется, я начала понимать кошек, которые кричат весной, — сказала я и юркнула в повозку, где Арлитто поедал лепешку с сыром.

Отвернувшись от него, я согнула ноги в коленях и закрыла глаза. Недосып взял свое, и я провалилась в сон, успев напоследок подумать, что не всегда жалуются на бессонные ночи, иногда ими хвастаются.

Проснувшись от того, что рядом кто-то был, и не просто был, а обнимал меня, прижимался сзади, дышал в ухо, сильные руки гуляли по моим бокам. Когда они добрались до двух холмиков груди и чуть стиснули их, сквозь ткань нащупав налившиеся розовые виноградины, пришлось закусывать губу, чтоб ненароком не издать неприличный звук.

— Как же я хочу тебя, — прошептал Эд в самое ухо, убрал волосы и укусил меня за шею. — Что ты со мной сделала? — Он прижался ко мне сзади, позволяя ощутить, что уже готов к подвигам.

— Мне нравится результат, — промурлыкала я, повернулась к нему лицом, потерлась щекой о щетину и собралась отстраниться, потому что совсем рядом, за тканевым пологом, на козлах сидел Арлитто, и его присутствие меня смущало, но Эд положил руку на мой затылок, притянул к себе и попытался поцеловать, я отвернулась, и его губы скользнули по щеке. — Тише, не здесь, он...

Не слушая меня, Эд наклонил мою голову, припал к шее, чуть прикусил кожу и принялся гладить это место языком, надавливать, прикасаться губами. Я вздрогнула, задохнулась в его объятиях и поплыла, но для приличия чужим голосом сказала:

— ...услышит, я не...

Эд закрыл мой рот поцелуем, надавил на сомкнутые губы языком, я впустила его, встретила своим, и они сплелись в танце страсти. Интересно, получится ли продержаться хотя бы пять минут? Я уперлась в его грудь ладонями, но он продолжал меня целовать, одной рукой прижимая к себе, а второй поднимая подол платья и сорочку. Если дальше изображать недотрогу, Эд может принять игру за чистую монету, а мне безумно хотелось, чтобы он продолжал, и я пала под натиском его руки, развела сомкнутые бедра и, закусив губу, чтоб не застонать, приняла его. Всхлипнув, укусила перину, зажмурилась и сумела не закричать, когда по телу прокатились волны судорог. Чувство было настолько мощным, что я не сразу поняла, что мы опять получили удовольствие одновременно.

Потом мы лежали, обнявшись, и гладили друг друга — просто чтобы прикасаться, обволакивать заботой, впитывать тепло. До сих пор не могу поверить, что все это — не сон, я молода и буду жить долго, любимый мужчина ответил мне взаимностью, вот он — теплый, настоящий. Мой палец касается его губ, скользит по шее, попадает в ямку между ключицами, медленно движется по безволосой груди, повторяет очертания кубиков пресса, рисует знак бесконечности на твердом плоском животе, ныряет в ямку

пупка...

Эд хватает мою руку, подносит к губам.

Будь моя воля, ни на минуту его не отпускала бы! Но реальность диктует свои условия, к тому же с нами Арлитто, потому мы не стали продолжать любовные игры, немного полежали, обнявшись, а потом мага на козлах сменил Эд. Мне надоело валяться, и я уселась на лавку напротив жующего Арлитто. Он смотрел на меня так, будто не понимал, чем мы тут занимались с Эдом. Или он и правда не понял?

Насытившись, он проговорил шепотом:

— Вианта, я понимаю, можно увлечься Ларсо Элио, у него манеры светского льва, он красив. Но Фредерик... Почему именно он? Ведет себя, как простолюдин, прост и предсказуем. — Маг тряхнул головой. — Девяносто лет живу — не понимаю твоих поступков. Объясни.

— Потому что он — настоящий, — улыбнулась я, намотала на палец волос Эда, который секунду назад лежал на перине. — В нем нет притворства, с ним тепло и надежно, и я... люблю его как никого другого. Да, знаю, у него жена, но ведь ее здесь нет, зато есть счастье, пусть и недолговечное. — Я вздохнула, потупилась, потом вскинула голову: — Давай больше не будем об этом? Это сильнее меня. Больно думать о будущем, пусть мне хоть немного будет хорошо.

— Мне за тебя тревожно, — честно сказал Арлитто. — Ты можешь не справиться...

— Могу, — кивнула я. — Но у меня есть три дня. Потом Ледаар поедет домой, а я останусь в ордене, и мне будет чем заняться, чтобы не сойти с ума от тоски.

Арлитто посмотрел с долей скепсиса, но промолчал. Наверное, я повела себя странно, но не удержалась, села рядом с магом, обняла его и сказала:

— Спасибо тебе огромное за то, что заботишься и помогаешь!

Не успел он опомниться, как я отодвинулась и принялась теребить веревку, заменяющую пояс. Чувства переполняли меня, переливались через край, и хотелось одарить всех своим счастьем.

Потом мы остановились, чтоб конь поел и отдохнул, затем опять поехали, и к вечеру казалось, что я буду дрожать и дребезжать, даже когда ступлю на землю.

Заночевать решили в лесу, нашли подходящую опушку вдали от дороги, пока Эд разводил костер, Арлитто жевал, а я расстилала ветошь возле кострища, чтобы сымитировать стол и было уютнее. Собрав достаточно хвороста, Эд обнял меня и уселся рядом, Арлитто прикончил жареное мясо, не разогревая его, потянулся и зевнул:

— Пойду-ка я посплю, чтоб завтра быть во всеоружии.

— Спокойной ночи, Арлитто! И еще раз — спасибо.

Когда он ушел, я почувствовала себя свободнее, легла на ветошь, уставилась в небо, где начали зажигаться звезды. Эд лег рядом на бок, сорвал травинку и принялся водить ею по моим губам. Странно, но страсть трансформировалась в неопишемую нежность, я сдула стебелек, перевела взгляд на лицо Эда, где плясали огненные блики. Хотелось не только осязать, но и смотреть, слушать, говорить, говорить, говорить.

— Какие мы счастливые. — Я зажмурилась и потянулась. — И ведь каждый так — говорит, что его любовь одна на много тысяч, она особенная, самая-самая. Как думаешь, он прав?

Эд молча пожал плечами и всунул травинку мне за ухо, я продолжила:

— Все, влюбляясь, чувствуют одно и то же, и одновременно — разное. Мы сейчас смотрим на небо, но я не могу видеть его, как ты. И любовь так же — каждая особенная. Как человек. Как целый мир. Когда умирает любовь, где-то гаснет звездочка.

Я протянула руку и погладила плечо Эда, он перехватил ее, поднес к губам:

— Ты — мечтатель, мне очень тревожно за тебя.

Сел, согнулся, закатал рукав и принялся развязывать свой браслет, сплетенный из множества разно-цветных ремешков. Закончив, повязал его вокруг моего запястья.

— Пока мне нечего тебе подарить, не отказывайся от самого дорогого, что есть. Этот оберег принадлежал еще моей бабке, он очень мощный и не раз спасал мне жизнь.

— Спасибо. — Я улыбнулась, поднесла руку к глазам, чтоб лучше видеть браслет: напоминает фенечки, какие мы плели в школе и дарили тем, кого считали друзьями. — Слушай... А вот представь, что я — крестьянка, бедная, несчастная...

— Глупость сказала. Если бедная крестьянка, значит, счастливая в чем-то другом. В любви и детях так точно.

Точно! Тут же справедливый мир, счастья и горя — всем поровну. Если в начале жизни человек страдает, то потом ему воздается.

— А вот мне интересно, — не сдержалась я. — Если человек совершил злодейство, уверенный, что он прав? Что ему будет? Настигнет расплата?

Эд вскинул брови и наморщил лоб.

— Хммм... Такие вопросы обычно дети задают. Я не Спящий, и мне ответить сложно.

— Счастье нужно заработать, — сказала я. — Выстрадать. Если не знаешь горя, не сможешь оценить счастья. Говорят, что я была злобным и глубоко несчастным человеком, и знаешь, эти дни с тобой, наверное, стоят тех слез. «Наверное» — потому что не помню своих страданий.

Он опять сорвал стебелек, провел им по моему лбу, носу, губам, было приятно и щекотно — я закрыла глаза, улыбнулась. Эд погладил меня по щеке, надавил на губы, его пальцы скользнули по шее, груди, бокам... Незаметно потянули за пояс, я улыбнулась еще шире, но не стала открывать глаз. Вопреки ожиданиям, он сначала расплел мои косы и только потом снял верхнее платье, сорочку, и я осталась перед ним нагая, посеребренная лунным светом.

— Ты — совершенство, — выдохнул он, ужалил в пупок и сразу же отстранился, припал к губам.

Необузданная страсть поутихла, мы любили друг друга неторопливо, нежно, стараясь запомнить и впитать каждое прикосновение. Больше всего грела мысль, что Эд не бросил меня, хотя его обязательства передо мной закончились.

Счастливые и опустошенные, мы обнялись, я замерла, прижавшись ухом к груди Эда. Шелестели листья, колышимые серебряным ветром, в траве наперебой стрекотали кузнечики, вдалеке протяжно, на одной ноте стенала ночная птица, но все звуки заглушал стук сердца любимого человека: тук-тук, тук-тук... Тик-так, тик-так — отсчитывает время метроном, мир теплый и безопасный, как материнская утроба, и минуты не вытекают из нас — бегут по кругу.

Эд проснулся первым, сквозь сон, не открывая глаз, с его помощью я надела оба платья, и он отнес меня в кибитку, где мы снова провалились в сон.

Видимо, еще не рассвело, потому что в кибитке было темно, но ни Эда, ни Арлиты под боком не обнаружилось. На коленях я подошла к выходу, собралась отогнуть полог, но услышала голос Эда:

— Понимаешь, для меня это уже не важно. Если думаешь, что я жонглирую словами, то ты ошибаешься. Я правда ради нее готов жизнь отдать.

Улыбаясь, я глянула в щель между пологом и основной частью кибитки: Эд что-то жарил над костром, сидя на корточках, Арлиты стоял ко мне спиной, заведя руки за спину. Небо затянуло серое покрывало туч.

— Еще как понимаю, — сказал маг после недолгих размышлений. — Я прожил почти девяносто лет и кое-чему научился. Сейчас ты можешь мне не поверить, но я знаю, что прав. Все, что делает человек, рано или поздно превращается в пыль. Чувства погибают быстрее всего, ведь им даже пылью не стать. Сейчас ты чувствуешь, что любишь ее, и искренен в своих порывах, но уверен ли, что через месяц или год ничего не изменится?

Несколько дней назад я то же самое говорила Ларсо, когда он предлагал мне убежать на острова, теперь же готова была отречься от своих слов, хотя в глубине души понимала: они — правда.

— Ты вернешься домой, обнимешь детей и передумаешь, а мне ее потом выхаживать...

Спасибо, Арлито, за заботу, но все равно — зачем так делать? Зачем портить сказку? Я не претендую на Эда, я претендую на сказку! Потому пришлось громко чихать, шумно копошиться и покидать кибитку. Мужчины, естественно, замолчали. Презрительная ухмылка сошла с лица Эда, теперь он улыбался открыто и искренне.

— Славное утро, моя радость! Иди сюда.

— И вам — славное. С большим удовольствием я умылась бы. Кто-нибудь видел поблизости ручей?

— Идем, покажу.

Эд направился ко мне, Арлито посмотрел на него с такой тоской, что мне сделалось не по себе. Что это с ним? Спрашивать я, конечно же, не стала, взяла Эда под руку.

Родник вытекал из-под кряжистого дуба с натруженными, узловатыми ветвями.

— Как в сказке, — проговорила я, глядя на свое отражение в кристально чистой воде, присела, зачерпнула ее горстями, напилась, потом умылась. Обернувшись, не обнаружила Эда поблизости и разделась.

Когда я закончила и уже облачилась в одежду, Эд подошел ко мне с видом заговорщика, разжал кулак: пока я мылась, он собрал для меня землянику и теперь самозабвенно по одной скармливал мне ягоды, находя в процессе только ему понятную эстетику. Вскоре мы поменялись ролями, теперь я его кормила. Когда ягоды закончились, сказала:

— Пара дней прошло, а уже с руки ест!

Эд вскинул бровь, хищно облизнулся:

— Что? А ну, иди сюда!

Мотнув головой, я зашагала прочь, он настиг меня в два прыжка, подхватил, перекинул через плечо — мир перевернулся с ног на голову — и понес к кибитке:

— Теперь ты будешь есть только с руки и никак иначе, я тебя похищаю.

— Согласна! — крикнула я. — Только спасибо тебе скажу.

Увидев нас, Арлито грустно улыбнулся и проворчал:

— Хватит дурачиться! Как дети малые! Сегодня нам надо проехать город Рейлле. Вианта, или тебе уже не нужно в орден Справедливости?

Эд поставил меня на ноги — я покачнулась и проговорила:

— Вот теперь верю, что тебе девяносто лет, все бурчишь, бурчишь. Мы едем дальше, как будто у нас есть выбор.

Выбор у меня, конечно же, был: пойти за Эдом, поселиться в какой-нибудь избе, где он будет меня навещать, и я нарожаю ему дюжину бастардов. Но зачем жертвовать всем, когда можно вернуть свое княжество, а потом помириться с Единством Трех, где Фредерики во главе? Тогда я буду с Эдом на равных. Что поделать, нам придется встречаться тайно, как Дарьелю и Саяни... При мысли о ней защемило сердце. Все-таки я успела к ней привязаться и с ее смертью будто бы осиротела: она заменила мне мать,

которая напоминала о себе только на Новый год и мой день рождения.

Пока мы с Эдом завтракали, Арлитто наставлял нас. Забавно, но старец в теле мальчишки умел быть убедительным.

— Вокруг этого города — непроходимая топь и леса, все дороги сходятся в Рейлле, его никак не объехать даже летом. Потому надо быть осторожными. Вианта, ты сидишь в повозке и не высываешься, мы с Ледааром пополняем запасы еды, слушаем, о чем люди говорят, и пытаемся понять, стоит ли ждать врагов.

Эд сел у прогоревшего костра и принялся вертеть в руках нож — из тех, что мы забрали у стражников, парализованных Арлитто. Подумав немного, он засыпал кострище землей и отправился запрягать коня в телегу. Огник, пасшийся в стороне, поднял голову, понял, что его свободе ничего не угрожает, и продолжил щипать траву, обмахиваясь хвостом.

— Ледаар, как думаешь, тебя могут узнать в Рейлле? — спросил Арлитто.

— Я там бывал проездом два раза, так что вряд ли, — ответил Эд, проверяя, плотно ли прилегает хомут. — Но там могут быть люди, которые знали меня раньше.

— То же я могу сказать про себя. — Арлитто залез в повозку и помог мне. — Придется опять колдовать. — Он вздохнул, сцепил руки в замок, меж его бровей залегла глубокая складка.

Пока он трудился, я объяснила Эду, как себя вести, когда работает заклинание, он кивнул, повязал на голову кожаный ремешок, растрепал волосы, сел на козлы. Одной рукой он держал поводья, второй достал из кармана флейту и принялся играть.

Закончив колдовать, Арлитто уселся рядом с Эдом и начал орать песни противным подростковым голосом, одна я, не знающая слов, осталась не у дел, но меня это не расстраивало, напротив, веселило, потому что мое безумие оказалось заразным, и девяностолетний маг, и уважаемый князь раскрепостились.

Жаль, роялей в этом мире не придумали. Если все получится, как я хочу, попытаюсь создать рояль. Слышишь, Незванный? Я научу их делать не порох и ружья, а рояли и скрипки!

Или мне показалось, или я услышала смешок.

Глава 16

Счастье с привкусом разлуки

Около часа мы тряслись на узкой, изрытой ухабами грунтовке, и я мысленно молилась, чтобы не начался ливень, тогда мы попросту увязнем. Моя алогичная часть, напротив, молила небеса пролиться дождем, ведь тогда мы остановимся, и я украду у судьбы еще пару дней счастья, а если повезет, то целую неделю.

Как говорил слепой пророк: «Долгий, долгий путь, радость и боль».

Вскоре наша дорога влилась в настоящее средневековое шоссе, где запросто могли разъехаться три телеги. Пока Арлитто и Эд веселились и наслаждались панорамным обзором, я наблюдала за происходящим в щель полога. Лес уступил место пахотным землям, чередующимся с болотами, где то тут, то там торчали покосившиеся стволы деревьев — черные, будто обгорелые, изредка попадались словно сбившиеся в стаи напуганные осины.

Нас обогнали два всадника в кожаном коричневом одеянии и даже не обернулись. Мы поравнялись с открытой повозкой, запряженной мулом. Управлял телегой крестьянин с голым торсом, в широкополой матерчатой шляпе. На мешках тряслись трое его босоногих детишек: девочка лет тринадцати и два мальчишки помладше. Погонщик даже не посмотрел на нас, когда мы пошли на обгон, зато младший сын с чумазой мордахой, засев за мешками, показал Эду язык.

Когда повозка въехала на верх каменного моста, перекинувшегося через реку коромыслом, взору открылся город. Издали он напоминал деревянный ящик, сбитый из тончайших досок, окруженный частоколом и глубоким рвом.

Ненадолго мы съехали с дороги, чтобы Эд примотал лодыжку к бедру, превратившись в инвалида. Я заплела две косы, заколола их на голове, чтоб получился венок, как у статуи Свободы.

Ворота, перекинутые через высохший ров, представляли собой часть забора на цепях. Мы прогрозотали по доскам, Эд рассчитался со стражниками, рассказал нашу с Арлитто историю про несправедливо наказанного отца, те посочувствовали и взяли половину положенного. Краснощекий смешливый стражник с носом, похожим на термометр, откинул полог, скользнул по мне взглядом, бегло осмотрел повозку, подергал парусную ткань.

— Да, хорошая карета, удобная. Ночевать можно. Богато люди на севере живут, у барона проклятого.

— Ты не завидуй, — проговорил Эд, кивнув на ногу. — Видишь — отморозил.

Стражник цыкнул зубом и махнул рукой — проезжай, мол.

Издали да при плохой обзорности я не видела деталей, теперь же стало ясно, что Рейлле — город на сваях. Ни в кино, ни на картинках я такого не встречала: все дома стояли на вбитых в землю сосновых стволах, почерневших и поросших мхом. Чтобы увидеть первый и второй этажи, приходилось задирать голову.

— Когда тает снег, вода здесь сильно поднимается, иногда заполняет ров, просачивается в город, и тогда местные передвигаются на лодках и плотах, — объяснил Эд.

— Как же тогда проезжать дальше? — поинтересовалась я, не высовываясь из телеги.

— Никак, — сказал Арлитто. — Помню, лет шестьдесят назад весной дожди лили целый месяц, многие жители Рейлле умерли от голода — никто не мог к ним добраться и привезти еду. Тогда меня отправили служить князьям Эльрихам, и пришлось два месяца ждать, пока дорога высохнет, потому что другой путь на тысячи пархов южнее.

Горожане попредприимчивее на нулевых этажах, под сваями, сколотили сарайчики-харчевни. Хозяева победнее просто огородили свою территорию, где на канатах болтались плоты и лодки, сушилась рыба, травы и грибы. Над нашими головами, будто

огромная паутина, переплелись лестницы.

К сожалению, в центр города мы не попали, остановились вблизи базарной площади, где торговцы, разложившие товар на земле, зазывали покупателей, силясь перекрычать соседей. Гвалт стоял, как на птичьем базаре. На другом конце площади виднелись деревянные лавки с одеждой, посудой, винами.

Эд бросил монетку «парковщику» — рыжему веснушчатому мальчишке, — он распряг коня, повел к привязи, где ждало корыто с кормом. Телега осталась рядом с другими повозками — крытыми и обычными, пустыми и груженными мешками с мукой, бочками, соломой.

Телега встала чуть под углом к другим повозкам, и если сесть вперед и немного выглянуть, не отгибая полога, то открывался вид на бедные дома, которые мы только что проехали, широкую улицу, выстланную досками.

С другой стороны — кусок рынка. Высушенная солнцем крестьянка, продающая мед. Молочница. Старушка со сладостями, на которые облизываются два мальчишки, соорудившие на доске беговые дорожки для таракана.

К торговке вяленым мясом подошли два человека в серых дорожных плащах. Один сел на корточки, пробуя протянутые женщиной кусочки, второй стоял, вертя головой, будто кого-то опасался. Занервничал, дернул напарника за плащ, тот вытянул шею, напрягся, положил руку на эфес короткой сабли в кожаных ножнах, выглянувшей из-под плаща. Уж не по мою ли они душу?

Сунув торговке монету, серый схватил обернутое мешковиной мясо, и они спешно зашагали прочь, не оглядываясь. Я пересела, чтобы лучше видеть, что происходит, но пока не заметила ничего, что могло бы напугать этих двоих. Ага, теперь понятно: в поле зрения появились валяжные, неторопливые стражники.

Так-так-так. Если эти, в плащах, избегают стражников, значит, Баррелио и Ратон не заодно? Или просто Ратон решил не вводить Баррелио в курс дела — все-таки он замыслил убийство княгини, к тому же богорожденной. Насколько я поняла, богорожденных трогать нельзя, верят, что на них, то есть на мне, мир держится.

Или у меня паранойя, и двое в плащах — разбойники и аферисты? Насколько я заметила, у меня в княжестве и на севере короткие сабли не распространены, это скорее оружие южан, а они на меня не в обиде, скорее наоборот. Нужно будет у Эда спросить, почему у налетчиков нехарактерное оружие...

Иголкой в сердце кольнуло дурное предчувствие, я попыталась его вычленить и осмыслить, но оно только усилилось, я ощутила себя одиноким странником на распутье. Куда ни пойдешь — что-то потеряешь. Холодно, с горных вершин тянет морозом, ветер треплет лохмотья, пробирает до костей. Когда уже вернется Эд, прижмет к груди, согреет, заполнит пустоту?

К раздолбанной телеге с мешками, которая стояла рядом с моей, подошел кудрявый чернобородый крепыш, похожий на цыгана, достал сверток, спрятанный между мешками, вынул присыпанный мукой ковер, расстелил его, уселся. Сразу же набежали такие же черноволосые дети — два мальчика постарше и девочки пяти-семи лет, — принялись носиться вокруг отца, хлопать в ладоши. Он ударил по коврику кулаком, рывкнул на них — ребятня притихла, расселась и жадно уставилась на сверток, закрыв его спинами. Младшая девочка в платице, похожем на длинную рубаху, на цыпочках подошла к отцу, обняла его сзади, зажмурилась и пропищала:

— Папочка, родненький, как же я тебя люблю!

Морщины на лице мужчины разгладились, глаза посветлели, он посадил девочку рядом с собой и поцеловал в лоб, но просидела она недолго, перегнулась через его вытянутую ногу и, висая вниз головой, принялась поедать кусок лепешки с чем-то и зеленью.

Представился Эд. Вот он распахивает дверь в свое родовое гнездо, и гомонящие дети стихают, несутся к нему, виснут на нем. Старшая дочь, уже девушка, — золотоволосая фея с такими же глазами-сапфирами — стесняется, стоит в стороне, ждет, пока мелюзга

выплеснет чувства, потом подходит, становится на цыпочки и целует его в щеку, и морщинки на его лбу разглаживаются, он светлеет и молодеет.

Имею ли я право предъявлять на него права? Будет ли он счастлив со мной и скажет ли со временем спасибо?

Нет-нет, любовь — не война, в ней цель никогда не оправдывает средства, потому горе захватчикам: завоеванное не удержать силой и хитростью. Даже если жители города, мучимые голодом или скукой, откроют перед тобой ворота — не радуйся, потому что они могут раскаться, когда насытятся.

Задумавшись, я не заметила подоспевшего Арлито. Он запрыгнул в повозку, приблизился ко мне и прошептал в ухо:

— Тут каждая собака знает, что тебя ищут. Но никто не собирается тебя убивать, напротив, стражники сказали, что велено княгиню защитить, убедить, что никто не желает ей зла и доставить во владения князя Баррелио.

Я усмехнулась:

— Конечно, не будут же они убивать меня у всех на глазах. Кстати, скажи-ка, мой друг, кто и где использует короткие сабли? Ну, с которыми на нас напали. Есть ли они на вооружении армии Ратона или моей?

Арлито покосился с недоверием:

— Не знаю. Сейчас Фредерик коня отвяжет, у него и спроси, обычно его люди используют такое оружие. Но Ратон, насколько я знаю, тоже пытался пару отрядов вооружить так же — арбалетами и короткими саблями.

— Намекаешь, что это люди Ледаара? — Я задумалась, помотала головой. — Нет, он ведь спас нас в таверне, помнишь? Зачем, по-твоему?

— Узнал тебя поближе и передумал.

— И не велел своим людям прекратить за нами гоняться? Нет, он тут ни при чем.

— И пленника он тоже случайно убил?

Вот же прицепился!

— Он был вне себя, как когда перед тобой только цель, и ты ничего вокруг не замечаешь. Почему ты наговариваешь на него?

Арлито криво усмехнулся:

— Ты слепа и глуха, вот я и пытаюсь слушать и смотреть за двоих.

И как на него злиться?

— Вот окаянные, — донесся голос Эда. — Хоть бы помогли калеке! Сам, все сам.

Арлито вылез из кибитки, помог одноногому Эду запрячь коня, и мы покатали прочь из города. Когда Рейлле скрылся из виду, я вылезла на козлы, презрев опасность, и сказала, неотрывно глядя на Эда:

— На базаре я видела двух мужчин в дорожных плащах, у них были короткие сабли...

Ни мускул не дрогнул на лице Эда, он все так же смотрел на широкую дорогу, потом перевел взгляд на меня:

— Это могут быть просто люди.

— Они боялись попадаться на глаза стражникам.

— Значит, они когда-то набедокурили, — предположил он. — Но даже если это наши враги, вряд ли они нас заметили, ты ведь не покидала повозку?

— Конечно, нет.

— Вот и хорошо. Самое опасное место, где могла быть засада, мы преодолели и еще выяснили, что наемники не заодно со стражниками Баррелио, так что можно самую малость расслабиться.

Эд повернул голову, свободной рукой притянул меня к себе, поцеловал.

— Девушка, разве правильно любить калеку? — Он кивнул на свою ногу.

— Правильно. — Я спрятала лицо в складках его рубашки. — Иногда мне кажется, что я знаю тебя всю жизнь, даже дольше, и если мы родимся не людьми, а какими-то другими существами, то нас снова потянет друг к другу.

— У меня такое же чувство.

Или мне почудилось, или в его голосе проскользнула обреченность.

Дождь все-таки услышал мои молитвы и хлынул после обеда. Колеса повозки увязали в раздолбанных колеях, и пришлось остановиться на более-менее подходящем пригорке. С одной стороны, хорошо, ведь я подольше побуду с Эдом, с другой — это невыносимо, потому что некуда девать Арлитто, не выгонишь же его!

В абсолютной темноте шелестел дождь, падающий на парусную ткань, шлепался на влажные листья травы. Мы с Эдом лежали, прижавшись друг к другу плечами, и то засыпали, то выныривали из дремы и снова закрывали глаза. Арлитто на нас не смотрел, он сел в угол кибитки и то ли медитировал, то ли молился. Сейчас его было не разглядеть, но я знала, что он там же, куда сел на закате.

— Через три дня мы приедем в орден, — прошептала я обреченно, нащупала и сжала руку Эда.

— И?

— Нам придется расстаться, а я не смогу без тебя.

— Это ведь ненадолго. — Его голос сделался теплым, ласковым, я представила, как Эд поднимает уголки губ и его глаза вспыхивают.

— А что потом? Как ты себе это представляешь? У тебя...

— Тсс! Я подолгу не бываю дома, месяца по два-три, так что не вижу препятствий для наших встреч. Меня другое тревожит. — Его голос изменился. — Твой муж.

— Ты ревнуешь? — Я улыбнулась. — После того как докажу, что он покушался на меня, его накажут, и я возьму развод. Меня интересует, как тебя отпускает жена так надолго?

— Мы скорее друзья, чем любовники.

Я не удержалась от шпильки:

— И дети сами собой появились?

Он вздохнул, я почувствовала его недовольство.

— Прекрати, я люблю тебя и хочу быть с тобой.

Портить гармонию не хотелось, я перевернулась на бок, уперлась ладонями в его грудь, чтобы чувствовать, как бьется сердце. Разве я могла мечтать о чем-то подобном? Спасибо тебе, мироздание! Спящий, Незванный или как там тебя! Пусть моя любовь не будет войной, где все средства хороши! Лучше я ненадолго приду в гости туда, где мне обрадуются.

Но чем больше проходило времени, тем сильнее, безнадежнее становилось чувство утраты. На рассвете мы босиком выбежали на омытый дождем луг; держась за руки, рванули за кусты шиповника, где Эд любил меня, прислонив к сосновому стволу и держа мои ноги на весу. Своей дерзостью и страстью мы бросали вызов невидимому

наблюдателю, уверенному, что ничего у нас не получится.

Прошли еще одни сутки. Мы провели бессонную ночь, и утром Эд на козлах клевал носом, Арлитто косился недовольно, но молчал.

Мне хотелось напиться медовухи и забыться, не слышать назойливого стука сердца-метронома, отсекающего головы секундам. Странно, но Эд тоже тревожился, наше состояние передалось Арлитто, сидящему в повозке, он не выдержал, высунулся и напустился на нас:

— Что с вами происходит? Если не хотите в орден — не езжайте. Развлекайтесь, радуйтесь жизни, а я поеду сам, благо Огник простаивает.

— Арлитто, не брызгай водкой в костер, — сказала я. — Мне просто тревожно, ничего не могу с собой поделаться — одолевает дурное предчувствие.

Маг вскинул бровь, почесал висок и надолго замолчал.

— Хорошо. Согласен, предчувствие не приходит просто так. Я не Мэтиос и не могу заглядывать в будущее, но раз вы двое чувствуете одинаково, значит, тому есть причина, и правильнее попытаться обмануть судьбу. Давайте так: на подъезде к Даалю есть хижина переправщика, он у меня в долгу, поможет без лишних разговоров, вы спрячетесь там и подождете, пока я съезжу в орден за подмогой.

— Зачем? — удивился Эд.

— Вероятнее всего, убийца будет поджидать нас в Даале, лучше вам там не появляться.

— Уверен?

— Почти. Будь я Ратоном, попытался бы перехватить Вианту в Даале и в Рейлле. Причем в Дааль направил бы больше людей.

— Поддерживаю идею. — Я накрыла ладонью руку Эда, он кивнул и проговорил задумчиво:

— Кто бы мог подумать, что Ратон такой подлец! Мне он всегда виделся человеком честным и благородным.

— Мне тоже, — вздохнул Арлитто. — Но очень уж очевиден его интерес в происходящем. Но все равно перевоплощение настолько волшебное, что я засомневался в своей способности понимать людей.

На следующий день дождя как не бывало, только лужи на дороге остались.

Понемногу местность начала меняться: на смену равнинам пришли поросшие лесом пригорки, ели уступили место дубам и высоким деревьям с гладкими стволами и мелкими жесткими листьями, которые не шелестели едва заметно, когда по ним пробежал ветерок, а тарахтели, словно в зарослях папоротника засели тысячи гремучих змей. Даже когда ветви смыкались над головой, было светло — сквозь листочки пробивался солнечный свет, пусть слегка и рассеянный.

Дорога теперь не тянулась ровной лентой, а, извилистая, то взбегала на холм, то скатывалась с него. Когда мы выехали на безлесный пригорок, у меня перехватило дыхание, и я воскликнула:

— Стой! Дай без тряски на красоту налюбоваться.

Перед нами раскинулась долина, напоминающая лоскутное одеяло: желтые квадраты полей, треугольники и ромбы оранжево-зеленых пастбищ, пятна темных рощ, изумрудно-серебряная полоса деревьев, тянущаяся вдоль реки, а дальше, за трепещущим от испарений воздухом, — окутанные сизой дымкой горы. Сначала — округлые кочки холмов, темные, почти черные, невысокие. Дальше — конусообразные и плоские. За ними — еле голубеющие пики с белыми шапками облаков. Горы тянулись с юга на север и делили континент на царство Справедливости и Беззаконные земли.

— Драконий Хребет, — восторженно вздохнул Эд. — Всегда хотел побывать в Даале — городе на краю света.

Я смотрела вперед, на залитую солнечным светом долину, на горы, и казалось, что этот свет проникает в меня, звенит, и каждая клеточка трепещет, меня становится слишком много, радость больше не помещается в груди, хочется выплеснуть ее, протянуть эту искру в ладонях Эду... Не только Эду — каждому проезжающему мимо человеку, пусть тоже испытает восторг на грани потери сознания!

Нет, не получится. Получится только обнять его и попытаться запечатлеть взглядом величественную красоту. А ведь Эд тоже все видит, его глаза распахнуты, и в них перетекает небесная синь.

Молчание нарушил Арлитто:

— Если бы не горы, я сошел бы с ума от тоски по островам. У нас там черные скалы, пусть не такие высокие, и неописуемой красоты заливы.

Его голос будто нажал спусковой крючок, сказка перевернулась с головы на ноги и сделалась приятной обыденностью. Эд легонько хлестнул коня, и он припустился с горки.

— Летом, весной и осенью в долине, за горами, теплее, чем в других местах, — говорил Арлитто. — Но зимой часто дует ледяной ветер, от которого птицы падают на лету, потому все живое старается уйти на запад.

— Лавины сходят? — поинтересовалась я.

— Да, но к Даалю не докатываются. Высокие горы очень далеко.

В долине мне понравилось больше, чем на подконтрольных землях: вот так загрустишь, выглянешь в окно, а там — горы, и сразу легко на душе. А еще почва тут каменистая и дороги не такие разбитые, пойдет дождь — не увязнешь.

Мы ехали, минуя деревни и городки, но даже издали было видно, что дома тут — каменные, с черепичными крышами, а люди, даже самые бедные, старались себя украсить яркими бусами, лентами, платья и рубахи — разноцветной вышивкой. Они больше улыбались и выглядели более счастливыми, чем северяне, что противоречило закону этого мира: «Счастье всем поровну».

— Тут такая красота, почему сюда все не переселятся? Зачем прозябать среди болот? — спросила я у Арлитто, наполовину высунувшегося из телеги и упершегося локтями в ступеньку за моей спиной.

— Беззаконные земли близко, а сердце Спящего далеко. Иногда появляются упыри. Помню, целую деревню пришлось сжечь — все переродились, даже младенцы. Дети чаще рождаются питрисами, девушки становятся ведьмами, несмотря на обряд Отречения. Чаше вспыхивают эпидемии. Дааль построен именно здесь, чтобы сдерживать натиск обитателей той стороны, у нас сильный флот, но беззаконники снова и снова нападают с моря.

— Понятно. И все равно мне хотелось бы остаться здесь. Насколько я поняла, Дааль никогда ни с кем не воевал.

— Да. Нам беззаконников хватает, — отрезал Арлитто. — Они считают, что из нас получают хорошие рабы, смирные. Некоторые купцы не брезгают торговлей людьми. Только и успевай отлавливать их и казнить.

Эд положил руку мне на плечо, я прильнула к его боку, проводила взглядом изъеденный коррозией валун, похожий на многослойную сосульку, растущую вверх. Хотелось оттянуть время, ухватить его за хвост и не отпускать, потому что каждый километр отдалял меня от Эда. Да, мы пока вместе, но все ближе, все неотвратимей утрата, все отчетливей проступают лица тех, кого он должен любить больше меня.

Пейзажи сменяли друг друга, будто кадры разных фильмов. Только что мы ехали вдоль пшеничных полей, потом дорога пошла вниз, и вот мы в карьере между желтовато-

красными скалами. Выехали из него и очутились в раю: и слева, и справа — сады. Черешня уже налилась соком, яблоки еще зеленые, придорожная малина, присыпанная белой пылью, алая от ягод.

Я попросила остановиться, и мы нарвали немного черешни — сторож не появился и не наказал нас, Арлито пояснил, что путникам разрешено брать немного, потому бездомные и юродивые на лето кочуют в долину и кормятся фруктами. Те, кто летом ни к кому не прибил, зимой замерзают насмерть.

Мы двигались на юго-восток, к зеленой полосе деревьев, растущих вдоль реки. Сквозь скрип повозки и хруст камней под колесами я не сразу различила монотонный гул, но когда мы спрятались от зноя в тени размашистых тополей с серебристо-зелеными листьями и поехали вниз по течению горной реки, шелест превратился в рокот стремительной воды, сносящей препятствия, ворочающей глыбы.

А еще бросилось в глаза, что тут нет молодых деревьев, а столетние тополя-великаны стоят на размытых корнях, будто на колоннах.

— Каждую весну Бурульча разливается, вода сильно поднимается, тащит камни, которые разбивают мосты. Но случаются и годы страшной засухи, когда русло превращается в ручей и порастает молодыми деревьями.

Чем ближе подъезжали к городу, тем больше попадалось повозок и карет. В конце концов мы повернули к реке и упали на хвост повозке, застеленной мешковиной. Нервный старик-погонщик постоянно оглядывался и стегал коня, надтреснуто покрикивая «н-но!».

Когда въехали на холм, взору открылось обширное плато с гигантским постоянным двором, мы с Эдом залезли в кибитку, Арлито сел на козлы, позволив старику оторваться от нас.

Справа и слева от главной дороги была «стоянка» — деревянные сооружения, похожие на растянутую в пространстве многоногую букву «Н», по три «ноги» с каждой стороны. К перекладине крепились крюки, куда привязывали лошадей — одну напротив второй.

Туда-сюда одни подростки носили ведра, высыпали корм лошадям, ставили ведро под нос коню, ждали, когда он напьется, и передвигали дальше, а другие убирали навоз в деревянные тачки. За «стоянкой» для бедных виднелись места под навесом — для более благородных животных, а за ними — зимние стойла. Лошадей охраняли пожилые мужчины в кожаных жилетах и широких шароварах, вооруженные кнутами и луками.

— Здесь подвесная переправа, она выдерживает только людей, потому повозки и лошадей оставляют под присмотром, за отдельную плату, конечно. На той стороне берут лошадь на время или едут в город на повозке для простолюдинов. Вы подождете здесь, пока я съезжу в орден за подмогой.

— Неужели нет дороги в Дааль? Ну чтобы с мостом? Как же туда еду и прочее возят? — полюбопытствовала я.

— Мост есть, и не один, но севернее. Пришлось бы делать крюк, а здесь у меня старый знакомый Сэмми, он вас спрячет.

Метрах в тридцати от «стоянки», справа от дороги, был целый городок таверн: на первых этажах — харчевни, на вторых — спальни. Слева от нас стоял кособокий сарай, гибрид барака и ангара — в ближней к дороге части был склад, в дальней, похоже, обитали рабочие. Мы не стали сворачивать направо, в гостевой дворик, а направились к крутящимся трехметровым колесам наподобие тех, что у водяных мельниц.

На площадке между гостиницами и переправой не было ничего, только три пустые телеги, ткнувшиеся в землю дышлами.

Путники переправлялись над ущельем в огромной сбитой из досок клетке на тросах. Чтобы облегчить ее вес, боковые перегородки сплели из веревок. Чем-то это чудо техники напоминало фуникулер, но двигал его не мотор, а мускулистые мужчины. Первая пара толкала трехметровое колесо от себя, вторая — вращала на себя, и натянутые между колесами тросы двигались вперед и назад, перемещая над пропастью

клетку, наполненную людьми.

С обеих сторон от больших колес наблюдалось по пять малых, двухметровых, причем одно находилось на этой стороне оврага, а второе — на другой. Два троса вверх, на них — кабинка с пассажирами, которая приводилась в движение непонятным пока способом. Скорее всего, в кабине имелся вращающий момент в виде педалей или руля...

Одна из десяти хлипких кабинок заскользила над пропастью, и я поняла, почему она движется: кто-то из пассажиров тянул один из верхних тросов, перемещая клетку, а на подъезде ему помогали мускулистые работники переправы, подкручивая колесо. Они напоминали титанов: сокращаются стальные бицепсы, мышцы на спине вздуваются. Каждый раз перед очередным рывком, когда ноги врастают в землю, кажется, что выпирающие мышцы разорвут кожу и обнажатся стальные жгуты. Я представила, каково это — изо дня в день рвать жилы, вращая огромное колесо, и стало до слез жаль этих людей.

Повозка остановилась в паре метров от хижины, что будто выросла из камней позади последней транспортировочной кабинки и в пяти метрах от обрыва, где клокотала река. Арлито спрыгнул на землю, обошел дом — порог находился со стороны обрыва, — постучал и крикнул, стараясь перекричать рокот бурной реки:

— Сэмми, выходи, это Арлито!

Дверь открылась, и высунулся длинноносый мужичок со скошенным лбом, похожий на крота, причем ростом он ненамного превосходил Арлито. Что рассказывал наш маг, я не слышала, человек-крот шевелил надбровными дугами и кивал, поглядывая на повозку. Потом Арлито осмотрелся и махнул нам — идите, мол, тут безопасно.

Эд высунул голову, вылез из кибитки, протянул мне руку. Я воспользовалась помощью, потупилась, чтоб лицо скрыли волосы, поправила сумку с деньгами, перекинутую через плечо, и ощутила себя мышью, желающей скорее забиться в нору. Улиткой, лишенной раковины, — мягкой и беззащитной. Все время чудилось, будто кто-то смотрит в спину. Но поблизости не наблюдалось никого подозрительного. От гостиниц до обрыва было метров пятьдесят вытопанной и утрамбованной земли вперемешку с камнями, стояло три телеги, наша — четвертая, единственная с крытым верхом. Два старика с узелками ковыляли к переправе — пожилые, но гордые, без тросточек, они преодолели уже большую часть пути. Три женщины с многочисленными косичками, украшенными яркими лентами, призывно хохотали, косясь на мускулистых парней, которые, вращая колеса, сопровождали каждый рывок протяжным «Э-эх».

Мы с Эдом потянулись друг к другу, взяли за руки и побежали к хижине. Хозяин исчез за дверью, Арлито посторонился, и мы шагнули в полумрак. Домик был рассчитан на человека гномьего роста, если бы я подпрыгнула, то достала бы макушкой потолок, и высокому Эду приходилось гнуться в три погибели, втягивать голову в плечи.

Шаркая по полу, хозяин повел нас по узкому коридору, распахнул первую дверь, что сразу напротив входной:

— Здесь у меня смотрильня. — Он махнул в окно. — Вон, переправа видна. Но нам дальше, туда, тама комната с кроватью.

Комната была крошечной, наверное, три на три метра. Односпальная продавленная кровать, кособокий маленький стол с крошками хлеба и темными пятнами, глиняный кувшин. Два окна, из одного открывался вид на пустырь с телегами и переправу, из второго — на стоящие к нам задним фасадом гостиницы — будто игрушечные, каменные, с яркими черепичными крышами — и огромный сарай, что через дорогу от них.

Эд сразу же уселся на кровать, вытянул ноги, я перевела взгляд на Арлито, который наблюдал за нами через порог:

— В орден я попаду часа через три-четыре, будет уже ночь. Пока меня выслушают и примут решение, пройдет еще два часа. Раньше завтрашнего утра меня ждать не стоит. — Он поставил на стол узелок с едой, заглянул в кувшин. — Ага, еда и вода у вас есть. До темноты старайтесь не высовываться и не шуметь.

«Не шуметь» — это о чем он? Неужели слышал, когда мы в телеге... Кровь прилила к щекам, и я почувствовала, что краснею до кончиков ушей.

— Удачи тебе, — проговорил Эд, на его губах играла презрительная полуулыбка, которую он изображал, когда старался отгородиться от людей. — Возвращайся быстрее!

— Все, ухожу. — Арлито затопал по коридору, хлопнула дверь.

В дверном проеме появился хозяин хижины, крикнул и сказал, глядя в сторону:

— Отхожее место за домом, кхе... Ежели чего надо, зовите, я тута до первой звезды.

— А потом переправа закрывается? — поинтересовалась я, выглянув в окно.

Арлито подозвал мальчишку-конюха, заплатил ему, тот кивнул и принялся распрягать коня, чтобы отвести его к привязи. Маг проводил его взглядом, добрался до ближайшей... вагонетки? Кабинки? Нет, корзинки, напоминающей птичье гнездо, слепленное из досок, подозрительно тонких прутьев и по бокам обмотанное веревками. Стоило представить, как ты несешься на таком ненадежном приспособлении над бездной, и сразу хотелось упасть в обморок.

Маг залез в стоящую на краю обрыва клетушку, к нему поспешил мускулистый парень, проверил веревки, взял деньги за работу и толкнул корзинку — она заскользила по канату, доехала до нижней точки, Арлито за что-то дернул, заработал руками — кабинка поползла вверх. Когда колесо начал вращать парень, она буквально взлетела на другой конец обрыва, и я выдохнула с облегчением — все, Арлито на месте целый и невредимый.

Хозяин подождал, пока я повернусь, и ответил на мой вопрос:

— Ночью работает, кхе, только общая воздушная карета, моя — нет. А теперь я оставляю вас, мне нужно записать в доходной книге прибыль, которую мне принес Лорки.

Вот как тут называются кабинки! Гениально! Почему тогда не повозка или телега, что больше соответствует истине? Не звучит?

Хозяин удалился, заперев за собой дверь, я села на потемневшие от времени перины, положила голову на плечо Эда и зажмурилась. Никто не знает, что будет завтра, а уж на месяц вперед разве что хромоу Мэтиос может заглянуть. Завтра мы расстанемся, и неизвестно, удастся ли нам встретиться снова. У нас есть только этот миг, перемещающийся по сегодняшней ночи, будто небесная карета — по канату. Я задумалась — и вот она уже преодолела небольшой участок, приблизила нас к тому берегу.

Я сжала руку Эда и прошептала:

— Обними и не отпускай, мне страшно.

— Ну что ты как маленькая. — Он провел рукой по волосам. — Все будет хорошо! Тебе ведь надо вернуться домой, доказать, что ты невиновна, да? Ты ж не собираешься бежать и дарить свое княжество Ратону?

— Нет...

— Значит, придется немного потерпеть, а потом мы все равно будем вместе, потому что по-другому я уже не смогу.

Он говорил слово в слово как его двойник из моего мира. Но несмотря на сказанное, тот Эдуард предал меня, пожертвовал меньшим ради большего. Здесь я опять меньшее, как ни крути.

Ледаар попытался разогнать мою тоску:

— Давай лучше договоримся, как свяжемся, когда закончишь дела и вернешься. Ты отправишь ко мне посла, что согласна на переговоры, и я брошу все, прилечу к тебе, и мы сломаем твою кровать.

Я рассмеялась сквозь слезы:

— Ты меня скорее разломаешь, потому что ее не разобьет даже вон тот мускулистый парень, который крутит колесо...

Эд прищурился:

— Я еще не уехал, а она уже на парней засматривается... И как тебя оставлять надолго? Сразу ведь уведут...

— Хомут на шею — и в стойло, да? Меня не так просто увести, потому что мое сердце принадлежит тебе.

— Это хорошо, — кивнул он и уселся на дощатый пол, положил голову мне на колени, и я принялась перебирать пряди его волос. Наконец-то я реагирую на происходящее правильно, и мне хочется не бешеного секса, когда забываешь, кто ты и где ты, а нежности. Прикасаться, обволакивать, впитывать ощущения. Пальцами водить по его щетине, закрывать ладонями его глаза и млеть от того, как его дрожащие ресницы щекочут кожу.

Начало смеркаться, цвета потускнели, кабинки все реже бегали туда-сюда, все реже доносилось «Э-эх» парней, вращающих колеса.

Я потянулась к тумбочке за свечой, но Эд взял меня за руку.

— Нет.

Поцеловал запястье, провел языком к сгибу локтя. Действительно, «нет», потому что одна свечка уже тает в его руках. Надо же, одного прикосновения достаточно, чтобы я перестала думать о глупостях...

Эд подхватил меня на руки и повалил на перину, улегся сверху. Кровать была ему коротка, и он упирался коленкой в пол. Он боялся, что мне тяжело, потому лежал, упершись локтями в кровать. Нет-нет, Эд не собирался страстно и грубо владеть мной — он гладил щеки, веки, губы, лоб и смотрел неотрывно, ласкал взглядом каждую впадинку моего лица, шею, ямочку между ключицами.

Господи... Спящий, кто ты там? Не забирай у меня это счастье, что хочешь бери, но его — оставь.

— Если бы ты знала, как я тебя люблю...

— Повтори, — улыбнулась я.

— Люблю, люблю, люблю...

— Раньше думала, что мужчины боятся этого слова.

— Только те, кто боится себя.

— Пообещай, что не предашь меня...

Видит бог, не хотела этого говорить, как-то само вырвалось, и я зажмурилась, съежилась мышкой, потому что любой разумный человек не стал бы обещать.

— Я, Ледаар Фредерик, обещаю, что никогда, ни при каких обстоятельствах не предам тебя.

— Спаси...

Он закрыл мой рот поцелуем — долгим и нежным. Хотелось, чтобы он длился вечно, но Эд отстранился и прошептал:

— Поднимись, давай положим перину на пол, а то мне неудобно.

Когда я резко села, закружилась голова. Закончив расстилать перину на полу, он задвинул на двери щеколду, встал на колени, чтоб быть со мной вровень, потянул за

ремешок, снял верхнее платье, потом молча сорочку и прошептал:

— Хочу видеть тебя, пока не сильно темно. Ты самая прекрасная женщина на земле. Ответь, почему я?

Я расшнуровала его рубашку, стянула ее, встала на колени рядом с ним, растрепала его волосы:

— Наверное, потому что ты этого достоин.

Прильнула, царапнув спину, нежно укусила шею — он вздрогнул, положил меня на перину и долго ласкал грудь, живот, шею губами, ладонями, пальцами. Я позабыла обо всем, извивалась под ним, то притягивая его и умоляя не останавливаться, то отталкивая. Вроде получалось не кричать, а может, и нет, потому что я то взлетала на высочайшую точку наслаждения, то стремительно падала, и нежные руки Эда подхватывали меня, баюкали, ласкали. Я смеялась и плакала, мир плавился и менял очертания, гасли и вспыхивали звезды, умирали и рождались вселенные, лишь его пронзительно-синие глаза, наполненные любовью, были осью мироздания, вокруг них вращались все возможные миры, закручиваясь рукавами галактик.

Мы очнулись, когда совсем стемнело. Луна еще не взошла, но света звезд хватало, чтобы различать очертания предметов и силуэты друг друга. Не было ни сил, ни желания разжимать объятия и вставать, и мы лежали, обнявшись.

Впервые меня расстраивало, что не он у меня первый, я разметала бисер, благо, много осталось в душе хорошего, светлого — для него. Страха нет, даже неизбежность старости не пугает. Наоборот, хочется разделить с ним буйство молодости и неторопливую мудрость зрелости.

Проснулась я перед рассветом от того, что пересохло во рту. Стараясь не потревожить Эда, села, с сожалением отметила, что мы проспали эту ночь. Но ведь у нас есть целое утро! Сейчас попью воды и разбуду его поцелуем, да не простым, особенным! Вряд ли он испытывал такое!

Встала, переступила через Эда одной ногой, потянулась к кувшину, с жадностью напилась, поставила его на место, посмотрела на переправу, замершую в ожидании рассвета: на громады колес, возле которых дремал мускулистый титан, на хлипкие клетушки, на нашу повозку, на каменистый пустырь для телег, на гостиницу, откуда вышла группа темных силуэтов и направилась к переправе. Немного отойдя, незнакомцы столпились, начали что-то обсуждать. Один из них махнул в нашу сторону, и все они повернули головы. Бросилось в глаза, что вооружены они короткими саблями и арбалетами.

Они ведь по нашу душу! Сердце будто с цепи сорвалось, меня бросило в жар и холод. Натянув сорочку, я села, одной рукой принялась тормошить Эда, второй — искать верхнее платье.

— Эд, вставай!

Он проснулся мгновенно, как и подобает солдату. Не спрашивая ни о чем, натянул штаны, сначала взял с тумбочки арбалет, потом выглянул в окно, выругался на местном языке.

— Пять человек идут сюда. Пятеро — к другой такой же хижине на той стороне двора, но они будут здесь, как только...

— Вижу. Знаю. Что делаем?

Эд выглянул в окно: пятерка врагов не спешила, шла вразвалочку. Оставалась надежда, что это или стражники, или какие-то работники, но она была призрачно мала.

— Бежим к нашей телеге, — шепнул он. — Спрячемся за ней. Потом ты бежишь к переправе, ко второй карете, я стреляю по ним. Потом бегу я, переправляемся вместе.

До телеги было метров пять, от нее до второй кабинки — столько же.

Я взяла арбалет, уперлась в него ногой, натягивая тетиву, потянулась к колчану со стрелами, взяла одну, она напоминала гибрид чернильной ручки и ракеты (и чего их называют болтами?), зарядила оружие, отмечая, что тело само знает, что делать, надо просто расслабиться и дать волю рефлексам.

— Стрел мало. — Я взяла себе пять, в колчане оставила чуть больше.

— Главное — переправиться, на той стороне позовем на помощь. Здесь лучше не звать, наше единственное преимущество — внезапность.

Надо отдать должное этому телу — при опасности оно не впадало в ступор. Эд бесшумно выскочил на улицу, прижался к стене, держа арбалет наготове. Я встала рядом с ним, он порывисто поцеловал меня в губы и шепнул:

— Беги к телеге на счет «три». Раз, два. — Он высунулся из-за угла и выпустил стрелу во врагов. — Три!

Я рванула к цели, присела за повозкой, спустила тетиву вроде наугад, но один из нападавших, бросившихся врассыпную, вскрикнул и упал рядом с налетчиком, застреленным Эдом. Перезаряжая арбалет, я выглянула из укрытия — враги бежали к телегам, которые стояли на пустыре, от ближайшей до моей повозки было метров десять.

Эд вскинул арбалет; делая вид, что стреляет, рванул ко мне, сел на колени, выглянул из укрытия, и в доску над его головой впиалась тонкая стрела с красным опереньем из пергамента. Меня бросило в жар — дошло, что если бы налетчики стреляли прицельно, то не промахнулись бы. Они еще не оправались от потрясения, потому и...

— Стреляй и беги, — скомандовал Эд.

Я глянула вперед. До первой кабинки вообще рукой подать, но она хлипкая и веревочная, нас там застрелят. А вот вторая обита по бокам какими-никакими, но досками, еще бы щит взять, но поблизости нет ничего подходящего.

Не спеша выполнять команду Эда, я посмотрела на вторую группу, которая направилась к хижине на другом конце переправы: они спрятались за крайним колесом и теперь по одному перебежали к колесам, что ближе.

Мускулистый работник переправы проснулся и сразу же получил стрелу в горло.

— На поооомощь! — заорала я что было сил. — Пожар! Горим!

Вспомнились азы самообороны: если хочешь, чтоб тебе помогли, не зови на помощь и не ори, что убивают — люди с большой вероятностью не захотят рисковать и не придут. А вот на пожар взглянуть захочет каждый.

— Пожар! Воды! — крикнул Эд, я выстрелила в перебежчика за колесом, он тоже заголосил, схватился за ногу.

Зарядив арбалет, я рванула ко второй клетушке — она была не прямо напротив повозки, а чуть дальше, потому я рисковала быть застреленной. Сделав колесо, я прыгнула, кувыркнулась, вкатилась в нее... И сообразила, что в суматохе не удосужилась спросить, как она работает. Ну и ладно, Эд поможет! Потому я просто присела, выцеливая врагов за телегой.

Один высунул голову — в него полетела стрела. Вскрик — есть!

Остались три стрелы, зато возымели действие наши вопли: во дворе гостиницы поднялся шум. Полуголый мужик выскочил на дорогу, и налетчики сразу же ранили его в живот.

— Помогите, грабят! — заорала я, срывая голос. — Мы тут, на переправе! Спасите! Воры!

Воров постояльцы испугались и засели во дворе, предпочитая не рисковать попусту, а охранники нам на помощь не спешили. Между тем я вставила третью стрелу, осталось еще две, и у Эда примерно столько же.

Наших противников не заботило, что их злодейство раскрыто, они решили добраться до меня любой ценой. Вот же маньяки!

— Прыгай! Переправляйся! — крикнул Эд, махая мне. — Я им не нужен! Я — позже!

— Не знаю как! — ответила я, целясь в телегу, за которой укрылись преследователи.

— Просто...

Зазвонил набат, да так громко, что я не разобрала слов Эда. Колокол все бил, бил по натянутым нервам. Еще, похоже, в игру вступили охранники переправы. Или это постояльцы решили поразвлечься — поохотиться на плохих парней? Они не знают, что мы — хорошие, могут и нас пристрелить под шумок, надо бы отсюда убираться.

— Не слышу! — закричала я, но Эд помотал головой, выпустил стрелу для острастки и рванул ко мне, я целилась за его спину в телегу, потому не обратила внимания, что Эд запнулся и побежал медленнее. Оттолкнул кабинку, на ходу запрыгнул в нее, упал на колени, и я выронила арбалет: из спины у него торчал арбалетный болт — двадцатисантиметровая деревяшка с тремя желтыми птичьими перьями. Значит, пять или около того сантиметров наконечника вошло в лопатку, и есть шанс, что легкое не повреждено.

Я даже забыла о том, что мы в ненадежной клетушке скользим над обрывом, под нами пятнадцатиметровый обрыв, и еще столько же до другого берега.

— Ерунда, — скривился Эд, вставая, схватил веревку левой рукой, потянул на себя. — Помоги, правой я шевелить не могу.

Собаться! Я подняла арбалет, выстрелила в осмелевших врагов, спрятавшихся за колесом. Если они начнут его крутить, то...

И они начали — кабинка, висящая на тросах над пропастью, качнулась и поехала назад. И не попадешь в них — колесо мешает. Бросив бесполезный арбалет, я ухватила веревку и изо всех сил дернула на себя — корзинка качнулась, ненадолго вырвалась вперед, но все равно продолжила ехать на тот берег обрыва. Моих сил не хватает, а Эд с одной рабочей рукой почти бесполезен, кабинка качается над бездной, но еще пара минут, и мы окажемся на линии огня...

— Встань позади меня, — распорядился Эд, хотя он и так закрывал меня от выстрелов. — Что вы делаете? Остановитесь, и вам сохранят жизнь, я, Ледаар Фредерик, обещаю!

Набат все еще грохотал, и враги, скорее всего, не слышали его нелепицу. Обещает он! Кому? Наемникам моего муженька? От отчаянья я с рычанием потянула веревку, и клетушка, покачнувшись, поехала прочь от убийц. Вскоре я поняла, в чем дело: на той стороне проснулся мускулистый переправщик и решил нам помочь.

Улыбаясь, я смотрела на приближающийся берег, и кровь грохотала в висках так громко, что глушила набат. Трясущейся рукой я сжала ладонь Эда, повернулась к нему: его глаза-сапфиры сияли торжеством.

А за спиной помогающего нам переправщика бежали люди с арбалетами, целый взвод. Когда до конца канатной дороги осталось метров пять, кабинка качнулась, пол вырвался из-под ног, ладонь Эда выскользнула из руки, я вскрикнула, вцепилась в веревку и повисла, взлетев над клетушкой. Падая, Эд успел ухватиться здоровой рукой за крайнюю доску боковой перегородки, которая повисла параллельно земле. Эду было очень неудобно держаться за плоскую доску.

Наемники перерезали канаты, но кабинка не упала и даже не ударилась о каменистый склон оврага, потому что вверху был камень-козырек, только повисла, и канаты тянулись до быстрой воды, с грохотом обтекающей камни.

— Эд!!! — закричала я. — Держись, я сейчас спущусь.

Он запрокинул голову, посмотрел на меня и попытался улыбнуться, но его лицо искажало страдание — он пытался поднять правую руку. Мне больно было представлять, каково ему, когда пробита лопатка и наконечник стрелы застрял между ребрами.

— Держись, я иду...

Переправщик, зараза дурная, начал крутить колесо, веревка дернулась, натягиваясь, и меня спиной приложило к камням обрыва — я зашипела, но удержалась. Эд тоже пока держался.

— Не крути колесо! — заорала я переправщику — набат замолчал, и он должен был услышать меня.

Крепко держась руками, я подняла ноги выше головы, скрестила их, цепляясь за веревку — то есть сделала трюк, невероятный для Ольги, но привычный для Вианты. Как паучиха, соскользнула по веревке, легла на доски боковых перегородок, ножом Амиля перерезала веревку, которая работала рычагом во время перемещения и не несла нагрузки. Сделала петлю, куда надо было как-то запихать здоровую руку Эда. Если сделать это, веревка выдержит его, максимум он получит вывих и растянет связки.

— Держись, — повторила я. — Уже все.

Клетушку снова трянуло, и она начала подниматься. Вербка терлась о край обрыва, и на голову сыпалась глина. Эд сквозь щели перегородок неотрывно смотрел на меня, на его лбу дрожали капли пота. И что делать? Если начну шевелиться, клетка будет шататься и Эд упадет... Но ведь она и так шатается! Чертовы боковые перегородки! В отчаянье я дернула одну — закреплены намертво. С одной стороны, это хорошо, не поломаются под весом Эда, но с другой — его силы на исходе.

Лучше рискнуть! Мне всего лишь надо попасть в перевернутую кабинку и встать на боковые перегородки вниз.

— Не крути колесо! Не надо крутить! — заорала я переправщику — вроде понял.

Внизу клокотала вода, если упаду, скорее всего, разобьюсь насмерть — горные речки редко бывают глубокими, а если не убьюсь, так о камни расквасит. И пусть! Зачем мне жить без Эда? Я легла с краю на живот, взяла веревку в зубы, схватилась за доску, свесила ноги, нащупала опору, толкнула себя внутрь кабинки, легла, обхватила запястье Эда, но в этот момент его окровавленные пальцы разжались, скользнули вниз по моей руке, обхватили ее — я стиснула пальцы что было сил, но Эд все равно не удержался и полетел вниз.

Я будто смотрела замедленное кино: его лицо отдалялось, он шевелил губами и все еще тянул ко мне руку. Лежа, я тоже тянулась к нему, будто режиссер наших жизней мог передумать и отмотать киноленту назад. Наверное, каждый это чувствует на лезвии отчаянья.

Всплеск, и вода сомкнулась над его головой. Мелькнул затылок. Локоть. Колено с шароварами, вздувшимися пузырем. И все, и не разглядеть его под водой.

Еще не понимая, что произошло, я забилась в угол клетки, поджала колени и спрятала лицо.

Что-то кричал переправщик. Не смотреть, не слушать. Зажмуриться, зажать уши, не впускать осознание. Пусть будет тихо и тепло, как в материнской утробе, и ничто не трогает, ничто не ранит.

Вроде клетушка качнулась. Наверху кричали. Кто-то стонал, кто-то бранился. Чьи-то руки погладили по волосам, и низкий мужской голос сказал:

— Вставай, пойдем. Все хорошо.

Так хотелось верить в «хорошо», что я послушалась, встала, пошла за пожилым седоусым мужчиной, похожем на деда Мазая. Вокруг гудели охранники с арбалетами, смотрели с интересом, но меня от них будто отделяло мутное стекло.

— А мужик где? — брякнул высокий белобрысый верзила, и его слова сработали спусковым крючком — по защитному куполу самообмана побежали трещины, и он звонкими осколками ссыпался к моим ногам.

Обернувшись, я посмотрела на двухметровое колесо, на другой берег, стряхнула руку благодетеля и рванула к обрыву. Добежать не дали, повалили в пыль, я сопротивлялась отчаянно, будто не за смерть свою, а за жизнь боролась, мне даже удалось вырубить одного, потом меня лишили движения, и я разрыдалась.

— Вот же глупая, — с сочувствием проговорили уже знакомым голосом. — А вдруг он живой? Живой, слышишь? Что мы ему скажем?

Я всхлипнула, моргнула и сквозь слезы увидела седоусого дядечку. Он продолжил:

— Мои люди уже побежали его искать вниз по течению. Там глубоко — вряд ли твой любимый разбился.

— Отпустите, — взмолилась я, только сейчас понимая, что мои ноги и руки прижимают к земле.

Усатый склонил голову набок, вскинул бровь:

— Больше не побежишь?

Я помотала головой.

— Нет.

Державшие меня встали, я тоже встала, зло размазала слезы, шагнула к обрыву, но меня снова остановили.

— Мне не прыгать. Хочу посмотреть, как высоко, оценить его шансы.

— Пять к пяти.

— Он ранен. Вот сюда, — я развернула светловолосого верзилу и ткнула ему в спину.

Усач крикнул, почесал макушку, задумался.

— Семь к трем, но все равно надежда есть.

— Я тоже хочу его искать, — прошептала я, чувствуя, как моя надежда съеживается, сдувается, будто воздушный шарик, и вот от нее осталась малая часть — треть. — Ты ж видел, я сильная.

Усатый покачал головой:

— Нет, Вианта. На тебя напали, я не могу так рисковать.

— Ладно.

Он опять обнял меня за талию и повел к хижине наподобие той, где мы прятались с Эдом. Любое воспоминание резало память, будто нож. Благословенны дарящие надежду. Дарящие напрасную надежду будь прокляты, потому что они убивают еще раз.

— Тебе не интересно даже, откуда я знаю твоё имя? — спросил усач уже на пороге.

— Мне сейчас интересно одно: удалось ли выжить человеку, которому я обязана жизнью. Это Ледаар Фредерик, найдите его.

— Уже ищут. Заходи, не бойся. Тебе ничего не угрожает. — Он распахнул дверь.

Глава 17

Дарящие надежду

— Меня зовут Ганнор, — представился усатый, усаживаясь за стол напротив меня.

Скользнув по нему взглядом, я снова мысленно устремилась к обрывистому берегу, и вот я бегу вдоль воды и вижу в тихой заводи бездыханное тело Эда. Бросаюсь к нему, вытаскиваю на берег, припадаю ухом к груди...

— Вианта! — Мой новый знакомый хлопнул по столу ладонью — я вздрогнула. — Ты слушаешь меня или нет?

— Извини, — пробормотала я, с трудом подавив желание подтянуть колени к подбородку. — Так что ты говорил?

— Откуда я знаю тебя. Лично князь Баррелио распорядился найти тебя и препроводить в орден Справедливости.

— Да? По просьбе муженька, который хочет моей смерти. Так что ж ты ждешь? Зачем спас меня? Или он лично хочет меня заколоть?

Усатый мотнул головой:

— Он предупредил, чтобы имя Ратона не упоминали, потому что ты думаешь, это он виноват в твоих бедах. На самом деле Ратон пытался найти тебя и защитить.

Наверное, при других обстоятельствах я удивилась бы, но не сейчас.

— А кто тогда те? — Я кивнула на восток, подразумевая наемников.

— Пока не знаю. Надо разговаривать пленников, ими уже занимаются.

— Разговорите. Только в орден меня прямо сейчас не... — я откашлялась и прохрипела: — Не надо. Туда вчера уехал Арлитто, утром обещал вернуться. С ним мне будет спокойнее.

Усатый налил мне воды в единственную кружку, я сделала глоток и больше не смогла — душили спазмы. Еще и воображение рисовало ужасы, только и успевала от них отмахиваться. Говорят, близкие люди связаны невидимыми узами и чувствуют друг друга сквозь расстояния, вот и я чувствовала, что Эд жив и его скоро найдут.

Тянулось время, я слушала ободрения седого усача, похожего на Мазая, и изо всех сил старалась не сорваться, балансируя на кромке отчаянья. Надо мной будто повисла гильотина.

Каждый раз, когда кто-то пробежал мимо, я напрягалась — думала, вот он сейчас войдет и скажет, что нашли Эда, живого, но немного потрепанного. Или — что нашли утопленника, и тогда... Не знаю, что будет тогда. Упадет гильотина и отрубит огромный кусок моей души. Без головы, понятно, не живут, а когда вместо души — дыра с рваными клочьями краев? Все смотрят на тебя, думают, ты — человек, а на деле — обрубок.

Хлопнула входная дверь — я вскочила, перевернув стул, и в каморку зрителя вбежал Арлитто, швырнул дорожный плащ на койку, обнял меня. И хотя маг был на полторы головы ниже и вдвое легче, сейчас он казался мне большим и могущественным как никогда. Единственным близким человеком во вселенной.

— Он ведь не умер... — пробормотала я, и слезы хлынули сами собой.

Арлитто не стал дарить напрасных надежд:

— Прошло много времени, солнце уже в зените, а его еще не нашли. Знаешь, кто на вас напал? Нет? Наемники, которых наняла Элайна Зонн. Жена Ледаара. Он знал и поэтому заколол убийцу в таверне, не дал мне его расспросить.

— Ну и что. Он все равно защищал нас.

Осмысление раскрывшегося обмана будто надавало мне по щекам, проснулась обида. Почему он продолжал оговаривать Ратона? Сказал бы, что к чему...

И на переправе он не просто так приказывал наемникам остановиться, они просто не слышали его. И не они стреляли в Эда, а постояльцы, решившие покарать воров, но не разобравшиеся, кто есть кто. Вспомнилась стрела с желтыми перьями в спине Эда и другая, с пергаментом вместо перьев, что едва не убила его в первый раз... Или его никто и не планировал убивать? Конечно!

Да какая разница! Он был с тобой все это время и просто не мог оговорить мать своих детей.

Закралась подленькая мыслишка: а ведь было бы здорово, если бы ее убрали с моего пути! Точнее, она таким образом самоустранилась. Теперь будет большое расследование. Элайну покажут, дети... У него их четверо! Куда их? И не возненавидит ли он меня?

И снова я думаю о нем как о живом!

— Арлито, — пробормотала я, отстраняясь. — Ты можешь сказать, жив ли Эд?

Маг вскинул бровь, покосился на Мазая:

— Выйди.

Тот склонил голову и исчез из каморки. Арлито сел, вздохнул:

— Прямо сейчас — нет. Надо посмотреть, есть ли его отражение в Зеркале вод, это сложный ритуал, я один не справлюсь.

От бессилия я сжала кулаки, ударила стену, уперлась в нее лбом.

— Все равно надо в орден?

— Я приехал не один, со мной два мага и отряд легионеров.

— Лучше бы я поехала с тобой. Да, меня ждали, но — люди Ратона. Ты уже знаешь, что они нам не опасны?

— К сожалению, я не провидец. Давай еще пару часов подождем, вдруг Ледаар и вправду выжил, и тогда поедем. После ритуала сомнений не останется. Только нужна какая-то его вещь.

— У меня есть оберег. — Я показала фенечку-браслет.

— Мощная штука. — Арлито потянулся, чтобы прикоснуться к магическому предмету, но убрал руку, глянул исподлобья. — И еще. Если у тебя есть что-то, что ты хотела бы спрятать от посторонних глаз, лучше отдать это мне, но чтобы я тоже не видел.

Не сразу дошло, что он намекает на печать Незванного. Неужели разглядел? И не сдал меня. Почему?

— Почему ты помогаешь мне? — не выдержала я.

— Если я отвечу, что ты мне нравишься, согласишься?

— Не знаю.

— Более правдоподобный ответ нужно придумывать. Будь осторожна с магами. Твоя версия с загробным миром убедительна, можешь ее излагать. Моя специализация — боевая магия, контактная магия. Пророчества, управление временем и пространством — не мое, я могу проглядеть что-то важное, они — нет. Потому предмет, который у тебя, нужно спрятать, он... — Арлито поморщился, подбирая слово. — Ощущается.

Пару дней назад я насторожилась бы, сейчас просто потянулась к пластине на шее и подумала, что Эд ни разу не спросил про нее.

— Нет! — Арлито вскинул руку, отвернулся. — Не показывай мне это. Спрячь и только

тогда отдавай. Но перед тем как маги увидят тебя.

— Ладно.

И опять все мысли — об Эде. Механически я нашла тряпку на постели, сняла пластину Незваного, завернула, отдала Арлито и равнодушно отметила, что он ради меня рискует жизнью, и не от большой любви, зачем-то я нужна ему. А может, не я, а пластина? Толку-то теперь, пусть забирает. Дарю.

Да что скрывать, я в таком состоянии, что любой может прийти и сделать со мной что угодно — мне все равно. Только бы Эд выжил! Душу бы продала за его жизнь...

Вспомнился рассказ Ларсо, моего отвергнутого любовника, про девушку... Как ее... Аделина? Аделия! Которая повернула время вспять, попав в Изначальный дом, откуда началось творение. А вдруг это правда и я так смогу?

Арлито положил печать Незваного в сумку, перекинутую через плечо, и сказал:

— На вечер запланировано слушание по твоему делу...

— Плевать, — скривилась я. — Лучше скажи, где на Беззаконных землях находится Изначальный дом?

Маг не удержался от смешка:

— Если бы его было так просто найти, туда ходили бы толпы, перекраивали мир по своему усмотрению.

— Но Аделии же удалось его найти! Она была обычной девушкой отсюда. И выжила, добралась.

— Она не оставила записей о своих злоключениях. Никто до сих пор не может с уверенностью сказать, что в легенде про Аделию правда, а что — вымысел. Может, и нет никакого Изначального дома... — Заметив, как я изменилась в лице, он поспешил исправить свою ошибку и принялся приукрашивать правду. — Если он и существует, то или открывается не каждому, или находится в труднодоступном месте, куда согласится идти только смертник. Например, далеко на юго-востоке, где обитают питрисы, ацхары и прочая нечисть, а попавшие к ним люди превращаются в серых странников.

За окном вдоль дома прохаживался Ганнор, поглядывая то на вход, то в сторону переправы, где кипела жизнь, туда-сюда ходили люди и «воздушные кареты» скользили над бездной.

— Если понадобится, и туда доберусь, — с уверенностью сказала я и поспешила к выходу, когда к Ганнору подошли два охранника и начали отчитываться, махая в сторону оврага.

Увидев меня, подоспевшие мужчины сделали виноватые лица, и я подумала, что Эда все-таки нашли, и сердце оборвалось, но Ганнор сказал:

— Ничего.

— Тело унесло вниз по течению, а там... — брякнул молодой стриженный под горшок охранник, но смолк и виновато покосился на смотрятеля.

— Поехали в орден, — проговорил Арлито, положив мне руку на плечо. — Посмотрим, отражается ли Ледаар в Зеркале вод.

Возле кареты — легкой, двухместной, с откидным верхом, как у брички, — нас ждали два мага. Один возился с лошастью и не обращал на меня внимания, второй — высокий, узкий в плечах верзила приложил руку к груди и наклонился, сверкнув совершенно лысой головой:

— Бэрри Вианта, к вашим услугам я, пэрр Одрик, и мой напарник пэрр Август.

Услышав свое имя, показался уколоицый блондин с выступающим тонким носом и узкими губами, просканировал меня взглядом-рентгеном, тряхнул головой. Волосы у

него были настолько густыми, что стояли дыбом, при том, что в длину достигали сантиметров десяти, из-за чего он походил на ежа.

Лысому Одрику на вид было лет сорок пять, Августу — не больше тридцати, но я понимала, что внешность магов обманчива, им обоим может быть и за пятьдесят, и даже за семьдесят.

В бричку уселся Арлито, похлопал рядом с собой, взял поводья, подождал, пока я залезу, и стегнул мясистого жеребца мышастой масти.

Когда миновали стойла под открытым небом, нас настигли маги. Август поехал возле меня, Одрик, надевший шляпу, — возле Арлито.

За поворотом к нам присоединились легионеры, ненадолго я засмотрелась на них. Ни дать ни взять римские гладиаторы в стальных шлемах с гребнями, украшенными алыми перьями, в кирасах, с защитными пластинами на мускулистых плечах, бедрах и голеньях, в длинных серых рубахах и облегающих штанах. В отличие от наемников, легионеры Дааля предпочитали луки, а не арбалеты.

Их доспехи отражали солнце и казались золотыми.

Мы ехали вниз по течению реки, но потом взяли южнее и покатали между каменистыми холмами и фантастическими каменными изваяниями, выточенными ветрами и водой. За ними синели горы. В другое время я восхитилась бы красотами, сейчас же мысленно обгоняла бричку, чтобы поскорее заглянуть в неизвестность и успокоить саднящее сердце.

Пока есть надежда, можно убедить себя, что все хорошо. Главное, не останавливаться, чтобы не настигла правда. Не обманываться, что если повернуть направо и добежать до быстрой воды, то между камней в заводи лежит Эд, он пока еще жив, но если ему не помочь... Люди Ганнора справятся лучше! Если им не удалось его найти, то куда уж тебе!

А может, они его нашли и заперли в подвал как врага, чтобы требовать у Элайны выкуп? Лучше бы так.

Арлито коснулся моего плеча, я подпрыгнула и чуть из брички не вылетела.

— Извини, — проговорил он и посмотрел с сочувствием. — До сумерек доберемся, потерпи.

— Не знаю, что лучше: мучиться неведением или узнать правду. Вдруг она мне не понравится? А так есть надежда, вот я и держусь за эту соломинку, и не тону. Знаешь, чего я боюсь? Тишины и темноты, которую можно населить любыми призраками. Боюсь остановиться.

— Я буду с тобой, — с уверенностью сказал Арлито. — Знаю, каково это — терять.

— Спасибо, — прошептала я.

В глубине души шевельнулось дурное предчувствие, я подивилась ему — с чего бы? Все самое плохое уже случилось. Господи, позволь мне уснуть, нет — забыться! Пусть в голове — ни мысли, и все события — мимо меня. Замереть в своем ничто, как муха в янтаре.

Отгородиться от мира ненадолго удалось. Очнулась я, когда мы приблизились к легендарному Даалю, и за пригорками сверкнуло море.

Дыхание перехватило. Да! Здесь я хотела бы остаться! На востоке серые, будто присыпанные пеплом холмы переходили в сиреневато-розовые горы, казалось, до них рукой подать, а на западе плавно стекали в море. Дааль, по местным меркам, был огромным. Белокаменные дома с черепичными крышами, издали похожие на подосиновики, взбегали на два пологих холма, толпились по внешнюю сторону крепостной стены и простирались по равнине, преграждая нам путь.

Дааль не знал войн, потому крепостная стена выполняла скорее декоративную функцию,

а новый город, населенный в основном мелкими торговцами и ремесленниками, разросся далеко за ее пределы.

Мы тряслись на широкой булыжной дороге, а в стороны разбегались узкие улочки, где и два человека разойдутся с трудом. Дома были в основном двухэтажные, с резными ставнями и деревянными дверями. На первом этаже — харчевня, мастерская или магазин, на втором — жилище.

По тротуару бродили прохожие, бегали дети. Ветер трепал белье, развешенное на длинных шестах, закрепленных на крышах, и казалось, что это паруса огромных кораблей восходят над городом. Люди, кошки и даже чайки здесь были неторопливыми, важными, одна я торопилась и диссонировала со степенной умиротворенностью.

Скорее бы уже узнать!

Оставив город позади, мы с Арлитом и магами покатали к далеким горам, виднеющимся над рыжеватыми холмами, затем взяли правее, въехали на каменистое плоскогорье, поросшее рыжей травой и кустарником с мелкими бурыми листьями и скрюченными стволами. Пронзительный ультрамарин моря, простирающийся до горизонта, контрастировал с блеклой, выжженной солнцем растительностью и резал глаз.

Наш путь лежал к крепости, будто высеченной из бежевой пористой горы: узкая дорога вдоль обрыва, стена, за ней — красные башенки. Где-то там находится Зеркало вод, если, конечно, это предмет, а не название ритуала.

Когда лошадь ступила на узкую дорогу, захотелось зажмуриться.

— Раньше в Зеркале вод отражались и наши люди, сосланные или отправленные с миссией в Беззаконные земли, — ввел меня в курс дела Арлит. — Но десять лет назад его повредили.

— Кто? — хрипнула я без интереса, впилась взглядом в крепостную стену, на фоне которой маячил скачущий впереди Одрик. Мысленно я уже бежала по коридорам, освещенным факелами, и эхо шагов мячиком билось о стены.

— Предыдущий правитель, магистр Раян, усомнился в том, что женщинам нельзя быть магами, и они отблагодарили его. Точнее, одна... Ладно, потом расскажу.

Распахнулись огромные деревянные ворота, и бричка въехала в просторный каменный двор. Он был гладким, как обработанный мрамор, и невольно приходили мысли, что камень здесь срезали огромной болгаркой. Со всех сторон меня окружали стены, и казалось, что стоишь на дне пустого колодца, а над тобой — два коридора, которые идут из одной стены в другую на уровне третьего этажа, а их здесь пять.

В середине площади — мужчина в мантии, в одной руке скипетр, в другой — книга, а над ним висят в воздухе цветочные горшки, и одни диковинные растения, будто ивы, свешивают стебли до земли, а другие тянут вверх.

— Это иллюзия, — объяснил Арлит, спешиваясь. — На самом деле горшки на подставках.

Мы направились в арочный проход, прошивающий стену насквозь, и оказались во втором дворе с парящими в воздухе фонтанами. Точнее, в воздухе висели цветы, изливая воду... Ага, понятно: там, в падающем потоке — прозрачная трубка. Но куда девается вода на полете к земле? Все равно не пойму, тут ведь маги заправляют.

Пространство перед нами пошло волнами, как вода от брошенного камня, и перед нами возник не маг в мантии, расшитой рунами, а самый обыкновенный мужчина в бесформенной серой одежде, рыжий, веснушчатый, со вздернутым носом.

— Добро пожаловать в обитель, — проговорил он без интонации.

Я сжала плечо Арлита, и он не растерялся:

— Кларенс, проводи нас в зал Грез, а сам доложи, что мы прибыли, пусть после ужина собирают слушанье.

— Хорошо. Следуйте за мной.

По тоннелю в здании-стене мы прошли в следующий двор, весь зеленый, причем посадки напоминали висячие сады Семирамиды. Здесь на лавочках маги, одетые кто во что горазд, вели беседы. Прямо не маги, а мужики за домино!

Арлито здоровался с ними молча, поднимая руку. Меня они не замечали, только седой, коротко стриженный старик со смуглым, исчерченным морщинами лицом остановил на мне взгляд — что насквозь прожег.

Мы двинулись вдоль стены без дверей. Провожатый остановился, надавил на стену, и ее часть с грохотом отъехала назад и в сторону.

Когда поднимались по каменной лестнице, казалось, что я лежу на рельсах и не могу встать, а на меня несется товарняк-правда, грохочет так, что отдаёт в висках. Сердце колотится отчаянно, будто стремится вырваться из груди и снова спрятаться в неизвестности.

Со скрипом отворилась дверь, и мы шагнули в фосфоресцирующий полумрак. Зал напоминал маленький Колизей. В середине — бассейн в виде цветка с шестью целыми лепестками и двумя обломанными, от лепестков по полу тянутся светящиеся пятиметровые лучи, упираются в шесть каменных коробок, похожих на жилища фей. На полу стоит штук тридцать таких коробок, над ними — больше, выше — еще больше, и так десятки рядов коробок, издали похожих на зрительские ложи.

Дыхание перехватило, я остолбенела, не решаясь подойти к цветку-бассейну, запрокинула голову, уставившись на черный купол потолка. Господи, если ты там, услышь меня! Пусть Эд выживет! Это ведь мир Справедливости, да? Четверо детей лишатся отца, а у меня сердце от горя разорвется!

— Вианта, — позвал Арлито, глядящий в бассейн. — Подойди.

Я представила, как черная вода пенится и из глубины на меня смотрит Эд бельмами глаз, шевелит синюшными губами, зажмурилась и помотала головой:

— Н-не могу!

— Пока тут нет ничего. Мне нужен оберег и чтобы ты представила Ледаара, назвала его по имени, глядя в воду. К слову, почему ты зовешь его Эдом?

— Это его настоящее имя, тайное. Только мать его так называла, — пролепетала я, обмирая, подошла к каменному цветку, глянула на темную воду, отвернулась. Заставила себя впериться в черноту, развязала браслет и сразу почувствовала себя будто голой, протянула его Арлито.

— Тогда пусть будет Эдом. — Он сжал браслет в кулаке, свел брови у переносицы и стал напоминать обиженного подростка. — Представь, что он под водой, позови, поговори с ним, и он откликнется, если жив. Ты увидишь мир его глазами.

— А если...

— Вода останется черной.

С минуту я не решалась что-либо делать, меня бил озноб, зуб на зуб не попадал, руки леденели.

— Представь, что меня здесь нет, — сказал Арлито.

Хотелось попросить, чтоб провожатый вышел, я завертела головой и только сейчас поняла, что мы тут одни. Опершись о сломанный лепесток, я представила Эда — его сияющие глаза, синющие, как здешнее море, родинку между бровей, волну светло-русых волос, ухмылку, мускулистую грудь, к которой хочется прикоснуться, шершавую ладонь, в которой спит моя рука.

— Эд, как же мне сейчас тебя не хватает, — пробормотала я. — Я умру без тебя, слышишь? Ты нужен мне, очень-очень нужен, сильнее, чем воздух. Я люблю тебя,

слышишь? Эд, отзовись! Пожалуйста, отзовись!

Сообразив, что кричу, я закрыла рот рукой, улыбнулась, потому что водная поверхность заволновалась. Но пара секунд — и она снова стала гладкой, я увидела свое отражение: свешивающиеся локоны, бледное лицо с черными кругами вокруг глаз и красным носом. По щеке скатилась слезинка, сорвалась вниз — и побежали круги, как от брошенного камня.

— Это... все? — прошептала я, кусая губу, впилая взглядом в Арлито.

Маг потупился и не смотрел на меня, будто в чем-то провинился. Я разделилась на двух разных людей. Моя живая, никому не видимая половина упала на колени и завывала, обливаясь слезами. Я мертвая осталась стоять, опустив руки и понурившись. Слез не было, ни слова не сорвалось с моих губ.

Ко всему равнодушная, я позволила себя уговорить и увести на суд, где маги собрались доказывать мою непричастность к смерти Саяни.

И правда похоже на суд: просторный зал, на витражных окнах — алые шторы. У стены напротив выхода — длинный стол, за ним — шестеро судей в черно-белых мантиях и треуголках. Зачем ты привел меня сюда сейчас, Арлито? Смогу ли я внятно излагать свои мысли?

Голос Арлито донесся будто издалека:

— Это бэрри Вианта Дайр-Маэль, в девичестве Эльрих, хозяйка земель, вверенных мне. Муж пытался обвинить ее в убийстве своей бывшей жены, бэрри Саяни Эльрих. Вианта отправилась сюда в надежде на справедливость, но по дороге на нее напали, она потеряла друга и сама едва не погибла. Потому прошу позволить мне выступить ее поручителем.

Встали два пожилых седовласых мага, сидевших по краям, загрохотали голосами. Они давали какие-то гарантии, мне даже удавалось разобрать некоторые фразы «во имя Справедливости», «да позволит Спящий», «решение выше мирского закона». Инквизиция какая-то! Только осознание, что этот момент очень важен, удерживало меня от желания закрыть уши и свернуться на полу калачиком.

Голоса загрохотали громче — я втянула голову в плечи, не понимая, чего они от меня хотят. Тот, что слева, ткнул в меня пальцем, и сквозь защиту пробилось:

— ...твое имя!

— Вианта, — пролепетала я.

— На тебе печать Незваного. Ты вступала с ним в сговор?

И снова моя защита с треском рассыпалась, разбитая инстинктом самосохранения, я похлопала себя по груди, не нашла пластину, скосила глаза на Арлито — он побледнел, и губа его дрожала. Зыркнул на меня, дернул плечом и покачал головой.

— Арлито! — возмутился толстый маг, сидящий в середине. — Понимаю, что ты — слепыш, но даже бездарный соискатель заметит, что с ней не все в порядке.

Вот тебе и высшая Справедливость! Я завертела головой в поисках выхода. Бесполезно, это логово инквизиции, и теперь меня точно сожгут на костре.

Глава 18

Приговор

В ответ на обвинение в магической бездарности Арлито развел руками и нервно усмехнулся:

— Вы посмотрите на меня! Физически я — мальчишка, а на нее не действует магия. Конечно же, я заподозрил неладное и даже попытался провести обряд экзорцизма, когда Вианта, чья душа отправилась в Вечный путь, неожиданно очнулась. Что мне было делать? Приказывать взять ее под стражу? Вызывать подмогу? Она здесь и никуда не денется, чем вы недовольны?

— Ах ты ж... — прошипела я, задыхаясь от гнева. — Злобный карлик! Сморчок!

— Извини, Вианта. — Он отвел взгляд и отошел от меня.

Интересно, это правда или он на ходу выкручивается? Похоже, врет. Или он врал все это время — мне?

— Вианта, без этого никак. Если твоей вины нет, тебе ничего не угрожает, — проговорил Арлито.

— Но я не вступала в сговор ни с каким Незванным! — Я топнула и прокричала, захлебываясь бессилием. — Это сделала моя покойная тетка, а мне что, теперь за нее расплачиваться?

Маги загудели, я еще раз топнула и хрипло прокричала, не давая им опомниться:

— Знаю, есть какая штука, которая ложь распознает. Допросите меня! Поскольку магия на меня не действует из-за моей, кхм, богорожденности, даю согласие, чтобы вы убедились: я ни в чем не виновата! Меня никто не спрашивал!

Толстый маг ударил по столу, тряхнул брылами:

— Хватит! Тихо.

Все замолчали, уставились на меня. Ощущение было, что возвышаешься каланчой посреди поля, а вокруг молнии рвут небо.

— По порядку, пожалуйста. Вианта, да? Или нет?

Захотелось реветь, но я пересилила себя, покосилась на Арлито и прошептала:

— На самом деле меня зовут Ольга, я человек, меня насильно переселили в это тело. Давайте, чтоб не повторяться, расскажу все с этим... Эээ... Шаром, который подтвердит мои слова, чтоб вы не сомневались.

Маг-недоросток кивнул, сжал кулаки, чтоб не было видно, как дрожат его пальцы, и тут до меня дошло, что он выгораживает меня, рискует положением и жизнью.

Рядом с толстяком сидел лысый маг с лицом пожившего и слегка раздобревшего лиса, изучал обстановку, но когда он встал и заговорил, все смолкли, уставились на него подобострастно, даже Арлито склонил голову.

— Уважаемые маги, событие необычное, правда ведь? Оно требует необычного подхода. Девушка согласна нам помочь, да? Сговор с Незванным — страшное преступление, и карается смертью.

— Повторяю, я ни с кем не...

Лысый поморщился и вскинул руку, небрежным жестом веля мне замолчать:

— Вианта, позволь мне закончить. Я считаю правильным дальше разговаривать с вами, когда у вас в руках будут Уста правды. Выслушав вас, мы удалимся советоваться, да? Арлито, проводи девушку в... ее комнату, ты понял, да?

Арлито сжал челюсти, кивнул:

— Да, магистр Йергос.

Ох, ничего себе! Это ж их главный. Не так я себе его представляла.

— Пойдем, — проговорил Арлито.

— Ненавижу тебя, — прошипела я. — Шакал!

Он дернулся, развернулся рывком, сверкнул глазам, но унял гнев.

— Хочешь, чтоб тебя силой заперли в подземелье? — сказал он и добавил еле слышно: — Лучше не прогоняй меня, я не желаю тебе зла. И больше никогда не называй меня шакалом.

Спорить с ним, а тем более анализировать произошедшее и искать виноватых не было сил. Одно понятно: он не вычеркнул меня из списков приглашенных и продолжает помогать. Но ведь знал, что маги заподозрят неладное! Или думал, что обойдется? Вот уж вряд ли, слишком он древний и мудрый, чтоб пускать события на самотек — скорее рассчитывал, что именно так все и будет.

Моя комната, даже скорее келья, находилась на верхнем этаже в конце коридора. Переступив порог, я упала на перину лицом вниз и замерла.

— Не злись, я постараюсь вытащить тебя. И помогу найти Изначальный дом. Раньше он меня не особо интересовал, теперь прочитаю все, что найду на эту тему, и расскажу тебе.

Бросай, бросай горошины слов в мою стену! Стоило закрыть глаза, как появлялся Эд. Он висел над бездной и смотрел на меня. Если бы я действовала быстрее, то помогла бы ему. Черепаха безногая! Закусив губу, я заскулила. Стоящий рядом Арлито сел на койку, похлопал меня по спине. Встал, вздохнул:

— Клянусь, что помогу тебе найти Изначальный дом...

— Уходи! — взмолилась я, чувствуя, что слезы вот-вот хлынут, я начну рыдать и не смогу остановиться.

Пусть не видит, оставит меня наедине с моим горем.

Когда слезы кончились и я замерла без сил, в дверь постучали. Не дождавшись ответа, ее распахнули.

— Идем, — прозвучал взволнованный голос Арлито. — Они ждут.

Хотелось ответить: «Пусть подождут», но я встала и зачем-то пошла за ним в уже знакомый зал заседаний, села на стул, поставленный напротив господ присяжных заседателей, толстый маг прошаркал ко мне, протянул прозрачный шар, почти такой, какой был у Саяни.

Итак, надо рассказать правду, сведя свою вину к минимуму, потому что впереди лучиком надежды замаячил Изначальный дом. На Арлито лучше не рассчитывать — непонятно, что у него в голове, но разве я не справлюсь сама? Разве не случались более странные вещи?

Итак, детектор реагирует на ложь, но если умолчать о некоторых фактах, маги ни о чем не догадаются — они не могут залезть мне в голову, на меня магия не действует. Единственная беда — наводящие вопросы, потому надо побольше говорить, уводить их в сторону. Если они узнают, что у меня была пластина местного дьявола и я спрятала ее, то меня казнят, и Арлито заодно. Почему-то за мага-недоростка я волновалась больше, чем за себя. Мне-то что? Самое дорогое я уже потеряла.

Хитрый лис Йергос с любопытством смотрел на меня. То ли он близоруко щурился, то ли от природы у него были узкие глаза, и казалось, что он взирает насмешливо.

— Вы готовы, Вианта? Или... как вы говорили, вас звали раньше?

— Ольга.

— Как к вам обращаться теперь?

— Неважно, как больше нравится.

— Хорошо. Представьте дверь...

Я позволила себе неслыханную дерзость и прервала его:

— Знаю, уже имела счастье работать с таким... эээ... магическим предметом. Все, готова, спрашивайте.

— Вы заключили сделку с Незванным?

— Если отвечу «да», то это будет ложь. Я не знала, кто передо мной. Давайте расскажу все по порядку, а вы потом зададите наводящие вопросы.

— Начинайте, — кивнул Йергос.

Вдохнув и выдохнув, я начала рассказ с того дня, как меня бросил Эд. Сделала отступление о своем мире, но Йергос вскинул руку:

— Стой! Нам этого знать не следует. Дальше.

Когда я дошла до момента, когда неизвестный (читай — Незванный) предложил мне избавиться от болезни, маги зашептались — пришлось ненадолго замолчать. Йергос попросил коллег затихнуть, и я продолжила, еще раз напоминая, что не знала, с кем говорю, думала, это какой-то блаженный. Про поцелуй я только заикнулась, но Йергос перебил вопросом:

— Подождите. Вы утверждаете, что Незванный поцеловал вас насильно. — Он с подозрением уставился на шар в моих руках, который за все время разговора не изменил цвет ни разу.

— Именно. Притянул меня к себе, поцеловал, и я провалилась в черноту, а очнулась уже в этом теле.

— Это невероятно! — воскликнул толстяк. — Исправны ли Уста правды? Как тебя зовут? Ответив, солги.

— Прасковья Васиссуальевна, — брякнула я, и шар налился багрянцем. — Видите? Я ни в чем не виновата, и Саяни я не убивала.

— Видим, — ответил толстяк мрачно и затарабанил по столу пальцами-сардельками.

Ну и человек! Просто гора жира. Шеи нет, щеки до плеч свисают, глаза заплыли. Неужели трудно себя в порядок привести? Или ожирение — его плата за магический дар?

Аккуратно стриженный маг арийской внешности поднялся и проговорил:

— Мое мнение: смешение миров недопустимо, это может привести к плачевным последствиям. Как бы нам ни было жаль девушку, мой вердикт — смерть.

— Спасибо, вы очень великодушны, — пробормотала я.

Странно, но сейчас я не ощущала себя подсудимой, как будто не моя судьба решалась, а стороннего человека. Равнодушие. Опустошение. Усталость. Приговорят к смерти? Пусть.

— У меня просьба. Если вы решите меня убить, сделайте это не больно, хорошо?

Ариец сел, посмотрел на меня без выражения. Заговорил сидящий вторым крепыш с квадратной челюстью:

— Согласен. Это существо из другого мира, неизвестно, какие знания оно принесло. Оно

может очень нам навредить, не желая зла.

Разумные аргументы. На их месте я бы себя казнила, но справедливо ли это в их представлении? Арлито, все время молчавший, вступился за меня:

— Вианта Эльрих — одна из последних богорожденных, это тело принадлежит богорожденной, ее нельзя убивать, тогда и правда будут страшные последствия.

Тоже весомый аргумент.

— Вы считаете справедливым то, что со мной случилось? Вдобавок ко всему я потеряла человека... двойника человека, которого любила в том мире. На меня много раз покушались, а я ведь не знала, что Незванный — воплощенное зло, не знала, что мне предстоит. Не слишком ли для одного человека?

Толстяк тряхнул щеками и сказал:

— Арлито прав. Богорожденных нельзя лишать жизни.

— Но это уже непонятно кто! — возразил ему ариец.

— Но тело-то — живое! И оно принадлежало богорожденной. Согласен, что нельзя ее оставлять здесь, это может нарушить равновесие. Но и убивать — тоже нельзя.

— Подождите! — подал голос седовласый маг с краю. — Расскажи, как ты узнала, что сделку с Незванным заключила Саяни?

И снова пришлось рассказывать, хотя навалилась усталость и мысли путались. Как больной, наглотавшийся транквилизаторов, я говорила с большими паузами, медленно подбирая слова. Про шепчущие камни, Дарьеля, домик в лесу, где Саяни встречалась с Незванным, и он поцеловал ее, но чем она расплатилась, я так и не узнала. Закончив, я добавила:

— Она сама все мне рассказала и показала. Когда начались неприятности, я попыталась призвать Незванного к ответу, но он не услышал меня. Значит, я ему больше не интересна — он совратил Саяни и на том успокоился.

Седовласый, что сидел с другого краю стола, напустился на Арлито:

— У тебя под носом происходят такие вещи, и ты ни о чем не догадывался?

— Когда Вианта очнулась, заметил неправильное. Что касается Саяни, вы же знаете, что Незванный умело скрывает своих подопечных.

Йергос кивнул:

— Это правда. Только лучшие из провидцев способны увидеть связь, он — слепыш. — Магистр обратился ко второму седовласому: — Как вы поступили бы с Виантой?

— К сожалению, ее нельзя оставлять в живых, — отрезал он.

Итого трое против одного. Странно, но волнения нет, будто я наблюдаю за судебным процессом со стороны.

Второй седовласый не согласился с предыдущим оратором:

— Я за то, чтобы сохранить ей жизнь.

Ариец скривился:

— Как ты себе это представляешь? Запереть ее в келье, чтоб не натворила беды?

— Неплохой выход! — обрадовался седой.

Итак, моя судьба зависит от магистра с лисьим взглядом. Наверняка его слово весомее, чем воля остальных судий. Он будто нарочно издевался, тянул время. Арлито, явно не желавший моей смерти, опять вступился за меня:

— Уважаемые пэрры! Не спешите с выводами. Да, мы живем в хрупком равновесии, и его нельзя нарушать. Если мы оставим Вианте жизнь, оно нарушится. Если заберем ее — произойдет то же самое. Подумайте, нам ведь не обязательно ни убивать ее, ни оставлять здесь. Есть территории, где не действуют правила, и нарушать там нечего. Да-да, я говорю о Беззаконных землях.

Ариец фыркнул:

— Ты предлагаешь отправить бэрри... Туда? Где упыри, разбойники, рабство? Где режут просто так, за один косой взгляд? Она там и дня не проживет! Милосерднее сразу ее убить.

— Я предлагаю спросить у нее самой, что выберет она: смерть или Беззаконные земли.

На мгновение я снова ощутила себя живой: трепыхнулось сердце, проклюнулся росток надежды, потянулся к свету. Где-то там, за Драконьим Хребтом, за множеством чужих городов и деревень — Изначальный дом, откуда началось творение; если найду его, верну Эда, и плевать, чем за это придется заплатить. Да, моя надежда еще слаба, да, легенда про Аделию похожа на сказку, но во что мне еще верить?

— Разумное предложение, — кивнул Йергос. — Я за то, чтобы сохранить жизнь этой милой девушке. Вианта, слово за тобой. Ты ж понимаешь, что среди нас тебе оставаться нельзя, да?

— Я выбираю жизнь, — прошептала я. — Но перед тем как уйти, могу попросить об... услуге?

— Можешь. Если хочешь, повидайся с мужем или родными.

— Спасибо, нет. Узнайте, кто убил Саяни, и накажите виновных. Если убийца — мой муж, то я завещаю свои земли людям, которые на них живут. Это будет справедливо. И еще хочу просить милости для Элайны Фредерик-Зонн, которая наняла наемников, пытавшихся меня убить. Я прощаю ее, отнесите и вы с пониманием, пусть наконец закончится застарелая вражда наших родов.

Магистр вскинул брови, кивнул:

— Странное пожелание, но справедливое. Вы достойный человек и правили бы хорошо, но есть неподвластные нам вещи. Вам придется уйти в ближайшее время.

Я заметила, как Арлитто, скрестивший руки на груди, показывает мне два пальца, и проговорила:

— Дайте мне два дня, чтобы восстановить силы.

Маг кивнул, устало прикрыл глаза. Магистр продолжил:

— Ты поедешь с другими ссыльными. Когда третьи ворота захлопнутся за повозкой, ты перестанешь принадлежать этому миру. И знай, если попытаешься вернуться, тебя убьют.

— Спасибо, — пробормотала я, приложила ладонь к виску. — Все, можно идти?

— Ступайте. Арлитто проводит вас.

Придерживаясь за спинку стула, я поднялась и, еле передвигая ноги, направилась к двери. В книгах пишут, что раньше дамы падали в обморок, когда волновались. «Он видел, как я прогуливаюсь с другим мужчиной! Ах!» Глаза закатили, упала. Ариец вынес мне смертный приговор! А-ах, вообще кома. По идее, последнюю неделю я должна пребывать в полубморочном состоянии, но даже сейчас у меня сознание ясное, ну что за наказание? Хоть бы какой аффект на помощь пришел.

Покинув зал, маленький маг прошептал:

— Эти два дня тебе придется провести взаперти. Они побоятся, что ты сбежишь.

— А потом? — спросила я равнодушно.

Он ответил не сразу, пропустил идущего мимо старика с ворохом книг, поздоровался.

— Потом начнется самое сложное.

Лестница на пятый этаж далась с огромным трудом, думала, не дойду. На последнем пролете оперлась о стену рукой. Сердце колотилось, будто я пробежала кросс.

— Зато будет не скучно. — Я криво усмехнулась. — Как думаешь, у меня получится выжить на Беззаконных землях?

— Там живут люди, а упыри и оборотни появляются не так уж часто. Только придется побороться. И еще, — он встал на цыпочки и прошептал в самое ухо: — Я помогу тебе найти Изначальный дом. Не спрашивай ничего, просто верь.

— Зачем тебе это?

Он ничего не ответил, только помотал головой и зашагал в конец коридора, я поковыляла за ним в свою келью, упала на кровать лицом в перину и, едва закрыла глаза, снова увидела, как из руки выскальзывает рука Эда, как пальцы касаются его в последний раз. Поплачь. Никто не придет, никто не увидит.

Время превратилось в удава, обвившегося кольцами и сдавливающего горло. Поначалу я плакала до истощения, потом спала, вскакивала от кошмара и снова редела. Так прошла ночь. Днем Арлитто отчитался, что на поиски тела Ледаара подняли весь город, но его все равно не нашли. Если бы не Зеркало вод, я надеялась бы, что ему удалось спастись, теперь надежда умирает в мучениях.

Слезы кончились, и я лежала на боку, поджав ноги и глядя, как паучок плетет сеть для мошек. Закончив, он затаился в шероховатостях стены.

Приходил Ратон (и как успел доехать?), стучал в дверь, извинялся, рвался поговорить, но я не впустила его.

Какие-то люди бродили по коридору, замирали у двери, прислушивались. Доносились молодые голоса — видимо, слухи обо мне расползлись по крепости, и юные адепты ордена пришли, чтобы приобщиться к событию. Их разогнал Арлитто, принес мне воды, предложил освежиться.

После водных процедур я переоделась в новое дорожное платье, которое добыл Арлитто, и меня вызвали в зал суда, где за столом среди магов присутствовал мой нынешний муж — в сером дорожном костюме и черном плаще, скрепленном серебряной брошью, в ботфортах до колен с золотыми шпорами. Элегантный, чисто выбритый — настоящий аристократ.

Йергос торжественным голосом объявил, что по моей просьбе проведено расследование, и бэрр Ратон не виновен в смерти Саяни. Значит, это змея Элайна.

Арлитто сидел среди магов, поглядывал на меня так, будто подавал какие-то знаки глазами.

С одной стороны, хорошо, что он мне помогает, с другой — это настораживает, уж очень видна его заинтересованность. Ведь он вряд ли верил в вину Ратона, но целенаправленно тащил меня в орден, убеждал, что мне это нужно. Привел сюда, надоумил искать Изначальный дом, магов убедил, что меня нельзя убивать. Напрашивается вывод, что он кукловодит, преследуя одному ему понятные цели. Зачем ему я на Беззаконных землях?

Уж не уготовил он мне судьбу еще более ужасную, чем сейчас? Тут хоть какие-то нормы морали есть, а там — делай с человеком что хочешь, и никто не заступится. Вдруг он меня в рабство продаст? А что, экзотика — дама из высшего общества, украшение гарема какого-то шейха... Нет, глупости! Денег и золота у Арлитто при желании будет больше, чем у любого князя. Голова работала туго, и что-то важное ускользало, как рыба в мутной воде: мелькнет темная спина — и нет ее.

Жаль, не успела как следует изучить географию и историю Беззаконных земель, это мне помогло бы. А так будто готовишься к путешествию в страшную сказку.

Маги тем временем говорили Ратону, что он свободен и вне подозрений. Я тоже вне подозрений, ему ни к чему винить меня...

Договорив, они все повернулись ко мне. Интересно ли, что они думают? Ни капельки. Пережить бы ночь, наполненную кошмарами, придушить бы отчаянье, убедить бы себя, что все еще можно исправить, удалось же Аделии вернуться в прошлое. Я — не она, я — настоящая акробатка и боец, у меня больше шансов.

Маги начали расходиться. Неотрывно я смотрела, как Ратон пожимает руку Йергосу и направляется ко мне, сидящей в середине зала. Наверное, я выгляжу так же безнадежно, как приговоренный на электрическом стуле. Все ближе узкое лицо Ратона, желтые глаза и вараний рот, бровь, перечеркнутая шрамом. Несмотря на свою отталкивающую внешность, он притягателен, в нем чувствуется сила, власть.

Но когда остановился напротив меня, напускное слетело с него, и он сделался обычным мужчиной — седым, утомленным. Наверное, что-то похожее чувствуют те, кто смотрит в глаза обреченным. Даже если приговоренные в чем провинились, плохое не приходит на ум, только хорошее.

— Вианта, — проговорил он, облизнув обветренные губы. — Прости, если я обидел тебя.

— Тебе не сказали, что я не Вианта? — поинтересовалась я.

— Сказали.

— Вижу. Как тебе удалось добраться так быстро?

— Маги, которые расследовали смерть Саяни, открыли портал, я пришел с ними. Меня и так оправдали бы, но очень хотелось увидеть тебя. Глупо все получилось. Я любил Саяни, можешь представить, каково мне было, когда я увидел ее мертвой? С трудом удалось простить ей любовника, я смирился, но не готов был терять ее навсегда, вот и выместил на тебе свою боль, напугал, толкнул в объятия убийц. Пойми, я ведь тоже человек, и ничто людское мне не чуждо.

— Не бери в голову, — криво улыбнулась я. — Если бы притворялся меньше, я поняла бы, а так слишком чувствовалось твое второе дно, которое никак не удавалось прощупать. Все получилось так, как должно. Об одном хочу попросить: правь моими людьми справедливо. И еще, Элайну за смерть Саяни и покушение на меня строго не суди: не желая того, она убила своего мужа. Не оставляй детей сиротами, положи конец вековой вражде.

Ратон уставился на меня недоуменно:

— Маги побывали у нас дома и провели расследование, они уверены, что Элайна не причастна к смерти Саяни.

Думала, ничто уже не удивит меня.

— Кто же тогда ее убил?

— Она сама. Очевидно, заплатила Незваному своей жизнью, и ее время вышло.

Вспомнилось лицо слепого мага, его белая борода и глаза, как у снулой рыбины, а потом всплыло его предсказание — и заслонило весь мир, нависло неизбежностью, и по спине продрал мороз.

— Слепой Мэтиос обещал Саяни, что она будет счастлива до самой смерти. Так и случилось. Еще он говорил: «Смерть как плата».

Меня он видел не здесь. Все правда! Меня ссылают на территорию хаоса! Надо будет вспомнить его пророчество, записать и забрать с собой, в нем много подсказок и все до боли прозрачно. Просто пока не пришло время, трудно понять, казалось бы, бессмысленные слова.

Ратон протянул руку, помог мне подняться и привлек к себе:

— Прости, что я не смог тебя убедить и враги воспользовались моей недалёковидностью. Если бы не Арлитто, тебя не было бы в живых.

— Почему это?

— Лииса, рыжая служанка...

— Я помню, кто это.

— Когда умерла Саяни, Элайна воспользовалась неразберихой и подкупила ее, чтобы она убедила тебя в том, что это я виноват и желаю твоей смерти, и организовала тебе побег. Продавец вина должен был тебя привезти прямиком к ее людям. Его заметили стражники, когда он встречался с нашими врагами, и взяли, он и рассказал про Лиису, она к тому моменту уже сбежала. От смерти тебя отделяли минуты.

Отстранившись, я нервно рассмеялась, села, потеряла висок, пытаюсь восстановить последовательность событий. Лииса, надо же, кто бы мог подумать! А ведь она и правда рассказывала, что Ратон хочет сжить со света меня и Арлитто за компанию, чтоб не мешал. Вот ведь змея! Зачем ей это? Неужели из-за любви к Ратону? Или — любви к деньгам?

И снова я не сдержала смех.

Получается, меня должны были привезти на убой... Эду?! Ну да, когда торговец вином встречался с ним, Эда и повязали стражники, а я спасла человека, собиравшегося меня в лучшем случае похитить. Однако сам Эд говорил, что ему должны были доставить преступника, мужчину... Солгал? Или Элайна обманула его, рассчитывая, что ее слишком порядочный муж, который может отказать от авантюры, уже не отвертится, когда груз будет на месте?

Какая теперь разница?!

— Элайну уже допросили? — поинтересовалась я.

— Ее не могут найти, как и Лиису, — ответил Ратон, проговорил, обращаясь к Йергосу, стоящему у выхода: — Ничего, что мы задерживаем вас?

— Я не тороплюсь. Говорите, жду в коридоре.

Если бы Эд выжил, ему пришлось бы хуже всех. Поняв, что я ускользаю, Элайна, так и не отказавшаяся от мести, распорядилась найти меня и убить, а Эд наплевал на честь рода, на собственный долг перед семьей, предал жену... На глаза навернулись слезы, я сжала зубы, по-мужски хлопнула Ратона по плечу и сказала, еле сдерживаясь:

— Все, Ратон, счастья тебе и долгих лет.

Он заметил, что я расстроилась, подумал, что это из-за ссылки, и попытался утешить:

— Говорят, там не настолько ужасно и тоже можно жить.

Знал бы он, что сначала я спасла злейшего своего врага, потом он вернул мне долг, и мы полюбили друг друга! Лучше избавить его от лишней информации.

— Миром больше, миром меньше... Не переживай, обещаю выжить. — Я попыталась улыбнуться, вроде получилось. — Извини, нет сил с тобой болтать, слишком больно.

— Жаль, что мы не поняли друг друга, ты хороший человек.

— Не настолько хороший. Иди, Ратон. Положи на могилу Саяни от меня цветок. В моем мире так показывают, что помнят усопших. Давай, а то наслушаешься лишнего, и тебя тоже изгонят. — Я развернула его, толкнула в спину — не по-княжески, но что делать?

А ведь больно, будто с близким человеком прощаешься! Хорошо, что меня ничего здесь не держит, проще будет уехать. Представляю, что ищу работу, еду покорять столицу и меня ждут трудности, ведь понаехавших нигде не любят. Тебе хотелось узнать больше о Беззаконных землях? Получи, распишись!

У выхода Ратон обернулся, но я демонстративно уставилась в окно и попросила громко, чтоб меня слышали за дверью:

— Магистр Йергос, мы закончили. Не сочтите за дерзость, велите принести мне книгу, где хотя бы кратко описываются Беззаконные земли, нравы и обычаи их обитателей. Еще — чистый лист бумаги и перо с чернилами.

Вечером в неровном свете лучины мы с Арлито смотрели на исписанный лист бумаги. Пророчество я помнила слово в слово и теперь записала, чтобы не забыть и оно послужило подсказкой в Беззаконных землях.

«Вначале были семена, и выросли деревья, которые тоже дали семя. Потом — снова и снова. Нынче семя одичало, но проросло новое. Вижу огонь. От тебя жар, как от печки. Помни, что огонь не только греет, но и сжигает дотла все живое. Вижу тебя не здесь. Много молодых людей в странном месте. Не здесь, совсем не здесь. Смерть как плата. Долгий, долгий путь, радость и боль. Небосвод на плечах шестерых. Мир накрыт ладонями, холодно. Твой жар, дитя, — не печь, нет. Кузня. Научись держать молот, меха раздуют другие, не дай угаснуть огню, иначе небосвод рухнет. Пелена тумана — нить в руках прядильщицы. Найди прядильщицу. Подует ветер, раздует огонь, мужчина поймет женщину, а мудрец станет, как дитя... Но, — он прищурился. — Неточно. Зыбко».

— Видишь, многое уже сбылось, — вздохнула я. — Саяни заплатила за любовь жизнью. Долгий путь мы проделали, радость и боль я вкусила. Что значит остальное?

— Не знаю, — Арлито подвинул листок к себе, прочел в сотый раз. — Наверное, ты поймешь, когда наступит время. — Он перевел взгляд на меня, и я прочла в его глазах нежность. — Как бы мне хотелось, чтобы ты рассказала мне о своем мире, но у тебя и так мало времени.

— Поверь, это опасные знания, — сказала я. — Они могут навредить этому миру. Ответь на один вопрос, ты знал, что я не отсюда?

— Нет. Все, хватит вопросов и ответов. — Он поднялся. — Готовься, читай книгу про беззаконников, она более-менее правдивая... Я попытаюсь помочь тебе.

— Как? Побег устроишь? Так поймают.

— Просто верь. Печать Незваного побудет у меня, тебе ее передадут за воротами, как и оружие.

— Спасибо. Если больше не увидимся, прощай.

Арлито улыбнулся так, словно знал что-то, чего не знаю я:

— До свидания.

Он оставил меня одну, и я углубилась в чтение.

Почему они говорят, что в Беззаконных землях не работают никакие правила? Еще как работают! Это волшебный мир, где возможно все. Да, жестокий, но не более жестокий, чем наше средневековье. Не исключено, что там действуют законы кармы, а не противоестественные — рафинированной справедливости, где каждой твари по паре, каждому олуху по счастью, студентам — булочки. Здесь надо свое счастье заработать, выстрадать, выгрызть зубами — с неба ничего не упадет.

Любой девочке хочется сказки, будь то пятидесятилетняя бухгалтер, массажистка, приехавшая за большими деньгами из глухой провинции, или гламурная содержанка, выкладывающая селфи в инстаграм. Даже от мороженой ледышке Оле хотелось сказки, но каждый раз, когда начинали чесаться лопатки, она убеждала себя, что это не крылья режутся, а снова аллергия, и говорила крыльям «нет». Разве сильные, умные девочки верят в такие глупости? Пффф! Есть определяющая характер химия организма, инстинкты и тщеславие, которое тоже инстинкт. Надо верить в себя, карьерный рост, светлое будущее и достойную пенсию, остальное — иллюзии, гнилушки болотные, ведущие к гибели.

Так кожа девочек деревенеет, покрывается морщинами, и под этим

противоестественным, наносным задыхается настоящее. Озлобленные феминистки, желчные стервы, старухи, проклинаящие детей, — все они просто-напросто недолюбленные девочки, у которых острая сказочная недостаточность.

И вот ты стоишь на выходе из одной сказки и у порога другой и понимаешь, что на самом деле ничего не закончилось, а все только начинается! И все в твоих руках.

Я найду Изначальный дом, чего бы мне это ни стоило. Если он — легенда, сотворю его, вернусь в прошлое, и в нужный момент мои пальцы сомкнутся на запястье любимого человека и не дадут ему упасть.

Когда он сядет на доски кабинки, обнимет меня, я пойму, что вот она, наивысшая награда, и ничего больше не нужно.

Эпилог

Цокот копыт отражается эхом от оранжево-серых скал, больше похожих на стены, оно мечется по ущелью, и кажется, это не тройка лошадей тащит повозку, а мчится войско, не камни трещат под колесами, а лязгают доспехи всадников.

Повозка — мягко сказано. Скорее это клетка, сколоченная из досок, в ней, не считая меня, четверо ссыльных: две женщины, юноша и мужчина лет тридцати в черно-синем бархатном наряде, новеньком плаще с бронзовой брошью в виде саламандры. Я — пятая.

Старшая женщина — с виду загорелая на солнце крестьянка — жует потрескавшимися губами, скулит, причитает. Когда захлопнулись первые ворота, она принялась рвать на себе седые лохмы, но бархатный аристократ так на нее посмотрел, что женщина встала с пола и надолго замолчала.

Вторая моя попутчица — невысокая, темноволосая, с лицом сердечком, маленькими губами и грустными глазами. Кукла куклой. Такой тип женщин поздно стареет, и лет ей могло быть от двадцати пяти до тридцати пяти. Кожа рук нежная, белая, одежда не дорогая, но и не крестьянская. Скорее всего, она — жена горожанина-ремесленника или зажиточного лавочника.

Эта женщина, как и я, не нервничала, ждала неизбежного с достоинством и поглядывала на крестьянку с превосходством.

Аристократ тоже старался держаться достойно, но после того как мы миновали вторые ворота, принялся кусать губы и ерзать на лавке. Скривив рот, он обратился к юноше:

— Тебя-то за что, птенец?

Юноша — нежного вида блондин с длинной шеей — всхлипнул и закрыл глаза рукой, уперся локтями в бедра, спрятал лицо в ладонях.

— А тебя? — поддержала беседу я, чтоб хоть немного отвлечься.

Он скривил рот полумесяцем:

— Из-за бабы. Дуэль. Заколол соперника княжеского рода, а я — граф. И меня — сюда. А тебя? Ведьма?

— Богорожденная княжна, — улыбнулась я, наслаждаясь эффектом: даже юнец прекратил истерику, округлил глаза и замер. — Печать Незваного, сделка с нечистой силой и все такое. Убивать меня нельзя, вот и решили изгнать.

— Не завидую тебе. И вот этой тоже, — он кивнул на темноволосую горожанку. — Этой не завидую даже больше, ты молодая, есть шанс, что купит кто приличный, а эта... Эх!

Молодая женщина оскалилась: у нее не было двух передних зубов, только сейчас я заметила шрам на ее лбу.

— Закрой рот, а? Я мужа задушила вот этими руками! А такого задохлика, как ты...

Аристократ вскинул голову, но промолчал. Я спросила у него:

— Подожди-ка, что значит — купят?

— То и значит. За воротами нас уже ждут беззаконники, они считают, что из нас получают лучшие рабы.

Где-то я подобное уже слышала. Только этого мне не хватало! Еле собрала себя по кусочкам и заставила жить! Не удержавшись, я вскочила с лавки, схватила за доску, чтобы не упасть от тряски, посмотрела вперед, где ущелье сужалось и заканчивалось огромными металлическими воротами. Как местные сделали их с таким уровнем технологий? Наверное, без магии не обошлось, деревянные ворота не удержали бы орду беззаконников, стремящихся в более спокойный мир.

Маленькие человечки в оранжево-сером уже суетились, крутили колеса, и створки со

скрежетом распахивались, будто пасть чудовища, собирающегося нас проглотить.

Все хорошо, Оля! Ты же хочешь все исправить? Будь мужественной. И Ратон, и Арлитто в один голос твердили, что Беззаконные земли не настолько ужасны, как их описывают.

Ворота приближались, возвышались над нами, подавляли размерами. Повозка миновала их, развернулась на вытоптанной поляне перед лесистыми холмами. Пока один стражник открывал нашу клетку, второй целился в нас из арбалета. Щелкнула щеколда, и мы один за другим ступили на глинистую почву, перемешанную с камнями.

Тот, что целился в нас, проговорил:

— Повернувшись спиной к воротам, ступайте направо, отсчитайте сто шагов, увидите красный камень, под ним закопано оружие. Больше мы не сможем вам помочь. Никто не сможет. Прощайте.

Второй стражник уселся на козлы, и повозка покатила к воротам, поравнялась с ними, исчезла. Заскрежетали петли — ворота вздрогнули и начали медленно закрываться.

Все с ужасом смотрели на них, только я повернулась к просторам, где над зеленым покрывалом леса возвышались желтые, серые, черные скалы. Здравствуй, новый мир! Улыбнувшись, я шагнула ему навстречу.

Примечания

1

Фрагмент стихотворения А. Вознесенского «Ностальгия».

Бричка — легкая пассажирская повозка с крытым, откидным верхом или без верха.